

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2011
№5

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров, П.В. Святенков,
А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей, И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

УРОКИ МАНЕЖНОЙ

Восстание «Спартак»: промежуточные итоги.....	3
Владимир Тор	
Олег Неменский	
Провал гипнотизёра.....	8
Павел Святенков	
Общественный договор на грани разрыва?.....	13
Егор Холмогоров	
Чего хотят русские националисты.....	16
Сергей Семанов	
Первая русская революция.....	27
Валерий Соловей	
Новая русская революция?.....	30
Олег Кильдюшов	
Больше, чем футбол.....	38
Александр Севастьянов	
Как российская власть разошлась с русским обществом.....	45
ТЕМА НОМЕРА. «ОПОЗДАВШИЕ НАЦИИ»	
Михаил Ремизов	
Русский гражданский национализм против нефеодализма.....	53
Павел Крупкин	
Есть ли шанс догнать ушедший поезд?.....	58
Олег Кильдюшов	
Первые среди опоздавших.....	70
Олег Неменский	
«Чтобы быть Руси без Руси».....	77
Максим Ивашкин	
Чешское национальное возрождение в последней трети XIX — нач. XX века....	124
Павел Шлыков	
Турецкий национализм в XX веке: поиски национальной идентичности.....	135
Сергей Серёгичев	
Как возможна суданская нация?.....	156
Александр Севастьянов	
Гонка цивилизаций: секрет лидерства.....	168
ЭКОНОМИКА	
Иван Русаков	
Приключения частной собственности в России как история «запаздывающей» модернизации.....	198
ПЕРЕВОДЫ	
Дэвид Г. Роули	
Имперский versus национальный дискурс: случай России.....	212
ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА	
Сергей Сергеев	231
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Книжное обозрение.....	236
Авторы номера.....	238
Summary.....	240

Владимир Тор

ВОССТАНИЕ «СПАРТАКА»: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Призрак бродит по России — призрак русского политического национализма.

Запрещаемый судьями и прокурорами, преследуемый разнообразными Центрами «Э» и прочими наследниками зубатовской «охранки», разгоняемый разнообразными ОМОНами и ОДОНами, специальными оперативными полками милиции или, когда вы прочтете эти строки, уже полиции... Ему отказано в политическом существовании ЦИК им. Чурова, он изъязвлен клеветой злопыхателей, сотни раз растиражированной россиянами СМИ.

Его ненавистники в ужасе машут руками: «Сгинь, сгинь нечистый!» Надеются, что это просто страшный сон, ночной кошмар, морок, который испугается их проклятий и сам по себе рассеется в воздухе.

Нет, господа. И не надейтесь даже. Это не сон. Это то, с чем вам придется жить. Долго ли, коротко ли — но до конца.

Итак, 11 декабря 2010 года в Москве на Манежной площади в окошко Кремля постучался призрак русского национализма — и это испытание не для слабых духом.

События развивались стремительно.

В ночь на 6 декабря на автобусной остановке у дома № 37 по Кронштадтскому бульвару банда кавказцев напала на русских парней, провозжавших домой свою знакомую девушку.

Четырьмя выстрелами — три в туловище, один контрольный в голову — был убит на месте Егор Свиридов.

В его товарищей попало 6 пуль, двое раненых были госпитализированы в тяжелом состоянии.

Агрессоры — кавказцы, были в большинстве, вооружены и напали первыми. Милиция задержала банду убийц через несколько минут — как говорится, по горячим следам. На их одежде была кровь их жертв, в карманах обнаружили похищенные ценности, а у одного из них — уроженца Кабардино-Балкарии Аслана Черкесова — еще и пистолет, орудие убийства.

Дальше начались чудеса. Задержан был лишь один из банды кавказцев, именно в отношении его было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 105 УК РФ — убийство. Остальные 5 его подельников оказались благополучно отпущены на свободу — без возбуждения уголовного дела, даже без подписки о невыезде. Сразу после чудесного освобождения все отпущенные члены банды скрылись, перейдя на конспиративное положение.

В качестве объяснения такого «странного поведения» следователя Головинской прокуратуры Соколова называют разные причины: одни говорят о нескольких машинах поддержки со стороны «кавказской крыши», которые прибыли прямо к зданию Головинской прокуратуры. «Группа поддержки» то ли запугала следователя, то ли банально купила его. Другие утверждают, что команду отпустить задержанных дали следователю с высокого уровня «начальства». О причинах уверенно говорить сложно — здесь

требовалось бы специальное уголовное расследование. Но результат этих «невъясненных причин» был дан нам всем в непосредственное ощущение.

Вечером 8 декабря к зданию Головинской прокуратуры пришло около двух тысяч возмущенных человек — в массе своей футбольные болельщики, товарищем которых был убитый. У них назрели серьезные вопросы к властям предержажим: «Почему подельники убийцы на свободе?»

Почему «представители закона» издеваются над вдовой, не выдавая ей тело мужа для похорон и вообще отказываются от общения?

Как адреса свидетелей и пострадавших оказались известны кавказской банде, которая тут же стала оказывать давления на них самих и их родственников?»

Разговор с милицейским начальством у народа не получился. Точнее — власть отказалась общаться с людьми. Тогда многотысячная толпа двинула перекрывать Ленинградский проспект, заблокировав движение по нему почти на час во время часа пик. Лозунги колонны возмущенных парней, марширующих по Ленинградскому проспекту, были весьма решительны:

«Русские — вперед!» «Россия для русских — Москва для москвичей!» «За это убийство — ответят ваши дети!»

Ни милиция, ни спешно вызванный ОМОН не смогли ни предотвратить саму акцию, ни задержать «смутьянов» по ее окончании.

Утром 11 декабря тысячи русских москвичей вышли на акцию памяти Егора Свиридова на место убийства — на Кронштадтский бульвар.

А днем пятнадцать тысяч молодых русских людей собрались на Манежной площади. Возмущение их было совершенно естественно. Требования — более чем умеренны: «Принять меры к розыску подельников убийц; заменить заведомо бесчестного следовате-

ля Соколова; провести справедливый суд; начать эффективную борьбу против этнопреступности, захлестнувшую столицу». И, наконец, требование — «просто поговорить с властью».

Однако в ответ на эти справедливые претензии власть бросила на мирных демонстрантов ОМОН. Но разогнать 15 тысяч молодых людей, вооруженных осознанием своей правоты и справедливости своих требований, — это отнюдь не просто. Каратели получили отпор, и — несмотря на то что толпу удалось несколько потеснить, а нескольких человек задержать — в целом собравшиеся сохранили контроль над Манежной площадью за собой. Властям волей-неволей пришлось вступить в переговоры с собравшимися. Со стороны Кремля прибыл обер-полицейский Москвы генерал Колокольцев. Со стороны «восстания “Спартак”» — «неизвестный в маске».

Генерал Колокольцев пережил немало неприятных минут, пытаясь оправдываться перед народом за действия властей, — в ответ ему неслись такие оценки как политического режима в целом, так и его личности, что повторить их не позволяет академический характер настоящего издания.

Антикавказский и антиправительственный характер манифестации очевиден — этот факт просто невозможно отрицать. В массовом сознании эти два «анти» все чаще уверенно сливаются в единое целое. Были ли пришедшие на Манежную площадь изначально русскими националистами? — Не обязательно. Но важнее то, кем ушли люди с площади. А ушли они однозначно русскими националистами, не удовлетворенными действиями власти. И, быть может, главное — ушли непобежденными, с чувством победителей. О, это страшные люди с точки зрения «кремляди»... Так что же это было?

«Либеральные» и прокремлевские СМИ — в последнее время частенько

разыгрывающие сценки из «борьбы нанайских мальчиков» — здесь были единодушны: погром, погром, массовые беспорядки, кошмар русского национализма, варвары у стен Кремля.

Мы же считаем, что речь идет именно о Восстании русских граждан в защиту своих попранных гражданских и политических прав.

Эмоциональный пик восстания, бесспорно, пришелся на 11 декабря. Однако этим дело отнюдь не закончилось. 15 декабря массовое противостояние было назначено у торгово-развлекательного мегацентра «Европейский» около Киевского вокзала. 31 декабря — эхо «Манежки» громыхнуло уже на Красной площади в акции «Русский Новый год». 11 января власть вынуждена была вновь проводить массовую полицейскую акцию — опять на Манежной площади. И 11 февраля — тоже, равно как и 15 февраля. Власть буквально бьется в истерику, словно пуганая ворона, которая, как известно, куста боится.

В результате русские националисты получили своего рода аналог СТРАТЕГИИ-31: дату, время и место традиционного регулярного выступления русских националистов в Москве — 11 число, 19 часов, на Манежной площади: «Место встречи, которое изменить нельзя».

Для создания массового действия в Москве, оказывается, достаточно просто намекнуть о возможности ее проведения — и Кремль вынужден мобилизовывать буквально тысячи полицейских и сотни единиц спецтехники для перекрытия и оцепления центра Москвы — даже в самый жестокий мороз, даже без каких-либо видимых угроз общественному порядку. Целеуказания для карательной акции даются самые размытые: под подозрением оказываются все молодые, русские, оказывающиеся в многолюдном центре Москвы в «предосудительном», с точки зрения «кремляди», времени и месте. Все это деморализует и силь-

но утомляет силовой ресурс «правопорядка», изрядно дискредитирует и судейских, и полицейское начальство; разрушает и так не очень-то разумную и стройную картину мира в головах рядовых милиционеров, подрывает их доверие к своему непосредственному начальству, что неизбежно ведет к снижению их боеготовности.

Параллельно по всей России разворачивается движение «Русские за здоровый образ жизни». Утренние пробежки по парку с банальной физкультурой приводят в ужас властную камарилью: ведь здоровья требуют не для кого-нибудь, а для русских! Как бы тут не случился страшный русский национализм...

Фон, на котором разворачивается это действие, не менее занимателен.

Во-первых, практически синхронно руководители Германии, Великобритании и Франции заявили об очевидном провале политики мультикультурализма в их странах и необходимости пересмотра всей стратегии иммиграции в Европе.

Во-вторых, по всему арабскому миру катится волна уличных восстаний, которые, одно за другим, сметают тамошние диктаторские режимы, что, с одной стороны, рефлекторно заставляет Кремль волноваться и задумываться, а с другой — порождает у ряда аналитиков обнадеживающие прогнозы по поводу перемен в России.

А внутри страны ситуация следующая.

Предновогодние дни ознаменовались полной дезинтеграцией работы аэропортов Москвы — десятки тысяч представителей «среднего класса» вместо традиционных рождественских каникул попали в мышеловку — без еды, без воды, без света, без информации, без надежд, без столь ожидаемых каникул, они оказались запертыми в обесточенных зданиях аэропортов.

Массовые отключения электричества потрясли всю центральную часть России. Десятки тысяч человек про-

вели без воды, тепла и электричества несколько новогодних суток. Все это чудовищно дискредитировало власть в глазах граждан — на «кремлядь» смотрят просто как на некомпетентных неумех, оказавшихся не на своем месте. Причем это проблема такого рода, которую нельзя решить путем присылки полка ОМОНа. Даже если целая дивизия внутренних войск будет с остервенением натирать свои «эбонитовые палочки» — запитать областную электросеть таким образом никак не удастся. Как говорил Наполеон: «Штыки хороши для очень многих целей, но, увы, на них нельзя сидеть».

Общественное мнение России совершенно утвердилось во мнении, как показывают социальные опросы, что партия «Единая Россия» — партия «жуликов и воря». Независимо от того, насколько этот факт доказан в порядке судебной процедуры, согласно известной социологической теореме Томаса, по своим массовым последствиям эта убежденность стала аксиомой народного сознания, обеспечивающей политическое движение масс.

Апофеозом этой какофонии стала серия громких терактов. Сначала несостоявшаяся попытка подрыва кавказской шахидки на Красной площади — по технической ошибке она взорвалась еще у себя на конспиративной базе в Кузьминках. Затем — чудовищный теракт в аэропорту «Домодедово». Затем — расстрел группы русских туристов в Приэльбрусье. Затем — подрыв горнолыжных подъемников на Кавказском «курорте». Затем — обнаружение там же еще трех адских машин общей мощностью 70 кг тротила. На момент написания этой статьи последняя новость — задержание кавказца, неизвестно откуда взявшегося в специальном техническом коридоре московского метро, со следами гексогена на руках. Очевидно, что этот террористический список, увы, будет продолжен.

Как отвечает на эти вызовы власть? Как и положено некомпетентным людям.

Во-первых, Кремль реагирует на террор достаточно стандартными условными рефлексам. Теракт — значит, надо дать денег на Кавказ, который уже успешно провел политику этнических чисток, практически «освободив» территории Дагестана, Чечни и Ингушетии от русских. Заслуги чистильщиков оценены Кремлем по достоинству — бюджет Чечни, к примеру, на 95 % состоит из дотации федерального центра, траты на одного жителя Чечни составляют 50 000 рублей, в то время как в среднем по России эта сумма равна всего 5 000 рублей. Разворачивается террор в Приэльбрусье? Ну, дадим им еще больше денег. Глупо? Но именно такова, увы, кремлевская логика.

Во-вторых, премьер Путин по итогам «Манежки» встречается со специально отобранными футбольными лидерами, всеми силами стремясь «подкупить» их, локализовать проблему в рамках сравнительно узкой социальной группы — «футбольных фанатов». Сверхзадача — «замылить» в общественном сознании массовое восстание за свои гражданские, политические и национальные права русских, придать ему вид «внутрифанатского конфликта».

В-третьих, президент Медведев проводит несколько Госсоветов, посвященных национальному вопросу. Их «послание» можно резюмировать следующими высказываниями нашего кремлевского тандема:

«Идея российской нации — она абсолютно продуктивна... На самом деле, эта идея была абсолютно правильной...»

Раньше слачивало людей понятие “советский народ”. В Советском Союзе не было таких проблем с международными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межэтнического и межконфессионального мира.

Возможно ли повторение того, что было сделано в советский период? — Мы с вами реальные люди, понимаем: нет, невозможно. Потому что Советский Союз был государством, построенным на идеологии, и, скажем откровенно, очень жестким государством. А Россия другая. С этим связаны и наши дополнительные возможности, и наши проблемы.

Российская Федерация — уникальная страна, обладающая бесценным опытом, который заключается в том, что, в отличие от многих других федераций, народы России в значительной мере сохранили и свои обычаи, и свой язык, и свою религию, и при этом обрели политическое и культурное единство в составе одного из самых мощных государств мира.

Россия является единой страной, и необходимо научиться жить в мире. Иначе ничего не получится, и сбудутся все самые скверные предсказания, которые в начале 90-х годов с большим удовольствием делались целым рядом иностранных аналитиков по вопросам Советского Союза.

Если Советский Союз распался достаточно спокойно, то мы с вами понимаем, какие последствия могут быть для Российской Федерации...»

Одновременно Кремлем официально ставится задача по созданию единой российской полиэтнической и многокультурной толерантной нации, при сохранении своеобразия составляющих ее народов, что-де послужит гарантией нерушимости Российской Федерации.

То есть в многонациональном Советском Союзе понятие «советский народ» работало — потому что была идеология, насаждаемая жестким механизмом принуждения. Поэтому-де в СССР «не было ни секса, ни национальных проблем». Тольковотводночасье советского народа не стало, и Союз отчего-то развалился — и тушка его была мигмом оприходована в качестве добычи национальными окраинами.

А теперь уже в РФ предложено по лекалам «новой исторической общности — советский народ» построить новую общность — «российский народ». Сила, единство и стабильность страны, оказывается, состоит в многообразии 160 народов. Почему же эта конструкция не должна повторить судьбу своего недавнего предшественника и не провалится в ближайшее время в тартары — науке сие неизвестно. Налицо страстное желание Кремля как-нибудь изменить ситуацию к лучшему, но ничего, по сути, не меняя: ни в форме и размерах своих доходов, ни в пропорциях расходов между русскими и кавказскими регионами, ни в доступе к рычагам политической власти.

Воистину, необходимо признать правоту В. О. Ключевского: история ничему не учит неразумных, но неизбежно со временем больно наказывает их за невыученные уроки.

И наконец, в-четвертых, Кремлем обозначен главный источник «крамолы» — крупнейшая общественно-политическая организация русских националистов, подчеркнута работающая исключительно в рамках легального поля: Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ). Решением прокурора ее деятельность приостановлена, соответствующие материалы направлены в суд с целью объявления ее экстремистской организацией и, на основании этого, официально запрета ДПНИ. Можно подумать, что этим можно как-то разрешить национальную проблему в России или остановить рост и развитие русского национализма как политической силы. Для кремлевского суда, «самого справедливого и беспристрастного суда в мире», нет ничего невозможного — особенно в части исполнения политического заказа «сверху». ДПНИ, конечно, запретить можно. Но невозможно изгнать из политической жизни русский национализм в стране, которая на 80 % населена русскими.

Вывод прост.

Энергия недовольства накапливается, котел общественного недовольства кипит. Нынешний режим своей политикой надежно ведет себя к пропасти. У «кремляди» нет ни идеологически убедительной и привлекательной картины будущего для масс, ни интеллектуального ресурса для изменения ситуации — острота как техногенных, так и социальных проблем в стране много превышает возможности Кремля по их управлению и разрешению.

Русскому народу и России необходима политическая партия русско-го национализма. Очевидно, что она не может родиться по согласованию с ЦИК и Администрацией Президента. Партия — это, согласно классическим определениям, «машина для борьбы за власть и влияние в обществе». А в таком качестве она не может строиться, исходя из вопроса «чего изво-

лите?», раболепно обращенного к «начальству».

Очевидно, что страшнее всего для нынешнего политического режима является сплав русских национальных настроений с борьбой за реализацию общедемократических политических прав и свобод и за социальную справедливость — т.е. борьбой против автократии «Единой России», которую массовое сознание воспринимает как диктатуру профессиональных бюрократов, жуликов и русофобов.

Энергия улицы достаточно высока, но в целом пока, как сказал поэт: «Улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать». В этой ситуации в актуальную политическую повестку дня должна быть поставлена задача начала построения массовой национально-демократической партии в России.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

ПРОВАЛ ГИПНОТИЗЁРА

События второй недели декабря действительно всколыхнули общество и стали основной темой для обсуждений во всех СМИ, да и, наверное, во всех квартирах. Однако бросается в глаза сильное размежевание общества на тех, кто этого уже давно ждал, и тех, кто уж никак не мог предполагать, что такое у нас вообще возможно. Последние шокированы и, как слепые котятка, пытаются найти хоть какую-нибудь опору в непостижимой реальности.

Вообще, несколько странно, что место главного «шокирующего» события заняла именно Манежная площадь. Видно, у нас просто отвыкли от больших митингов. Более впечатляющим является факт шествия 7 декабря не-

скольких тысяч человек по вечерней Ленинградке — кажется, впервые русские смогли стихийно организовать и проявить очень оперативный и организованный протест на преступные действия госорганов. А на «Манежке» был просто заранее подготовленный митинг протеста, который попыталась разогнать милиция. Разве что само место проведения не позволило его замолчать, и он получил большой общественный резонанс, так как отвечал чувствам очень многих (а если судить по соцопросам — так и подавляющего большинства).

Да, таких событий давно не было. И всё же это не ново. А вот того, что случилось в Москве 15 декабря, не было

здесь ещё никогда: весь город покрылся горячими точками межнациональных конфликтов, драк. И участвовали в них не отдельные «представители радикальной молодёжи» — конфликт стал открытым, общественным. И впервые на улицах было так много ожесточённых ребят школьного возраста, более того — много девушек, совсем даже девчонок. Важно, что инициаторами всего этого оказались «гости столицы» — это соответствует общему характеру конфликтной ситуации: роль раздражителя принадлежит именно им. Но в каждом конкретном случае уже трудно определить, кто виноват, — мы вошли в новую реальность открытого межэтнического конфликта, и участвуют в нём, так или иначе, — все. О том, что эта новая реальность нас ждёт и приближается всё быстрее, говорить приходилось давно. Но все эти слова воспринимались властью как «нагнетание» и «разжигание». Она и теперь склонна видеть причину произошедшего именно в словах.

Есть один сюжет, которым очень часто пытаются объяснить неприятную реальность. Звучит он примерно так: «всё было хорошо и всем было хорошо, но потом пришла кучка гнид, которая всё испортила». Чаще всего с этой моделью приходится сталкиваться при описаниях исторических словов: была, например, старая добрая Россия, а потом пришли большевики и всё испортили; был наш великий Советский Союз, а потом пришли демократы и всё испортили и т.д. Весь вопрос тогда переносится с анализа реалий «до слова» на психологическую природу этих «гнид»: какая муха их укусила и что за чёрные идеи их направляли. Идеи, несомненно, злые и подлые, так как были обращены против добра и всеобщего благоденствия.

Это, наверное, нормально, когда через такие нехитрые схемы люди пытаются преодолеть что-то труднообъяснимое и защитить свои исторические симпатии. Это даже нужно: часто

именно любовь к далёкой эпохе помогает сохранить в человеке патриотические чувства, которым не находится оснований во дне сегодняшнем. Но становится страшно, когда такими же рассуждениями считает возможным руководствоваться государственная власть в своей актуальной политике. Однако именно это мы видим в оценках событий со стороны «Кремля» и всей той «прогрессивной общественности», которая может критиковать эту власть по многим поводам, но только не за её национальную политику.

Причиной конфликтов объявлена ксенофобия и связанный с ней экстремизм. Это те самые «злые мысли», которые управляют разгулявшимися «гнидами», только и думающими, как бы сделать какую-нибудь гадость и прервать межнациональный мир. Никаких причин в реальности искать нельзя, так как это просто неприлично: можно оказаться в компании с этими же «гнидами». Думать можно только о том, как бы «лучше воспитывать детей», объяснять школьникам, «что такое хорошо, а что такое плохо», проводить разъяснительные работы с молодёжью и т.д. Традиционные телеэксперты от имени всей телеинтеллигенции призывают бороться с ксенофобией, Партия выдвигает идею менять школьные программы, Президент вообще хочет всех «паковать по полной программе». Общим трудом старательно создаётся уже так хорошо известный призрак страшного «русского фашизма», в ком корень всего зла и главная опасность. Примечательно, что призыв бороться с ксенофобией основан на абсолютном признании субъективной вины только за русской стороной, ведь «ксеносы» здесь именно кавказцы. Они в таком качестве имеют полную гарантию невиновности.

Объяснять все межнациональные проблемы «русским фашизмом» — старая политтехнологическая идея, и как таковая она неплохо работает. Только вот власть сама себя этим отстраняет

от социальной реальности, оставляя её только тем, кого она и называет «русскими фашистами». Сам основной способ «борьбы с ксенофобией» — замалчивание проблем, когда просто запрещается говорить о национальной подопрёке преступлений — гарантирует только их накопление. Другой же способ (тоже, кстати, уже давно банальный и более полувека назад сформулированный Лео Штраусом) — т.н. *reductio ad Hitlerum*, то есть сведение всей возможной дискуссии по проблеме к обвинению в нацизме, сам по себе этот нацизм и создаёт. Нацистская логика абсолютно господствует в самой критике русских националистов, и это и есть главный идейный источник нацизма в современной России. К сожалению, такие критиканы действительно думают, что кого-то «на Манежке» смущают именно расовые признаки кавказцев, или что кто-то там хотел утвердить «превосходство» русских. Так упорно сеются в общественном сознании нацистские идеи. Пока что они не дали больших всходов, но нетрудно представить себе, как этот путь вполне может привести потом к власти именно нацистов. И мы не можем быть уверены, что этот идейный комплекс не одолеет нормальный русский патриотизм.

Очень важно, что бунт русских оказался не бессмысленным и не беспощадным. Жертв с синяками было совсем мало, люди были слабо вооружены, а результата добились — привлекли внимание к проблеме и заставили милицию вновь арестовать виновных в убийстве того русского парня. То есть они добились справедливости, одновременно показав, что только так её сейчас и можно добиваться. Сама власть, можно сказать, постаралась, чтобы понятие о справедливости теперь всё яснее ассоциировалось именно с русским национализмом.

И впервые русское гражданское общество, точнее сказать, его зачатки, проявило себя с самой неожиданной стороны — через фанатские свя-

зи. Футбол всегда и везде был вполне очевидным и весьма эффективным способом отвлечения молодёжи от политики. Никакие «Русские марши» или любого рода политические уличные мероприятия не могли даже близко сравниться с количеством народа, приходящего на футбольные матчи. Чувства фаната всегда были ярче и выражались громче, чем чувства протестующего против действий власти. Не было бы футбола и сопутствующей ему фанатской субкультуры, господам у власти приходилось бы гораздо сложнее — энергия уличных действий оборачивалась бы против них.

Этот механизм футбола как «громоотвода» протестных настроений работает очень хорошо в самых разных частях света. Но сейчас в России он сломался. Вдруг оказалось, что фанатские организации — это и есть гражданское общество. Что они могут выражать свои позиции так, как никто больше в современной России, и могут заставить власть считаться с собой. И всё это уже — не про футбол. Когда начальствующий мент пытался заигрывать с ними на Ленинградке — мол, «я тоже болею за “Спартак”» — он получил чёткий ответ: «Какая разница, за кого ты болеешь? Здесь русских убивают!» И оказалось, что ему больше нечем заигрывать, да и возразить тоже нечего. Скажи он им: «Я тоже русский и разделяю ваши чувства» — начальствующим быть перестал бы. Такие служаки власти не нужны.

То, что именно фанатские структуры оказались способны на выражение национального протеста, на самом деле вполне естественно. И не в том дело, что фанаты склонны к «крайним идеям» и «маргинальным идеологиям», как это пытаются представить. Просто фанатство — это то немногое, что по сей день работает через натальные корни: парень из Дагестана не будет болеть за тот же «Спартак», он будет болеть за дагестанские команды, где бы ни жил, а за «Спартак» будут

болеть именно те, чьи корни в Москве. Футбол интернационализируется, но фанатство футбольных клубов остаётся «местным» — оно оказалось близким к «чувству родины» — где бы ты ни жил, а болеешь всё равно «за своих».

В свете произошедших событий прямой интерес власти — разрушение фанатских организаций как «сообществ местных» и очевидного проявления гражданского общества. Но она сама же попала в свой капкан: пытаясь канализировать общественный протест молодёжи в футбол, только что приняла на себя обязанности проведения Чемпионата мира 2018 г. И теперь просто обречена на то, чтобы выделять на эту сферу большие деньги. Деньги, которые в некоторой и довольно значимой своей части пойдут и на укрепление фанатских организаций и вообще футбольно-фанатской субкультуры. А значит — и на укрепление тех немногих горизонтальных общественных связей с местной спецификой, которые, как оказалось, ещё могут организовывать протест и управлять улицей.

И очень важно, что вопрос о межнациональных отношениях в России стал публичным уже теперь. Ведь русские пока что имеют дело в основном с первым поколением приезжих с Кавказа. Но надо хорошо понимать, что даже с третьим поколением будут те же самые проблемы, только вот возвращаться им будет уже некуда. Так, во Франции недавние погромы организовывали именно мигранты второго-третьего поколений, то есть люди, которые уже никакой прямой связи с исторической родиной не имеют, а нефранцузскую культуру сохранили.

При этом очень важно понимать, что в Центральной России нет собственно межэтнических конфликтов. Таковые можно найти только на некоторых окраинах страны. А протест против «засилья кавказцев» — это как раз протест *против* этнизации социальной сферы, а не *за*. Русские не

привыкли к тому, что отдать ребёнка в хорошую школу, занять то или иное рабочее место или получить то или иное наказание за преступление можно по-разному в зависимости от твоей «национальности». Русские не готовы согласиться на то, что в каждодневной своей жизни им приходится играть не на равных с теми, за кем стоят этнокорпоративные силы. Русские смирились с имущественным неравенством, но не готовы принять неравенство национальное. За русским человеком никто не стоит: его этничность ему не помогает. А вот почувствовать себя неполноправным нацменьшинством пришлось в тех или иных ситуациях уже многим. Странное чувство для русского человека на Русской земле. Вот и декабрьские протесты прошли под лозунгом осуждения убийц по закону, как равных с другими гражданами. Это протест против этнической исключительности, ставшей нормой в современной России. И такой протест поддерживает большинство, даже несмотря на то, что это упорно называют «фашизмом». Русским было привычно, что их страна — «для всех», однако им непонятно, почему она стала столь определённо не для русских.

Но столь массовая поддержка протестующих (более 80%) объясняется не только чувством ущемлённости за своё русское происхождение. Ещё более массовым, почти всеобщим стало простое бытовое раздражение. И это очень важно подчеркнуть: любой национальный конфликт на русских территориях России — на самом деле бытовой.

У нас часто противопоставляют преступления «бытовые» и «на национальной почве». На самом деле это противопоставление искусственно. Да, бытовые конфликты могут происходить на самых разных основах — семейной, соседской и т.д. Но также и национальной: у нас почти все межнациональные конфликты — бытовые. Процент преступлений, совершённых

только на основе ненависти к представителям другой национальности, уверен, совсем малый. А в большинстве случаев мы имеем дело с национальной почвой бытовых конфликтов. Вот и в случае с Егором Свиридовым — национальная основа несомненна, но сам спор за такси — вполне себе бытовая ситуация. Бытовая, и даже банальная — она нередко случается и между русскими. Вот только иначе заканчивается.

Вообще, быт — уникальное русское понятие. Заметьте, оно не переводится на другие языки — только через выражения, причём их смысл не вполне адекватен нашему слову. Однако оно так привычно и естественно: мы каждый день его употребляем и хорошо знаем о той сложной, очень разноплановой реальности, которая за ним стоит. Мы даже говорим о таком явлении, как бытовая культура — и хорошо понимаем, что это далеко не только «культура потребления». Это вообще не только и не столько сфера материальных отношений, это сфера ежедневного взаимодействия людей друг с другом. И жить в «коммуналке», то есть вести общий быт мы можем, только если у нас есть общая бытовая культура. А у русских и у приезжих из мусульманских стран Кавказа она слишком разная. Русские могут хорошо адаптироваться к чужой бытовой культуре, когда живут в иноэтничной среде. Но это не значит, что они готовы отказываться от неё у себя дома.

Может, это называется ксенофобией. Но это не любовь к «носам другой формы». Это страх перед крушением бытовых устоев, и так с таким трудом налаживаемых; страх разрушения бытового склада жизни на улице, в магазине, в школе, на работе, во дворе... И это страх перед таким явлением, как «бытовой национализм» — тоже совсем не переводимое, оригинальное наше понятие, обозначающее агрессивное введение этнических различий в бытовую социальную реаль-

ность. Примечательно, что и русские националисты никогда не выступают апологетами того, что этим выражением обозначается, а даже как раз наоборот. Под «бытовым национализмом» скрывается проникновение в нашу каждодневную жизнь принципиально чуждых нам различий и дискриминаций, тем более опасное тем, что его проявление со стороны одних общественных групп вызывает его и со стороны других. Плохо в результате становится всем.

Кстати, популярность на Западе идеологии «мультикультурализма», то есть совместного проживания на одних территориях и в единой политической системе культурно разных этносоциальных групп, можно объяснять именно тем, что в западных языках нет понятия «быта». И теперь, в общем, уже наглядно, что этот проект проваливается. «Семейная» лодка современных многокультурных «политических наций» разбивается именно о быт. В этом смысле само понятие «быта» — это то богатство русской культуры, та сила её осмысления реальности, которая позволяет нам раньше и глубже понять всю эту проблему, грозящую вскоре покрыть карту Запада бесчисленными горячими точками. Если, конечно, мы не будем слепо и упорно продолжать идти за западными образцами, уже и так очевидно себя скомпрометировавшими.

Но реакция российской власти на события 7–15 декабря оказалась до крайности неадекватной. Неудивительно: наша политэлита за последние двадцать лет сумела оградить себя особыми бытовыми условиями и просто не слышит этого конфликта, искренне полагая, что недостаток истощённых русских трудовых ресурсов можно замещать мигрантами. Несомненно, что она плохо владеет ситуацией, хотя и пытается использовать её в своей политической игре.

При этом в Кремле, как видно, решили, что раз нельзя просто заставить

слушаться силой, то главным методом управления должен стать метод внушения. Чтобы не было межэтнических конфликтов, народ надо отучать от ксенофобии и внушать, что все, живущие в России, суть один народ — россияне и должны друг друга любить. Мол, если всё это внушить, а всяких «гнид», высказывающих альтернативные точки зрения, изолировать, то тогда народ будет паинькой. Так вместо государства, управляющего реальными процессами, мы постепенно получаем государство внушения, государство пропаганды. Не случайно последнее время в Сети стал столь популярным персонаж «гипножабы»: у нас государство — это своего рода Гипножаба, а никакой не Левиафан. СССР — тоже государство с сильной пропагандой — и то был лучше: там идеология существовала сама по себе,

и даже власть была вынуждена с ней считаться — нередко даже больше, чем простой народ. Теперь же место идеологии заняли ситуативные кампании внушения — в зависимости от возникающих проблем.

Проблема такого положения дел в том, что и политическая элита постепенно приобретает своего рода «мировосприятие гипножабы»: она сама верит в свой гипноз. И её реакция на «Манежку» вполне характерна: это сложный комплекс чувств гипнотизёра, когда объект его воздействия вдруг открывает глаза, встаёт и смеётся ему в лицо. Очнувшись от шока, государственный муж сразу хочет спрятать такого наглеца: посадить, изолировать, «запаковать по полной». А тут — видишь как — целая площадь таких, а то и много площадей... Ещё немного — и вся страна.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР НА ГРАНИ РАЗРЫВА?

Убийство Егора Свиридова, в котором оказались замешаны выходцы с Северного Кавказа, всколыхнуло российских футбольных болельщиков. На Манежной площади прошли крупнейшие беспорядки за последнее десятилетие. Власти оценили численность собравшейся на площади и вступившей в противоборство с ОМОНОм молодежи в шесть тысяч человек. Это значит, что цифру можно смело умножать на два, а то и на три — власти традиционно занижают число манифестантов.

Найдутся (и уже нашлись), конечно, и те, кто припишет происшедшее

изошренным внутривластным интригам. Дескать, в Кремле уже начали поиск преемника Медведева (хотя им хочет быть сам Медведев), а значит, «деструктивные силы» пытаются разыграть националистическую и кавказскую карты с целью дать дополнительные полномочия правоохранительным органам и тем самым ослабить влияние либерального окружения нынешнего главы государства. Что ж, эта версия имеет право на существование. Но есть одно «но». Интриги интригами, а политический процесс — политическим процессом. Да, Великая

французская революция — во многом дело рук главы французского масонства, брата короля, герцога Филиппа Орлеанского, позже взявшего себе фамилию «Эгалите». Но тот факт, что старт событиям часто дает интриган, еще не значит, что интриган сохраняет контроль над ними в дальнейшем. Филипп Эгалите окончил жизнь не в королевском дворце, а на гильотине. Доинтриговался.

Да что далеко ходить, вспомним события нашего 1991 года. Думал ли председатель КГБ Крючков, что комбинация с созданием ГКЧП приведет его к отставке, а СССР — к краху? Вероятно, нет. Скорее всего, он все рассчитал таким образом. В случае победы ГКЧП он оказывался в числе его учредителей. В случае поражения — всегда мог заявить, что именно он был гарантом жизни и свободы Горбачева, тем самым заслужив вечную благодарность последнего генсека. В ходе переворота Крючков очень удачно играл роль посредника между Горбачевым и ГКЧП. Казалось бы, все было предусмотрено. Не учли только Ельцина и общую усталость общества от существования СССР. Советский Союз рухнул, вместе с ним на десятилетие погрузилось в ничтожество и КГБ.

Вернемся к событиям на Манежной. В ушедшем году аналогичные кризисы происходили то тут, то там. То «приморские партизаны» неожиданно получали массовую поддержку народа. То убийство Юрия Волкова вызвало протесты. Власти всегда давили недовольство, пока оно не вылилось наконец в массовую демонстрацию на Манежной. Отвлечемся от кулуарных интриг, посмотрим на происходящее с высоты птичьего полета.

Прежде всего — какое государство строят сейчас в России? Благодаря «либеральным реформам» в России строится сырьевая деспотия. Подобное общество всегда расколото пополам — на тех, кто имеет доступ к доходам от добычи сырья и, следовательно,

живет «как в Европе», то есть по стандартам первого мира. И тем, кто оно недоступно и вынужден сосать лапу, живя в третьем мире. В результате возникает глубокий социальный раскол. В стандартных моделях, государствах Латинской Америки прежних времен или нынешней Африке, подобный расклад сил в большинстве случаев приводит к гражданской войне между правым олигархическим правительством и левыми повстанцами. Под левыми здесь следует понимать любые силы, социалистические, националистические, исламские, выступающие за социальную справедливость и против диктатуры.

Другие государства современного мира, наши коллеги по БРИК — Индия, Китай, Бразилия, каждый на свой лад идут в противоположном направлении. Они создают современное индустриальное общество, которое позволяет им сгладить национальные, сословные, классовые и иные противоречия и объединить граждан в рамках единого национального государства.

Россия же развивается задом наперед. Больше того, к классовому угнетению, возникшему в РФ в 90-е годы, в последние годы добавляется угнетение национальное. Элита, правящая под либеральными лозунгами, отказывает стержневому народу Российской Федерации, русским, не только в социальных, политических, но и в человеческих правах. Например, в банальном и общепризнанном праве человека — праве на жизнь.

Те выходцы с Кавказа, которые совершают убийства русских, как правило, выпускаются на волю без всяких подписок о невыезде. Уголовные дела не возбуждаются. Так было и в случае убийства Егора Свиридова. Безымянный следователь выпустил почти всех соучастников убийства. Сейчас, после беспорядков, их снова арестовывают. Подобная ситуация была невозможна даже в Средневековье, когда представитель знати, убивший крестьянина,

зачастую должен был уплатить штраф. Жизнь русского не стоит и суток административного ареста, и 100 рублей штрафа.

Здесь самое время вспомнить о высокой политической философии. Знаменитый Томас Гоббс, излагая учение о «войне всех против всех», говорил, что войну (то есть хаос, анархию, где каждый воюет с каждым и человек человеку — волк) прекращает общественный договор. Все обязаны слушаться правителя, который получил власть в результате такого договора. Больше того, никто не может отказать ему в повиновении, учил суровый Гоббс. За исключением одного-единственного случая. Когда правитель отказывается обеспечить сохранение жизни своим подданным. Ведь именно безопасность, сохранение жизни и есть то обязательство, в обмен на которое граждане отдают правительству власть.

Наше правительство отказывается осуществлять ту единственную функцию, ради которой государство, по Гоббсу, и существует. За рамки правового поля выведен огромный русский народ, полностью лишенный как права на самозащиту, так и права на жизнь.

Если же установлено, что существует группа граждан, которые не имеют права на жизнь, то такая группа по справедливости должна называться рабами.

Ибо раб — это «говорящее орудие», вещь, находящаяся в полной собственности своего хозяина. Право собственности, как известно, включает в себя право не только «потребить» вещь, но и «злоупотребить» ею, иначе говоря: сломать, испортить. В России за убийство кошки следует более жесткое наказание, чем за убийство русского. Во всяком случае, в некоторых ситуациях.

С точки зрения высокой политической теории подобное положение дел означает крах государства и гражданскую войну, которую Гоббс поэтически назвал «войной всех против всех». Ибо, согласно автору «Левиафана», в

этом, и только в этом случае подвластные получают право разорвать общественный договор и восстать против правительства.

Представители власти привыкли вяло отмахиваться от подобных предупреждений. Дескать, что за дела? «Ничего не будет». Однако российское общество до сих пор держится на инерции существования советских институтов, которые скрепляют общество, таких как армия, школа, система высшего образования. Однако под жерновами либеральных реформ все эти структуры неудержимо деградируют. Сегодня они с громадным трудом справляются со своими функциями. Больше того, на тех же выходцев с Кавказа они уже не распространяются — социализировать их, превратить в лояльных членов общества, увы, не удастся.

Какую же роль в нашем обществе играют сами выходцы с Кавказа? Роль «торгового меньшинства». Например, Индонезия в свое время славилась антикитайскими погромами — в этой стране китайская община, составляющая 5% населения, контролирует большую часть экономики. Античеченские и антикавказские выступления в маленьких российских городах имеют ту же природу. Большинство выступает против монополизировавшего определенные секторы экономики, да к тому же наплеватьски относящегося к его традициям меньшинства. Однако события на Манежной показали, что проблема вышла за пределы маленьких городков и пришла в столицу России, один из крупнейших мегаполисов мира. Благодаря бездействию властей ситуация быстро накаляется.

Что делать? Если продолжать тот курс, которым ведут страну либеральные советники нынешнего президента, крах неизбежен. Создание в России экономики по образцу страны третьего мира неизбежно вызовет к жизни и социальные структуры, характерные для третьего мира. Уже вызвало, как видим. И правительство, создающее эти

структуры собственными руками, не сможет удержать ситуацию под контролем, потому что ведет войну против единственного народа, который мог бы быть союзником центральной власти в деле сохранения страны — против русских.

Вспомним последние дикие «либеральные» инициативы, вроде увеличения рабочей недели с 40 до 60 часов. Либеральные заправилы предлагают эти меры на полном серьезе, тем самым еще больше раскалывая общество, причем на пустом месте. И таких шагов становится все больше и больше. Взять, например, жутковатую инициативу московского мэра Собянина о переселении пенсионеров в некие специальные городки.

Короче говоря, либерализм, который стремительно превращает нашу страну в «снежную Нигерию», цветет и пахнет. И не видно, чтобы наше правительство нашло ему хоть сколь-нибудь адекватную замену. Анонсированная президентом Медведевым модернизация за истекший год заболтана до такого состояния, что давно потеряно понимание, *что* и, главное, *зачем* обсуждается.

Между тем время истекает, ситуация продолжает ухудшаться. Еще не

поздно повернуть государственную машину вспять. Начать наконец реальное восстановление экономики. Решить проблему с Кавказом (а она сейчас такова, что как бы не пришлось его отделять). Восстановить те системы и институты, которые обеспечивают функционирование современного общества, — армию, школу, вузовскую систему, науку. Стоит отметить, что попытки сделать это предпринимаются, но слишком уж неуверенные, и это на фоне продолжающейся деградации экономики, которая с каждым годом приобретает все больший сырьевой уклон — доля промышленности в нашей внешней торговле неуклонно сокращается.

Лишь проведя реальную модернизацию, можно ликвидировать тот раскол российского общества, который становится все более и более явным, и ликвидировать сами основания кризисов, подобных противостоянию на Манежной. Если же правительство будет продолжать в том же духе, что и сегодня, как бы нам не стать свидетелями войны «проправительственных сил» с каким-нибудь «Фронтом национального освобождения Западного Санкт-Петербурга». Совсем как в современной Африке.

Егор Холмогоров

ЧЕГО ХОТЯТ РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

Пришествие Анонима

Необходимо признать, что люди вышли на Манежную площадь не под бытовыми, а под националистическими лозунгами. Они вышли в защиту

униженной, оскорбленной, опозоренной и втопанной в грязь русской нации, которая, несмотря на ее затравленность и со стороны официоза, и со стороны «правозащитников», и со

стороны международных структур, по-прежнему остается большинством граждан России и единственной основой российской государственности.

Лозунги со словом «русский» не были ни случайностью, ни провокацией. Они — выражение того «мнения народного», которому не смогла противостоять еще ни одна власть ни в истории России, ни в истории мира. Декабрьский бунт был не провокацией каких-то тайных сил и не случайным скоплением толп. Он был пришествием нового социального субъекта. «Великий немой» предыдущей эпохи российской политики сменился Анонимом новой эпохи.

У этого Анонима довольно часто маска на лице, когда он выходит протестовать на улицу, и у него с полдюжины аккаунтов в «Фейсбуке», «ВКонтакте», «Твиттере» и ЖЖ, он сидит на фанатских и автомобильных форумах и жметя друг к другу на улицах, чтобы выпить пива и обсудить, как же все достало. В новую технологическую эпоху атомизированная русская нация обрела свою новую нервную систему в сплетениях беспроводных линий, 3G-сетей, кабелей и паролей.

Этот Аноним — неуловимый Джо. Неуловимый, обычно даже если он кому-то нужен. Можно завести дело на одного блоггера, дурно отозвавшегося о премьере, но нельзя будет завести дела на всех блоггеров сразу. Можно попытаться отключить несколько сайтов на несколько часов, но попробуйте выключить сеть на день-два — и вы увидите вместо растерявшихся юзеров толпу взбешенных фанатиков.

Аноним может выйти на площадь в назначенный час. И никто не сможет его отговорить, если он так решил. Аноним, по большей части, националист, но он далек от тех абстрактных философских разговоров, которыми утешали себя русские националисты в прошедшее десятилетие.

Последние несколько лет наша власть потратила на то, чтобы свер-

нуть русскому национализму голову. Она до некоторой степени в этом преуспела, разгромив те немногие организации, которые могли мобилизовать хотя бы небольшую толпу, и подавив те немногие идеи, которые националисты могли внушить своим последователям. Результат не заставил себя ждать. Мы получили мгновенно собирающиеся толпы, значительно превышающие по численности любой «русский марш», привыкшие думать не отрубленной по 282-й статье головой, а спинным мозгом, и имеющие вместо идей настроения и предубеждения. С Анонимом не договориться, поскольку непонятно, с кем конкретно договариваться. Сегодня он протестовал на Манежной, завтра уже собирается праздновать «русский Новый год» на Красной площади; куда и зачем он соберется послезавтра, мы пока еще не знаем. На попытки оседлать его и заставить пополнять политический капитал больших и маленьких партий и организаций он отвечает назидательным поднятием вверх среднего пальца.

У Анонима, как я уже сказал, есть убеждения. Это националистические убеждения. Он хочет считать себя русским, что бы это для него ни значило. У него есть позиция — и по ряду пунктов он радикальней, чем большинство даже самых радикальных русских националистов прежнего поколения. Наши сверхценные ценности и сверхпринципиальные принципы для него имеют лишь ограниченную принципиальность и ценность. Он корчится безъязыкий, потому что многоязык, а возможность говорить на своем языке у него практически отобрали террором и «толерантной» пропагандой.

В том, что говорят разгромленные и разрозненные остатки русских националистов, можно порой уловить тень того, что говорит и думает Аноним, когда он думает о национальных вопросах. Но всего того, что он думает — не передашь. Если он захочет, то сам придет и скажет.

Но все-таки сегодня русский националист чувствует себя то ли Кассандрой, то ли Моисеем на границе Земли Обетованной. То, о чем мы предупреждали много лет, сегодня сбылось. И никто не может, не покривив душой, сказать, что это организовали националисты. Мы не подстрекали, мы предупреждали. Нас не захотели слушать. Пришлось слушать тех, кто говорит менее членораздельно, зато одет более спортивно, двигается более точно и не боится получить дубинкой прямо по голове (тем более что сам может вернуть этот удар обратно).

Русские националисты хотят простых и понятных вещей. И предупреждают о простых и неизбежных проблемах. От Анонима они отличаются прежде всего привычкой долго продумывать сказанное и стремлением выразить то, о чем думают, на языке понятном как людям, так и власти. В их словах те чувства, которые клокочат в Анониме, могут быть переданы, быть может, менее убедительно, но более понятно. Но, по сути, эта энергия та же. У нас очень долго отбирали право быть собой. В результате каждый из нас сегодня — немного Аноним.

Принцип: Россия для русских

Нам не интересен мир без России.

Нам не интересна Россия без русских.

Россия без русских, не для русских и против русских не стоит ни того, чтобы в ней жить, ни того, чтобы ради нее сражаться, ни того, чтобы во имя нее умирать.

Пусть это поймут те, кто считал, что может управлять Россией, игнорируя большинство ее народа, позволяя оплевывать историю, культуру, чувство национального достоинства этого большинства. Те, кто сделал ставку на то, чтобы русские сначала превратились в дешевую обслугу для интересов других народов, стран и международных структур. Те, кто открытым тек-

стом провозгласил: «Мы хотим, чтобы русские перестали быть большинством в России», кто объявил, что русский народ «не подлежит модернизации», что он состоит из алкоголиков, наркоманов и лентяев, а потому вместо него должны быть завезены «трудолюбивые и дисциплинированные» рабы из Средней Азии (не будем политкорректно звать их «мигрантами» — все мы прекрасно знаем, что коррупционеров и толстосумов интересует только рабская рабочая сила).

Русский народ любит Россию больше всего на свете. Но он не станет совершать самоубийство ради того, чтобы в доме с вывеской «Россия» жили припеваючи все, кроме него.

Русская молодежь сказала сегодня со всей ясностью: «Россия принадлежит нам. Будущее принадлежит нам». **Либо Россия будет для русских, и тогда она будет для всех, либо она будет ни для кого.** Либо у русского народа в России есть достойное будущее, либо никакого будущего не будет.

Если власть в России и дальше будет отрекаться от русского народа, то русский народ отречется от такой власти. Если отрекаться от русского народа будут «во имя России», то русскому народу не останется иного выбора, кроме как отречься от России. Последствия будут катастрофичны для всех, в том числе и для тех, кто хотел бы порезвиться на площадке «России не для русских».

Итак, принцип ясен.

Мир для России.

Россия для русских.

Только Россия русских, для русских и за русских стоит того, чтобы в ней жить, ради нее сражаться, а если надо — за нее и умереть.

Перейдем к деталям.

Главное: правосудие для всех

«Закон один для всех» — это главный лозунг, с которым вышла русская молодежь на улицы русских городов.

Если это и революция, как торопятся оценить события декабря 2010 года в России некоторые, то это, наверное, самая консервативная революция в истории. Революция, в ходе которой восставшие требуют одного — строгого и точного соблюдения закона.

Именно великолепное презрение к закону, проявленное одним из чиновников, стало последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. Хотя, казалось бы, он не делал ничего особенного. Ничего такого, чего бы не делали десятки тысяч других чиновников на его месте, — оказывал услуги сильным и тем, кто просто готов заплатить, плевал на слабых, на их горе и боль, сказал вдове убитого, что она «вообще тут никто». Кто из вас, сказать по совести, господа чиновники, не поступал так же? Тот, кто отпустил убийц Егора Свиридова, действовал по закону. По *вашему* закону. По закону, как *вы* его привыкли трактовать. И который русский народ метко охарактеризовал пословицей «Закон — что дышло».

Сегодня пора признать давно всем очевидное — речь идет о *системе*. Системе произвола, системе коррупции, системе лжи, системе вседозволенности, которую больше невозможно терпеть. Или эта система уйдет в прошлое, будет сведена к хотя бы среднестатистическим значениям, или солнце русской истории закатится.

Раздражение этой системой росло о тех пор, пока не стала все больше ощущаться самая нестерпимая форма гнета сильных — «национальный» гнет. То раздражение, которое испытывает человек от гнета богатых, — это половина обычного раздражения. Каждый мечтает однажды стать богатым. То раздражение, которое испытывает человек от гнета власти, — это норма раздражения. Многие мечтают сами однажды получить власть. То раздражение, которое испытывает человек от гнета чужака, — это двойное, а может быть, и тройное раздражение. Каждый

знает, что никогда не сможет стать чужаком.

Не будем лгать ни себе, ни другим. Сейчас в составе России появились территории, население которых рассматривает себя как чужаков по отношению к русским и союзным с русскими народам и которое, в свою очередь, рассматривается так русскими. Так получилось не сразу. Мы долго к этому шли через терроризм, войны, похищения людей, через дотации и откупные, через принесение правосудия в тех или иных конкретных делах в жертву «воле» некоторых народов.

Мы пришли к той реальности, которую весьма красочно и зло описал Владимир Путин: *«Я десять копеек не дам за здоровье человека, который, приехав из средней части России в республики Северного Кавказа, невежливо обойдется там с Кораном»*. Путин сам же при этом признал, что выходцы с Северного Кавказа отнюдь не торопятся уважительно относиться к населению и принципам жителей Средней России. А главное, все точно знают, что здоровью тех, кто не уважает жизнь, законы и порядки русских, практически ничего не грозит. Они либо отстреляются, либо откупятся.

Русский национализм оказался самым справедливым и не ксенофобским национализмом. Никто и нигде не требует привилегий для русских. Ни один русский националист в самом нездравом уме не скажет: «Я хочу, чтобы русского убийцу отпустили, а убийцу нерусского посадили». Русские требуют для себя такого же правосудия, как и для всех. Для всех — той же справедливости, что и для себя.

Дело дошло до крайности, в которой возможно лишь два решения. Разумное и правовое — и экстремистское и не правовое.

Решение первое и предпочтительное для всей нации — **единое правосудие для всех** станет принципом нашей власти и правоохранительной системы на всех уровнях. Любые проявления кор-

рупции, nepoтизма, вымогательства, трусости будут сурово пресекаться вплоть до самых крайних мер наказания. Дорога к карьерному росту будет открыта только для честного милиционера и следователя, неподкупного прокурора и справедливого судьи. Для тех, кто этим простым и понятным требованиям не соответствует, доступ к государственной службе должен быть закрыт навсегда. Исполнение закона, каким бы суровым оно ни было, должно быть вознаграждено. Неисполнение закона, чем бы его ни оправдывали, должно быть наказано.

До минимального выправления ситуации в стране должно быть объявлено «юридическое осадное положение». То есть те группы, социальные и этнические, и те лица, как бы высоко они ни находились, которые не хотят считаться с тем, что закон один для всех, должны быть подвергнуты воздействию практики «нулевой толерантности». Любое правонарушение с их стороны должно наказываться самым суровым из предусмотренных для этого законом образом. Так должно быть с каждым, кто не усвоит — закон один для всех, для русских и нерусских, для начальников и подчиненных, богатых и бедных, «крутых» и «ботаников».

И еще одно. Самое, может быть, важное. Наша власть должна принять за правило, а может быть, даже и взять торжественное публичное обязательство **отказаться от использования правоохранительной системы как политического инструмента**. Всегда существовали соображения практической политики, по которым власть может использовать свои ресурсы «на нужное дело», как выражался один древний грек. Осуществление власти порой бывает не вполне законно и, с точки зрения обычной человеческой морали, постыдно. Где-то короли подсылают к негодным герцогам убийц с кинжалами, где-то кардиналы подкупают своих противников деньгами и должностями, где-то негодных

травит пресса, где-то для них строят тайные тюрьмы. Власть в своем практическом выражении бывает порой отвратительна, даже если ставит высшие цели и реально служит делу общего блага.

Но нет ничего более отвратительного, чем использование в интересах отправления текущей политики манипуляций правосудием. Нет ничего омерзительней, чем Фемида, превращенная в наложницу в султанском гареме. Наша власть сегодня громко говорит о «десталинизации». Между тем в основе властной практики современной России нет многих достоинств сталинской практики, зато живет самое отвратительное, что было в сталинизме, — практика «судебных убийств», практика использования уголовного дела, ареста, следствия и суда как инструментов политической расправы.

Если мы хотим, чтобы право, правосудие и порядок стали единым целым и чтобы они были одни для всех, наша власть должна открыто и недвусмысленно отказаться от «правосудия» как политического инструмента. Нельзя угрожать «посадкой» ни проштрафившимся чиновникам, ни негодным бизнесменам, ни непослушным журналистам, ни правым, ни левым, ни коммунистам, ни националистам, ни либералам. Управление путем угроз «стереть в лагерную пыль» должно уйти в прошлое.

Неспособность воплотить принцип единства правосудия в конкретные политические решения может привести лишь к торжеству антиправового и антигосударственного понимания справедливости: **правосудия толпы**. Торжества этого принципа не хочет никто, в том числе и сама толпа. Люди на Манежной, что бы им там ни внушали некоторые демагоги, требовали именно правосудия, а не суда Линча и не права на «отстрел» негодных.

Но если власть так и останется глуха к требованиям права и порядка, то надо отдавать себе отчет — правосуд-

дие толпы станет реальностью. Через митинги и шествия, через кампании в социальных сетях, через игры в «ворошиловских стрелков», через уличные побоища и терроризм это правосудие толпы будет стучаться в наши двери и требовать новой крови тех, кого мнение народное назначит виновными.

Это не угроза. Среди русских националистов в общем-то нет анархистов. Это предупреждение. Природное чувство справедливости, вложенное Богом в человека, предпочтет анархию и нравы «закона тайги и прокурора медведя» бесконечному лицемерному потаканию «сильненьким». Если мы не хотим превратить восток Европы и север Азии в «дикий Запад», то правосудие для всех должно стать главной и первоочередной задачей нашей власти, нашего общества, нашей государственности и нашей нации.

Право, Правда и Порядок — для всех на Русской Земле — вот она, современная формула русского национализма.

И умному ее вполне достаточно.

Можно ли спасти федерацию?

Необходимо честно признать, что национальная политика, проводившаяся в последние десять лет в РФ, провалилась. А с нею провалилась национальная политика всей РФ с момента ее создания, а заодно и национальная политика советской власти, которая сперва обрекла на развал Союз ССР, а теперь подтачивает единство России.

Нам уже надоело слушать тарабарщину про то, что мифические злобные «националисты» подтачивают единство страны. Что это якобы страшные скинхеды, прячась по углам, сеют межнациональную рознь. Уровень политического экстремизма в России, в том числе и радикального правого экстремизма, значительно ниже, чем во всех западных странах — начиная от США или Франции и заканчивая маленькой Венгрией и благополучной Швецией. И нигде — подчеркнем еще раз, нигде —

даже самые крайние группы не представляют существенной угрозы ни для единства страны, ни для ее политического порядка.

И только в РФ почему-то в роли «экстремистов» оказываются даже самые благонамеренные русские патриоты. Против любого человека, осмелившегося публично высказать любовь к своей Родине и своему народу, если эта родина — Россия, а народ — русский, немедленно начинается кампания самой разнузданной травли. А уж если любовь к Родине и народу совмещается с малейшей критикой существующих порядков, то в дело вступает управление «Э». Всем известно, что организованная преступность в России побеждена (лучше всех, как мы выяснили, это известно жителям станицы Кущевской). Поэтому нет более актуальной работы в сфере государственной безопасности, чем борьба силами лучших кадров ФСБ с русскими патриотами, которые вынуждены отдуваться за всех «экстремистов», в то время как ваххабиты спокойно устраивают в московском метро теракты аккурат под штаб-квартирой занятой более насущными проблемами спецслужбы.

Быть патриотом, любить русский народ и говорить вслух об острых национальных проблемах, не надев предварительно на лицо маску, — очень и очень непросто. Нужна либо недюжинная смелость, либо чувство избыточной надзаконной защищенности.

И вновь люди в масках и без, вышедшие на Манежную площадь 11 декабря 2010 года, а потом и на улицы и площади других городов России, сказали: «Хватит!». Нет никакого мифического «экстремизма» со стороны русских, разваливающего великую Россию. Есть близорукая национальная политика, приведшая к тому, что значительная часть граждан уже готова согласиться с самыми популистскими и авантюристическими лозунгами, вроде «отделение Кавказа», лишь бы прекратить то

системное неравноправие, о котором говорилось выше.

Эта маргинальная концепция, которую никогда не поддерживал практически никто из русских националистов, сегодня распространяется как раковая опухоль по умам и политической позиции большинства граждан. Расползается не потому, что они отреклись от идеи великой, единой и сильной России, а потому, что они не видят уже другого способа прекратить неравноправие, пренебрежение нами как народом и нашим образом жизни, выкачивание ресурсов на дотации с одновременным сбросом социальных обязательств перед русскими городами и селами. С каждым убитым на улицах русским парнем, с каждым гонками на джипах у Вечного огня, с каждой закрытой «малокомплектной» сельской школой вести полемику с теми, кто считает, что во всех бедах «виноват Кавказ», все сложнее.

Разумные русские националисты (те самые люди, которым затыкали рот как экстремистам и практически заткнули, так что теперь их не слышно ни по телевизору, ни на улице) понимают, что виноват не Кавказ, что виновата национальная политика «асимметричной федерации», основанная на ложных принципах. Русские националисты призывают, пока еще не поздно, покончить с этой политикой со всей решительностью. Альтернативой может быть только самая глупая и абсурдная гражданская война, которую только знала история — война не за воссоединение отделившихся, а за отделение тех, кто не хочет отделяться. Война на радость врагам России — и на Кавказе, и во всем мире.

Что из себя представляет та национальная и федеративная политика, с которой необходимо покончить?

Первое. Полное пренебрежение правами русских как нации на территории автономных субъектов Федерации. Еще с советского периода, когда,

особенно в 1920-е годы, подавление «великорусского держиморды» рассматривалось как важная задача политики правящего режима, тянется история автономных образований на территории России, во многих из которых «титовская нация» составляет меньшинство населения, а русские и русскоязычные граждане составляют большинство. При этом на базе целого ряда автономий за 1990-е годы сформировались этнократические режимы, которые полностью отстранили это русское большинство или значительное меньшинство от представительства, доступа к властным рычагам, сколько-нибудь статусных социальных позиций в пределах республики. Из многих республик русское население фактически выдавливается и уже выдавлено. Существование дутых или сомнительных национальных автономий, в которых проводится дискриминационная политика в отношении русского населения, является тем изначальным перекосом в структуре федерации, который вызывает асимметрию всей федеративной структуры.

Второе. «Асимметричность» Российской Федерации, при которой регион имеет тем больше прав, чем более он своеобразен по отношению к остальной России, чем более культурно отчужденную и нетерпимую политику по отношению к общероссийскому (а это значит — русскому) стандарту общественной жизни он проводит. Чем меньше в регионе русских, чем жестче их выжимают из региона, чем меньше в нем действуют законы России и чем больше «законы гор» или шариата, тем большими правами пользуется этот регион в составе федерации. И напротив, чем более спокойным, однородно-русским, неагрессивным является регион, тем меньше считаются с мнением его жителей на федеральном уровне и тем меньше у него реальных прав.

Третье. Дотирование этой асимметричности федеральным центром, при котором дотационность региона никак не влияет на его полноправие в составе Федерации, а часто делает даже «более равным, чем другие». На радикальном языке улицы и социальных сетей такая модель взаимоотношений центра и региона именуется «данью». Размеры этой дани оцениваются в «6 миллиардов долларов ежегодно» (откуда взята эта цифра, я не знаю, судить о ее верности не берусь и передаю ее именно как устойчивый предрассудок улицы). Радикальные пропагандисты, а вслед за ними и любители кухонных и форумных политических споров задают резонный вопрос: «Не будет ли лучше направить эти деньги на финансирование умирающей инфраструктуры русской глубинки?» Власть обычно на это отвечает: «Мы финансируем социальную стабилизацию, чтобы предотвратить терроризм». И здесь мы подходим к четвертому пункту.

Четвертое. Шантаж терроризмом и ваххабитским экстремизмом как инструмент создания и усиления неравноправия регионов и народов. Именно стремление власти отчитаться о «победе над терроризмом» на Кавказе и породило самую абсурдную часть нашей текущей национальной политики — подкуп элит и рядовых жителей наиболее взрывоопасных регионов юга России. И дотации, и тот самый режим правового попустительства, который довел сегодня дело до взрыва, воспринимались как своеобразная плата за то, что террористы больше не взрывают дома в Москве, не захватывают школ в Осетии, ну или делают то же самое несколько реже — теракты в московском метро показали, что никакой реальной победы над терроризмом на этом пути достичь не удалось. Удалось только добиться чувства полной безнаказанности у жителей регионов, где боевики непрерывно то уходят в горы, то возвращаются по амнистии, где род-

ственники террористов чувствуют себя героями, а значительная часть населения ощущает, что именно террористическая угроза является залогом их благосостояния.

Пятое. Распространение республиканской «экстерриториальности» на территорию всей России. Жители некоторых автономных республик ощущают себя фактически безнаказанными за их пределами. И тому способствует официальная политика властей этих республик. Когда уполномоченный по правам человека «в» Чечне занимается вместо защиты граждан всех национальностей в Чечне преимущественно тем, что защищает интересы чеченцев в Москве и на Кубани, угрожает расправой профессорам в Москве и Петербурге и сочиняет книги о величии своего народа, то у остальных граждан России возникает естественный вопрос: не проще ли разделить по национальным общинам, поставить во главе каждой такого вот «омбудсмена» и решать вопросы «на кулачках» — чья община сборет, того и сила. Насколько это противоречит принципу правосудия для всех — нетрудно догадаться. Я уж не говорю о таком чудовищном абсурде, как отбывание воинской службы и тюремного заключения на территории своей республики.

Пора понять, что заклинания о «многонациональной России», сила которой — в разнообразии этносов, никого уже не убеждают. Для начала все понимают, что это ложь. Ни один народ России не сравним ни по численности, ни по экономическому, культурному и мобилизационному потенциалу с русским народом. Русские выступали и выступают за равноправие людей, равноправие граждан, вне зависимости от их этнического происхождения. Но абсурдность заявлений о равенстве народов, о том, что русский народ значит в России не больше, чем этникос, насе-

ляющий один аул, очевидна каждому. Ничего, кроме чувства униженности, такие заявления у русских не провоцируют. Поколение, которое воспитано на советском восторге перед риторикой дружбы народов, уходит в прошлое. Для молодежи «толерантные» декларации — как красная тряпка для быка. Они воспринимаются юношей с улицы как обоснование причин, по которым его лишат свободы, работы, безопасности и чувства собственного достоинства.

Фактически разговоры о «многонациональности» воспринимаются сегодня так: «В России есть много разных наций, у каждой из которых есть автономия — либо политическая, либо культурная. И есть терпилы русские, которые не имеют ни “русской республики”, ни автономии, ни самоуважения. На все их попытки говорить о своих интересах как народа и нации будут следовать наручники, дубинка, вызов к следователю и жесточенное кудахтанье сотен “сов” и прочих грантососов, пришакаливших от посольств, чтобы попить свежей кровушки».

С учетом этого удивление вызывает лишь одно — почему русская молодежь выходит на улицы с лозунгами «Русские, вперед!», «Россия для русских» и неполиткорректными кричалками про Кавказ, а не с какими-то более радикальными и воинственными лозунгами. Остается еще раз поразиться мудрости и сдержанности нашего национального «бессознательного» и мягкости тех форм, в которых его боль и унижение отливаются в уличном протесте. Впрочем, может быть, я зря говорю об этой мягкости? Может быть, указание на нее будет в очередной раз воспринято как повод думать, что «русский Ванька» еще потерпит?

Широковещательные заявления о «многонациональной» России, сила которой в единстве и которую нельзя дать развалить, уже не спасут федерацию и не укрепят единства страны. Нежелание менять ошибочную полити-

ку ведет нас к расколу, который всем мы со всем своим желанием сохранить единую Россию будем бессильны предотвратить. Ведет нас к уличным схваткам, локальным погромам, и пожару, который попросту не хватит сил потушить. Потушить этот пожар может только разумная национальная политика.

В чем она состоит?

1. Должно быть признано, что русский народ — это единственный народ, который самоопределился и проживает на всей территории России. **Россия — это там, где живет русский народ и где гражданские права его представителей уважаются в полном объеме.** Не будем вести схоластических дискуссий — *моно-* или *много-*национальная страна Россия. Признаем, что Россия — это Русская земля, и от этой печки будем плясать. Жить в России, не уважая русского народа, его языка и его образа жизни, — значит быть чужим для России.

2. Должна быть продолжена с большей решительностью начатая уже в президентство В.В. Путина **политика по ликвидации и разукрупнению дутых и сомнительных автономий** и, тем самым, преодоление асимметрии нашей федерации. Все автономии, в которых доля русского населения выше доли титульной народности, должны быть преобразованы в области и края, с предоставлением культурной автономии проживающим там народам. Если полагаться на доступную сейчас статистику, то необходимость автономии демографически обоснована лишь для следующих регионов, в которых «титульная национальность» составляет большинство; назовем их по мере возрастания доли титульных народностей: Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чувашия, Тува, Дагестан, Ингушетия, Чечня. Близки к этой доле Калмыкия, Татарстан и Карачаево-Черкесия, где доля титульной народ-

ности колеблется около 50%. Никаких оснований для существования государственно оформленных автономий в тех регионах, где титульная народность составляет меньше половины населения, а зачастую этнически русские в самом строгом смысле составляют большинство, попросту не существует.

3. Права региона в составе федерации должны быть увязаны не с его своеобразием и максимальным отличием от общероссийского стандарта, а, напротив, с успехами в соблюдении в этом регионе принципа равноправия, реализации федеральных стандартов, уровнем правопорядка в регионе и, не в последнюю очередь, с вкладом региона в федеральный бюджет. Можно было бы сформировать достаточно просто рассчитываемый правительством индекс, который учитывал бы следующие показатели: уровень владения государственным языком, уровень выполнения социальных обязательств перед гражданами, уровень соблюдения законности и уровень преступности, вклад региона в федеральный бюджет. Максимальные права в составе федерации должны быть предоставлены тем регионам, которые лидируют по всем этим показателям — соблюдают закон, поддерживают языковое единообразие и дотируют остальных. Для регионов, которые находятся на дотации, но зато поддерживают и языковой уровень, и уровень законности и социальной ответственности, — должен существовать свой набор прав и обязанностей. Наконец, для регионов, которые находятся на дотации и при этом не справляются ни с сохранением государственного языка, ни с поддержанием правопорядка, необходимо предусмотреть особый правовой статус, включая *возможность временного перевода из положения субъекта федерации на положение федеральной территории*. Только если права в составе федерации будут прямо связаны с обязанностями, а дотирование отста-

ющих регионов не будет дотированием беззакония, прекратятся разговоры об «отмене дани любой ценой», включая цену развала России.

4. Вопрос о той цене, которую мы платим за единство страны, должен быть решен раз и навсегда. **Необходимо признать, что большинство граждан России гораздо меньше боится терроризма и терактов со стороны профессиональных международных террористов, чем уличного насилия и издевательского криминального разгула со стороны тех, кто «не пошел в террористы».** Если предоставить гражданину России выбирать только между этих двух зол, то большинство выберет опасность погибнуть в результате теракта, а не опасность получить пулю в затылок из травмата, как Егор Свиридов. Первое — вероятность, определяемая жизненной битвой с врагом, второе — унижительная неизбежность предательского выстрела в затылок. Говорить сегодня нам, что мы платим разгулом уличного криминала со стороны молодчиков, провозглашающих «Кавказ — сила. Кто не с нами, тот под нами», за отсутствие терроризма — значит смешить наши тапочки. Никто такую цену за отсутствие терроризма платить не готов. Израиль живет шесть десятилетий в состоянии острейшей террористической войны, которую ведет в значительно менее благоприятных, чем у нас, правовых, моральных и геополитических условиях. Великобритания прожила несколько десятилетий под террористическим давлением ИРА. И ничего с этими странами не случилось. Не прошло и десяти лет с начала политики подкупа террористов, как уже вся Россия полыхает протестами и готова добровольно отдать то, чего террористы не добились перед этим ни взрывами, ни захватами заложников. Продолжение политики подкупа в условиях, когда российское общество однозначно высказалось против этой политики, будет для нас

сигналом того, что подлинная причина этой политики совсем не в желании уберечь нас от террора, а в коммерческих, коррупционных или иных неблагоприятных интересах элиты российского центра, будет вызывать неизбежное и уже не раз озвучивавшееся подозрение, что центр и региональные элиты попросту «в доле».

5. Должно быть категорически **покончено с любыми формами экстерриториальности отдельных этнических общин на территории России.** Либо все живут по общим законам и принципам, по тем принципам, по которым живет русское большинство, либо желающие быть экстерриториальными пусть откажутся от российских паспортов, получают российские визы и въедут в страну как иностранцы. Никаких «внутренних иностранцев» в России быть не должно. Полпредства регионов, представители по правам человека, лидеры диаспор и т.д. должны заниматься своим прямым делом — информационной работой, защитой всех граждан на определенной территории, развитием народной культуры, обучением всех граждан государственному языку и т.д., а не созданием режима неприкосновенности для тех или иных этносов. Никто не имеет права требовать изменить законы или практику России, ограничивать свободу слова и мысли, переписывать учебники и освобождать преступников, ссылаясь на «волю своего народа». Каждый, кто прибегает к таким методам, должен понять, что у русского народа тоже есть воля, и она, если надо, переломит

любую другую волю. Нежелание жить по одному закону для всех может породить только, как уже было сказано выше, жизнь по воле арифметического большинства.

Если эти пять стрел мы воткнем в беззаконие и неравноправие народов России, если с их помощью мы прервем очевидное пренебрежение интересами самого многочисленного народа России, которая и породила сам феномен России, с ее территорией и ее историей, то мы получим вполне гармоничное общество.

Общество, которое избавится от большинства внутренних болезней, от чувства униженности и потенциала взаимной ненависти, будет справедливым для каждого и сплоченным перед лицом внешних угроз. Никакой альтернативной политики, которая позволила бы сохранить Россию единой и сильной, не просматривается. Если до бесконечности унижать русский народ и издеваться над ним с помощью «толерантной» демагогии, то процесс «отделения русских от России» будет не остановить. А если этот процесс начнется, то не спасется никто — ни простые люди, ни проповедники толерантности. И вопрос с демонстративной лезгинкой на площадях решится сам собой — не будет площадей, на которых ее можно будет плясать.

Уже позже, чем вы думаете!

Журнальный вариант. Полный текст см.:
<http://www.rus-obr.ru/day-comment/9059>;
<http://www.rus-obr.ru/day-comment/9082>

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В минувшем XX столетии, столь славном и трагическом для русского народа, в нашей стране произошло три революции — в 1905-м, 1917-м и 1991-м годах. По своим последствиям они все оказались в конечном итоге антирусскими, имевшими затяжные отрицательные последствия для трудящегося большинства.

Примечательно, что все они начинались с широчайших народных движений, порожденных благими намерениями. В 1905-м народ требовал свободного развития и устранения крепостнических пут, еще сохранявшихся. Тогда же народное правотворчество открыло Советы как форму прямого народовластия. Заметим, что русский опыт той поры оказал огромное и плодоносное влияние на такие крупнейшие страны, как Турция, Персия, Индия и Китай, народы которых еще более страдали от всяческих несправедливостей. Но сам-то русский народ обманули самозванные вожаки революции и завели его в сугубо антирусскую сторону, в тяжкий политический тупик.

С годом 1917-м все уже ясно и досконально изучено. Началось с мощного народного порыва ко всеобщему и мирному освобождению. Советы, истинные средства самоуправления, уже сделались всероссийскими, являя полезный пример миру. Однако политическую неопытность трудящегося народа, его простодушие опять оседлали темные силы, когда вожаками Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов сделали Либер, Дан и браваый солдат Троцкий. Кончилось это пресловутой «диктатурой пролетариата», когда фабричные рабочие превра-

тились в крепостных, а свирепый надзор за ними осуществляли инородцы во главе с Железным Феликсом «со товарищи». Народ хоть и запоздало, но прозрел и на исходе борьбы «красных» и «белых» поднял свободолюбивые мятежи в Кронштадте, на Тамбовщине, на Украине, причем с весьма выразительными призывами: «Власть Советам, а не партиям!», «Советы без коммунистов!» и даже «Власть без жидов». Но было уже поздно...

Революция семнадцатого года имела поистине всемирное значение, причем и для самых передовых стран Запада. Европейские и американские олигархи крепко призадумались тогда, учитывая печальный опыт своих «русских» коллег. Поняли, что нельзя доводить трудящихся до неистового взрыва, что надо, собственного сбережения ради, делиться некоторой частью прибыли с народом. И стали отпускать несколько добавочных центов на каждый доллар зарплаты. Появились и другие формы социальной защиты. Получилось так, что плодами страшных потрясений Октябрьской революции в гораздо большей степени воспользовались народы Запада, чем наши деды. Увы, в истории России такое случалось неоднократно...

В 1991 году народ снова вышел на улицы. Требовалась именно перестройка — не в болтовне, а на деле. Характерно, что никто, кроме кучки явных и тайных «диссидентов», не собирался свергать Советскую власть и социализм, сложившийся в брежневское время, в общем и целом это устраивало людей. Однако очевидна была необходимость преобразований, поначалу что-то вроде ленинского

НЭПа, свободы для скованного годами народного предпринимательского творчества. Правящая партийная бюрократия возглавить это всенародное движение не смогла. После нелепого августовского «недоворота», а потом октябрьского расстрела Дома Советов наступила истинная контрреволюция, прямая диктатура новоявленной буржуазии. Началась эпоха повального воровства и всеобщей народной обездоленности, которая тянется уже двадцать лет.

Характерно, что случившаяся революция (контрреволюция) девяностых не вызвала никакого движения в мире. На Западе нам в лучшем случае сочувствовали, но более злорадствовали: вот, мол, русский медведь сам себе рогатину подставил. А третий мир, которому мы столько помогали, встретил наши беды и несчастья с полным равнодушием. Воистину, у России всегда были только два союзника — ее армия и флот. Но вот и их вскоре не стало.

Всегда надо надеяться только на самого себя, в особенности — на самих себя. Бесправное и униженное положение русского народа на исходе первого десятилетия начавшегося века очевидно, и это дошло наконец до глубины сознания наших скромных и терпеливых сограждан. Первый громкий и отчетливый знак начавшегося русского сопротивления был дан в небольшом городе Кондопоге в августе 2006 года. Впервые за много лет, пережив множество унижений, русский люд вступился за свои права как национальная общность. Это попытались, разумеется, замаять, приглушить, но не обратить внимания оказалось невозможно. Весной 2008 года Путин публично высказался, что «Медведев еще больший русский националист, чем я». Так вот прямо и сказал. Увы, громкое это заявление осталось без всякого продолжения, его до сих пор никто с кремлевских высот не поминает. Мы по-прежнему остаемся несчастными «россиянами».

И вот в морозный декабрь 2010 года

ожидаемый взрыв произошел, причем не только в столице, а во многих больших и малых городах страны. Дело тут не только в кавказских и азиатских бандитах, безнаказанно расплодившихся по России. Это повод, как началом революции 1905 года послужило всего лишь увольнение с Путиловского завода четырех работяг. Дело в сугубо несправедливом устройстве нынешнего российского общества. В чем эти вопиющие несправедливости — тоже всем хорошо известно, не стоит помянуть. Пока нет даже попытки их разрешения, народное возмущение будет продолжаться и даже нарастать. Милиция, даже если ее переименуют, как в Америке, в полицию, в подобных обстоятельствах всегда бессильна.

Прежде чем завершить наши заметки некоторыми общественно-политическими выводами, остановимся для небольшого и шуточного перекура. Мы размышляем здесь об отношениях нынешней «властной вертикали» и русского народа. Поговорим сперва, конечно, о народе

Давно замечено и описано, что когда в туристских странах возникают природные или политические потрясения, западные граждане тут же избегают туда наведываться. А вот граждане нашей страны словно бы и внимания на то не обращают, спокойно едут к солнцу и теплым морям. Скажем прямо, что это забавное вроде бы обстоятельство имеет самые глубокие причины. Весь двадцатый век русский народ прожил в условиях по сути чрезвычайных: бесконечные войны, революции, коллективизации, «великие стройки» за колючей проволокой или без, всякого рода крутые политические перемены. Воистину, другие народы от такой судьбины увяли бы, перемерли, а мы, русские, не только выжили, но даже по временам бывали и бываем довольны и счастливы. Воистину потрясающие мы создания!

Но вот в середине тусклого декабря русская молодежь, возмущенная

долгими несправедливостями и безразличием власти, стихийно вышла на городские площади. А чем же занимались в ту пору сами наши власти? Президент Медведев продолжал героическую борьбу с «культом личности», проводил «десталинизацию». Сам-то он родился дюжину лет спустя после сталинской кончины, и уж до него со Сталиным сражались-сражались уже полвека... Вообразим на миг, что какой-либо русский деятель вздумал бы сегодня начать войну, скажем, с Юлием Цезарем: «Негодяй, он разрушил Римскую республику! Диктатор, тиран!» Неправда ли, это выглядело бы странновато...

Наш премьер-министр в те часы, когда питерская молодежь дралась с милицией (русские с русскими), музицировал на пианино перед богатой публикой, а потом пел по-английски в довольно странном хоре. Поневоле тут вспомнишь поведение Сталина в тревожном конце 1941 года... Вот народ, а вот его президент и премьер. Той и другой стороне тут следует крепко задуматься.

Как бы то ни было, но революция в России началась. Первая русская. Долго ли, скоро ли она продлится, но завершится, как заканчивались все революции в мире, — переменой общественно-политического строя, формы собственности и всем вытекающим отсюда. А в какие жизненные перемены это выльется, не может сказать никто.

Власть ответила на случившееся народное движение обычным силовым способом. Так бывало всегда и везде, но это, разумеется, не решало вопросов, ибо причины народного недовольства тем не устранялись. Ну, власть, она и в Африке власть, но очень характерно, как и что говорили либеральные ТВ и печать. Прежде всего стали требовать искать «зачинщиков», «подстрекателей», которые, мол, всю эту смуту и заварили. Намерения тут понятны, но предлагаемые меры смешны. Это в

прошлом нужно было создавать подпольные кружки заговорщиков (декабристы) или даже партии (большевики) и т.п. Теперь в России 40 миллионов пользователей Интернета, они обойдутся безо всяких «тайных обществ», да и без «подстрекателей» тоже. Но характерна тут неистовая злоба наших «правозащитников», они даже вспомнили про положительный опыт советского КГБ. А вот один из «либеральных мудрецов», лидер «Яблока» С. Митрохин предложил истинно мудрую меру: «Нужно вернуться к идеям интернационализма. Например, ввести в школах уроки интернационального воспитания». Словом, вернуться во времена Коминтерна во главе с Зиновьевым и Кларой Цеткин. Обратиться, значит, к давнему и родному прошлому.

Омоновские щиты и антирусская истерика казенных репортеров не помогут. И тут надо обратить внимание на новую составляющую начавшейся революции — провозглашение идеи национальной демократии. Русские патриоты-националисты весь прошлый век недооценивали значение общественных и личных свобод для граждан. Уже в смуту 1905 года правые круги считали, что свобода слова и все прочие свободы выгодны лишь разрушителям России. То было опасное заблуждение, но оно сохранилось в русском патриотическом сознании еще целое столетие. В разгар смуты 1991 года один публичный поэт призвал: «Сохрани нас ЦК и Лубянка». Не сохранили, а главное — не хотели. Но возмущенный народ тоже сохранял их не пожелал. Так русские патриоты снова упустили возможность возгласить революцию, истинно народную.

Русская молодежь ныне вынуждена сама защищаться от кавказских бандитов и азиатских насильников, но она отлично понимает продажность властей, корыстно заинтересованных в пресловутых «гастарбайтерах». Осада районной прокуратуры, откуда спо-

койно только что отпустили убийц, о том свидетельствует.

ОМОН — это лишь инструмент. Важно, в чьих он руках. Простым топором можно создать потрясающий храм в Кижях, а бывает — старуху зарубят. Вот завтра ОМОН может

отбить у охранников миллиардера, переправившего деньги за рубеж, или пойти на разгром тайных игорных и публичных домов... Работы для него довольно!

Народная русская революция началась.

Валерий Соловей

НОВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Честно признаюсь, не верю тем, кто сейчас безапелляционно заявляет в связи с событиями 11 декабря на Манежной площади в Москве и прокатившейся по Центральной России волной этнических протестов: «Я точно знал, что так и будет». Не только для сторонних наблюдателей, но и для всех без исключения русских националистов «восстание “Спартак”» оказалось полной неожиданностью. А ведь это люди, для которых дискурс национальной революции — центральный в мировоззрении. Да и знаменитая Кондопога, а также аналогичные ей события во многих городах и весях России должны были навести на мысль, что рано или поздно русские этнические бунты доберутся до российской столицы.

Однако если судить по поведению русских националистов, по их растерянности в середине декабря, к политической реальности восстания они оказались не готовы и явно его не ожидали. Впрочем, не стоит упрекать начинающих политиков за неспособность предвидеть будущее. В январе 1917 г. отнюдь не рядовой политический ум своей эпохи, знавший толк в революциях Владимир Ульянов-Ленин с горечью писал, что его поколение вряд ли доживет до революции в России.

Правда, в отличие от националистов декабря 2010 г., партия большевиков в феврале 1917 г. была политически и психологически готова к революционному кризису.

В понимании произошедшего всегда присутствуют два аспекта. Первый: почему это случилось. Второй: смысл случившегося и его возможные последствия.

В книгах и статьях — написанных мною по отдельности или совместно с сестрой Татьяной — были выявлены и проанализированы факторы, потенциально ведущие к декабрьским (2010 г.) событиям. Это: беспрецедентный рост иммиграции в Россию, причем, что первостепенно важно, иммиграции визуальных меньшинств; неспособность и нежелание власти защитить русских от произвола и насилия агрессивных чужаков; слабость российского государства и провал проекта российской политической нации; критическое ослабление русского народа; драматическая трансформация русского сознания, переживающего масштабную этнизацию и архаизацию; самоощущение русских как социально униженного и этнически пораженного большинства; слабость политического русского национализма, неспособного мобилизовать, организовать и возглавить мас-

совый протестный потенциал и др.¹.

Без ложной скромности скажу, что этот теоретический анализ оказался почти безукоризненным. Как резюмировал Владимир Тор, ставший усилиями несправедливого суда известным узником совести: возможность восстания была заложена в самой структуре российской ситуации, хотя никто не мог предвидеть времени и места.

Выяснение причин — занятие интеллектуально увлекательное, но с политической точки зрения маловажное, ибо они (причины) очевидны для всех, сохранивших хотя бы каплю ума и совести. Как говаривал один политик: кто не слеп, тот видит.

В политическом контексте — а *только и именно политически обязаны сейчас думать русские националисты* — ключевое вопрошание относится не к прошлому, а к будущему. Или, словами героя одного английского романа, не надо рассказывать о прошлом, лучше расскажите нам о будущем. Вышел ли пар в свисток, или 11 декабря 2010 г. станет началом новой политической динамики? И если да, то какой? Вот здесь-то и начинается настоящая интеллектуальная работа — рискованная (ибо это не предсказание прошлого, где уж точно не ошибешься), зато увлекательная и политически важная.

В упоминавшихся выше авторских публикациях факторы русского протеста были «упакованы» в методологическую рамку теории революций. Сейчас я еще более, чем прежде, уверен в ее объяснительной силе применительно к России. Прежде чем объяснить, почему так считаю, вкратце напомним, что такое революция.

Конвенциональное определение ре-

волюции в современной социологии следующее: «Это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»². Характерно, что в определении ничего не говорится о содержании революции и ее последствиях: социально-политическом характере нового строя, постреволюционном экономическом развитии, социальной эмансипации и т.д.

Дело в том, что подобные вопросы никоим образом не влияют на классификацию конкретно-исторического процесса/феномена как революционного. События в Италии 1923 г., Германии 1933 г. и Иране 1979 г. были полноправными и весьма масштабными революциями, хотя отнюдь не прогрессистского типа. Убеждение, будто революции непременно должны вести в конечном счете к прогрессу человечества, не имеет ровно никаких теоретических и конкретно-исторических подтверждений.

Все с точностью наоборот. История свидетельствует, что, за несколькими исключениями, практически все революции вели не к экономическому и социальному прогрессу, а к длительному упадку. Форсированное экономическое развитие, порою воследовавшее за этим упадком, как, например, в СССР и красном Китае, невозможно непосредственно вывести из революции. *После этого* не значит *вследствие этого*. Весьма вероятно, хотя недоказуемо, что такое развитие могло иметь место и без революции. Не говорю уже, что цена такого развития может оказаться столь высокой, что ведет к гибели нового государства,

¹ См., например, книги: Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005; *Он же*. Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008; Соловей Татьяна, Соловей Валерий. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009.

² Голдстоун Джек. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 61.

как это в конечном счете и случилось с Советским Союзом, где социалистическая модернизация надорвала силы русского народа — станového хребта государства и главного источника ускоренного развития.

В России конца XX в. произошла отнюдь не рядовая, а системная революция. Ее значение вышло за локальные отечественные рамки, хотя явно не дотянуло до исторических масштабов Октября 1917 г. — одной из двух, наряду с французской 1789 г., Великих революций. Начавшись как классическая революция сверху (реформы Михаила Горбачева), она переросла в революцию социальную (массовые движения протеста снизу) и политическую (трансформация государственных институтов), а затем и системную (одновременная трансформация экономических и социальных структур и политических институтов). Результатом стала кардинальная смена общественного строя: на смену советской политической и социоэкономической системе пришла качественно новая, существо которой наиболее точно схватывает термин «капитализм». Но даже если предложить другое название последней русской революции — скажем, «антикоммунистическая» или «демократическая», это не меняет революционной сути процесса. С теоретической и практической точек зрения значительно важнее понять, завершилась ли «Великая капиталистическая революция» в России или же нет.

Вопрос о завершении революции открывает возможность изощренной теоретической казуистики. В теории революций четвертого поколения выделяют так называемые «слабый» и «сильный» варианты определения финальной точки революции³. В слабом

варианте революция заканчивается тогда, когда «важнейшим институтам нового режима уже не грозит активный вызов со стороны революционных или контрреволюционных сил»⁴. Исходя из этого, Великая французская революция завершилась в термидоре 1799 г., когда Наполеон захватил власть; Великая русская революция — победой большевиков над белыми армиями и консолидацией политической власти в 1921 г. Первая русская революция — Смута, скорее всего, завершилась между 1613 г., когда Земский собор избрал новую династию, и 1618 г., когда, согласно Деулинскому перемирию, поляки в обмен на территориальные уступки прекратили военные действия против России.

Правда, постреволюционное состояние общества нельзя назвать нормальным; оно сравнимо с тяжелейшим похмельем после кровавого (в прямом и переносном смысле) пира или постепенным выходом человека из тяжелейшей болезни. Судя по отечественному опыту, на выздоровление после революции могут уйти десятки лет.

И здесь мы переходим к сильному определению: «Революция заканчивается лишь тогда, когда ключевые политические и экономические институты отвердели в формах, которые в целом остаются неизменными в течение значительного периода, допустим,

---

stone Jack. Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions // Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge, 2003. О применении этой теории к России вообще и современной в частности см.: Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008 (гл. 6); Он же. Завершилась ли в России «Великая капиталистическая революция»? // Вестник МГИМО-университета. 2009. № 6; Соловей Татьяна, Соловей Валерий. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009 (гл. 14).

⁴ Голдстоун Джек. Указ. соч. С. 93.

³ О теории революций четвертого поколения см.: Голдстоун Джек. Указ. соч.; Фисун Александр. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная ин-терпретация // Прогнозис. 2006. № 3; Gold-

20 лет»⁵. Эта формулировка не только развивает, но и пересматривает слабое определение. Получается, что французская революция завершилась лишь с провозглашением в 1871 г. Третьей республики; Великая русская революция — в 1930-е гг., когда Иосиф Сталин консолидировал политическую власть, а под большевистскую диктатуру было подведено экономическое и социальное основание в виде модернизации страны. Более того, окончательное признание коммунистического режима русским обществом, его, так сказать, полная и исчерпывающая легитимация вообще относится к послевоенному времени. Лишь победа в Великой Отечественной войне примирила большевистскую власть и народ.

Изрядный хронологический разрыв между «минималистским» и «максималистским» определением завершающей стадии революции логически хорошо объясним. Самая великая системная революция не способна одновременно обновить все сферы общественного бытия, как об этом мечтают революционеры. Самая незначительная революция способна вызвать долговременную и масштабную динамику.

Сильное и слабое определения вполне применимы к русской революции, современниками которой мы все являемся. В минималистском варианте она завершилась передачей власти от Бориса Ельцина Владимиру Путину и консолидацией последним политической власти, то есть в течение первого президентского срока Путина. Но вот что касается «отвердения» ключевых политических и экономических институтов и, главное, притяия их обществом — вопрос остается открытым.

Вряд ли кто-то решится утверждать, что Россия отвердела институционально, что в ней установлены четкие правила игры, которые приняты обществом в целом. По иронии истории, главным препятствием для отвердения оказа-

лась именно правящая группа. Казалось бы, больше других заинтересованная в установлении долговременного статуса-кво, она постоянно нарушает и без того нечеткие правила игры, выступая источником дестабилизации похлеще всех актуальных (надо признать, не слишком грозных) русских оппозиционеров и революционеров. Ведь «источник власти и богатства бюрократического класса — это контроль за изменением правил, а никак не соблюдение их на протяжении продолжительного периода времени. Стабильность в более или менее точном понимании этого слова смертельно опасна для всех без исключения представителей властной элиты и потому попросту недостижима в современной России»⁶.

Вывод парадоксален: главным источником потенциальной дестабилизации России оказывается правящий класс. Постоянно индуцируя волны нестабильности, он управляет страной в режиме «управляемого хаоса», от которого к хаосу неуправляемому — лишь один шаг. При этом качество правящей элиты (в известном смысле — российских элит вообще) таково, что кризисы, причем все большей социальной цены, становятся попросту неизбежными.

Эта неизбежность вызвана формированием российской политико-бюрократической элиты по принципу негативной селекции, отрицательного отбора: начальник должен выглядеть вершиной на фоне своих подчиненных, что, естественно, ведет к прогрессирующему снижению компетентности, эффективности, да и просто деинтеллектуализации. При этом антимеритократический норматив навязывается обществу в целом. Факт, что в России самая известная балерина славна скандалами и сплетнями, а не танцем; что можно стать эстрадной звездой, не

⁵ Голдстоун Джек. Указ. соч. С. 93.

⁶ Иноземцев Владислав. Природа и перспектива путинского режима // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 55.

имея ни голоса, ни слуха; что модные писатели не знают русской грамоты; что в выступлениях медийных интеллектуалов («говорящих голов» нашего ТВ) глупость, ложь и цинизм заметно перевешивают правду и смысл; что после просмотра ТВ и чтения газет хочется вымыть глаза и душу и т.д.

Новым социополитическим и экономическим институтам просто не дают отвердеть. Не дает именно правящий класс, генерирующий фундаментальную нестабильность, навязывающий обществу негативные социальные и культурные образцы, работающий, так сказать, на «понижение» социокультурного качества, ухудшение человеческого материала.

В более широком смысле фундаментальным фактором нестабильности остаются отношения власти и общества, государства и русского народа. Ведь что, на самом деле, служит главным итогом революции, если экономическое процветание в ее результате не достигнуто, а вдохновляющая утопия социального освобождения на деле оборачивается своей противоположностью? Обобщенным революционным результатом оказывается государство, способное развязать узел дореволюционных противоречий, которое выглядит в перспективе общественного мнения эффективным и справедливым, точнее, более эффективным и более справедливым, чем государство, разрушенное революцией.

В XX в. на развалинах империй повсеместно возникали национальные государства, не стал исключением и Советский Союз. Поскольку же советская империя была последовательно антирусским государством⁷, то новая

демократическая Россия, казалось, должна была стать не просто национальным государством как антитезой империи, но национальным государством именно русского народа. То есть государством, действующим от имени русского народа и для русского народа.

Отчего предпочтение отдано русским? Да потому, что даже в СССР составляющие лишь около половины населения русские служили государствообразующим стержнем. Тем более верно это для Российской Федерации с 79% этнического русского населения и доминирующей ролью русских в политике и экономике, вооруженных силах и культуре. Даже такие завзятые апологеты гражданских (политических) наций, как Валерий Тишков, признают существование в них ведущего культурного ингредиента, то есть, де-факто, этнического ядра. Понятно, что ядром любой общероссийской общности объективно может быть лишь русский народ, при понимании того, что его интересы не противоречат интересам ни одного из народов России. В то же время лишь применительно к русским можно сказать, что их судьба и судьба России тождественны и что малейшее ослабление русского народа ведет к ослаблению российского государства.

Свежеконституированную Российскую Федерацию при всем желании нельзя назвать национальным государством русского народа. Хотя она обладает формальными атрибутами национального государства (суверенная территория, общепризнанные границы, легитимные органы власти и проч.), ее онтология последовательно антисоциальная и антирусская.

Вектор социальной эволюции современной России составляет демонтаж социального государства (*welfare state*) и переход к иному социальному качеству. Хотя разные исследо-

⁷ Обширные доказательства антирусского характера Российской империи и СССР см. в книгах: Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008 (гл. 3, 4); Соловей Татьяна, Соловей Валерий. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009 (гл. 1, 7).

ватели определяют его по-разному: неокорпоративное, неолиберальное, олигархическое государство, — характерообразующие черты подобного государства характеризуются ими почти одинаково.

Во-первых, такое государство рассматривает общенациональные интересы сквозь призму групповых и корпоративных интересов, которым отдается безусловный приоритет при проведении любой политики. В своем поведении оно руководствуется исключительно экономикоцентрической логикой, минимизируя социальные и антропологические инвестиции. Более 50% населения России, в том числе 40% беременных женщин, испытывают дефицит полноценного белка. За двадцать постсоветских лет Россия по качеству человеческого капитала скатилась из первой мировой десятки на 70-ю позицию.

Американец Дэвид Харви в своем впечатляющем анализе называет происходящее реставрацией классовой власти, и этот исторический реванш может рассматриваться как высшая точка капиталистического развития⁸.

Вторая принципиальная черта подобного государства — отказ от определения, что справедливо, а что нет, составляющего главную прерогативу и смысл существования государства *per se* (Аристотель). Это подрывает легитимность государства и взрывает социальный космос. В метафизическом плане такое государство оказывается агентом Хаоса, противостоящим Космосу как порядку-справедливости.

Тем самым третьей основополагающей чертой нового государства оказывается его субстанциальная враждебность человеческому типу социальности и, соответственно, объективно разрушительный характер в отношении человеческого общества.

Западные авторы указывают, что размывание *welfare state* угрожает возвратом к классовой войне глобального масштаба⁹.

Но если на Западе движение в направлении нового государства встречает мощное сопротивление гражданского общества, то в России оно идет практически беспрепятственно.

Между тем именно в России анти-социальная направленность нового порядка еще и этнически заострена — он злобно и последовательно антирусский. По русским — наиболее крупному и самому вовлеченному в индустриальное производство народу — больше всего ударил демонтаж структур Модерна. В отличие от народов, опирающихся на клановую и племенную структуру, русские значительно хуже приспособлены к формирующемуся в стране неоварварскому строю. В призме властного взгляда русский народ — биомасса, призванная обеспечить процветание элиты и функционирование гротескного и зловещего социального порядка. Хотя русские несут самые большие антропологические и социальные потери, на них возложены наиболее тяжелые повинности.

Именно за счет нищих русских провинций Кремль выплачивает фактическую дань мятежному Северному Кавказу. Вот лишь один, но весьма красноречивый факт — данные по расходам федерального бюджета и федеральным целевым программам в Северо-Кавказском федеральном округе в 2010 г. На одного жителя округа приходилось: в Ставропольском крае — 6000 руб., Северной Осетии-Алании — 12 000 руб., Кабардино-Балкарии — 12 900 руб., Карачаево-Черкесии — 13 600 руб., Дагестане — 14 800 руб., Ингушетии — 27 800 руб., Чечне — 48 200 рублей. Для сравнения: в среднем на других жите-

⁸ Харви Дэвид. Неолиберализм и реставрация классовой власти // Прогнозис. 2006. № 2.

⁹ См.: Тамиф Йель. Класс и нация // Логос. 2006. № 2.

лей России приходилось по 5000 руб.

В 2011 г. финансирование Северного Кавказа, невзирая на протесты русских территорий, значительно увеличено: на него планируется направить 400 млрд рублей бюджетных средств, в то время как за предшествующее десятилетие было всего потрачено 800 млрд. Если это не дискриминация по этническому признаку, то что?

Надо ясно понимать, что возникший в России вследствие системной революции социальный порядок субстанциально враждебен интересам русского народа. Его самотрансформация в нечто более гуманное и общенациональное, в нечто более русское невозможна в силу антропологической природы кланов, монополизировавших новое государство и выступающих бенефициарами системы¹⁰. Эти люди, когда их припрут к стенке, еще способны выговорить слово «русский», но никогда и ничего для русских не сделают. Такова их экзистенция.

В историческом плане мы оказались перед дилеммой: постепенная гибель русского народа и России или снос государственно-властной машины и изменение вектора развития, точнее, смена деградации на развитие. Воспользовавшись привычным концептуальным аппаратом и известными историческими аналогиями, можно сказать, что *на повестке дня стоит вопрос национально-демократической революции, которая решит главную и оставшуюся нерешенной задачу системной революции рубежа 80–90-х годов прошлого века — формирование России как национального государства русского народа.*

Подобную гипотетическую революцию можно считать как отдельной революцией, так и новой революционной

волной в контексте незавершившейся системной революции. Однако этот казуистический вопрос лучше оставить будущим историкам. Для нас важнее другое: в свете теории революций события декабря 2010 г. преобразуются, приобретают неожиданную глубину и новый смысл. Они оказываются не рядовым эксцессом или русским этническим бунтом, а чем-то гораздо большим.

В них оказались воедино слиты этнический, социальный и гражданский аспекты. Ведь те, кто вышел на площади и улицы русских городов в декабре 2010 г., требовали справедливости и равенства в правах — для злодейски убитых русских мальчиков и для всего многомиллионного русского народа. В этом смысле русский протест субстанциально демократичен, знаменуя рождение русского гражданского общества. Общества, выступающего независимо от власти, помимо власти и, если потребуется, против власти.

Уже само по себе это можно было бы считать революцией — революцией русского сознания, но, применительно к декабрьским событиям, термин «революция» отнюдь не только метафора. Хотя сами по себе они, конечно, не были революцией, однако стали явственным указанием ее возможности. Повторяя знаменитую черчиллевскую фразу, это был не конец и даже не начало конца, но конец начала.

Впервые за последние десять лет российская власть испытала столь заметный испуг, что даже пошла на изменение официального дискурса, обильно декорировав его терминами «русский» и «русскость». Конечно, реальная цена этих словесных вывертов ничтожна, поскольку за ними не последовало и не последует отмены дискриминационных антирусских практик: русским по-прежнему отказывают в фундаментальных социальных и политических правах. Более того, в каком-то смысле дискурсивный сдвиг лишь рельефно выявил колониалистское отношение

¹⁰ Подробнее об этом см. гл. 11 «Слишком людской завершается век...» книги В.Д.Соловья «Кровь и почва русской истории» (М., 2008).

правлящей элиты к русскому народу. Отождествление русскости с фольклором — не что иное, как типический взгляд завоевателей-колонизаторов на диких аборигенов.

Тем не менее легализация дискурса русскости имеет позитивное значение для русского национализма, ибо раздвигает границы его самовыражения и легальности. Отныне можно говорить о «великой русской культуре» и «великом русском народе», не обрекая себя автоматически на обвинения в фашизме, как это было еще совсем недавно. Теоретически, русский культуркампф способен стать крышей политического национализма. Так происходило в советских республиках на закате СССР, да и вообще в истории многих победоносных националистических движений.

Надо, однако, оговориться, что борьба за культуру не может и не должна рассматриваться как самоцель, но исключительно как средство и способ движения к главной цели — превращение России в государство русского народа, для русского народа и во имя русского народа. В терминологии Роджерса Брубейкера это можно назвать национализацией (этнизацией) политики.

Подобный исторический сдвиг стал бы революцией как по сути, так и по форме его осуществления. По сути ибо это был бы качественно новый для России тип политики; революционная же форма неизбежна, ибо иной путь движения к этой политике попросту заказан. Только благонамеренный идиот способен поверить, что политические основания современной России можно изменить без давления снизу. Двадцать лет постсоветской истории наглядно продемонстрировали, что альтернативы революционной борьбе просто нет, что жестокий Савл антирусской

власти по своей воле не превратится в милосердного к русским Павла.

Русский национализм в России может быть только революционным, или он вообще не заслуживает права называться *русским* национализмом. Консервировать здесь больше нечего: все хорошее, что было в прошлом, разрушено бесповоротно и окончательно, а сохранять вновь созданное — значит, увековечивать социальный и этнический ад, перемалывающий русский народ.

Хочу успокоить отождествляющих революцию с кровопролитием. Последнее вовсе не неизбежно, а в нашем случае так и крайне маловероятно. Все национально-демократические революции в Европе последних тридцати лет, включая «цветные», носили исключительно мирный характер. Русский протест в декабре 2010 г. также прошел мирно и цивилизованно, несравненно более мирно, чем случившиеся незадолго до этого выступления английской молодежи в Лондоне.

В целом у русского народа уже не осталось ни сил, ни энергии для столь капитального кровопускания, которое он устроил в 1917–1920 гг. В нашем случае это и хорошо, и плохо. Хорошо, ибо служит залогом мирного развития революции; плохо, ибо запала на революцию может и не хватить. А ведь только и именно революция способна спасти русский народ и Россию.

Мы не знаем будущего, ибо лишь народ, и никто другой, вправе писать его. Но чтобы пройти предназначенный путь, как бы он ни был драматичен и даже трагичен, русским националистам должно помнить:

*Здесь нужно, чтоб душа была
тверда;
Здесь страх не должен подавлять
совета.*

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ФУТБОЛ

СПОРТИВНЫЕ ФАНАТЫ В РОЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

*Установить, расследовать и посадить!
И разобраться со следователями, ко-
торые отпустили виновных. Зачем они
это сделали? Испугались? За деньги?
Мы же знаем, как это делается...*

Дмитрий Медведев, Президент РФ

*Roman stole his fucking money
from the poor
And policemen will be knocking
at his door.*

*KGB has got his number,
And his Chelsea's going under,
Cause he stole his fucking money
from the poor!*

Фанатская кричалка
про Абрамовича

*Одним из главных смыслов Чемпиона-
та мира по футболу–2018 для самой
России должно стать налаживание
нормальных отношений между русской
и кавказской молодежью.*

Семен Новопрудский, зам. гл.
редактора газеты «Время новостей»

К постановке проблемы

Массовые протесты русской молодежи, прошедшие по всей стране в декабре прошлого года, вызвали у ошарашенной публики самые разные оценки и реакции: от одобрения долгожданного отпора «зарвавшимся кавказцам» до ужаса перед «фашиствующими молодчиками под стенами Кремля». Однако среди многочисленных откликов почти никто не задавался главным вопросом, касающимся всей государственной жизни современной России: как случилось так, что единственной эффективной силой нашего общества,

сумевшей призвать к ответу разложившееся государство коррумпированных чиновников, оказались футбольные болельщики?

Почему именно пацанам со спартаковскими «розами»¹ впервые удалось обратить внимание властей предрежащих на то, что те упорно отказывались видеть: на банды новоявленных абреков, открыто и безнаказанно терроризирующие обывателей наших городов при полном попустительстве, а иногда и покровительстве самих властей и продажных «правоохранителей»? Каким образом те, кого в либерально-интеллигентских кругах именуют не иначе как «подонками» и «отбросами общества», смогли взять на себя функцию гражданского общества и потребовать защиты прав демократического большинства? Ведь по сути «мясные», а также примкнувшие к ним «кони», «бомжи», «динамики» и «паровозы»² выступили в непривычной для себя роли защитников прав униженных и оскорбленных, а в данном конкретном случае — даже убитых и избитых. И это в то время, пока сами «всечеловеки», заседающие в различных «Советах по развитию прав человека», традиционно реагируют лишь на «нарушения прав» чеченских террористов и ограбивших страну жуликов.

¹ На болельщическом жаргоне: фанатский шарф, ключевой элемент атрибутики футбольного болельщика.

² «Мясные», «кони», «бомжи», «динамики», «паровозы» — на сленге обозначение фанатов «Спартака», ЦСКА, «Зенита», «Динамо» и «Локомотива» соответственно.

Более того, с точки зрения политической теории простые 15–17-летние подростки предстали в качестве субъекта политического процесса, когда не просто потребовали восстановления справедливости — наказать убийц и коррумпированных чиновников, но заявили о необходимости учреждения принципиально нового государства. Демократического государства, действующего в интересах большинства, в любом случае такого, где этнические банды не могли бы безнаказанно убивать в русских городах. Думается, до властей явно дошел простой и ясный посыл молодежи, подкрепленный уличными действиями: или вы займетесь решением реальных проблем, или мы обойдемся без вас...

Эта поразительная на первый взгляд констатация одновременно является печальным итогом развития государства российского за последние двадцать лет. Разложение идеи и практики современной государственности (даже в советском варианте), приватизация государства нелегитимными кликами и установление власти клептократии, прикрывающейся фиговым листком демократуры, — все это вынуждает самих людей, еще способных на коллективное действие, прийти и заявить о своих правах. Для начала — о праве на жизнь и безопасность в собственной стране, давно переставшей быть таковой.

Но почему именно фанаты? Некоторые ответы на данный вопрос лежат на поверхности, некоторые требуют знания специфики этого общественного движения, а некоторые отсылают в глубь социальной истории спорта.

Краткий экскурс в историю спорта

Для начала необходимо рассмотреть исторические условия, сделавшие возможным появление такого социального явления, как футбольные фанаты. Или, говоря словами выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё, «какие социальные

условия сделали возможным создание системы институтов и агентов, прямо или косвенно связанных с существованием спортивной деятельности и развлечений?»³. Эта система включает в себя общественные и частные «спортивные ассоциации», которые представляют интересы спортсменов и определяют стандарты, производителей и продавцов товаров (брендов спортивной одежды, обуви и другого инвентаря), а также различных специалистов, занятых в спорте (тренеров, спортивных врачей, спортивных журналистов). То есть всех тех, кто прямо или косвенно живет за счет спорта. С определенного периода эта система стала не просто полем конкуренции, но и местом столкновения агентов, имеющих особые интересы. При этом Бурдьё предупреждает о невозможности установления прямой корреляции между происходящим в системе с интересами институтов и агентов, связанных со спортом: «сущность спортивных явлений в данный момент времени и в данной социальной среде невозможно понять, напрямую связав их с экономическими и социальными условиями соответствующих обществ: история спорта — относительно автономная история, которая, даже когда на ней сказываются крупные события экономической и социальной истории, имеет свое время, свои законы развития, свои кризисы, короче говоря, свою особую хронологию»⁴.

Историки спорта Пайффер и Тобиас подтверждают, что превращение спорта в массовый феномен происходит в 1920-е гг., причем при активной поддержке армии. Речь идет прежде всего о футболе, поскольку «идеальный образ футбольного игрока отвечал всем требованиям к современному солдату». Более того, в политизиро-

³ Бурдьё Пьер. Как можно быть спортивным болельщиком? // Логос. 2009. № 6. С. 100.

⁴ Там же.

ванной оптике 20-х и 30-х произошло отождествление клубов с определенными социальными стратами. Так, во многих крупных городах Европы возникли представления о «народных» («красных») командах социальных низов и (более) «элитарных» («буржуазных») командах средних слоев. Например, в Милане так было окрашено противостояние «Милана» и «Интера», в Мюнхене — «Баварии» и TSV 1860. Таким образом, произошла проекция классово-борьбы на спортивные соревнования. И хотя сегодня подобное политическое восприятие борьбы местных команд вряд ли уместно тем не менее эхо былых социальных битв по-прежнему присутствует в семантике клубной идентичности и болельщицком фольклоре.

Пьер Бурдьё не устал подчеркивать, что «социальное определение спорта является объектом борьбы, что поле спортивных практик — это область борьбы, в которой на кону среди прочего стоит монополия возможность навязывать легитимное определение спортивной практики и легитимную функцию спортивной деятельности»⁵.

Бросается в глаза, что многие спортивные понятия заимствованы, по сути, из языка войны⁶. Причем речь идет не только о словах из терминологии и сленга силовых противоборств (*схватка, бой*) или игровых видов спорта (*нападение, защита, фланг, бомбардир, тренерский штаб*), но и таких базовых категориях соревновательной конкуренции, как *борьба, победа, поражение, разгром* и т.д. И хотя в языке спорта нет понятий *враг* или *противник*, семантика и прагматика, казалось бы,

более мирного словечка *соперник* часто приобретают всевозможные импликации языка ненависти, например, в случае принципиального («исторического») противостояния сторон. Причем это может касаться как конкуренции между клубами одного региона (феномен локального «дерби» вроде матчей «Торино»–«Ювентус», «Спартак»–ЦСКА и т.п.), так и между национальными командами. Примером последнего рода могут служить футбольные матчи Англия–Аргентина или Англия–Германия. Исторически мотивированная милитаристская семантика спортивных игр всячески подогревается прессой. Например, никогда не отличавшиеся особой щепетильностью медиа Великобритании не упускают случая напомнить немцам о нацистском прошлом, пытаясь представить каждую встречу сборных Германии и Англии как очередной раунд исторического противостояния цивилизации и варварства.

Язык трибун, свободный от какой бы то ни было политкорректности, прямо выражает ситуацию войны, когда описывает спортивные игры как некие сражения на поле битвы. Российские болельщики также пытаются осваивать эту скользкую дорожку, используя семантические ресурсы отечественной истории: так, их баннеры все чаще содержат аллюзии Полтавы при встрече наших спортсменов со шведами, Сталинграда и «Ледового побоища» — с немцами и т.п. Примечательно, что современные клубные фанаты пытаются конструировать символическое пространство борьбы, когда говорят, например, о «союзниках», «нейтралах» и даже «дипломатических коалициях», заключаемых с болельщиками других команд с целью противостояния третьим. Что уж говорить о духоподъемных речевках и песнопениях «ультрас», являющихся, по сути, полноправными наследниками боевых кличей и песен времен культурной юности человечества. Ощущение и манифестация воин-

⁵ Там же. С. 103.

⁶ На тему взаимосвязи спорта и войны я уже писал в другом месте: *Кильдюшов Олег. О спорт, ты — война? Спортивные игры Современности как субститут вооруженных конфликтов // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 188–191.*

ского братства болельщиков находит свое полное выражение особенно на так называемых «выездах» — во время организованных поездок торсиды на вражескую территорию — то есть на стадионах «принципиальных» соперников, во «враждебном окружении» фанатов местного клуба и местных же сил правопорядка...

К социологии фанатов

Современное движение футбольных фанатов представляет собой интересный с точки зрения социологии феномен: «22 человека играют в футбол, а тысячи и десятки тысяч смотрят на их игру. Обступив футбольное поле, они критикуют, горланят, свистят, выносят компетентные суждения, подбадривают игроков, чествуют любимцев, рукоплещут всем удачам, бранят судей, и, наконец, мечтают сами принять участие в игре. Они охвачены футбольным психозом и уже не мыслят себя вне спортивного матча, как будто это не только их матч и победа, но всемирный матч и всемирная победа, венчающая любую, даже самую убогую игру».

Такой диагностировал футбольную лихорадку, охватившую Европу почти сто лет назад, немецкий социал-демократический политик Гельмут Вернер. С тех пор многое изменилось, кроме одного: футбол продолжает привлекать к себе миллионы поклонников, независимо от возраста, пола, образования и социального статуса. Эти миллионы современных людей производят уникальную и чрезвычайно разнообразную фанатскую культуру. Вот как описывает это многообразие немецкий историк футбола Гюнтер Пильц: «Диапазон фанатов велик — в эту среду попадают и подростки, и седовласые деды. Одни фанаты спускают себя с тормозов, чествуя свою команду, а другие сохраняют хладнокровие при потреблении любимого зрелищного продукта. Одни фанаты — миролюбивые бездельники, а другие — играющие мышцами хулиганы. Одни никогда

не пьют, а другие напиваются перед каждым матчем. Среди фанатов могут быть и радикальные левые, и убежденные правые»⁷.

Говоря о социальных характеристиках современного футбола, следует иметь в виду, что он с самого начала был игрой индивидов, давно утративших связи с традиционными сообществами. В этом смысле фанатское движение также использовало тенденции индивидуализации XX века и компенсировало их различными способами. По мнению историков спорта, футбол заимствовал свои общественные идеологии у уже существующих сообществ, прежде всего у национальных. И действительно, сегодня мы уже вряд ли можем представить современный спорт вне националистических идентификаций. Хотя в утрированно-патриотическом угаре «боление за своих» может приобрести такие же нелепые черты, что и «пение за Родину» на каком-нибудь «Евровидении».

И хотя страсть к футболу столь же стара, как и сама игра, культура фанатов появилась в тот момент, когда этот вид спорта стал коммерческим и «событийным» настолько, чтобы привлекать повышенное внимание окружающих ко всем своим перипетиям и эпизодам. При этом очевидно, что существует большая разница в том, идет ли речь о команде городского района, игроков которой приветствуют в каждой пивной, или о группе легионеров со всего мира, которых ничего не связывает ни друг с другом, ни с фанатами, кроме контракта с данным клубом...

Несколько десятков лет назад началось объединение болельщиков в союзы⁸, первоначально — с целью организации поездок на игры «своей»

⁷ Пильц Гюнтер А. Футбол — это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов // Логос. 2009. № 6. С. 114–115.

⁸ На сленге российских фанатов — «фирмы».

команды. Естественно, вся жизнь подобного союза пронизана ценностями товарищества и братства, которое ощущается во всей своей полноте на стадионе, во время игры с очередным «противником». Здесь у фанатов срабатывает автоматизм отождествления спортивного соперника не просто с ситуативным противником, но и с экзистенциальным врагом. Ведь фанаты приходят на стадион не просто посмотреть футбол, но и пережить триумф «своей» команды. Для достижения этой цели они готовы пожертвовать своими деньгами, временем, здоровьем, а иногда и жизнью. И все это в противостоянии команде соперника, а также судьям, спортивным чиновникам и органам правопорядка. Но прежде всего — фанатам конкурирующих клубов⁹.

Фанатское движение по определению является «футболоцентричным»: фанаты полностью отождествляют себя с любимой командой, что напрямую выражается в одежде, носящей цвета определенного клуба или футбольного союза (шарфы, бейсболки, футболки и т.д.). Именно фанаты создают на стадионе ту особую атмосферу, к которой мы все привыкли: трибуны в клубных цветах соперничающих команд, речевки и песнопения.

Между тем с появлением непреодолимой дистанции между фанатами и профессиональными футболистами, угрожающей превратить футбол просто в очередную отрасль индустрии развлечений, произошли серьезные изменения статуса самих фанатов. Они все больше стали осознавать свою роль как полноправных участников, поскольку теперь зрители стали очень чутко относиться к своему собственно-

му присутствию на стадионе: «зрители идут на стадион не только для того, чтобы посмотреть, но и чтобы стать важной частью события под названием профессиональный футбол»¹⁰.

В этом смысле трудно представить себе большее заблуждение относительно роли фанатов в современном футболе, чем суждение, высказанное обозревателем «Советского спорта» Ю. Цибаневым в заметке под красноречивым названием «При чем здесь футбол?», где он призывает «отделить футбол от военной угрозы с ним рядом», раз «фанаты» уже могут обойтись без футбола»¹¹.

Футбол и насилие

Спортивные и особенно футбольные болельщики никогда не вписывались в ту роль, что предписывалась им официальной доктриной и правилами игры. Причем это касается не только стран Запада, но и Советской России, где футбол также возник в городской среде и распространился среди пролетарских слоев. По мнению некоторых историков, советские футбольные болельщики — подобно своим западным собратьям — также были шумными, крикливыми и драчливыми. Так, опираясь на сообщения советской прессы 20–30-х гг., они утверждают, что для этой части зрительской публики были характерны не только недисциплинированность, но и дикие выходки и даже массовые драки. Роберт Эдельман описывает один из самых известных случаев такого рода, произошедший в Одессе в 1926 г. Тогда, во время матча между одесской и московской командами, сопровождавшегося массой нарушений правил, болельщики выбежали на поле, и разогнать их смогла лишь конная милиция. Историк отмечает, что и позже, в 30-е гг., футбольные бо-

⁹ Тем более ценными предстают акции солидарности болельщиков многих российских команд, поддержавших праведный гнев спартаковских фанатов после убийства Егора Свиридова («Седого») бандой кавказцев 6 декабря 2010 г.

¹⁰ *Пилец Гунтер А.* Указ. соч. С. 118–119.

¹¹ *Цибанев Юрий.* При чем здесь футбол? // Советский спорт. Футбол. № 49. 14–20 дек. 2010. С. 3.

лельщики считались опасными и неуправляемыми. А пресса, как и сегодня, часто критиковала их за «некультурное поведение»¹².

Интересно, что власть была вынуждена мириться с подобным положением дел, так как из-за широкой популярности футбола не могла запретить эту игру, имевшую уже в предвоенный период довольно двойственную репутацию — и как гордости, и как позора советского спорта. Р. Эдельман подчеркивает, что «драки, нечестная игра и прочие нарушения были свойственные не только периоду НЭПа с его якобы расшатанными нравственными стандартами. Непростительная грубость никуда не делась и в тридцатые годы. На одном из матчей Московского городского турнира 1935 года игрок был дисквалифицирован за нанесение противнику ударов ногой по голове. Годом ранее один из матчей в Ленинграде вылился в массовый скандал, его пришлось прекратить. Во время игры в Симферополе два «известных хулигана», братья Большеновы, принялись избивать вратаря команды-соперницы. На других играх в Симферополе футболисты выходили на поле в нетрезвом виде, матч быстро перерастал в мордобой»¹³.

А Джеймс Риордан в своей книге «Спорт в советском обществе» рассказывает о других случаях насилия в раннем советском футболе. Так, 24 июля 1937 г. на матче «Динамо» (Москва) — «Динамо» (Ленинград) произошли беспорядки, которые возникли в результате низкого уровня дисциплины на футбольном поле: три ленинградских игрока получили серьезные травмы. Именно с тех пор на всех основных матчах болельщиков от поля всегда

отделяло милицейское оцепление¹⁴. (И эта традиция продолжается до сих пор.)

То же самое в это время мы наблюдаем и в Европе. По мнению немецкого историка спорта Кристианы Айзенберг, Первая мировая война стала для спорта своеобразной «рекламной акцией», поскольку вернувшиеся с войны фронтовики толпами повалили в спортивные клубы и на трибуны стадионов. Причем исследовательница отмечает связанные с этим изменения в спорте на нескольких уровнях. Во-первых, в результате массового наплыва людей соревнования утратили былой элитарный характер. Во-вторых, прошедшие во время войны спортивную социализацию фронтовики «не избавились от усвоенного понимания спорта, как избавились от военной формы», что повлекло за собой резкое изменение характера соревнований в сторону небывалого роста нарушений правил и грубости. Изменился даже язык спорта: соревнования превратились в привычный для солдат *Kampf*, а *Sportfreund* — в *Sportkamerad*¹⁵.

Если обратиться к более близким временам, то на Западе уже с середины 70-х гг. традиционное понятие «болельщик» вытесняется понятием «футбольный фанат». Оно тут же получило негативную окраску в значении «футбольных громил» (*rowdies*) или «футбольных рокеров» (*rockers*). А с середины 80-х самым распространенным становится термин «футбольные хулиганы»¹⁶. В этом смысле в современном футболе одновременно произошли две дифференциации: в то время как игроки перестали быть «своими парнями», превратившись в своеобразных звезд спортивного шоу-бизнеса,

¹² *Edelman R. Serious Fan: A History of Spectator Sports in the USSR. Oxford, 1993. P. 53–54.* Здесь и далее цит. по: *О'Махоуни Майк. Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура. М.: НЛО. С. 87.*

¹³ Там же. P. 54.

¹⁴ *Riordan J. Sport in Soviet Society. Cambridge, 1977. P. 133.*

¹⁵ *Айзенберг Кристиана. Футбол как глобальный феномен. Исторические перспективы // Логос. 2006. № 3. С. 91–104.*

¹⁶ *Пильц Гунтер А. Указ. соч. С. 119.*

параллельно этому из толпы болельщиков выделилось движение фанатов, приобретшее собственную, часто социально опасную динамику. Так что здесь можно говорить о двойной профессионализации в футболе, ставшей заключительной стадией взаимного дистанцирования игроков и зрителей: «Фанаты и звезды — две стороны одной медали, актуальные и прогрессивные варианты испытанных профи. Если у игроков профессионализм имеет денежное выражение, то ведь и хулиган теперь элитарен, он умеет быть “крутым” и “прикольным”, и он так же уже не связан со своим кварталом и, накидывая новый шарфик, идет туда, где ожидается “лучшая акция”»¹⁷.

В заключение подметим известным изоморфизм между поведением футболистов и футбольных фанатов: и те, и другие постоянно нарушают не только правила (игры, и не только), но и наши представления о том, что есть футбол как социальный феномен. В любом случае российским фанатам вполне удалось сделать это своим недавним солидарным выступлением протеста против беззакония со стороны властей.

Вместо заключения

21 декабря 2010 г. в Министерстве спорта прошла встреча премьер-министра РФ Владимира Путина с представителями организаций футбольных болельщиков, на которой премьер-министр сказал, что считает убийство болельщика «Спартака» трагедией и атакой на все сообщество болельщиков России: «Вы должны воспринимать это как атаку против вас всех, вне зависимости от места жительства, национальной или религиозной принадлежности. Погиб молодой человек Егор Свиридов. Это большая трагедия». Вечером того же дня Путин посетил Люблинское кладбище, где возложил цветы на могилу Егора...

Стоит признать, что подобные жесты власти давали фанатам право на определенную надежду — надежду на изменение ситуации. Однако пока на практике происходит все наоборот: экстремистами объявили самих болельщиков. Испугавшаяся, но, видимо, так ничего и не понявшая власть словно пытается загнать вырвавшегося джина обратно в бутылку. Дискредитировавшие себя «правоохранители» уже пришли в себя и приступили к привычному для себя делу — прессовать лидеров и активистов фанатских группировок: сотрудники милиции являются по домашним адресам болельщиков, проверяют документы, опрашивают, например, на предмет участия в погроме на Манежной площади. При этом гости в форме фотографируют болельщиков. По словам главы Всероссийского объединения болельщиков Александра Шпрыгина, определенного эффекта «органы» уже достигли: «Лидеров группировок приглашают в кабинеты повыше, на Петровку, 38, посещение которой не добавляет им нервных клеток. Никто из фанатов не любит туда ходить. Всплывают перед глазами картины: а вдруг будут пытаться, вдруг в подвал затащат?!»¹⁸.

Возвращаясь же к поставленному вначале вопросу: «Почему именно фанаты стали той силой, что смогла привести публичную повестку дня в соответствие с реальностью?», — стоит заметить, что политкорректный «комментарият» сразу выдал на-гора вполне ожидаемый ответ, отличающийся от автора к автору разве что стилистически. Наиболее популярной версией здесь выступает «теория совращения малолетних». Например, в такой редакции (Борис Волхонский в «Русском журнале»): «Именно группы фанатов сегодня становятся легкой добычей и

¹⁸ *Иванов Сергей*. Фанатов — под колпак. В связи с волнениями милиция взялась за лидеров фанатских группировок // Советский спорт. № 189. 17 дек. 2010 г. С. 15.

удобным инструментом для политического манипулирования. Болельщики молоды, их психика не устоялась, а формировалась в условиях тотальной ненависти всех ко всем и ежесекундного деления любой конфликтной ситуации по оси «свои–чужие». Такими группами (в силу их многочисленности складывающимися в массы) манипулировать очень легко, и этим с удовольствием пользуются силы, которым наплевать и на футбольные страсти, и на чистоту славянской расы, а нужно только одно — вытеснить конкурентов из занимаемых ими лакомых рыночных ниш»¹⁹. Данное объяснение внешне выглядит логичным и указывает на ряд характерных для футбольных фанатов черт: они молоды, организованы и мобилизуемы, способны отличать «своих» от чужих» и т.п. Одним словом, подходящее описание для «плохих парней», ставших проблемой для остального общества. «Как бы ни открещивались фанатские объединения от событий на Манежной, проблема встала со всей очевидностью»²⁰.

Жаль только, что сторонники подобных версий пытаются подменить

функцию фанатов в данном конфликте: ведь если бы убитый Егор Свиридов не был фанатом «Спартака», то это убийство попросту осталось бы незамеченным. То есть преступникам это сошло бы с рук, как часто происходило в тех случаях, когда выходцы с Кавказа безнаказанно совершали преступления, прикрываясь защитой своих этнокорпораций, имеющих тесные коррупционные контакты с властями и «правоохранителями». Как выразил это Дмитрий Медведев: «Испугались? За деньги? Мы же знаем, как это делается...».

Таким образом, футбольные фанаты — то есть «молодые», «несмышленные», «сбитые в стаи» и проч. — подростки в данном контексте оказались более зрелыми, чем многие институты так называемого гражданского общества, профессиональные спикеры которого попытались тут же заболтать проблему этнической несовместимости в духе «дружбы народов». Не говоря уже об институтах государства, в очередной раз продемонстрировавших свою абсолютную нефункциональность. В таких случаях на авансцену выходит именно тот, кто способен на солидарное действие. Тогда не стоит удивляться, что этим действием может оказаться и восстание на «Манежке»...

¹⁹ Борис Волхонский. Парни с Ленинградки // <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Parni-s-Leningradki>

²⁰ Там же.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

КАК РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ РАЗОШЛАСЬ С РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ

Определимся с понятиями, о которых пойдет речь. Что такое Власть? Что такое Общество?

С Властью определиться просто.

Под Властью мы, в соответствии с Конституцией России, будем понимать три ее официальные ветви: законодательную, исполнительную (плюс

президент) и судебную. И заявленную проблему будем рассматривать именно в контексте взаимоотношений Общества с этими ветвями.

С Обществом — сложнее. Оно в России настолько неоднородно, пестро во всех отношениях, что необходимо найти некое *значимое большинство*, которое позволит пренебречь многочисленными частными различиями и говорить об обществе как о чем-то более или менее целом, а не о многих параллельно существующих «обществах», «сообществах» и т.д.

Что же это за большинство в России, которое позволяет нам ставить вопрос о феномене «Общества»? Воспользуемся сравнением с СССР, чтобы прояснить картину.

Современная Россия диаметрально противоположна бывшему Советскому Союзу в главном: в общественной структуре. В те времена шла речь о «социально однородном обществе»: такова была официальная доктрина. Наряду с ней действовала и другая основополагающая доктрина: «советский народ — новая историческая общность людей». То есть усиленно насаждалось идеальное представление о советском обществе как монолитном человеческом сплаве, *в котором социальные и национальные различия теряют всякое значение.*

Фальшивость этого представления обнажилась уже к исходу коммунистической эпохи, когда стало ясно, что разлом страны произойдет именно по социальным и национальным граням, которые обозначились в 1970-е гг., а в 1980-е приобрели характер настоящих водоразделов.

Социальные грани сейчас вне зоны нашего внимания. Национальные же грани, наличие которых коммунисты всегда просто отрицали (Ленин: «нации — буржуазная выдумка»), неожиданно для многих преобразовались в крепкие границы национальных государств. И даже не просто национальных, но этнократических! Украи-

на — для украинцев, Казахстан — для казахов, Латвия — для латышей, Грузия — для грузин и т.д. и т.п.: четырнадцать национальных держав по всему периметру российских границ...

Стало окончательно ясно, что в Советском Союзе проживал вовсе не какой-то там безнациональный «советский народ», о котором нам рассказывали небылицы, а что в действительности это была многонациональная страна, содержащая в себе ряд наций в полном научном смысле этого слова, способных провозгласить и утвердить свой национальный суверенитет, свою национальную государственность.

Распад Советского Союза и Перестройка придали России такие качества, которых она была лишена в составе СССР.

Во-первых, мы оказались в стране, вновь разделенной на социально неоднородные классы и сословия, чьи интересы во многом противоречат друг другу, и говорить сегодня о некоем «русском обществе» как значимом большинстве невозможно, если ориентироваться на социальные критерии. Ибо значимой группой сегодня является лишь социальное меньшинство, а социальное большинство вовсе не определяет политическую картину современной России, является политически дефективным.

Во-вторых, в отличие от СССР, мы оказались не в многонациональной, а в мононациональной стране. Причем если сознание социальной однородности, в котором воспитывалось советское общество, сегодня разбито в мелкие осколки, то русское национальное самосознание заметно растет (яркий пример — ежегодные Русские марши и события 11 декабря в Москве на Манежной площади). Это отмечают не только журналисты и политики, но и ученые-социологи. Если в 1986 г. 78% русских определяли себя как «советские» и только 15% как «русские», то сегодня (по данным ВЦИОМ) против лозунга «Россия — для русских!» вы-

ступает менее 20% опрошенных, а значит, прямо или с оговорками, его поддерживают или хотя бы не возражают около 80%.

Итак, мы не погрешим против истины, если признаем, что в постсоветской России обнаружилось *новое значимое большинство населения: русский народ*. А значимое большинство — это и есть Общество. При таком понимании проблема «Общество и Власть в России» трансформируется в проблему «Русский народ и Власть».

Коротко эту проблему можно охарактеризовать одним словом: РАЗМИНОВЕНИЕ.

Корень проблемы

Общество и Власть разминувшись друг с другом; дело дошло даже до государственной русофобии и открытой конфронтации.

Русские, как и любой другой народ, имеют свои права и интересы. Хотя права национального большинства не рассматриваются в международном праве, в отличие от детально проработанных прав национальных меньшинств, но это значит лишь, что они присутствуют в правосознании «по умолчанию» как права народов вообще (в том числе, например, как право наций на самоопределение — общепризнанная правовая константа).

Сегодня Власть грубо нарушает права и интересы русского народа. На глазах обостряется конфликт между Обществом, стремительно их осознающим, и Властью, отказывающейся их не только удовлетворять, но даже замечать.

Возьмем власть законодательную. Именно она попирает права русских наиболее зримо и грубо.

Начать можно с фундаментального права русского народа на самоопределение. В отличие от 21 народа России, имеющего свою государственность, у русских это право не реализовано. Об этом громко кричит преамбула Конституции России, начинающаяся сло-

вами: «Мы, многонациональный народ России...».

Именно сам факт принятия Конституции и провозглашения государства России от лица некоего «многонационального народа» (псевдонаучный фантом) означает, что Россия не является государством русских, не воплощает суверенитет русского народа. Хотя, по той же Конституции, таковой суверенитет имеется у татар, башкир, якутов, чеченцев, адыгов, ингушей и т.д. У русских же в России своей государственности нет — ни юридически, ни фактически! Что и несправедливо (ибо Россию создал именно русский народ, по имени которого ее и назвали), и незаконно, т.к. противоречит статье 19 Конституции, согласно которой все должны быть равны, независимо от национальности.

В Госдуме начала 2000-х гг. был разработан законопроект «О русском народе»¹ и даже прошли надлежащие думские слушания. Проект положили под сукно. Вместо него нам подсовывают законопроект «Об основах национальной государственной политики», где есть глава 16, посвященная русским. Там на русских возлагается вся ответственность за Российскую державу, но нет ни слова о русских правах и интересах. Подробный резко отрицательный отзыв на этот законопроект был опубликован² и передан в Администрацию Президента, в Госдуму и в Минрегионразвития.

Можно еще углубиться в тему несоответствия законодательства русским правам и интересам (фактов очень много)³.

Но главное — русский народ лишен своего легитимного представительства

¹ Я входил в рабочую группу под руководством В.А. Печенева.

² См. в газете «Русский фронт» № 3 (27) за 2006 г.

³ Лекцию на тему «Русский народ в правовом поле России» мне не раз приходилось читать по университетам.

ства как в самой России, так и в семье народов мира. Нет такой инстанции, которая была бы уполномочена представлять русских на любом уровне: от Ассамблеи народов России до Организации Объединенных Наций.

Создавать свои национально-культурные автономии (НКА) русским в 2003 г. запретили специальной поправкой к закону. А закон «О политических партиях» попросту запрещает создание партий по национальному признаку. Вот и получается, что *народ, на котором держится вся Россия, лишен всякого законного представительства вообще*. Соответственно, в России нет такой структуры, куда русский человек мог бы законно обратиться со своими этническими проблемами (а их немало) и где его хотя бы выслушали и ободрили, а в идеале — помогли.

Возьмем власть судебную. Как известно, законодательная власть много побеспокоилась о том, чтобы в судебном порядке пресекать конфликты на почве национальной, религиозной, расовой вражды. Приняты новые соответствующие статьи в УК РФ и даже отдельные законы, например «О противодействии экстремистской деятельности». Однако и трактовка этих законов в СМИ, и правоприменительная практика показывают, что они применяются исключительно односторонне: когда нужно раздуть жупел т.н. «русского фашизма». В тех же случаях, когда убийства, избиения, вообще насилие и дискриминация применяются против русских людей, об этих замечательных статьях и законах все сразу забывают. Я лично не раз бывал свидетелем судебных процессов такого рода, когда, например, Пресненским судом была оправдана газета «Московский комсомолец», напечатавшая: «Давайте вспомним: между русским человеком и свиной много общего». Судья Тюленев не нашел тут правонарушения. А попробуй кто напечатать *такое* о мусульманине или еврее?! По-

добная несправедливая, односторонняя судебная и милицейская практика, утвердившаяся у нас повсеместно, по сути, является наихудшим видом разжигания межнациональной розни.

В стране сложилась система новой инквизиции, но действует она только против русских. Список литературы, признанной экстремистской, давно перерос печально знаменитый папский «Индекс» отреченной литературы. Свиристует политический сыск, людей карают за «мыслепреступления» (Оруэлл). Доходит до полного абсурда: в Советском районном суде города Иванова в 2009 г. признали экстремистскими брошюры за то — внимание! — что они имеют «ярко выраженный прорусский характер».

Отделы МВД по борьбе с организованной преступностью повсеместно перепрофилированы в отделы по борьбе с экстремизмом, хотя преступления экстремистской направленности составляют менее 0,01% от общего количества. Новые отделы немедленно развили бурную деятельность (не брезгуя провокациями) и еще более бурную отчетность. Только в одном 2008 г., по докладу генпрокурора Юрия Чайки, вынесено почти 29 тысяч актов прокурорского реагирования «в связи с нарушением законодательства о межнациональных отношениях и противодействии экстремизму». Кроме того, «прокуроры направили свыше 4600 заявлений в суды общей юрисдикции о ликвидации, запрете деятельности экстремистских объединений и признании информационных материалов экстремистскими».

Если судить по этой дутой отчетности, Россия — просто какая-то родина экстрима!

Необходимо покончить со всем этим.

Суммируя отношения русского Общества с судебной и законодательной Властью, можно со всей ответственностью перефразировать Радищева: *русский человек в законе мертв*.

Возьмем, наконец, власть исполнительную. Встречаясь в марте 2008 г. с Ангелой Меркель, Путин публично сообщил, что новый президент Медведев еще больший «русский националист в хорошем смысле слова», чем он сам. Чем в очередной раз ввел весь электорат в заблуждение. Ибо когда тот же президент Путин заявил, что лозунг «Россия — для русских!» могут прокламировать только придурки и провокаторы, как прикажете его понимать? Значит, придурки и провокаторы — это почти 80 процентов электората, избравшего его на этот пост?!

А высказывания президента Медведева по поводу событий на Манежной площади показывают, что он не только никакой не русский националист (даже в наилучшем смысле слова), а лишь недалекий филистер, равным счетом ничего не видящий, не знающий, не понимающий и не желающий ничего знать, видеть и понимать о русских проблемах.

Неоднократные попытки выйти на президентов, чтобы просветить их в отношении азбучных истин этнополитики, в отношении основных проблем русского народа, его прав и интересов, всегда наталкивались на саботаж чиновников.

Администраторы менее высоких уровней (министры, губернаторы, мэры и др.) берут пример с президента.

Что же остается сказать в таком случае? Только повторить: отношения Общества и Власти в современной России носят характер *разминовения*.

Что Власть должна делать, но не делает

Понятно, что если Власть и Общество разминулись между собой, ничего хорошего в этом нет. Если народ вытолкнуть, вытеснить из легального политического пространства, как это сегодня делают с русскими, он неизбежно перейдет в подполье.

Как эту трагедию предотвратить?

1. Кремлю необходимы регулярные

консультации с реальными, а не самим же Кремлем склеенными русскими организациями.

2. Необходимо убрать из закона «О политических партиях» пункт 3 ст. 9, запрещающий создавать партии по национальному признаку, ведь это естественное право, вытекающее из Всеобщей декларации прав человека и гражданина.

3. Необходимо аннулировать поправки к закону «О НКА», дискриминирующие русских, и зарегистрировать наконец федеральную русскую НКА. Тем более что соответствующие судебные решения уже имели место быть.

Эти **первоначальные** меры нужны, чтобы у русских в семье российских народов было легитимное представительство, чтобы русские не чувствовали себя несправедливо ущемленными и обделенными, чтобы преодолеть разрыв между Обществом и Властью, чреватый большим взрывом.

4. Необходимо покончить с асимметричной псевдофедерацией, нарушающей права всех российских этносов, кроме т.н. титульных в национально-административных образованиях.

5. Власть должна знать и понимать первоочередные этнические проблемы русского народа. Их не так уж много. В чем они?

На учредительной конференции Русского национального движения 30 января 2004 г. была принята «Программа-максимум и программа-минимум», где исчерпывающе сформулированы основные требования, кристаллизованные всем ходом развития русского самосознания.

Программа-максимум

Русского национального движения

Построение Русского национального государства, включающего в себя территорию нынешней России (но без национально-территориального деления), а также земли, желающие с ней воссоединиться.

* * *

Программа-минимум

Русского национального движения

1) Признание, в соответствии с международными стандартами, России — мононациональной страной русского народа, составляющего абсолютное большинство ее населения;

2) признание и законодательное утверждение исторической роли и фактического значения русского народа не только в качестве коренного и титульного (всю Россию назвали по нашему имени), но и как единственной государствообразующей нации России. Ибо русские — не только создатели России, но и единственная (!) нация, без которой Россия не могла бы существовать в виде единого государства в ее настоящих границах;

3) признание права русского народа на национально-пропорциональное представительство во всех органах государственной власти и местного самоуправления России;

4) признание права на воссоединение единой русской нации, оказавшейся в разделенном положении;

5) признание факта этнодемографической катастрофы русского народа и законодательное утверждение мер, в том числе чрезвычайных, направленных против депопуляции его как государствообразующей нации, против снижения его удельного веса в составе населения России;

6) сохранение и укрепление этнического единства русского народа и всех исторических и культурно-языковых факторов, способствующих этому;

7) запрещение русофобии во всех ее проявлениях, защита человеческих и гражданских прав русских людей в любой точке земного шара;

8) признание факта геноцида русского народа и преодоление его последствий».

В своем месте все эти пункты подробно откомментированы.

Знает ли Власть об этих требованиях? Слышит ли она голос Общества,

голос русского народа? Нет, не знает и не слышит. И слышать не хочет.

6. Необходимо убрать из российского законодательства статьи 280, 282, 282' УК РФ и закон «О противодействии экстремистской деятельности» как нормы бесполезные и лишь накаляющие и без того непростую обстановку в стране, то есть вредные. В российском законодательстве достаточно уголовных статей, чтобы бороться с преступностью, не скатываясь в политические преследования. Русское массовое правосознание давно оценило эти нормы как аморальные, а их жертвы рассматривает как политзаключенных, узников совести и мучеников русской идеи.

7. Необходимо:

— внести в законодательство нормы, исключаящие нелегальную и жестко ограничивающие легальную иммиграцию (всего три закона, их проекты имеются);

— вернуть национальный состав России к пропорциям, характерным для РСФСР 1950-х годов, в эпоху искренней дружбы народов.

В противном случае накал межэтнического противостояния будет только усиливаться.

К сожалению, вместо этого усиление позиций инородцев в бизнесе и во власти ведет к латентному фактическому захвату ими экономической и политической власти в стране. В регионах происходит раздел сфер влияния между местной бюрократией и буржуазией, с одной стороны, и сильными этническими сообществами — с другой. В итоге нарастает конфликт между властью и этнически русским населением страны. Массовые выступления (по образцу Кондопоги, Хотьково или Манежной площади) являются естественной реакцией национального большинства.

Чего Власть делать не должна, но делает

Все необходимые вышеперечисленные меры сегодня не выполняются.

А тем временем кремлевские мудрецы:

Не дали возможности создавать политические партии по национальному признаку. В том числе русским — наиболее в том заинтересованным ввиду особой многочисленности и особой же незащищенности. У русских нет своих депутатов в Госдуме, способных хоть в малой мере защитить нас и заступиться за русский народ, хоть как-то выразить его интересы. Партийная жизнь России есть зрелище сколь же превратное, столь и отвратное. Ибо не только не отражает действительного расклада политических сил в обществе, но и злобно искажает этот расклад.

Не дали русским зарегистрировать легальную Национально-Державную партию России, аккумулировавшую в то время лучшие, самые здоровые силы русского движения. А также и другие законопослушные партии: РОНС, ПЗРК, КРО — «Великую Россию», Концептуальную партию «Единство», «Дело нации» и т.д.

Не дали нам, в отличие от других этносов, зарегистрировать даже безобидную Федеральную русскую национально-культурную автономию. Испугались. Пожались денег. Приняли поправки к закону об НКА, вообще исключая для русских возможность создания таковых.

Не дают проводить Русский марш по оптимальным маршрутам.

Не дают, в отличие от других этносов, возможностей для проведения русских мероприятий, препятствуют любым формам русской самоорганизации. Русским не находится места в Московском Доме национальностей и подобных учреждениях.

Не дают русским (в отличие от татар и башкир) возможности определять и указывать свою национальность в соответствии со ст. 26 Конституции. Форменное издевательство: конституционное право есть, а механизма его реализации — нет.

Не защищают русских в ситуациях этнических конфликтов.

Не работают с русской диаспорой, фактически бросили наших русских за рубежом на съедение местным этнократам.

Не дали способному молодому лидеру Дмитрию Зубову зарегистрировать Национальный студенческий союз, а в 2006 г. не дали студентам выразить свое законное и справедливое возмущение национальными квотами в вузах. До сих пор эти аморальные и незаконные квоты существуют и действуют повсюду.

Не дают русским политикам и идеологам выхода в ТВ-эфир.

Не встречаются с русскими лидерами, делегатами, в отличие от представителей других этносов, не желают знать и обсуждать русские этнические проблемы, вообще ничего хорошего для русских не делают. Факт табуированности русской национальной темы на самом вершине многозначителен.

Попустительствуют многообразной дискриминации русских в политике и быту.

Не преследуют русофобию в СМИ и органах исполнительной власти. Более того: Общественная палата при президенте под завязку укомплектована патентованными не-друзьями русской нации, такими как Валерий Тишков, Николай Сванидзе, Алла Гербер, Александр Брод и другие герои моей статьи «Новая инквизиция».

Режим объявил русскому национализму открытую войну (устаами Владислава Суркова на съезде «Единой России») и повел ее жестоко и последовательно скоординированными усилиями ФСБ, прокуратуры и судов, а также подконтрольных СМИ на всех уровнях и во всех регионах.

Президент нашел возможность встретиться с главным редактором «Новой газеты» (откровенно антирусской и враждебной президенту и правительству) Дмитрием Муратовым, чтобы выразить соболезнование по по-

воду гибели русофобствующего адвоката Маркелова. Но гибель русского мальчишки Боровикова от пули мент-убийцы не тронула никого в Кремле. Выступления Медведева по горячему следу Манежной площади показали, что он бесконечно далек от истинного понимания причин произошедшего, что русская национальная проблематика для него просто не существует, как и азы этнополитики.

Но самое главное: Кремль взял курс на многонациональную империю традиционного российского типа, то есть империю наоборот, наизнанку, где нацменьшинства, инородцы и национальные окраины выполняли роль

метрополии, потребляющей ресурсы, а сама Россия и ее этнический эквивалент — русский народ — выполняли роль колонии, источника ресурсов. Мы же, русские националисты всех мастей, сортов и рангов, единодушно требуем, как показал недавний опрос, совсем другого: создания Русского национального государства, в котором будет действовать принцип: все для русских, ничего против русских.

Все вышесказанное, если не будет осмыслено и исправлено Властью в кратчайшие сроки, приведет к последствиям, в сравнении с которыми события на Манежной площади покажутся сладким сном.

КНИЖНАЯ НОВИНКА
**Èçààòàèùñèàÿ àðîí'ì à «Ñèèì áí ú»
âùí òñðèèà â ñààò í îóð éí èáó
Êî í ñààí òèí à Êòóèîî àà «Ï ðî áí àòü ÷àððáé»**

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

МИХАИЛ РЕМИЗОВ

РУССКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ НЕОФЕОДАЛИЗМА

Многонациональность как конструкт

На декабрьском Госсовете первые лица государства, кажется, впервые столь подробно говорили о «национальном вопросе». Главным событием для прессы стало то, что они вроде бы по-разному оценили советский опыт его решения. Премьер вспомнил о потерянной рае советской межнациональной гармонии, президент — о тоталитарных ежовых рукавицах. Но разногласия в тандеме, как обычно, оказались явно преувеличены. Ведь в данном случае важно не то, как мы оценим пресловутый советский опыт, а то, продолжим ли мы оставаться его заложниками. В этом решающем пункте в системе власти сохраняется полное единство. И уже упомянутая дискуссия на Госсовете, и последовавшая за ней встреча президента с парламентариями, и другие официальные вердикты по теме — наглядное подтверждение того, что структурно российская национальная политика является продолжением советской.

Она основана на двух основных противоречиях.

Первое противоречие — между идеей единой политической нации и принципом многонациональности государства.

Во всех государствах живут представители каких-то этнических меньшинств, но это ни в коей мере не делает сами государства «многонациональными». Многонациональ-

ность государства — это не факт, а принцип. Принцип политизации этничности, достигающий своего логического предела в этнотерриториальном делении, то есть наделении этнических меньшинств национально-государственным статусом. По составу населения Россия как раз весьма однородна — как количественно, в смысле преобладающей доли русского населения, так и качественно, в смысле степени культурно-лингвистической унификации.

Иными словами, мы «многонациональны» не потому, что у нас есть этнические меньшинства, а потому, что мы возвели их в ранг наций и придали им государственный статус. Эта логика взращивания этнонаций находится в явном противоречии с логикой гражданской нации, которая предполагает как раз, что этническая принадлежность меньшинств остается их частным делом.

Второе противоречие — это противоречие между государственным статусом национальных меньшинств и отсутствием аналогичного статуса у национального большинства. Ни Российская Федерация в целом, ни какие-либо отдельные ее части не являются формой национального самоопределения русских как народа хотя бы в той же степени, в которой формой самоопределения чеченцев является Чечня, татар — Татарстан, якутов — Якутия и так далее.

Со времен СССР именно эти противоречия придавали «национальному вопросу» специфическую остроту. Однако для СССР национальный вопрос был серьезным, каверзным — но не основным вопросом, поскольку государство имело иной источник легитимности, связанный с наднациональной идеологией. Государство рабочих и крестьян, а по сути — государство-партия могло позволить себе декларированную многонациональность. В отличие от своих соседей по Евразии, оно могло себе это позволить как своего рода «роскошь», поскольку имело иной, наднациональный источник легитимности. Аналогично, с многонациональностью до поры до времени могли совладать династические империи (с той оговоркой, что большая и лучшая часть их существования приходилась на тот период, когда «принцип национальности» еще не стал преобладающим в мировой политике). РФ находится в совсем ином положении. Ее государственная власть не имеет «трансцендентного» источника легитимности, подобного «божественному праву» династических империй или идеократическому принципу партийного государства. Она утратила «высшую» точку опоры, но многонациональность как принцип сохранила.

Именно это создает вакуум легитимности постсоветской государственности и, в частности, блокирует демократическую эволюцию российской власти.

Феодализм без Божественного права

Одно из положений французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года гласило: источником суверенной власти является только нация. Этот принцип ознаменовал вход одновременно в эпоху демократии и в эпоху национализма. Национальный и демократический принцип обоснования власти идут в современности рука об руку. Идея нации в этом контексте выражает тот факт, что власть не

может исходить от народа, если этот народ не обладает общностью самосознания и культурной однородностью, необходимой, как минимум, для взаимопонимания и взаимного доверия людей, а как максимум — для возникновения эффекта «общей судьбы» и «общей воли».

То есть, конечно, на уровне локальных сообществ, местного самоуправления демократия вполне может обходиться без нации. Но на уровне большого общества — нет.

Поэтому принцип многонациональности государства, унаследованный нами от СССР, является барьером для демократизации. Мы без конца воспроизводим традиционную конструкцию «верховой власти», вознесенной над обществом, — но уже без каких-либо традиционных или идеократических опор и оснований для этой конструкции.

Российский правящий класс сегодня — это номенклатура без коммунизма и феодальная знать без идеи Божественного права. Это весьма двусмысленное положение.

Мне кажется, болезненное отношение власти к национальному вопросу связано именно с этой беспочвенностью ее собственного положения в национальной системе координат. Суть дела не в том, что национальный вопрос может взорвать «многонациональную» страну, а в том, что он может подорвать вненациональную власть в ситуации отсутствия объединяющего наднационального проекта.

Первое, что приходит в голову при осознании этой проблемы, — стремление воссоздать наднациональные основания власти. Но таковые, к несчастью или же к счастью, не обнаруживаются. Еще в середине XIX века ультрамонархист Доносо Кортес признал: «Сегодня ни у кого не достанет мужества быть королем иначе, чем по воле народа». Можно было бы перефразировать это в том смысле, что сегодня никому не достанет безумия сформировать

ровать новую идеократию. Но даже если закрыть глаза на все издержки идеократической модели и масштабы политического насилия, связанного с ее утверждением, в нашем распоряжении просто не существует всепобеждающего «учения», способного выдержать такие нагрузки, обеспечить такую энергию и собрать государство на вненациональных принципах.

«Общероссийский патриотизм» как таковой не может его заменить (вопреки мнению премьер-министра, высказанному на уже упомянутом заседании Госсовета): идея Родины является аспектом национального сознания, а никак не наднациональным принципом, соответственно, поиски в этом направлении отсылают скорее к теме некоего нового этапа нациестроительства, а не нового имперского проекта.

Имперского проекта (как альтернативы национальному) в России нет, есть только имперские фантомные боли. Поэтому сегодня позиция «имперского» осуждения национализма равнозначна позиции собаки на сене. Перед нами не стоит выбор между империей и национальным государством. Есть только выбор между национальным государством — и государством несостоявшимся.

Как ни странно, реальность именно такого выбора многими сегодня признается, даже во власти. Так, еще до событий на Манежной, летом прошлого года, когда глава государства общался с членами Совета по правам человека, он сказал, что если мы не сформируем российской национальной идентичности, то «судьба нашей страны очень печальна». Это значит, что, во-первых, президент фиксирует отсутствие полноценной национальной основы у сегодняшнего государства со всеми вытекающими последствиями для судьбы этого государства.

И что, во-вторых, он, по всей видимости, делает ставку на более последовательное проведение принципа единой гражданской нации.

Два пути в одну сторону

В привычном понимании «гражданская нация» — это нация, точкой отсчета для которой является государство, единство правового и политического порядка, а не культуры, языка, или происхождения. Попытка двигаться «от государства к нации», т.е. стремление обеспечить национальную легитимацию и национальную лояльность уже существующим формальным институтам, для действующей власти — вполне естественная стратегия.

Но эта стратегия, как и любая другая, может быть успешной лишь в том случае, если не является стратегией самообмана.

Между тем в нашем политическом и экспертном обиходе идея гражданской нации воспринимается сугубо мифологически. Как некий залог всеобщей гармонии в противовес опасной, конфликтной идее этнической нации.

В частности, она воспринимается как формула безболезненной интеграции Кавказа. То есть интеграции, происходящей как бы автоматически в силу того, что мы отказываемся от «русской» нации в пользу общей для всех «российской». Это очень наивное представление.

Дело в том, что гражданская нация требует не менее интенсивной общности и даже однородности, чем этническая. Это однородность политической культуры и гражданского сознания.

Есть ли эта однородность между нами и Кавказом? К сожалению, нет. Потому что именно от кавказских лидеров мы слышим, что законы шариата выше законов России. По поведению кавказской молодежи мы видим, что и законы адата тоже выше законов России. Именно в кавказских республиках властям обещают на выборах уровень поддержки в 110%, а русского назначенца, крупное должностное лицо, присланное из центра, просто, как куклу, выносят из кабинета — он не прошел этническую квоту. Это все иллюстрации огромного перепада

в гражданской, правовой и политической культуре между Центральной Россией и Кавказом.

Формирование гражданской нации означает устранение этого перепада. Возможно ли это? Наверное, да. Но это и есть ассимиляция. Только не этнографическая, а собственно национальная. Ассимиляция в единую гражданскую культуру.

Разумеется, единство правовой и политической культуры немыслимо в отрыве от единства культуры как таковой. Сильная гражданская идентичность в России может быть выстроена только на основе стандарта русской высокой культуры и русского исторического сознания. Других ресурсов гражданской идентичности в нашем распоряжении просто нет.

Но даже если отвлечься от этого обстоятельства и вообразить себе «чистую» политико-правовую ассимиляцию Кавказа без культурной, то это было бы поворотом такого масштаба, что, при его осуществлении, этнографические особенности Кавказа, включая пресловутую лезгинку, уже никого волновать не будут. Они утратят политическое значение.

Иными словами, как бы мы ни двигались — в русле этатистского национализма, «от государства к нации», или, наоборот, в русле национализма этнического, от культурного единства к политическому и правовому — в любом случае нам предстоит выполнить одну и ту же первоочередную работу: эффективно «перевоспитать» тех, кто предпочитает «законы гор» гражданским законам.

Гражданство против господства

В этом отношении повестка Манежной площади, увы, в гораздо большей степени, чем повестка официальной власти, соответствует императиву формирования гражданской нации. Главный запрос «разбуженной» русской улицы — это запрос на гражданское достоинство.

Кстати, даже определенная брутальность протеста укладывается в эту логику. В чем смысл фигуры гражданина в эпоху буржуазных революций? Она отрицает — в том числе силой — претензию на господство, на которой основывались социальные отношения феодальной эпохи. Она ниспровергает стратегии устрашения, которые сводили большинство к положению людей низшего сорта.

Так вот, сегодня нерв протеста в том, что русская молодежь отвергает эту неофеодальную претензию на господство, которую она, в отличие от лиц с менее обостренным чувством гражданского достоинства, улавливает со стороны Кавказа. Она резонирует не на «чужеродную внешность», как полагают наивные ксенофобы от либеральной публицистики, а на очень внятный для обеих сторон экзистенциальный вызов.

Она видит *ритуалы* доминирования, прошитые в поведенческом коде. Она видит *технологии* этнического доминирования, основанные на эффективном сочетании неформальной самоорганизации (клановые структуры) с формальными институтами (власти национальных республик, их полпредства в регионах). И в ответ на эти сигналы господства она пытается сказать (а сказать это можно только действием) — «мы не рабы». Можно согласиться, что в этом неожиданном пробуждении «детей Спартака» еще не заключено никакой позитивной программы, но нельзя не видеть, что в нем уже заключен моральный смысл гражданственности.

Гражданская нация начинается со слома этих технологий демонстративного доминирования, бескомпромиссного демонтажа насилующих общество клановых структур.

Собственно, она потому и называется гражданской, что состоит из граждан, а не из кланов, феодальных семей и привилегированных сословий. Это именно то состояние, к которому стре-

мится русское большинство. В этом и состоит «русский запрос» сегодня. И достичь «гражданского состояния» без опоры на него невозможно.

Исправление имен

В этой связи уместно вспомнить, что точным антонимом к «гражданской нации» является, вопреки клише, не «этническая нация», а «сословная нация» — позиция, которую обосновывает историк немецкого национального движения Отто Данн. «В старых европейских государствах, — пишет он, — можно выделить два этапа становления нации как политического образования, а вместе с тем и *две основные формы нации*: сословную и современную гражданскую нацию». Точного аналога «сословной нации», о которой говорит Отто Данн, в нашей ситуации нет (проблема не в том, что «знать» монополизировала национальную идентичность, а в том, что она не имеет к ней никакого отношения — в конце концов, нефеодализм во всем является уродливой пародией феода-

лизма) — речь скорее о безнациональном сословном обществе.

Но само понимание того, что гражданский принцип противостоит сословному, кланово-корпоративному, а не этническому принципу как таковому, для нас крайне важно.

Оно, с одной стороны, позволяет точно обозначить политическое острие протеста, противопоставив растущее гражданское самосознание рецидивам сословного общества и структурам «нового варварства». И с другой стороны — избежать противопоставления этого растущего гражданского самосознания большинства — его этническому самосознанию.

Для современных наций, давно вышедших из пеленок родо-племенного строя, гражданский национализм не является альтернативой этническому, а является той фазой его развития, когда коллективная свобода становится действительной основой индивидуальной свободы и равного достоинства каждого из нас.

ПАВЕЛ Крупкин

ЕСТЬ ЛИ ШАНС ДОГНАТЬ УШЕДШИЙ ПОЕЗД?

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В РОССИИ: КЛЮЧЕВАЯ
ПРОБЛЕМА СТАРТА

Если посмотреть на тот кусок антропокрова¹ Земли, который на определенном этапе своего генезиса допустил доминирование христианства, то можно увидеть несомненное преобладание в современной организации политической жизни составляющих его обществ того, что обычно называют термином «национальное государство». Более того, за пределами границ постсоветского пространства в идеологических сферах соответствующих стран какие-либо другие принципы организации общественно-политической сферы, несмотря на заклинивания их апологетов, находятся в такой глубокой степени маргинальности по вовлечению в реально действующие практики, что их можно считать просто-напросто не существующими за пределами теоретического дискурса. Более того, и во вновь образованных странах периферии постсоветского пространства построение соответствующих национальных государств принято в качестве политического мейнстрима. И только элитные группы Российской Федерации продолжают в этом плане упираться в своей самобытности. Причем даже наши

западники, которые «тянут» с Запада абсолютно все, что там имеется, делают единственное исключение в своих заимствованиях именно для модели национального государства.

Такое положение дел в отечественном обществоведении требует своего осмысления. В настоящей работе я рассмотрю определенную концептуализацию категориальной сетки вокруг понятия «национальное государство», сделаю исторический экскурс для демонстрации актуальности и адекватности предложенной концептуализации, установлю положение Российской Федерации на получившейся таким образом «карте», обсужу главный стоппер, который блокирует начало национального проекта в РФ.

Вводимая концептуализация существенно опирается на теорию коллективных идентичностей, которая в своей интеграции в теорию обществоведения дает довольно интересный ракурс рассмотрения предмета, а также позволяет получить ряд очень практичных теоретических результатов. В частности, оказывается достаточно продуктивной классификация политических систем по критерию идентичностной гомогенности. Например, все современные развитые западные страны, будучи национальными государствами — либеральными демократиями, имеют идентичностно гомогенное политическое устрое-

¹ Антропокров — антропологический покров: люди на территории в ландшафте своего обитания — самый общий уровень описания при системном подходе к обществоведению.

ние — вся политическая жизнь в них координируется в рамках так называемого национального консенсуса, который включает в себя все общество. А вот политические системы, возникающие в Новом времени на Русской равнине, обладают одним инвариантным свойством: они все не являются идентичностно гомогенными — их политический класс идентичностно отделяет себя от управляемого большинства. Данное свойство определяет ключевой момент для модернизации политической системы РФ — деконструкцию указанной устойчивости воспроизводимости элитного отрыва в российском обществе.

Немного политологии. Становление и развитие национальных государств развитого мира

В своем рассмотрении я буду опираться на тот подход в современном обществоведении, который понимает нацию в качестве коллективной идентичности (*social identity*). Напомню, что коллективной идентичностью считается такой психосоциальный комплекс, который задает психическую важность для человека отнесения себя к социальной группе². Этот

комплекс также регулирует связанные с данной группой отношения «свой—чужой» и правила взаимодействия членов группы и между собой, и с посторонними.

Следует отметить, что принятый подход существенно опирается на аппарат и достижения обществоведческого конструктивизма³, но в то же время в рамках «идентичностной динамики» интегрирует в себя основные значимые моменты примордиальных и этносимволических теорий. В его рамках нацией считается такая коллективная идентичность, которая среди многого прочего неотъемлемо включает в себя общее регулирование политической и идеологической сфер соответствующего общества, обеспечивая ему целостность⁴. При этом целостность общества определяется общей системой ценностей, разделяемой всеми членами нации и обуславливающей их «спайку», что приводит к поддержанию единого политического коммуникационного пространства и его эффективного функционирования в части поиска взаимопонимания, согласования интересов, улаживания конфликтов. Нация также обладает тем неотъемлемым качеством, что соответствующий ей психосоциальный комплекс не позволяет вводить существенных различий между включенными в нее людьми, т.е. нация является идентичностно гомогенной формой организации политической жизни. Из политики, идеологии и общественного сознания исключается все, что

² Круппкин П.Л. Коллективные идентичности. 1. Архетипика идентичностей // АПН (Интернет-издание), 19.01.2010. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article/22293.htm>. По общей теории коллективных идентичностей и положения/взаимодействия соответствующих психосоциальных комплексов среди других элементов человеческой психики см., напр.: Круппкин П.Л. Эволюционная теория архетипов Юнга: Архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // Публичное управление: теория и практика: Сборник научных работ Ассоциации докторов наук государственного управления. № 3—4. Х.: Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2010. С. 303—311. Режим доступа к электронной версии: <http://modernity-centre.org/2010/07/27/kroopkin-115/>

³ См., напр.: Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001.

⁴ Концепция нации в предлагаемом понимании была подробно обсуждена в главе 3 книги: Круппкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 152—208.

могло бы ограничить равные права и равные возможности членов нации⁵.

Наряду с идентично гомогенными обществами в исторической перспективе можно увидеть и идентично гетерогенные социальные организмы, каковыми, например, были сословные монархии. В общем случае будем различать границу качеств «идентичностная гомогенность/гетерогенность» политических систем по величине и силе ментального идентичностного отрыва правящего класса от управляемого населения. Если правящий класс отделяет себя от прочих и не считает тех «своими»⁶, «вменено равными себе», то будем относить соответствующую политическую систему к классу «ордынств». Статус низов как «иных» в ордынствах обычно закрепляется их дегуманизацией, т.е. низы полагаются «недоразвитыми», «не людьми», и, соответственно, не могущими претендовать на элитные социальные места в силу своих социобиологических ограничений.

⁵ В рамках такой концептуализации следует сразу же обратить внимание на проблему «границы» зоны равноправия в обществе — см., напр.: *Валлерстайн И.* Непреодолимые противоречия либерализма. Фрагмент из книги: Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб: Университетская книга, 2001. С. 188–207. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/transform/antagonisms/>. Для иллюстрации можно напомнить, что в США в 1824 г. на президентских выборах голосовало всего 3,5% населения. К концу XIX века данный показатель вырос до величин чуть менее 20% (*Тилли Ч.* Демократия. М.: ИНОП, 2007. С. 122–123.) Однако, концентрируясь на проработке вводимых понятий именно как идеальных типов, оставим временно проблему «границы» вне нашего рассмотрения.

⁶ Иногда такое элитное отличие может конституироваться даже в качестве биологического — см., напр., «сарматский миф» в Польше, «галло-франкское противостояние» во Франции, «голубую кровь» в России и т.д.

Очевидно, что современные национальные государства развитого мира, являясь либеральными демократиями, ордынствами не являются.

Если взглянуть на историю Запада Нового времени, то на метауровне (или — в большом времени⁷) можно увидеть следующие характерные изменения различных аспектов действовавших там политических систем⁸. Монархии, занявшие к концу XVIII в. абсолютно доминирующее положение в Европе, включая и ее идеосферу, вдруг стали отступать практически по всем направлениям, трансформируясь в национальные государства и демократии. И к концу XX в. «живые» монархии практически выхолостили свою «первоначальную» суть, а те некоторые династии, которые сумели при этом сохраниться, играют в основном символическую роль и не несут никакой функциональной нагрузки в политических системах своих стран. Принцип государственности при этом, начав свой «дрейф» из положения «государство — это я», завершил свое движение деперсонифицированной инструментальной институцией без капли сакральности, обслуживающей общественный консенсус. Для правящего класса Запада начальной точкой движения была абсолютная идентичностная отделенность знати от управ-

⁷ Большое время — понятие, вводимое для регистрации событий изменения того, чьи изменения не замечаемы в обычном времени, т.е. событиями обычного времени не являющимися (рост гор, опустынивание ландшафта, урбанизация, изменение доминирующих в обществе систем взглядов и т.д.) Более подробно концепция большого времени обсуждена, например, в работе: *Крылов К.А.* Нация как субъект конфликта // Вопросы национализма. 2010. № 3. С. 23.

⁸ *Крупкин П.А.* Принцип народа и западная политика периода Модерна // АПН (Интернет-издание), 24.11.2010. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article23373.htm>

ляемого населения, т.е. основная масса западных политических систем были именно что ордынствами. Потом династические корпорации стали национализироваться, иногда насильно (по результатам революций), иногда нет, и этому фактически был посвящен XIX в. Возникшие нации в своем полном правом ядре поначалу тоже были очень элитарны, отделяя себя от основной массы управляемых, но по мере развития национальных государств границы «зон полномочности» наций спускались все ниже и ниже по социальной пирамиде, включая в полномочные члены все более широкие группы населения. Идентичностная гомогенизация соответствующих обществ завершилась к концу XX столетия, но уже, пожалуй, начиная с его середины ордынский принцип организации для государств Запада можно считать полностью «рассосавшимся».

Типовая схема последовательности основных этапов данного движения для большинства европейских монархий выглядит следующим образом: традиционное авторитарное ордынство => ордынство-нация => либеральная демократия. При этом часто данное изменение опиралось также на такую систему принципов управления, которое характеризовалось термином «полицейское государство» в классическом политологическом смысле данного понятия⁹.

⁹ Полицейское государство — это государство, обладающее качеством целенаправленного поддержания социального порядка, который обязательно включает в себя реальную заботу о благе всех своих подданных. В полицейском государстве осуществляются «все меры, необходимые для сохранения и преумножения совокупного достояния государства, все, что требуется для процветания торговли, ремесел и промыслов <...> речь идет о “хорошем устройстве гражданской жизни”, о приличиях, дисциплине и порядке “среди подданных”, о “чистоте и порядке”, надзоре за “продовольствием, мерами

В процессе национализации ордынств христианского мира можно выделить три основных драйвера. Первый (изначальный) драйвер был связан с социальной дискриминацией активных групп населения королевств, которая привела к возникновению наций соответствующих стран через восстание (Голландия, Англия, США, Франция, государства Латинской Америки). Сложившись в момент максимальной политической мобилизации восставших сил, нации этих стран впоследствии развивались усилиями элит, и это можно признать вторым драйвером национального строительства. В чистом виде второй драйвер сработал в верхушечных национальных проектах, которые были запущены «умными» династическими корпорациями в Германии, Италии, Британии, скандинавских странах. Сюда же можно отнести и Швейцарию, где нация была сформирована именно усилием общин, а восстание как точка ее рождения — отсутствовала. И третий драйвер был обусловлен этническими мобилизациями в периферийных империях, которые вызывались к жизни соответствующими контрэлитами, что породило в прошлом веке все имеющиеся национальные государства (и нации) Восточной Европы.

Типовой процесс национализации ордынств заключался в социальном «подъеме» и интеграции в элиту предпринимателей и талантливых организаторов из низов общества. При этом вместо ощущения себя «вечным», существующим вне времени, правящий класс приобретал чувство времени и уважение к личным достижениям человека. Процесс национализации сопровождался развитием науки и других форм знания, индустриализа-

и весами”» (Филитов А.Ф. Россия не превратится в полицейское государство // Русский журнал (Интернет-издание), 22.09.2010. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Rossiya-ne-prevratitsya-v-policejskoe-gosudarstvo>).

цией, рационализацией социальных структур. Развитие медицины привело к демографическому взрыву и последующей урбанизации. Требования освоенных развитыми обществами технологий вызвали создание системы всеобщего образования. Удешевление полиграфии сделало доступными массам людей книги и газеты с журналами. Средства массовой информации и начальное образование стандартизовали язык и культуру, сблизили мировосприятия людей, упростили их коммуникацию.

Если приглядеться к устройству наций этого этапа внимательней, то следует все же признать их ордынский статус, ибо национальная элита, хоть и «подключила» к себе социальные низы через формальное провозглашение общего единства, однако при этом она все равно продолжала ментально отделять себя от них. (Тем не менее, забегая вперед, отмечу, что логика провозглашенной единой идентичности сделала свое дело, и со временем сущностный разрыв на элитной границе в развитых обществах был ликвидирован.)

Бурное развитие индустриальных обществ, которое происходило в рамках складывающихся национальных государств, привело к зарождению и резкому наращиванию численности такого социального слоя, как пролетариат, или рабочий класс. Спецификой данной социальной страты было то, что по условиям труда от них требовалось более «стать автоматами», чем оставаться «быть живыми»¹⁰. Подоб-

ная «автоматизация» жизни промышленных рабочих являлась следствием предельной рационализации производственных операций, дошедшей до крайности с изобретением конвейера. Данное отчуждения человека от результатов своей деятельности было во многом отягощено его «девитализацией», т.е. социальными и психологическими последствиями отмеченного выше лишения его права «быть живым». Наряду с пролетариатом, в рамках индустриального общества было также сильно девитализировано и низовое чиновничество, что было обусловлено рационализацией имевшихся бюрократических структур.

Социальные напряжения, вызванные недовольством низов своим дегуманизированным и девитализированным статусом, в ранних национальных государствах породили то, что потом назвали «восстанием масс» — вовлечение большого количества людей в политику через участие в профсоюзах и массовых партиях. После ряда социальных обострений все эти организации были в конечном итоге интегрированы в политическую систему, что сопровождалось дальнейшим реформатированием развитых обществ. Низы, эшелон за эшелон, интегрировались в полноправное ядро наций с «рассасыванием» соответствующих ордынств и формированием либеральных демократий. «Общественный пирог» был существенно перераспределен в сторону основания социальной пирамиды, были введены различные

¹⁰ Неотъемлемым свойством живого является периодическое вопрошание своих пределов. Соответственно право «быть живым» в данной статье подразумевает, что к такому вопрошанию человеком о своих пределах сложившийся социальный порядок относится в общем-то с пониманием. В качестве примера рассмотрим бунт социальных низов. С одной стороны, бунтовать вроде бы нельзя и бунтующих надо, конечно же, наказывать, а с другой — можно видеть, что в

реальной жизни право низов на бунт верхами понимается и принимается. Это и означает, что низам дозволяется «быть живыми». При полной же «девитализации» низов, т.е. при лишении людей права «быть живыми», любые отклонения «автоматов» от предписанной им программы наказываются чрезмерно строго. Подавление низовых бунтов в этом случае обычно сопровождается массовыми расстрелами и/или высылками на каторжные работы.

формы социального страхования незащищенных слоев. Произошло также существенное расширение доступа молодежи из всех слоев общества к образованию и социальным лифтам.

По мере идентичностной гомогенизации обществ (ликвидации ордынств) происходила и десакрализация соответствующих государств. В конечном итоге государственные структуры были приведены в чисто инструментальное состояние, в котором они лишь послушно следуют предначертаниям, возникающим по итогам компромиссов различных политических сил¹¹. Конечным итогом процесса изменений явился отказ от дегуманизации низов общества, а также постоянная работа всех общественных сил в части снижения уровня социальной девитализации. Программа эмансипации была выполнена практически полностью, так что получившийся в итоге социальный дизайн развитых стран практически нигде «не жмет» массового человека, лишая того рациональных оснований заниматься политикой. «Восстание масс» завершилось, и политикам становится все труднее заманивать людей к избирательным урнам — люди в основной своей массе вдруг «замолчали»¹². Социально-политические нарративы все более и более начинают управляться телантропным мета-рассказом, включающим в качестве основной своей смысловой магистрали необходимость обеспечения творческого развития каждого члена социума как

главной общественной цели¹³.

Доминирующий тренд дальнейшего развития социальных систем развитых западных стран угадывается в виде попыток дальнейшего снижения уровня общественного насилия при сохранении полноты достигнутых свобод. В Европе также наличествует тренд по переформатированию политического поля: постепенно формируется единая европейская политическая идентичность (в системе развиваемых категорий — будущая европейская нация), в то время как страновой уровень политики локализуется и провинциализируется. Возможным итогом данного процесса будет организация европейской политики (и соответствующей политической идентичности) на трех уже видимых уровнях: европейском, региональном и локальном. Нынешние национальные уровни политической коммуникации будут разобраны между единой европейской политической идентичностью и регионами и/или их ассоциациями.

Описанное изменение политических полей развитых стран задает «карту», по отношению к реперам которой можно привязать траектории социальных и политических изменений других стран. Рассмотрим теперь, как расположена на этой карте траектория России, а также обсудим связанные с данной траекторией особенности ее социально-политического устройства.

Россия в большом времени

Исторический анализ политических

¹¹ Данная инструментализация государства, его полное подчинение «всему народу», была описана Х. Фрайером в качестве желаемого результата того, что он называл «консервативной революцией», еще в 30-х гг. прошлого столетия. См.: *Фрайер Х.* Революция справа. М.: Праксис, 2008. С. 75–97.

¹² *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. Режим доступа к электронной версии текста: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/Mol_Bol.php

¹³ Концепция наличия каких-то смысловых доминант (метарассказов) в социально-политических нарративах развитых стран была предложена Ж.-Ф. Лиотаром (*Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998. Режим доступа к электронной версии текста: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/liot/index.php). В переработанном виде ее конкретика представлена также в книге: *Крупкин П.Л.* Россия и Современность... С. 25–28.

систем, существовавших на Русской равнине в течение Нового времени, показывает, что все они могут быть классифицированы именно в качестве «ордынств»¹⁴, т.е. политий, в которых правящий класс идентичностно отделяет себя от управляемого народа. Например, для Империи Романовых данный вывод подтверждается следующей цитатой: «Это следствие фундаментального раскола России на две субкультуры в результате преобразований Петра I. Об этом в свое время точно сказал В.О. Ключевский: "...Из древней (допетровской. — Ю.П.) и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения..." А до него А.И. Герцен: "Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами... С другой стороны — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побежденная... Что же тут удивительного, что императоры отдали на разграбление своей России, придворной, военной, одетой по-немецки, образованной снаружи, Русь мужицкую, бородатую, неспособную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение"... И он же: "...Две разных России... община и дворянство, более ста лет противостоящие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Россия — утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру — окружает

трон, презирая и эксплуатируя другую. Другая — земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона..." Итак, возникли две России — не понимающие друг друга, различающиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они зажили собственными жизнями. Правда, одна находилась у другой в рабстве»¹⁵.

Фактически, романовская Империя была конституирована в виде династической корпорации, колонизировавшей подвластный ей ландшафт. Особенно жестко при этом эксплуатировались русские области. Например, в конце XIX в. «налогообложение великорусских губерний в сравнении с национальными окраинами было больше в среднем на 59%... индекс человеческого развития (рассчитанный по методике ООН — ПК) для русских в императорской России равен 0,247, а для нерусских (взвешенный на доле каждого этноса) — 0,301, то есть на 22% выше. Из 14 народов, для которых имеются данные для подсчета индекса человеческого развития, у восьми — евреев, латышей, литовцев, поляков, украинцев, финнов, эстонцев и немцев — индекс был выше, чем у русских, а у пяти — башкир, белорусов, молдаван, татар, чувашей — ниже. Но зато средняя продолжительность жизни у русских (28,7 лет) была ниже не только чем у немцев (45), латышей (45), финнов (44,3), эстонцев (43,1), литовцев (41,8), поляков (41), евреев (39), украинцев (38,1), но и чем у молдаван (40,5), белорусов (36,2), башкир (37,3), татар (34,9), чувашей (31), и ниже средней продолжительности жизни для 14 народов империи (32,4). Что же касается образования, то к концу XIX века русских, умеющих читать,

¹⁴ Крупкин П.А. Принцип народа и государственность Русской равнины // АПН (Интернет-издание), 16.12.2010. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article23458.htm>

¹⁵ Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Полис. 2007. № 5. С. 35–55. Режим доступа к электронному тексту: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/5/4.htm>

было 29,3%. Для сравнения: финнов — 98,3%, эстонцев — 94,1%, латышей — 85%, немцев — 78,5%, евреев — 50,1%, литовцев — 48,4%, поляков — 41,8%, греков — 36,7%. Из европейских народов империи от русских отставали только белорусы (20,3%) и украинцы (18,9%)»¹⁶.

Идентичностный отрыв правящего класса от общества сохранялся и в советское время¹⁷, существует данный отрыв и в постсоветской России¹⁸. Вот, например, как текущая ситуация отражается в опросе общественного мнения ВЦИОМ: «У российских граждан сложилось представление об элите скорее как о замкнутом сообществе, даже касте, куда простым людям не пробиться (так полагают 59% опрошенных; альтернативного мнения придерживаются 38%). Зато личные качества, даже самые выдающиеся, для принадлежности к элите имеют существенно меньшее значение (33%), чем связи и происхождение (64%). Во многом такое отношение воспроизводит и отношение к советской элите, также превратившейся в замкнутое номенклатурное сословие»¹⁹. «Что нужно человеку, чтобы оказаться в элите российского общества? С огромным отрывом лидируют такие факторы, как наличие денег (75%) и связи во властных структурах (56%). Гораздо меньшее значение, с точки зрения россиян,

имеют энергия, предприимчивость, талант, высокая квалификация (20%)»²⁰.

Таким образом, можно видеть, что именно принадлежность классу ордынств является инвариантом развития политических систем России во всех их проявлениях в Новом времени²¹. Другим подобным инвариантом следует признать несогласованность институционального поля общества. Последнее означает, что поведение, предписываемое формально определенными социальными и юридическими нормами (в частности — официальным законодательством), во многих местах достаточно далеко отстоит от того поведения, которому люди следуют из-за сложившихся обычаев и привычек. Из данного зазора имманентно лезут и перманентный властный произвол в качестве правила жизни, и правовой нигилизм, и многое что другое аналогичное²². Также в качестве инварианта следует признать и государствоцентричность организации общества²³. Последнее означает, что государство настолько активно в подавлении низовых солидарностей и субъектностей, что они не вырастают до сколь-нибудь значимой влиятельности в политической сфере. В конечном итоге получается, что вся политика сосредотачивается в коридорах бюрократических учреждений (а также в банях и на дачах), куда прочие общественные «игроки» допускаются лишь индивидуализированно и часто

¹⁶ *Сергеев С.М.* Нация в русской истории. // АПН (Интернет-издание), 18.05.2009. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article21603.htm>

¹⁷ *Крупкин П.Л.* Россия и Современность... С. 360–368. См. также: *Он же.* Исторические корни россиянской русофобии. // АПН (Интернет-издание), 20.01.2009. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article21235.htm>

¹⁸ Там же. С. 368–372, 308–309.

¹⁹ *Бызов Л.* Кем богаты — тем не рады. // Время Новостей (Интернет-версия). № 154 от 24.08.2005. Режим доступа: <http://www.vremya.ru/print/132661.html>.

²⁰ Там же.

²¹ *Крупкин П.Л.* Принцип народа и государствоственность Русской равнины...

²² См. общую теорию несогласованных институциональных полей в статье: *Крупкин П.Л.* К теории институциональных полей: Общие моменты // Научный эксперт. 2010. №10. С. 98–109. Режим доступа к электронной версии текста: <http://modernity-centre.org/2010/10/28/kroopkin-116/>

²³ *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4. 37–48.

Рис. 1. ВВП на душу населения России в % к среднемировому в 1500–2005 гг. Источники: 1500–1998 гг. — Agnus Maddison, *The World Economy. Historical Statistics*. OECD, 2003; ООН, МВФ, ОЭСР, ФСС

на основе оплаты «входного билета» или выплаты регулярной ренты. Обобщенная «агора» как место формирования публичного интереса приватизируется государственной бюрократией: «В России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений»²⁴. Ибо — «дома сидеть надо!»²⁵.

Как уже указывалось выше, обсуждаемый отрыв российского начальства от управляемых слоев населения обычно относят к царствованию Петра I. Однако переосмысление причин и последствий раскола показывает, что именно Алексей Михайлович запустил практически программу «обуздания низов», а Петр лишь продолжил дело отца. И первым существенным шагом

династической корпорации в этом направлении был именно раскол — реформа церкви, направленная на лишение низового общества идеологии самостояния²⁶. По всей видимости на правящем классе того времени сильно сказался «ожог» Смуты, когда объединение городских старшин России решительным политическим действием выдернуло их отцов из маразма самоуничтожения. Потому и не пошла романовская династическая корпорация по пути органической интеграции западных достижений в существовавшую в то время достаточно успешную общественную ткань, а избрала путь полного отторжения предыдущего общественного опыта. Известно, что врага полезно деморализовать, и ясно, чьей деморализации способствовал тезис: «Абсолютно все до сих пор у нас было абсолютно неправильно».

Оценим теперь успешность избран-

²⁴ Слова В.О. Ключевского, цит. по: Известный историк академик РАН Юрий Пивоваров рассуждает: От кого российское государство взяло больше: от Византии или Золотой Орды / Л. Кафтан // Комсомольская правда (Интернет-версия), 28.08.2010. Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24548/725476/>

²⁵ Слоган, метафорически обобщающий политику власти по отношению к широким слоям общества в постсоветской России.

²⁶ Глинчикова А.Г. Раскол и незавершенность русского Модерна // Мир России. 2009. № 4. С. 66–88. Режим доступа к электронной версии текста: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/872/185/1223/066-088.pdf>

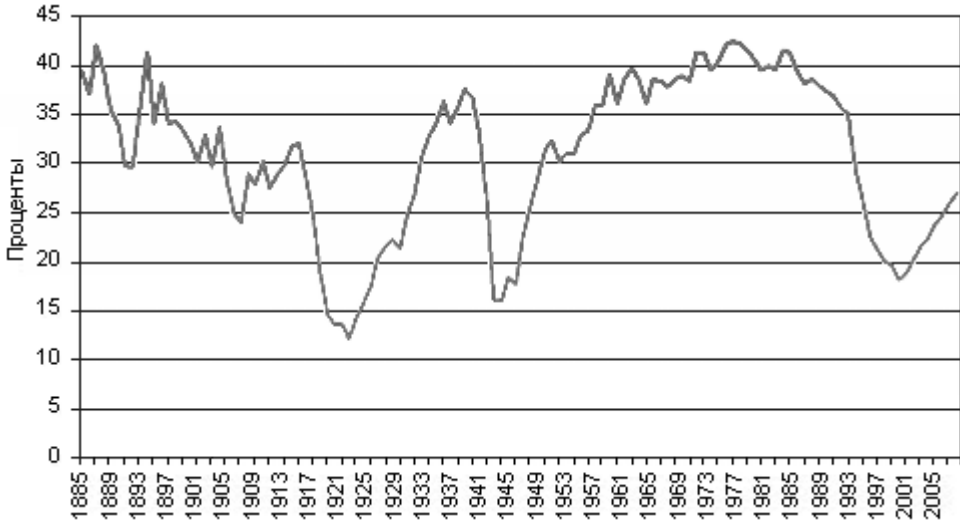

Рис. 2. ВВП на душу населения в России в % к США, 1885–2006

ного романовской династической корпорацией пути России во времени (ибо, как уже было показано, из заданной Романовыми «колеи» Россия не выбралась до сих пор). Ниже приведены два рисунка, которые задают некоторые индикаторы по экономической эффективности существовавших в разное время общественных систем. Из рисунка 1²⁷ видно, что усилия Романовых по обузданию доставшегося им ландшафта не сопровождалось существенными экономическими достижениями — страна была и оставалась мировым середняком в части производительности труда, причем, как то следует из рисунка 2²⁸, сравнительные темпы развития страны на излете династии были, увы, не на уровне лидеров. Тот же рисунок 2 показывает, что в сравнении с национальным государством примерно того же размера (США) российские ордынства по средней общественной производительности труда были инвариантно отстающими — данный показатель в

России был на уровне 25–40% от американского во всех трех периодах российского Нового времени. И верхнюю границу не удалось преодолеть даже при советском мобилизационном рывке (42% максимум), когда темпы экономического развития числились среди основных целей и страны, и элиты (советской номенклатуры).

Вот так и получается, что нет никаких оснований считать текущее российское постсоветское ордынство способным на обеспечение своим нелюбимым управляемым уровня жизни развитых стран. И это ставит в полный рост задачу такого воздействия на сложившийся политический класс со стороны общества, которое бы смогло обеспечить адекватную структурную перестройку российской политической системы — ее национализацию.

Общие моменты национализации ордынств

Напомню, что главным инструментом национализации ордынств Запада было классическое полицейское государство. Данное качество государственных структур появилось в тот самый момент, когда суверен вдруг принял на себя обязательство заботы о благосостоянии своих подданных

²⁷ Илларионов А.Н. Предчувствие катастрофы // Полит.ру (Интернет-издание), 12.06.2007. Режим доступа: <http://www.polit.ru/dossie/2007/06/12/catastrofa.html>

²⁸ Там же.

Рис. 3. Аксиологическая модель национального государства — общий случай

(обычно, имея целью повысить собственную легитимность; впрочем, и ответ на вопросы расширения собственной ресурсной базы тоже мог быть причиной такой политики). Подобное обязательство суверена фактически равносильно его самоограничению в некоторых вопросах проявления своей воли, а следовательно и своей власти, с одной стороны, и положению для себя целей, связанных с общественным развитием, — с другой. Последнее вмененно вводит в дискурс вопросы эффективности, а значит, способствует меритократии и появлению соответствующих социальных лифтов для обеспечения возникающего комплекса проблем адекватными человеческими ресурсами.

Подразумевавшееся согласование сувереном со своими подданными модели общего блага может быть проинтерпретировано и как заключение общественного договора. Общепринятая модель общего блага равносильна принятию социальным организмом какой-то единой согласованной системы ценностей первого ряда, которые обеспечивают функционирование единого коммуникационного пространства в политическом поле страны, облегчая делиберацию интересов, поиск

компромиссов и разрешение конфликтов различных действующих в стране центров силы. Более того, без общей системы ценностей оказывается невозможным и эффективное независимое правосудие, ибо лишь общие ценности могут обеспечить тот самый «дух законов», без которого суды будут постоянно буксовать из-за имманентной неполноты писаного законодательства (ибо, увы, «нельзя объять необъятное», особенно в современной быстро меняющейся социальной действительности).

В плане понимания проблематики адаптации социумом какой-то модели общего блага рассмотрим далее аксиологическую модель того типа государства, которую нам хотелось бы получить вместо наличествующего сейчас в России ордынства. Идеальный случай государственности, в рамках которой суверен ограничивает себя благом всех своих подданных (частным случаем чего и является национальное государство), изображен на рисунке 3. В этом случае в обществе имеется взаимосогласование модели общего блага и системы ценностей 1-го ряда, которые и создают базу для целостности государства, даже при отсутствии в политической системе социального места автократора. И действительно, наличие общих ценностей такого рода дает стабилизирующий референс различным политическим субъектам (которые в данном случае имеют расхождения лишь во вторичных ценностях) для перевода игры между ними в игру с положительной суммой, определяемой «направлением» на общее благо. При этом позиции сторон конфликта становятся понимаемыми и друг для друга, и для сторонних центров силы, которые в свою очередь создают вокруг конфликтующих агентов атмос-

Рис. 4. Аксиологическая модель одного из вариантов государства с неопределенной моделью общего блага

феру стимулирования к делиберации для нахождения общеприемлемого компромисса, и гарантируют впоследствии данный компромисс.

На рисунке 4 представлена общественная ситуация, в которой нет ни общепринятой модели общего блага, ни общих ценностей. Очевидно, что в такой ситуации нет объективирующего референса для конфликтующих сторон, что резко затрудняет их делиберацию. Более того, в модели рисунка 4 нет ничего, что бы гарантировало целостность общества, поэтому данная модель не полна. Для замыкания модели необходима фигура автократора — именно данная персона становится той самой ценностью 1-го ряда, которая необходима для устойчивого существования общества в виде какой-то целостности.

Вот так и получается, что нам в первую очередь требуется перейти от наличествующей сейчас в стране аксиологической ситуации рисунка 4, консолидируемой фигурой автократора, к какой-то версии рисунка 3. Не-

трудно заметить, что самый лучший вариант такого перехода будет заключаться в определении на основе нашей социальной действительности таких моделей общего блага и системы ценностей 1-го ряда, которые создали бы условия для полного исключения фигуры автократора и его коллег из ценностей общества, чем заложили бы фундамент для демократической формы правления. Начальство при такой конфигурации ценностного поля становятся именно что обслуживающим персоналом

при «пантеоне богов» общества, а не самими «богами», что резко десакрализует, а следовательно, и существенно облегчает ситуацию их замены.

Конечно, у национального проекта в РФ существует и множество других проблем и дефицитов, но аксиологическая проблема представляется мне ключевой — без утверждения в обществе какой-то модели общего блага (т.е. в состоянии рис. 4) создание полезной для людей публичной политики просто-напросто невозможно. Без подключения к политическому полю широких слоев населения не удастся «разобрать» элитную ментальную границу, т.е. ликвидировать воспроизводство ордынского статуса государственности, существенный вклад в которое дает эгоизм правящего класса и его клиенты.

И в завершение можно отметить, что проблемы общего блага для страны в наше время совершенно не обсуждаются — ни в общетеоретическом, ни в прикладном аспектах.

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

ПЕРВЫЕ СРЕДИ ОПОЗДАВШИХ КОНЦЕПТ «ОПОЗДАВШЕЙ НАЦИИ» В НЕМЕЦКОЙ МЫСЛИ

Германия — единый народ, нация братьев, во главе с правителем, добровольно избранным народными представителями на равноправной основе! Германия, уже не раздирающая свое тело, но объединившаяся с Францией и Англией во имя принципов всеобщего мира! О, разве найдется сердце, которое не воспламенилось бы восторгом, когда открылась бы такая надежда.

Карл Фридрих Крамер (1798)

Немецкие философы, полуфилософы и любители красивой фразы жадно ухватились за эту <французскую> литературу, позабыв только то, что с перенесением этих сочинений из Франции в Германию туда не были одновременно перенесены французские условия жизни. В немецких условиях французская литература утратила все непосредственное практическое значение и приняла вид чисто литературного течения.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс (1848)

В 1934–1935 гг. немецкий эмигрант Гельмут Плеснер, считающийся ныне ведущим представителем философской антропологии, прочитал в голландском Гронингене лекции о «Судьбе немецкого духа на исходе его буржуазной эпохи», которые вышли в том же 1935 г. в Цюрихе. В 1959 г. они были изданы заново под заголовком

«Опоздавшая нация. О политической обольщаемости буржуазного духа». Так возникло крылатое слово, известное всем, кто интересуется немецкой и европейской историей. Рассмотрим ниже ряд вопросов, связанных с самим происхождением концепта и рядом других аспектов его функционирования в рамках немецкого дискурса.

Немцы как исторические аутсайдеры

Немецкая мысль искала подобное меткое словцо уже с XVIII в. для понятийного оформления того парадоксального состояния в котором пребывали немцы как этническое сообщество: будучи ведущей культурной нацией европейского континента, они на протяжении веков были лишены национального государства. Об этом писали многие мыслители, например, выдающийся немецкий историк культуры Иоганн Готфрид Гердер, также считавший, что в своем политическом развитии немцы существенно отстают от других европейских наций. Естественно, что в качестве образцов здесь выступали Англия и особенно Франция — основной исторический конкурент немцев¹. Ведь если Германия

¹ Этим объясняется появление феномена «немецких якобинцев» — группы образованных демократов, политическое мышление которых развивалось под влиянием тех представлений о нации, что были свойственны для Французской революции. Поэтому несмотря на экспансионистскую политику режимов (пост)революционной Франции, направленную в стороны имперских земель, некоторые из них готовы присоединиться к французской

воспринимала себя как «опоздавшую» нацию, столкнувшуюся с уже занятой Европой и поделенным миром, то та же Франция считала себя «старой нацией», кропотливо собираемой королями и окончательно объединенной республиканцами, которые уравнили в правах все ее провинции. В то время как Германия была все еще озабочена вопросом национальной территории, французские владения в Европе уже имели четкие очертания, почти совпадающие с современными границами. Поэтому основание в 1871 г. Второго Германского рейха представлялось как запоздалое «наверстывание» упущенного в свое время...

Проблемный комплекс «исторического лузерства» в различных вариантах встречается практически у всех значимых авторов немецкого культурного пространства, причем это представители различных идейных и эстетических направлений. Соответственно у них сильно различаются оценки перспектив преодоления этого отставания. Так, знаменитые поэты Иоганн Вольфганг фон Гете и Иоганн Кристоф Фридрих Шиллер в одном дистихе из изданных в 1797 г. «Ксений» вопрошали: *«Германия? Но где она находится? Я не знаю, где искать эту страну. Где начинается ученыя Германия, там кончается Германия политическая»*. Так два великих голоса немецкой культуры выразили апорию, встававшую перед их современниками:

нации. В качестве примера немецкий историк Отто Данн приводит знаменитого философа Иоганна Готлиба Фихте, называвшего себя приверженцем «политической свободы и нации, которая обещает способствовать ее распространению». См.: Данн Отто. Нации и национализм в Германии. СПб.: Наука, 2003. С. 61. И лишь позднее, зимой 1807–1808 г., появятся его знаменитые «Речи к немецкой нации», с которыми Фихте обратился к немцам в условиях французской оккупации Германии. См.: Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. М.: Канон+, 2008.

все возрастающее противоречие между существующим архаичным политическим дизайном (лоскутное одеяло «Священной Римской империи», самовластные князья) и национальными интересами немцев как этнического сообщества. Говоря словами Шиллера, *«Германская империя и германский народ — это две разные вещи»*. Констатируя это в своих записках, поэт указывает на то, что *империя и нация* к этому времени стали противостоять друг другу. Культурная нация немцев и сформированное ею гражданское общество отделили от себя ту политическую надстройку, что оказалась не в состоянии адекватно ответить на вызов Французской революции².

Еще более драматично ситуация выглядит в формулировках молодого Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, который в 1802 г. сделал следующий вывод относительно предшествующего политического развития немцев: «Германия как особое, независимое государство и немецкая нация как народ окончательно погибли».

Парадоксальным образом именно в это время свой высочайший творческий взлет в сфере науки и культуры переживала немецкая Kultur-Nation — та молодая нация, что была ориентирована на реальные интересы гражданского общества, то есть отражала в своем творчестве противоречивые тенденции Современности.

Современный историк философии Герберт Шнедельбах в ставшей уже классической работе «Философия в Германии (1831–1933)» приводит примеры нового сознания, возникшего несмотря на все национально-политическое запаздывание³. В частности он выделяет Гейне и Маркса. Послушаем эти голоса молодой немецкой нации, сопровождавшие культуру-

² Данн Отто. Указ. соч. С. 62.

³ Schnädelbach Herbert. Philosophie in Deutschland 1831–1933. 6. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999.

ное развитие Германии через несколько десятилетий истории духа.

В 1835 г. Генрих Гейне публикует свое сочинение «К истории религии и философии в Германии», написанное для французского читателя. В нем он демонстрирует французам, гордым после Июльской революции 1830 г. за свое революционное прошлое, что в политически бессильной, разорванной и покоренной Наполеоном Германии происходила иная революция, о радикальности которой они даже не подозревали. Правда, он имеет в виду философскую революцию. «Говорят, ночные духи пугаются, увидев меч палача. Как же должны они пугаться, когда им показывают “Критику чистого разума” Канта! Эта книга есть меч, отрубивший в Германии голову деизму. Сказать по совести, вы, французы, весьма кротки и умеренны в сравнении с нами, немцами. Самое большое, что вы могли сделать, — это убить короля, да и тот успел потерять голову раньше, чем вы ее отрубили. И при этом вам пришлось столько барабанить, и кричать, и топтать ногами, чтобы был потрясен весь шар земной. Максимилиану Робеспьеру оказывают, право, слишком много чести, сравнивая его с Иммануилом Кантом»⁴. «Иммануил Кант <...> штурмовал небо, перебил весь гарнизон, и сам верховный владыка небес, оставшись без доказательств, плавает в своей крови»⁵. Таким образом, для Гейне Кант является Робеспьером немецкой философии. Фихте сравнивается с Наполеоном, а натурфилософия Шеллинга — с Французской революцией. Наконец, Гегель считается им как завершитель философской революции.

Далее Гейне говорит: «Немецкая философия есть важное дело, касающееся всего рода человеческого, и лишь отдаленнейшие потомки будут в

состоянии судить, достойны мы порицания или хвалы за то, что выработывали сперва нашу философию, а затем нашу революцию. Мне кажется, такой методический народ, как мы, должен был начать с реформации, лишь затем мог заняться философией и только по завершении ее получил возможность перейти к политической революции. Такая последовательность представляется мне совершенно разумной. Головы, использованные философией для размышления, вольно затем революции отрубать для любых целей. Философии же никак не пригодились бы головы, отрубленные революцией, если бы она произошла раньше. Но не тревожьтесь, немецкие республиканцы: немецкая революция не станет оттого мягче и милосерднее, что ей предшествовала кантовская критика, фихтевский трансцендентальный идеализм и даже натурфилософия. Благодаря этим учениям получили развитие революционные силы, ожидающие только дня, когда они смогут прорваться и наполнить мир ужасом и изумлением. <...> Услышав этот гром и грохот, остерегайтесь, любезные соседи, остерегайтесь, французы, не вмешивайтесь в дела, творимые нами у себя дома, в Германии. Это может плохо кончиться для вас. Остерегайтесь раздувать огонь, остерегайтесь гасить его. Вы легко можете обжечь в пламени пальцы. Не смейтесь над моим советом, советом мечтателя, предостерегающего вас от кантианцев, фихтеанцев и натурфилософов. Не смейтесь над фантастом, ожидающим в мире явлений той самой революции, которая уже произошла в области духа. Мысль предшествует делу, как молния грому»⁶.

Довольно критично к подобному фазовому сдвигу политической и философской революций относился Карл Генрих Маркс, который с точки зрения критики идеологии истолковал неви-

⁴ Гейне Генрих. К истории религии и философии в Германии. М., 1994. С 137.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же. С. 198–201.

данный расцвет немецкой духовной жизни в качестве компенсационного феномена: «Подобно тому, как древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии, так мы, немцы, переживаем нашу будущую историю в мыслях, в философии. Мы — философские современники нынешнего века, не будучи его историческими современниками. Немецкая философия — продолжение немецкой истории в идее. <...> То, что у передовых народов является уже практическим разрывом с современными государственными порядками, — то в Германии, где эти порядки еще даже не существуют, является сначала критическим разрывом с философским отражением этих порядков»⁷. И особенно непатриотично звучит следующая Марксова формулировка проблемы немецкой отсталости: «Немцы размышляли в политике о том, что другие народы делали»⁸.

Г. Шнедельбах подчеркивает, что в тогдашней литературе было широко распространено представление о том, что расцвет немецкой литературы и философии находится в тесной взаимосвязи с политической и социальной отсталостью Германии; Гейне и следовавший за ним в этом Маркс лишь особенно убедительно его сформулировали⁹. Тот же Маркс (совместно с Энгельсом) писал в «Коммунистическом манифесте» о серьезном изменении функции теоретического дискурса, заимствованного у передовых наций, в архаичном социально-институциональном контексте Германии, где литература «должна была приобрести характер досужего мудрствования об осуществлении чело-

веческой сущности. Так, требования первой французской революции для немецких философов XVIII века имели смысл лишь как требования “практического разума” вообще. <...> Вся работа немецких литераторов состояла исключительно в том, чтобы примирить новые французские идеи со своей старой философской совестью...»¹⁰.

Таким образом, относительное «запаздывание» в социально-институциональном плане может приводить к довольно амбивалентным последствиям в сфере духа, что и было зафиксировано выдающимися представителями немецкой культуры. Кстати, такое развитие топоса «немецкого запаздывания» получает отличную от Гердеровской направленность: культурное развитие Германии, которое всегда считалось ее сильной стороной, предстает теперь как признак девиации великой европейской нации.

Что же Плеснер имел в виду

Следует сразу сказать, что Гельмут Плеснер не просто афористично выразил давно существующий в немецкой мысли тематический комплекс, но попытался привязать его к иному проблемному контексту. В «Опоздавшей нации» он исследует историю немецкого духа с XVI в., пытаясь обнаружить в ней причины той цивилизационной катастрофы, что произошла с немецкой буржуазией, поддержавшей Гитлера. Плеснер стремится показать корни немецкой идеологии «Третьего рейха», назвать причины их идеологической действительности — и все это в рамках «духовной истории немецкого национализма»¹¹. Именно в столь далеком прошлом мыслитель пытался разрешить проблему установления в Гер-

⁷ *Маркс Карл*. К критике гегелевской философии права. Введение // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1955. С. 419–420.

⁸ Там же. С. 421.

⁹ *Schnädelbach Herbert*. Philosophie in Deutschland. S. 32.

¹⁰ *Маркс Карл, Энгельс Фридрих*. Манифест коммунистической партии. М., Политиздат, 1978. С. 52.

¹¹ *Plessner Helmuth*. Die verspätete Nation. Über die Verführbarkeit bürgerlichen Geistes. Stuttgart, 1959 (ursprünglich 1935). S. 12.

мании национал-социалистического режима¹².

Если, начиная с XVII–XVIII вв., страны-лидеры постепенно вставали на путь демократизации общественной жизни, то в Германии в это время произошел крах Первого рейха («Священной Римской империи германской нации»). Разрыв данной традиции имел далеко идущие последствия, вплоть до XX в. включительно, поскольку Германия не могла опереться на собственную демократическую традицию, имея в культурной памяти лишь до-демократический имперский дискурс. Следствием этого стало то, что в качестве носителя вновь создаваемого немецкого национального государства могли выступить не недавно реализованные в институтах идеи (гражданской свободы и политического равенства), но лишь только народничество (Volkstum), то есть этнический национализм в политически организованной форме. В отличие от французов и англичан, нации которых традиционно рассматриваются как (исключительно) гражданско-политические.

XX столетие началось с двух крупнейших катастроф догоняющей модернизации. В своем радикализме «бунт

опоздавших» (Россия и Германия) превзошел все предшествующие катаклизмы подобного рода. Поразительным образом это восстание исторических аутсайдеров принято ассоциировать как борьбу против ценностей Запада. Хотя цивилизационная катастрофа в нацистской Германии, с одной стороны, и людоедская модернизация ленинско-сталинского образца в России — с другой, были вызваны именно необходимостью каким-то образом ответить на вызов западного Модерна. Как обычно, ответили теми культурными и человеческими ресурсами, что были в наличии...

Несмотря на то что сама Германия была частью западного мира, радикальная критика многих конститутивных для этого мира ценностей являлась традиционным элементом немецкой культурной истории. В своем исследовании Гельмут Плеснер пытается объяснить немецкий протест против Запада, достигший своей первой кульминации в 1914 г., среди прочего тем, что Германия «упустила» XVII в., эпоху, когда началось победное шествие просвещения и политического гуманизма. Он анализирует прежде всего культуру кайзеровской Германии, рассматривая немецкое запаздывание не с национально-исторической, а с культурно-социологической точки зрения: речь идет о запаздывании Просвещения и модернизации. В немалой степени именно это «упущение» было виной тому, что Германия оказалась «опоздавшей» нацией, превратившись в противника Запада и сформировавших Запад идей.

По мнению Шнедельбаха, само название книги Плеснера указывает на центральный тезис: проблемы, которые по историческим причинам возникли у немцев с их национальной идентичностью, являются причиной возникновения идеологии «народнического» (völkisch) протеста 1933 г. против политического гуманизма Западной Европы. «Существенное раз-

¹² Известный немецкий историк Томас Ниппердей считает подобный подход проблематичным в методологическом отношении, поскольку при подобных поисках исторической преемственности между различными эпохами («Kontinuitätshistorie») существует подозрение в применении искусственно сконструированной исторической оптики, позволяющей «приписывать предшествующим историческим периодам такие черты, которые якобы послужили источником катастрофических событий периода национал-социализма, таким образом, конструируется такая причинно-следственная связь, которая означает моральный приговор для всей немецкой истории Новейшего времени, предавая ее телеологическую трактовку как гибельного пути». См.: *Данн О.* Указ. соч. С. 331.

личие между немцами и народами старого Запада, которые обрели свою национально-государственную основу в XVI и XVII веках и могут обернуться назад, к “золотому веку” (чего не можем мы), заключается в этом временном сдвиге, воспрепятствовавшем образованию внутренней связи между силами Просвещения и формированием национального государства»¹³. Так возникает «специфический разрыв, который обусловил те революционные силы, что сегодня в искаженном виде проявляются в немецком национализме...». В качестве сильно опоздавшей нации, с самого начала вынужденной противостоять своим образцам, немецкий народ дистанцируется от (в то же время рассматриваемых в качестве основополагающих) норм латинизированного и урбанизированного мира, предоставляя своему собственному порыву привилегию изначальности, первичности, но тем самым и «внутренней глубины, т.е. он получает удовольствие от роли вулкана, к взрывным проявлениям которого относятся безграничность и дикость»¹⁴. Германская империя без демократической легитимационной основы есть «властное государство без государственной идеи»¹⁵, национальное объединение приходится на время ослабленного влияния идеалов гуманизма и Просвещения¹⁶, так что тем проще затем немецкий национализм в духе «народнического» (*völkischen*) протеста мог трансформироваться в идеологию чисто физического, позже расистски истолкованного самоутверждения. Истолкованное таким образом национальное государство выступает как «властное государство без потребности в гуманистическом обосновании. Действительности на-

рода должно быть достаточно»¹⁷. Этот отказ государства одновременно от демократической и идейной легитимации (для которой и без того уже не было места в экономической сфере) Плеснер толкует как причину деполитизации немецкого образования. Регресс образования, ее идеологизация есть противовес практическому материализму в экономике и властной политике: он ведет к романтизации и приватизации немецкого образования, которая почти неизбежно толкает образованных к «капитуляции перед политикой»¹⁸.

Стоит ли говорить, что аргументация Плеснера оказала огромное воздействие на новое поколение западногерманских интеллектуалов, для которых центральным стало представление о недопустимости особого развития немецкого народа, «отклоняющегося» от остальных европейских наций. Опустошительный опыт Второй мировой войны привел к коренному изменению политической культуры, причем не только в Германии. Ведь крах — дискредитированных таким образом — теории и практики немецкого «особого пути» («*Sonderweg*»), прямого сопротивления западным идеям открытого общества, правового государства и суверенности человеческой личности ознаменовался беспрецедентным саморазрушением цивилизации и основ человеческого общежития. Судя по ряду индикаторов, октроированная тогда немцам культура прямо на наших глазах утрачивает свою привлекательность и, соответственно, значимость. Что придет ей на смену после освобождения немецкого государства от военно-политического протектората США, осуществляемого посредством НАТО и других институтов, пока сказать трудно. Однако многие немцы уже заранее боятся фантома «особого пути». К этому их приучили за долгие

¹³ *Plessner Helmut*. Die verspätete Nation. S. 14.

¹⁴ Ebd. S. 24.

¹⁵ Ebd. S. 43.

¹⁶ Ebd. S. 40 f.

¹⁷ Ebd. S. 42.

¹⁸ Ebd. S. 91 ff, 165 ff.

годы заокеанские и доморощенные за-
клинатели немецкой истории...

При чем здесь Россия?

Немецкий социолог Макс Вебер вопрошал в начале XX в.: «Что можно считать в сегодняшней России “историческим”?» Великий ученый полагал, что помимо Церкви и крестьянской общины, «ничего, кроме абсолютной власти царя, унаследованной от татарских времен; то есть системы власти, которая после распада “органической” структуры, определявшей облик России XVII–XVIII веков, буквально повисла в воздухе свободы, принесенной сюда ветром, вопреки всякой исторической логике»¹⁹.

Судя по модернизационным призывам верховной власти современ-

---

¹⁹ Вебер М. К положению буржуазной демократии в России // Вебер М. О России: Избранное. М.: РОССПЭН, 2007. С. 14.

ной России, у нас по-прежнему отсутствуют современные институты в общественной и политической сфере, позволяющие регулировать жизнь русского этнического сообщества в условиях теории и практики Модерна. Нам как обществу по-прежнему не на что институционально опереться в борьбе с традиционными бедами и новыми вызовами — не рассматривать же в качестве такой институциональной опоры национального развития дисфункциональную систему официального «государства», приватизированного и используемого в частных интересах клептократических групп. Институциональная архаика последнего скорее представляет собой угрозу для большинства населения, нежели основу для солидарного действия во имя будущего нации. В этом смысле все мы можем почувствовать себя в шкуре немцев — эдак лет двести тому назад...

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

«ЧТОБЫ БЫТЬ РУСИ БЕЗ РУСИ»

УКРАИНСТВО КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Украинский вопрос уже более ста лет является одним из самых болезненных, судьбоносных и одновременно загадочных для русского общества. Тот взгляд на свою для русских историю, на этнические границы русского народа и его место среди других, а также на геополитическую будущность России и всего пространства Русской равнины, который утверждает украинская идеология, больно ударяет по русскому самосознанию и сильнейшим образом ослабляет положение нашего народа на международной арене. Нынешнее Российское государство по своей форме и идеологии во многом определено именно успехами украинства в XX в., хотя и эти его достижения ещё не слишком велики. Украинство у нас пытались отрицать на корню, не соглашаться с ним отчасти, принимать со всевозможными оговорками, умиротворять и даже полностью признавать как истину. При всём при этом никакой серьёзной дискуссии по украинскому вопросу в обществе не ведётся, даже весьма образованные его круги являются в нём фактически безграмотными. По отношению к любым идейно значимым акциям со стороны Украины принято выражать лишь недоумение, иногда высокомерное, иногда испуганное. Никакой ответной идейной системы на государственном уровне или же общепринятого взгляда на проблемы, актуализируемые украинством, нет. В России до сих пор не существует даже учебников по истории земель Украины и её национальных движений, нет университетской специализации по украинистике,

а в газетных статьях или речах политиков царит полный идейный разброд: от утверждений о «вековечной русско-украинской дружбе» до отрицания самого факта существования украинцев. Земли Украины и их население — белое пятно в русском сознании.

Прошедшее с развала СССР пятнадцатилетие многое изменило в отношении к украинцам в России. Если в начале 1990-х отделение Украины казалось чем-то искусственным, противоестественным и потому временным, случайным явлением переходной эпохи, то теперь наступило осознание серьёзных и, возможно, долговременных основ существования независимой Украины, в ней стали видеть соседа, некую реальность, с которой надо будет считаться и впредь. Особенно болезненно ударила по русскому обществу «Оранжевая революция» — былая дружелюбная лексика по отношению к украинцам у многих сменилась почти враждебной, а в сторону Киева стали посматривать с откровенной неприязнью, в которой весьма неприкрыто слышатся обвинения в предательстве «братской любви» и «родственной близости». Постепенно приходит осознание актуальности украинского вопроса, невозможности его игнорировать, а будущее нашей страны всё более мыслится зависимым от тех ответов, которые даст русское общество на вызовы украинской идеологии и политики.

Столь невразумительный взгляд на украинство и столь странное отношение к нему вполне объяснимы. Оно действительно представляет собой явление, выбивающееся из привычных

моделей развития общества, трудно-объяснимое в традиционных понятиях и абсурдное с точки зрения привычной нам жизненной логики. Тем более запутывает ситуацию крайне слабая разработанность украинской темы, когда привычная тяга к её игнорированию сочетается с объединением под одними именами очень разных явлений и процессов. Здесь не место пускаться в исторические доказательства того, что этничность православного и униатского населения Западной Руси до конца XIX в. была русской. Речь идёт о национальном проекте «Украина», а он, как и большинство национальных проектов, появился уже в XIX веке. Но вот характер этого проекта представляет собою столь своеобразное явление, что на его трактовках стоит остановиться отдельно. Если мы не принимаем откровенно отрицающие всё историческое прошлое украинские националистические версии «исконного» существования украинского народа, то для нас актуальны только вопросы о том, на каких основаниях стала формироваться украинская нация, каковы свойства самого проекта. И здесь часто можно встретиться с той точкой зрения, которая видит украинство как своего рода провинциальный национальный проект.

Такой подход я бы обозначил, используя термин Д.Д. Муретова, теорией «малого национализма». Этот взгляд на украинство состоит в восприятии его как областного движения, которое, отрицая «проект большой русской нации», возводит в ранг национального краевые особенности Юго-Западной Руси, актуализирует её историческое своеобразие, культурные отличия и т.п., чтобы создать на их основе обособленную нацию. «Есть великий национализм, а есть национализм малый, возводящий ничтожные отличия в степень особого национального сознания»¹. Н.С. Тру-

бецкой использовал в отношении к украинствующим специальный термин «краевики». «Они хотели бы возвести свою провинцию на степень нации, образуя самостоятельное государство. Предпочитая ценности своей провинции ценностям великой нации, в состав которой они входят, они начинают критиковать её ценности, стараются видеть в ней действительные или воображаемые недостатки и проникаются ненавистью к ней... Такое умонастроение нельзя назвать национализмом; это — провинциализм», — писал об украинстве Н.О. Лосский².

Эта точка зрения, имея весьма большое распространение и в современной России, хотя и критикует украинство, отстаивая правоту «большого национализма» перед «малым», тем не менее во многом и оправдывает его. Предпочитать тот или иной тип национализма — личный выбор каждого. «Великие нации создаются двойным процессом: обособлением снаружи и отождествлением внутри. В этом отождествлении погибает кое-что милое нашему сердцу, но таково требование истории»³, — однако обязательность такого требования ничем не доказана, а защищать в рамках малого национального проекта то, что «мило сердцу», — это скорее моральное право, чем «преступление перед историей». Тем более это так в наш век начинающегося расцвета регионализма, когда во всей Европе старые нации трещат по швам из-за всё более усиливающихся малых национальных проектов, уже добившихся больших успехов и снижавших себе право на определённое признание со стороны старых национальных центров. Можно оспаривать целесообразность малого национализ-

и империя в русской мысли начала XX века / Сост. С. Сергеев. М., 2004. С. 187.

² Лосский Н.О. Украинский и белорусский сепаратизм // Грани. Frankfurt (Main), 1957, № 39. С. 189.

³ Муретов Д.Д. Указ. соч. С. 188–189.

ма, но нельзя отрицать его определённых прав на существование.

Однако такой взгляд на украинство (как на некую аналогию каталонскому, баварскому, черногорскому и т.п. национальным проектам) не способен объяснить значительную часть своеобразных черт украинского проекта и часто заставляет его сторонников вставать в позу недоумения при реальном столкновении с проявлениями этого проекта в жизни. Более того, он крайне неадекватен историческим реалиям Юго-Западной Руси, *путая в одном понятии довольно ярко проявившее себя в XIX в. местное «краевое» движение и собственно украинство, возникшее позже и имевшее к первому лишь косвенное отношение.*

Украинофильство

Краевое движение, «украинофильство», как оно стало называться, появилось в первой половине XIX в. и впервые по-настоящему ярко проявило себя в 1840-е гг. Само по себе его возникновение вполне закономерно и, можно сказать, оправданно: сформировавшаяся к тому времени единая имперская русская культура, хотя и была создана в значительной степени выходцами как раз из этих земель, по своим идеологиям и исторической памяти была зациклена на Московской Руси как главной государствообразующей территории. Наследие Среднего Поднепровья, да и вообще Западной Руси ждало своей актуализации и одновременно защиты от унифицирующего воздействия общерусской «печатной» культуры. Собственно, такая борьба местных культурных центров за сохранение и развитие своих краевых особенностей внутри становящейся общей национальной культуры призвана обогащать и развивать эту культуру и вряд ли может быть негативно оценена даже крайними приверженцами государственного централизма. Неудивительно поэтому, что московская и петербургская интеллигенция XIX в.

весьма положительно относилась к украинофильскому движению и оказывала ему немалую поддержку.

Первые попытки отстоять историю Малой России как особую и значимую часть общерусской истории были сделаны ещё в XVIII в., во время, когда упразднялась Гетманщина. Стихотворное произведение «Разговор Великороссии с Малороссиею» Семёна Дивовича (1762) начиналось с демонстрации обидной неосведомлённости в малороссийской истории: «Кто ты такова родом, откуда взялася? / Скажи, скажи начало, с чего произвелася?» — вопрошала Великороссия. На это Малороссия долго отвечала рассказами о славной казачьей истории, и под конец Великороссия делала вывод: «Довольно, ныне твою правду принимаю, / Верю всему, почитаю, храброй сознаю. / Отсель и чины твои равнять с мерой стану / И от дружбы с тобою вечно не отстану. / Мы будем в неразрывном впрעדь согласии жить / И обе в едном государстве верно служить. / Посяпору понимала темно о тебе; / Благодарствую, что протолковала ты мне». Эта неосведомлённость великороссов в западнорусских делах и несколько высокомерное к ним отношение было важнейшим побудительным мотивом для местного патриотизма.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. появился целый ряд описаний «истории Малороссии», призванных познакомить широкого российского читателя с малоизвестными ему страницами южнорусской истории и поднять моральный статус малорусского дворянства, имевшего казачье происхождение, а во многом и напомнить о его исторических претензиях на особые автономные права. Наиболее известным и популярным сочинением, растолковывавшим казачью историю, стала книга неизвестного автора «История Русов, или Малой России». Она была написана то ли ещё в конце XVIII, то ли в начале XIX в., но стала активно распространяться

в рукописных списках в 1820-е гг. (да и, судя по языку, скорее всего тогда и была создана). Имея более литературную и идеологическую, чем научную силу, «История Русов» оказала огромное влияние на всю русскую мысль о Малой России, став также и важнейшим источником украинофильского движения.

Однако и её целью было не провозглашение особого украинского народа, а утверждение Украины как значимой части русских земель и русской истории. Начиналась она с примерно той же констатации, что и цитируемое выше сочинение: «История Малой России до времён нашествия на неё Татар, с Ханом их Батыем, соединена с Историею всея России, или она-то и есть единственная История Российская; ибо известно, начало сея Истории, вместе с началом правления Российского, берется от Князей и Княжеств Киевских, с прибавлением к ним одного только Новгородского Князя Рюрика, и продолжается до нашествия Татарского непрерывно, а из сего времени бытие Малой России в Общей Российской Истории едва упоминается; по освобождении же ея от Татар Князем Литовским Гедимином, и совсем она в Российской Истории умолчена». Печальная констатация, верная и по сей день. Всё дальнейшее описание опять же преимущественно казачьей истории направлено на увеличение значения малороссийских земель и их дворянства в глазах центральной имперской власти и во всём том, что касается московской истории, и подаётся с вполне, как мы бы сейчас сказали, общерусских позиций. Там нет «сепаратистской» идеологии, какую нередко приписывают «Истории Русов»: это, скорее, наоборот — утверждение общерусскости в ущерб той крайней исторической москвоцентричности, которая возобладала в российской историографии и общественном мнении к тому карамзинскому времени. Автор утверждает

русскость обеих частей Руси и говорит о «соединённой России» после «соединения Малороссии с Велико-россией» в 1654 г. Однако «История Русов» представляла собой основу для особой идеологии малороссийского дворянства, возрождая в нём автономистские склонности. И главное — с неё началось романтическое увлечение казачьим прошлым, отразившееся в творчестве целого ряда писателей и учёных того времени.

Казачий автономизм — важнейший источник украинофильской мысли — был особой идеологией с довольно старыми корнями. Запорожские казаки, сложившиеся как общность к концу XVI в., имели русское самосознание и православную веру, но наследовали своеобразную сословную идеологию шляхетской Речи Посполитой. Не будучи признаваемы в таком статусе в самом этом государстве, они уже с начала XVII в. настаивали на том, что, будучи воинами, защитниками южных рубежей, они являются рыцарским сословием (шляхтой) и потому должны иметь те же права, что и шляхта польская. Их борьба за свои права и привилегии не принесла им прочного успеха, так как и по происхождению казачьи роды (за некоторыми исключениями) не могли быть восприняты польской шляхтой как ровня, и по религии своей они оставались чужеродным элементом: в то время о предоставлении православным равных прав в воинственно-католической Речи Посполитой можно было разве что мечтать. Однако в борьбе за свои права казаки усвоили основные положения шляхетских сословных представлений, став во многом идейными наследниками Речи Посполитой.

Идеология этого государства, имевшего шляхетско-республиканское внутреннее устройство, основывалась на представлении о шляхте (благородном сословии) как об особом народе, даже по происхождению своему отличным от простого люда. В польском язы-

ке сложилось тогда (и продержалось вплоть до начала XX в.) понятие народа («народ») как обозначения именно шляхетства, что сильно отличало эту традицию от русской, в которой слово «народ» более применимо как раз наоборот — к населению страны за исключением её элиты. Так вот это польское понятие «народа» запорожское казачество сохранило в своей корпоративной идеологии, и оно только упрочилось со временем, когда из казачьей верхушки сформировался слой местного дворянства Российской империи. Ликвидация Гетманщины в 1764 г. и упразднение особого казачьего полково-сотенного административного уклада в 1783 г. не сразу похоронило это понятие об украинских казаках как о шляхетском «народе», но вызвало довольно продолжительную реакцию и многочисленные попытки отстоять свои особые понятия о социальной организации и сословной исключительности, чему и служили различные писавшиеся тогда «Истории Малороссии». Закономерным проявлением всей этой деятельности стали манифесты о равенстве «народа Малой России» с «великороссами». При этом, надо особенно подчеркнуть, речь шла о «народах» не в том смысле этого слова, который привычен для русской культуры, а о корпорациях дворянского сословия.

Подлинная манифестация украинофильской идеологии произошла только в 1846 г., когда была впервые официально издана (в Москве) «История Русов», а в Киевском университете сложился кружок интеллектуалов (Кирилло-Мефодиевское братство), выдавший тогда несколько текстов, которые и стали классикой всего идейного течения. При этом тексты эти — «Статут» Братства, «Закон Божий (Книга бытия украинского народа)» Н. Костомарова, «Повесть об украинском народе» П. Кулиша — имели для будущего развития местной идеологии особенно большое значение, так как со

вступлением в век националистических движений они моделировали что-то вроде особого украинского национализма — по крайней мере, они именно так читались позднее. В статуте Братства «южно-руссы» и «северо-руссы с белоруссами» были разделены как два разных славянских «племени», при этом за первыми признавалась мессианская роль в деле создания федеративной республиканской Славянщины. Впервые говорилось о народе «украинцы» со своим «украинским языком» и даже «украинской кровью». На фоне этого всё время подчёркивалась общая русскость этого народа с его северным собратом, а панславистские идеи не мешали гневным выпадам в сторону поляков. «Поляки, ослеплённые враждою ко всем православным, продолжали свои гонения с намерением окатоличить все Русские земли, которыми ещё владели», — говорилось о XVIII веке⁴.

Тексты 1846 г. были одновременно и вершиной процесса сословной реакции на ликвидацию Гетманщины со стороны малороссийского дворянства, и началом нового этапа в развитии украинофильства, связанным уже с идеями новой эпохи. То, что надежды на воссоздание Гетманщины после завоевания Крыма и разделов Речи Посполитой бесперспективны, было уже очевидно, да и потребности в новых условиях освоения степной Новороссии у местного дворянства были другие. Как очевидно было и то, что это дворянство уже давно не является хранителем собственно казачьих традиций. Между тем столь ярко проявивший себя казачий романтизм показал свою способность к гораздо большему демократизму, чем идейный источник казачьих вольностей — польская шляхетская идеология. Если польская шляхта на протяжении всего XIX в. так и не смогла преодолеть узкосос-

⁴ [Кулиш П.] Повесть об украинском народе. СПб., 1846. С. 101–102.

ловности понятия «польского народа» и привлечь к своей борьбе за независимость простой крестьянский и городской люд, то воспоминания о казачьем прошлом побуждали обращать внимание не только на дворянство, но и на простое население Левобережья, во многом также бывшее потомками казаков и сохранившее казачьи традиции в гораздо большей степени, чем дворянство.

В 1830–1840-х гг. в российской общественной жизни на первый план вышло понятие «народности», сыгравшее в русской культуре огромную роль. «Народность» виделась несколько иначе, чем в более привычной нам и сейчас советской историографии. Понятие «народности» вообще — важнейшее для истории русской общественной мысли XIX в. Оно активно вошло в язык к 1820-м гг. и уже тогда стало очень популярным. Русская традиция употребления слова «народ» как тождественного «простонародью» здесь сыграла важнейшую роль, хотя немалое значение имели и западные идеи. На его формирование оказали большое влияние идеи Ж.-Ж. Руссо, а также немецкой философии (И.Г. Гердер, И.Г. Фихте, мифологическая теория братьев Гримм) и в целом культура немецкого романтизма. Однако понятие оказалось в своих значениях специфически русским.

Народность первоначально понималась как «проявление в литературе национального духа» (П.А. Вяземский, 1819), однако источником и выразителем этого духа признавался исключительно «простой народ», крестьянство. Именно в такой трактовке термин «народность» употребляли славянофилы, ставшие фактически законодателями его значений для культуры того времени. Как писал И.В. Киреевский, «у нас искать национального значит искать необразованного»⁵. Одновремен-

но с этим понятие народности определяло особое отношение к культуре: подлинной, настоящей культурой виделось именно культурное наследие села, а городская культура, тем более культура аристократического слоя понималась как наносная, неподлинная, являющаяся скорее достоянием общеевропейской цивилизации, чем самого народа, — а потому и не составляющая народность, не выражающая национальное лицо.

Искать русскость требовалось в деревне, так как только она виделась её хранительницей. И из этого же делался вывод о необходимости приближать культуру верхов общества к культуре народной, «идти в народ» за подлинными ценностями, настоящим, не исковерканным городской жизнью языком, моралью — всем, что могло быть названо «национальным». Несомненно, на формирование идеи народности оказал решающее влияние факт культурного разрыва между разными слоями русского общества, произошедший в результате реформ Петра I. С начала XIX в. этот разрыв стал всё более осознаваться как важнейшая проблема России. И понятно, что европеизированная культура верхов воспринималась как наносная, а культура деревни виделась хранительницей исконных русских форм.

Это умонастроение верхов русского общества не было чуждым и дворянству Малороссии. Влечение ко всему народному (в русском смысле слова) проявилось здесь так же ещё в первой половине XIX в. и постепенно себя проявляло всё активнее. Уже в текстах 1846 г. это понятие весьма заметно, и именно оно стало основой для отхода от узкосословной республиканской традиции местного патриотизма к более демократичной, представлявшей одновременно возрождением старых и подлинных казачьих устоев. По сути, это было переключением с польского понятия слова «народ» на собственно русское, актуальное для всей импер-

ской культуры того времени. Про казачьи войны XVII в. писалось: «Скоро все люди в Украине стали бы казаками, т.е. вольными и равными»⁶. Эта новая волна увлечения идеей «народности» стала основным содержанием развития украинофильских идей почти на всю вторую половину XIX в.

Украинофильство было очень различно: от утверждений культурного своеобразия до почти сепаратистских лозунгов. Однако необходимо подчеркнуть важнейшую черту всего течения: его идеологи никогда не отказывали Украине в русскости и в общности на этом основании с остальным русским народом. Это было именно краевое движение, направленное на сохранение и развитие местных особенностей в контексте общерусской жизни. Понятие об «украинском» употреблялось рядом с такими как «южнорусский народ», «малорусская народность» и т.п. Один из зачинателей украинофильского движения, профессор Михаил Максимович, писал М.П. Погодину: «...и люблю Малороссию, люблю язык её народа, и песни его, и историю как во времена княжеские — от Аскольда до Симеона, так и во времена гетманские — от Ланцкоронского до Разумовского. Что я люблю наш первопрестольный Киев больше, чем ты, это также естественно: ибо, питая к нему любовь общерусскую, и ближайшую к нему любовь — малороссийскую, — я люблю его ещё как родину моего рода»⁷.

Главный инициатор деятельности Кирилло-Мефодиевского братства великий русский историк Николай Костомаров, которого заслуженно считают своего рода «отцом украи-

нофильства», писал о необходимости «мыслить на общерусском языке» и подчёркивал своё русское самосознание. Полемизируя на украинскую тему с польским автором, он выступал от лица русского народа: «для нас, русских»⁸. «Две русские народности» — «южнорусская» и «севернорусская», существование которых он отстаивал, представляли для него общерусское достояние, части общей культуры: «Оказывается, что русская народность не едина; их две, а кто знает, может быть их откроется и более, и тем не менее они — русские»⁹. Костомаров развил представление о народности, заявив, что она может быть характеристикой «племени», а не всего народа, поэтому у одного народа может быть «две народности».

Народность, при этом была свойством именно «простого люда», деревни. «Народность малороссийская сосредоточилась исключительно в одном так называемом простонародии»¹⁰. И для «малорусских народолюбцев» (термин Костомарова)¹¹ это русское свойство понятия «народ» оказалось стократ усиленным осознанием отсутствия вообще какой-либо «своей» культурной элиты. У Костомарова даже есть специальные рассуждения о «мужицком» характере малорусской народности: «Судьба южнорусского племени устроилась так, что те, которые выдвигались из массы, обыкновенно теряли и народность; в старину они делались Поляками, теперь делаются Великороссиянами: народность южнорусская постоянно была и теперь оста-

⁶ Закон Божий (Книга бытия украинского народа) // *Костомаров Н.И.* Скотский бунт. М., 2002. С. 394.

⁷ *Максимович М.А.* Ответные письма к М.П. Погодину // *Максимович М.А.* Собрание сочинений. Т. III: Языкознание. История словесности. Киев, 1880. С. 250.

⁸ *Костомаров Н.И.* Правда полякам о Руси (По поводу новой статьи в «Revue Contemporaine») // *Основа*. 1861. № 10 (октябрь). С. 105.

⁹ *Он же.* Две русские народности // *Основа*. 1861. № 3. С. 33.

¹⁰ *Он же.* Задачи украинофильства // *Вестник Европы*. 1881. № 2 (февраль). С. 889.

¹¹ *Он же.* Украинофильство // *Русская старина*. 1881. № 2. С.330.

ется достоянием простой массы»¹². Отсюда и направленность культурных инициатив также виделась вполне определённой: «Наша малорусская литература есть исключительно мужицкая, так как и народа малорусского, кроме мужиков, почти, можно сказать, не осталось. А потому эта литература должна касаться только мужицкого круга»¹³.

Обвинение в сепаратистских идеях Н. Костомаров воспринимал наиболее остро и многократно пытался разъяснить свою позицию: «Только при глубоком незнании смысла нашей прошедшей истории, при непонимании духа и понятий народных можно дойти до нелепых опасений расторжения связи двух русских народностей при их равноправности»¹⁴; «Мысль об отделении Малой России от империи называет автор (оппонент Н. Костомарова. — *О.Н.*) “жалкою и несбыточною мечтою”. Мы в этом совершенно с ним согласны и прибавим, что если бы существовала у кого-нибудь такая мысль, то она была бы в одинаковой степени нелепа, как мысль о самобытности всякого удельного княжения, на которые когда-то разбивалась Русская земля в удельно-вечевой период нашей истории; но едва ли бы такая мысль могла найти себе долговременное пребывание в голове, не нуждающейся в помощи психиатра»¹⁵.

Важнейшим для него было утвердить значительную роль Малой Руси в общерусской истории и культуре, сложносочинённый характер русского народа: «Малорусы же никогда не были покорены и присоединены к России, а издревле составляли одну из

стихий, из которых складывалось русское государственное тело»¹⁶. Тексты Костомарова полны «общерусской» терминологии: находя две русские народности, он писал и об «общей русской народности», через которую проявлялась «принадлежность к общему русскому миру», «древняя связь его с общерусским миром», с «русским материком» и т.д.¹⁷.

Собственно, если говорить об общерусском сознании, то оно заключается именно в утверждении многосоставности Руси, её единства в историческом и культурном разнообразии, а не в провозглашении традиций и систем общественной жизни только одной из её частей образцовыми для определения того, что русское, а что нет. В этом смысле украинофильство было движением как раз подлинно общерусским — особенно на фоне того, с чем оно боролось: с великорусской замкнутостью на истории и культуре только Восточной Руси, с нередко проявлявшимся нежеланием представителей московско-петербургской интеллигенции и чиновничества видеть русскую культуру во всём её многообразии, признавать Западную Русь частью русского исторического пространства.

Против этого и была направлена основная деятельность украинофилов, то есть против «московского партикуляризма» (очень точный термин Н. Костомарова)¹⁸, или же «восточнического русофильства» (как называл это М. Драгоманов)¹⁹. Вот как описывал это положение дел Костомаров: «Малорусы говорят: ты должен любить вместе с нами один только книжный общий наш язык, потому что этот язык

¹² *Он же*. Две русские народности // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. I. СПб., 1863. С. 286.

¹³ *Он же*. Задачи украинофильства. С. 896.

¹⁴ *Он же*. Мысли южноруса. О преподавании на южнорусском языке // Основа. 1862. № 5. С. 5.

¹⁵ *Он же*. Украинофильство. С. 322.

¹⁶ Там же. С. 330.

¹⁷ См., напр., его статью «Две русские народности».

¹⁸ *Костомаров Н.И.* Правда москвичам о Руси // Основа. 1861. № 10 (октябрь). С. 14.

¹⁹ *Петрик М.* [Драгоманов М.П.] Что такое украинофильство? // Русское богатство. 1881. № 11. С. 124.

столько же твой, как и наш; но ничего такого, что только твоё, а не наше — ты не смей любить: все это пусть пропадёт, и твоя местная речь должна заместиться общим русским языком. Но современные нам малорусы не виноваты, что деды и отцы оставили им в наследие выработанную историею народность хотя и русскую, но отменную от великорусской»²⁰. Защита двусоставности Руси стала основой всего движения.

«Двуетниая Русь» была кредом и другого лидера украинофильского движения — Пантелеймона Кулиша, который особенно упирал на разграничение функций двух частей Руси — за Восточною оставлял политическое руководство, а за Западною, как хотел он видеть, — духовное. Творчество Кулиша нередко описывается то как идейная эволюция от украинского сепаратизма к общерусскому патриотизму, то как эволюция от общерусских взглядов к украинскому национализму. Этот писатель и историк был действительно не очень последователен в высказываниях своих суждений, благодаря чему в его текстах можно найти подтверждения и тому, и другому подходу. Однако необходимо заметить, что при всём при этом для его взглядов характерна определённая константность, которой он не изменял никогда в жизни: это постулирование общерускости в её разнообразии.

Сущность своей деятельности он видел в утверждении «русской двойственности»: «з'явились, наперекір царським творителям руської єдности, проводники руської двоїстости»²¹. Под конец жизни он описал в письме внучке своего рода формулу общерусского

самосознания: «Моє²² он патріотство починається з Олега й Святослава, захоплює княземщину й московщину з новгородчиною, вибивається з-під монгольського ярма, помагає нам вибитись із-під єзуїтської Польщі, опановує вкупі з царською раттю “пучину крови нашої” Крим, визволяє нас із-під ляхо-татарського виродка — козацтва, і достойного чада його — гайдамацтва, в ввійшовши, при світлі царських шкіл, в океан всього світної науки, поновлює бояновську старорущину на звалищах кобзарських дум і живого слова народного. Тимчасом старорущина породила вже “нове в народ їх слово”, слово пушкінське, і воно дало нам силу знятись вище простолюдної пісні і повісти. Не вга-сала пушкінська новорущина нашого староруського, бояновського духа, а воскресила його. По свій руській природі вона нам не ворожа, — не те вона, що польщизна: бо й її зродили наші ж таки староруськи розуми, ті, що утерявши “матір всіх руських городів”, зібтали до купи яку змогли руську землю під її чада»²³. «Великий Руський Світ» — так означав Кулиш свою страну, об'єднанню котрою он посвятил трьохтомне сочинення «История воссоединения Руси» (СПб., 1874). Немало внимания он уделял и защите единства России. В 1857 г. он писал в одном из писем: «Сохрани нас Боже Московської землі одбігати! Се тільки москалі нас одбігали, кидавши нас то орді, то ляхам на поталу... А поки що, будем чинити так, як чинили наші предки. Москва їх одбігає, а вони до Москви горнутья, наче той

²⁰ Костомаров Н.И. Украинофильство. С. 330–331.

²¹ Куліш П.О. До М. Карачевської-Вовківни, 7 липня 1892 // Вибрані листи Пантелеймона Куліша, українською мовою писані / Ред. Юрій Луцький. Нью-Йорк, Торонто, 1984. С. 266.

²² Украиноязычные цитаты приводятся здесь и далее в оригинале, так как отразить в переводе своеобразие ещё становящегося языка, часто отличного от современной нормы, представляется просто невозможным, а перевод терминов и этнонимии в любом случае может быть спорным.

²³ Куліш П.О. До М. Карачевської-Вовківни, 7 липня 1892. С. 265–266.

брат, що покинули рідні брати на сармарських степах»²⁴.

Общерусский патриотизм П. Кулиша особенно заметен в его описаниях русских отношений с поляками. Очень ярко и поэтично он выразил эти чувства в работе «Владимирия», посвящённой подъярёмной Руси. «В XVI ст. ставропигиальное (самоуправляющееся) Львовское Братство было нашим набатом против папизма, смешавшего русский язык с польским до неразличимости посредством сочиненной иезуитами церковной унии; но теперь, когда русское православие, вместе с русскою народностью, восторжествовало над польским католичеством во всем... когда всюду древняя вера Киевского Владимира воссияла вновь на русских займищах из-под развалин польщины — наша Владимирия остается поди властью преемников Пизоня, Поссевина, Скарги, Кунцевича, Рутского... При обстоятельствах, убийственных для развития и даже существования русского элемента в Червонной Руси, он все-таки не поддался здесь польскому. Правда, он вдался невежественно, подобно нашим украиноманам, в козачину, от которой сторонился 250 лет назад; он, можно сказать, отатарился, подобно предкам хмельничанам, но уже не при звуках оружия, а под скрипом первых своих беллетристов и публицистов, но тем не менее борется с элементом польским... История разделившей Русь томила меня в обители Св. Юра больше, нежели в самом городе. Здесь яснее, нежели где-либо, я понимал, как в силу реакции козакам с их побратимами Татарами, едва и вся южная Русь не превратилась в такую польско-русскую помесь, какую видел я во Владимирии. “Это не русская церковь, — думал я, — не русские священнослужители: это костел, в котором метириесают полурусские священнослужители: это Ляхи

в православном облачении. Вот чего домогались в Брест-Литовском паписты от наших предков! Они хотели уподобить всю Малороссию Польше и навсегда оторвать нас от великого Русского Мира”»²⁵.

Впрочем, у украинофильства были некоторые своеобразные особенности, которые важно отметить для понимания довольно печальной судьбы всего этого движения. И в первую очередь стоит сказать о таком его «родимом пятне», как концентрация внимания именно и преимущественно на казачьих корнях.

Запорожское казачество, хотя и было русским по самосознанию, всё же представляло собой довольно своеобразный культурный тип, обусловленный степным образом жизни и огромным влиянием на него культуры степных (тюркских) народов. Казачьи войны середины XVII в. были своего рода завоеванием казачеством старорусских земель (собственно, тогда из пограничных «украин» и родилась Украина как особый «казацкий» регион) и, несомненно, это оказало впоследствии большое влияние на их культурный облик. Так как украинофильство выросло из культурного движения, имеющего ностальгический характер относительно Гетманщины и её автономных прав, то и зацикленность на казачьем прошлом в ущерб всей остальной истории этих земель была ему свойственна изначально.

Этот с исторической точки зрения недостаток движения особенно прочувствовал и отразил в своём творчестве П. Кулиш. Именно это его свойство вызывало у Кулиша очень острое — и с течением жизни всё большее — неприятие, постепенно вылившееся в крайне негативную оценку всего казачьего прошлого и роли казаков в русской истории. Сознательную борьбу с романтизацией казачества

²⁴ Он же. Лист до М. Юзефовича. Стичня 19, 1857 // Вибрані листи Пантелеймона Куліша. С. 92–93.

²⁵ Кулиш П.А. Владимирия (1894) // Київська старовина. 1998. № 1.

он сделал важнейшей составляющей своей исторической концепции, о ней же он писал во многих своих статьях и письмах: «Повтікавши од Хмельничан у Харківщину, Вороніжчину і т.д. величали ми себе татарською назвою “козаки”, а свій край і в нових слободах і в давніх займищах звали польським словом Україна (по-російськи — Украина) і плакались над сим словом, неначе в приказці Бог над раком. Тепер ми бачимо, що з давніх-давен були радними з Руссю московською і вірою, й мовою, через те налічуєте Ви нас по московських державах до 40 мільйонів. Розлучив нас із ними лях, кохаючись у козаках поти, поки вони його спалили й зарізали, а недопалену і недорізану Ляхву піймала за чуб правою рукою Москва, держучи лівою за чуба ж таки козака. Навіть хохлом зве нас Москаль через те, що ми взяли на себе образ і подобіє свого наставника Ляха»²⁶.

Кулиш пытался утвердить, что «не в козаччині наш ідеал національний», а в «словесной автономии», в особенностях южнорусских наречий, указывая на них как на главное основание местного патриотизма. И, несомненно, Кулиш стал одним из отцов украинского литературного языка. Он немало сам на нём писал, он редактировал поэтические сочинения Тараса Шевченко, он разработал особую алфавитную систему для его записи («кулишовка», лежащая — с некоторыми изменениями — в основе современной украинской письменности). Кстати, дальнейшая судьба этой письменности не обрадовала самого автора. Вот как он ещё в 1867 г. в письме к известному русофильскому деятелю Галичины Якову Головацкому описывал своё к ней отношение: «Вам известно, что правописание, прозванное у вас в Галичине Кулишивкою, изобретено мною в это время, когда все в России были заняты распространением грамотности в про-

стом народе. С целью облегчить науку грамоты для людей, которым некогда долго учиться, я придумал упрощённое правописание. Но из него теперь делают политическое знамя. Полякам приятно, что не все русские пишут одинаково по-русски; они в последнее время особенно принялись хвалить мою выдумку: они основывают на ней свои вздорные планы, и потому готовы льстить даже такому своему противнику, как я... Видя это знамя в неприятельских руках, я первый на него ударю и отрекусь от своего правописания в имя русского единства...»²⁷. Однако изобретённая им письменность всё же осталась самым значимым его вкладом в становление украинского национального проекта.

Победила и линия того же Т. Шевченко на так критикуемые Кулишом «козакоманство» и «плебейство», дополненное крайней неприязнью к «Московщине». И причины этого Кулиш, в общем-то, сам хорошо понимал: «Элемент ляхо-шляхетський вкупі з елементом татаро-хлопацьким, народів козаччину нам на погибель, і не погибли ми з нашою старорущиною єдино через те, що братня наша Русь, праведно звана Великою, спромоглась на тверду, законодавчу і виконавчу власть, — не так, як республіки шляхетська і її facsimile — республіка козацька. Очуняли ми, отверезились під її протекцією, навіть під її крутим деспотизмом, і позичили в неї позиченої в німця науки»²⁸.

²⁷ Отрывок из письма П.А. Кулиша к Я.Ф. Головацкому, см.: Твори Пантелеймона Куліша. Львів, 1910. С. 699–700. Тогда же он писал к О. Патрицкому: «Се-б то — ми собі дома живемо, розмавляємо і пісень співаємо не однаково, а коли до чого дійдеть-ся, то половинити себе нікому не попустимо. Половинила нас лиха доля довго, і всилувувались ми до одностійности руської кривавим робом, і вже тепер шкода лядського заходу нас розлучати!» (Там же. С. 698).

²⁸ Куліш П.О. До М. Карачевської-Вовківни, 7 липня 1892. С. 267.

²⁶ Куліш П.О. До С. Носа, 13 мая 1888 // Вибрані листи Пантелеймона Куліша. С. 251.

Действительно, П. Кулишу удалось подчеркнуть одно крайне важное свойство украинофильства, которое сыграло с этим культурным движением злую шутку: имея основания в романтизации казачьего прошлого, оно было чуждо как большей части истории малорусских земель, их культурному наследию, так и имело мало общего с их современным состоянием. Многие национальные движения в Европе рождались в эпоху романтизма, но мало какие были столь оторваны от конкретной реальности своих территорий и имели столь избирательные исторические основания.

В целом также можно сказать, что оппонирование этому свойству украинофильства изнутри самого движения Кулишу не удалось: он остался почти одинок в своих взглядах. Зато оказал немалое влияние на критику движения: в этом отношении верным его последователем был историк украинства Николай Ульянов, выведивший весь «украинский сепаратизм» из «казацкого завоевания». И всё же, несмотря на несомненные исторические основания этих взглядов, хотелось бы подчеркнуть, что украинофильство выросло не из казачьей культуры и не из казачьего движения, а из попыток использовать память о казаках малороссийским дворянством, хотя и имевшим казаков в своих предках, однако казаками уже давно не являвшимся. Если же говорить о самом запорожском казачестве, то современные исследования только подтверждают его огромную роль в деле защиты Православия в Речи Посполитой (а по сути, лидерование в деле этой защиты с 1620-х гг.) и в освобождении значительной части Западной Руси от польского административного и религиозного гнёта. Оно же сыграло огромную роль в истории защиты южных рубежей русских земель, дав блистательные образцы русского героизма.

Приверженность Кулиша к «народной речи», к сельской мове украинных сёл, которую он с друзьями (небез-

успешно) старался развить в новый литературный язык, имела основания в тех самых понятиях о «народности», о которых уже шла речь выше. Городская культура Украины виделась не вполне подлинной, ненациональной, а потому достойной отрицания и замещения её «действительно народной» культурой. В основной части России, несмотря на очень широкую и долгую увлечённость в обществе этими свойствами идеологии «народности», тем не менее не смогли создать на сельской основе какой-то новой культурной традиции, претендующей на замещение старой городской культуры. Хотя теоретически попытаться создать на базе одного из многочисленных сельских диалектов альтернативную версию литературного языка можно было почти в любой точке Русской земли. На Украине же (то есть на землях бывшей Гетманщины) это в общем-то удалось.

Большую роль в этом сыграло то, что местная городская культура — вся русскоязычная и основанная на многовековой местной традиции — была признана не национальной не только как городская, но и как «общеимперская», общерусская. На самом деле русская культура, какой она сложилась к XIX в., была основана на западнорусской традиции (в том числе и языковой) едва ли не в большей степени, чем на среднерусской, и роль Киева как культурного центра была для неё никак не меньшей, чем Москвы. В результате городская культура Киева или Чернигова мало чем отличалась от культуры городских центров великороссии, в чём легко можно было усмотреть и опасность общерусской стандартизации.

Кстати, сам по себе факт малорусского участия в создании общерусской культуры не только признавался, но и подчёркивался украинофилами. Так, например, в стихотворении «Національний ідеал» Кулиш написал: «Так само й Москалю живу вказали мову, / І привели його ід пушкінському

слову». Тем не менее эта культура «верхов» виделась оторванной и мало выражающей сельскую стихию Малороссии. Сама по себе эта идея может быть признана абсурдной, ведь городская культура не может быть основана только на сельской традиции — ей естественно наследовать многовековой культурной истории. Но в соединении с новыми националистическими идеологиями эта идея оказалась довольно сильной.

В первую половину XIX в. Европа вступила в эпоху национализма, то есть создания современных наций. Они создавались либо центральными правительствами путём административной централизации и культурной унификации своих стран, либо национально-освободительными движениями народов, не имевших своей государственности. «Весна народов» (1848) сделала идеологию национализма господствующей в европейской общественной мысли и важнейшей составляющей всей политической жизни Европы. Важно отметить, что если в большинстве случаев создание национальной формы жизни было результатом длительного исторического развития, то многие другие народы (особенно в Центральной и Восточной Европе) имели иной исторический опыт и к созданию наций были, по сути, принуждены обстоятельствами международной политики. Речь идёт о народах преимущественно сельских, не имевших своей городской культуры (и связанной с нею политической истории) или же потерявших её вследствие иностранного господства. Эти «плебейские» народы, как тогда выражались, по новым поветриям европейской мысли должны были либо раствориться в крупных нациях, либо, путём активной модернизационной деятельности, добиться создания своих национальных форм государственности²⁹.

Национализм сельских народов оказался той идеологией, которая была быстро усвоена украинофилами, став новым идейным основанием для всего движения.

Здесь кроется ещё одна сущностная характеристика украинофильства, выделяющая его из числа других краевых движений. Если «плебейские нации» Европы боролись за освобождение и за преобладание в городских центрах своей земли, не имея своей городской культуры и будучи представлены действительно почти только сельским населением, то у малоросов такая культура была — городские центры этой части Руси никогда не теряли местного культурного облика и продолжали свою многовековую культурную традицию. Однако русское понятие о народности с его постулированием подлинно народного характера только за деревней создало благоприятную почву для формирования особого — нигде более в Европе параллелей не имевшего — национализма, противопоставлявшего сельское и городское население одного и того же народа.

Украинофильство, перейдя на национальные рельсы, воспринимало свой народ именно как «плебейский» и моделировало национальное движение по образцу сельских народов Центральной Европы. Оно утверждало необходимость формирования национальной жизни за счёт местной городской, как будто она была пришедшей, чуждой, как культура завоевателя. При этом никаких теорий, которые (пусть и ошибочно), но рассматривали бы местную городскую культуру как культуру иного народа, не было: достаточно было общего признания городской культуры как ненародной, свойственного тогда почти всему русскому интеллектуальному обществу. Так возник ранний украинский национализм, который

²⁹ Подробнее о городском и сельском типах национализма в истории Европы см.: *Не-*

менский О.Б. Национализм городской и сельский // Вопросы национализма. 2010. № 1.

ещё редко выдвигал действительно националистические идеи (о национальном суверенитете, о независимой Украине), но оказался своеобразной идеологией антигородского национализма. Этот национализм был альтернативой формированию национальной жизни на основе местной городской традиции, имевшей общерусский характер.

Наиболее остро эта проблема «плебейского национализма» проявилась в творчестве Михаила Драгоманова — одного из основных идеологов позднего украинофильства, представлявшего уже довольно крайние его формы. Драгоманов хорошо осознал, что городская культура его земли ей не чужда, но был убеждённым приверженцем идеи народности, которую защищал в своём украинофильстве. Идею, что в основу национальной жизни должен быть положен «живой народный язык» и деревенские традиции, а городское наследие должно уйти в прошлое как ненародное.

Общерусскость украинской городской культуры виделась ему прямым доказательством её ненародного характера: «Лихо наше було в тому, що наш освітній рух ХVІ ст., на котрому видно було вплив європейського відродження наук і реформації, не вигорів через Берестейську унію й визвану нею православно-козацьку реакцію, котра дала в нашому письменстві ХVІІ ст. перевагу церковнослов'янсько-руському макаронізму над елементом народним. Через те наші письменники ХVІІ ст. не чули різниці своєї мови від письменської мови московської, та кож по-своєму макаронічноі. А коли ця остання за часи Петра Великого стала органом розширеної державної культури, з досить сильним для тодішньої Східної Європи процентом світських європейських інтересів, то московсько-петербурзька література, котру виробляли помагали за Петра В. й українці, стала ширшою й живішою,

ніж тодішня українська, й потягла до себе й наших людей, котрі дивились на неї не як на чужу, а як на свою»³⁰. Однако эта общая культура виделась Драгоманову не подлинно народной, а значит и чужой. Он признавал наличие «общей интеллигенции русской или российской, которая складывается из великорусов и малорусов», но утверждал украинцев как народ деревенский, и только за этой деревенской культурой оставлял право на дальнейшую жизнь в национальную эпоху. Народническая направленность виделась ему неизбежно украинофильской: «Украинская национальность почти исключительно и представляется этим последним (простонародьем. — О.Н.), а потому и “чистым” “националам” украинским приходится быть “народниками”. Вообще на Украине только нелогичный народник может не стать украинофилом, и наоборот. А с какого конца кто начинает — это дело личного развития, не больше»³¹.

Своими оппонентами М. Драгоманов видел представителей «старорусского направления», то есть приверженцев местной старой русской культуры. Примечательно, что он всё же признавал за культурой «общества всероссийского» общерусский, то есть общий для великорусов и малорусов, характер. Но культура общества для него — это не культура народа, не народность. Говоря об украинцах, Драгоманов прямо указывал на опыт западных «плебейских» народов, правда, предпочитая сравнивать украинцев скорее с провансальцами: «новіша ідея вартості й права національності, котрих історія обернула в *плебейські* й навіть сільські, та

³⁰ Драгоманов М.П. Чудацькі думки про українську національну справу // Драгоманов М.П. Вибране. К., 1991. С. 536.

³¹ Петрик М. [Драгоманов М.П.] Что такое украинофильство? // Русское богатство. 1881. № 11. С. 124.

ще, як провансали й українці, попри державних націях, дуже їм рідних»³²; «Найприродніші наші спільники в Росії — це всі недержавні народи, котрі, виключивши поляків, німців і румин та почасти грузинів і вірмен, суть націями плебейськими»³³. Это очень важный момент, который надо подчеркнуть особенно: украинцы виделись в числе не «порабощённых» наций, а именно среди «плебейских», то есть задачи украинофильства виделись не в освобождении от иноземной власти, а в создании своей современной культуры, основанной на деревенских традициях.

Это составляло, кстати, основу для его вовсе не враждебного взгляда на Москву и Великороссию. Драгоманов подчёркивал, что для отождествления украинцев с порабощёнными народами нет никаких оснований: «Який же резон ми маємо кричати, що “зажерна Москва” вигнала нашу мову з урядів, гімназій, університетів і т. і. закладів, в котрих народної української мови ніколи й не було або котрих самих не було на Україні за часів автономії, протиставляти цьому “нечуваному варварству” права фламандців у Бельгії або поляків і навіть венгрів у Австрії?»³⁴. Он также указывал, что никакой «антиукраинской» политики Российской империи до Екатерины II (ликвидировавшей Гетманщину) не было: «До самих часів Катерини II, коли шкільні книжки українського видання став заміняти московськими та петербурзькими українець же, київський митрополит Миславський, великоруський уряд не робив нічого для культурної денационалізації українців»³⁵. При этом он даже возлагал на имперский центр ответственность за разрушение русского един-

ства: «Также силой держалась на “старом слоге” и последующая за церковным единством форма единства русского, — половины XVII до половины XVIII века, — эпохи макаронизма церковно-бело-маловеликорусского, Дмитриев Ростовских, Симеонов Полоцких, Феофанов Прокоповичей. Это единство тоже было разрушено прежде всего великорусами после Ломоносова. И здесь тоже история поставила и даже, смеем думать, решила дилемму: или единство, или народное разнообразие. А примириться это разнообразию и здесь не может иначе, как избранием одного языка посредствующим, а вовсе не стиранием всех остальных»³⁶. Этим «посредствующим языком» (впрочем, не только для украинцев, но и для всех славянских народов) должен был быть русский: «Таким посредствующим языком в Славянщине, действительно, имеет более всего шансов сделаться язык великорусский, особенно при изменении к лучшему литературных условий в России. Украинцы не могут иметь ничего против этого посредничества и всегда высказывали ему сочувствие и в России, и даже в Австрии»³⁷. Ближе к концу жизни Драгоманов активно сопротивлялся «москвожерным і австрофільським» идеям отрыва Украины от России, выступая резко против москвофобских высказываний: «Такі національні рухи, як український, мусять вибороти собі признання й права — працею культурною й політичною. Наскільки “москалеїдство” може послужити в цій боротьбі? Ми показали в попередньому огляді, як мало воно має за себе історичного резону»³⁸; «я кажу одверто, що *ніде не бачу сили, ґрунту для політики державного відриву (сепаратизму) України*

³² Драгоманов М.П. Чудацькі думки... С. 539.

³³ Там же. С. 543.

³⁴ Там же. С. 539.

³⁵ Там же. С. 535.

³⁶ Петрик М. [Драгоманов М.П.] Что такое украинофильство? С. 110 (сноска).

³⁷ Там же.

³⁸ Драгоманов М.П. Чудацькі думки... С. 539.

від Росії, а, окрім того, бачу багато інтересів спільних між українцями і Росією, напр. справу колонізації країн між Доном і Уралом»³⁹.

Очень интересно «народническое» мышление Драгоманова проявило себя в его взглядах на общественное движение в Галиции. Говоря о местном «москвофильстве», он находил такие его основания: «Дуже смішно виводити “москвофільство” в Галичині тільки від “московських рублів” або від існування “погодінської колонії”. Безспірно, галицьке “москвофільство” мусить мати свої органічні підстави. Найбільша з них: реакція полонізму — одного роду з тою, котра привела Б. Хмельницького до підданства Москві. Далі свого роду аристократизм, котрий не вірить в сили самого галицького мужицтва, а обертається до спорідненої держави, котра має уряд, ієрархію, панство руське. Нарешті, притягає галицьку стару партію до Московщини й спорідненість національна»⁴⁰. То есть, помимо реакции на полонизацию, в основе москвофильства виделся «аристократизм» и «национальное родство» — собственно то, что составляло основу для национальной консолидации у любого другого народа Европы, имевшего свою высокую культуру. Однако в этом не было «народности», то есть той самой «веры в силы мужицтва», которая виделась Драгоманову и всем украинофилам вместе с ним единственным достойным основанием для национального движения. При этом он вполне отдавал себе отчет, что идея общности «украинской народности» Надднепрянщины и Галичины сама по себе весьма сомнительна, ведь «для галичан... придніпряньська історія майже стільки ж чужа, як і приволзька, тоді як історія придніпряньська все-таки має багато точок, спільних з приволзькою й привневською»⁴¹.

Не меньше (если даже не больше) негатива вызывало у Драгоманова галицкое краевое движение, пытавшееся создать местные национальные формы жизни на основе специфической для этого края русской городской традиции. Выступая против этой программы «австро-рутенизма», направленной, по его словам, против «общеруссизма и украинизма», он указывал, что местная городская языковая традиция есть «не народный язык, а язык Вашей публики и её литературы»⁴². Неудивительно, что на это он получил ответ, в первую очередь выражающий недоумение по поводу столь странного для галичанина того времени представления о том, что есть «народное», «народ». Львовская интеллигенция жила более в контексте польской культуры, и это русское понятие «народа» было для неё странным и непонятным: «Интересно однакъ⁴³ знати, що Вы понимаете черезъ слово “народъ”? Изъ Вашихъ слѣвъ можна тѣлько съ всею вѣроятностію заключити, що “народъ” то селяне, земледѣльци, — значить “народъ” беретє въ значенію найтѣньшійшѣмъ: яко то само що “найнизшій, непрѣсвѣщенный класъ общества”, або “простый народъ”. Того последнего имени однакъ намъ заказуетє употребляти; и въ письмахъ до насъ неупотребляете. Для чого? Нехай буде по Вашому, нехай слово “народъ” означає “простый народъ” (plebs)... То слѣдовалобы зъ того тѣлько то, що мы всѣ чуеть себе чи “публику такъ близкими до “народа”, що просто идентификуемє съ нимъ... Еслижь мы, если сама “публика” т.е. высшая клєсса у насъ (бо шляхты не маемъ ни дворянь) себе воображавъ за

⁴² Драгоманов М.П. Украинщина или рутенщина? Другий лист до редакції «Друга» // Другъ (Львов), 1874–1875. См. также: Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні праці. Т. I. К., 1970. С. 408.

⁴³ В цитате на львовском язычии я оставляю старую орфографию, так как современного варианта того же язычии просто не существует.

³⁹ Там же. С. 540.

⁴⁰ Там же. С. 555.

⁴¹ Там же. С. 556.

“настоящий народ” (Вашої дефиниції), пытаємь, чи то не верхъ совершенства, чи не бѣльше, якъ зближенъе? А Вы таки сердитесь!»⁴⁴. Так, украинофильство в лице М. Драгоманова натакивалось в Галичине на ту культурную границу, которую путём диалога преодолеть было вряд ли возможно.

Такой же, кстати, проблемой была и другая граница — между православной традицией, для Левобережья Днепра безальтернативной, к тому же являвшейся основой старой казачьей идентичности, и галичанским униатством. «Об'являти церкву униатську національною малоруською святощию — значить розриватись не тільки з історичною малоруською традицією, а й з теперішнім status quo. Клерикалізм униатський — це галичанський сепаратизм не тільки від України, а й від Буковини, це просто абсурд, тим паче, що в самій Галичині унія майже зовсім не має щирих прихильників в самому попівстві»⁴⁵. При этом Драгоманов хорошо осознавал, что «церковна проповідь защемила й випестила серед нашого народу ідеал царсько-державний, котрого тепер, безспірно, держиться найбільша частина народу»⁴⁶. И надо иметь в виду, что униатство в данном случае отвергалось ещё и на том основании, что оно затронуло главным образом русские городские слои, так и не сумев укорениться в деревне, даже среди формально униатских священников, на что Драгоманов и обращал внимание.

Впрочем, попытки Драгоманова распространить украинофильскую идеологию на Галицию оказались небезуспешны. Бывший ещё в 1870-х гг. членом московфильских кружков Иван Франко увлёкся его

идеями и стал важнейшим проводником идеологии русских украинофилов в Австро-Венгии. Этот талантливый и высокообразованный писатель и исследователь оказал огромное влияние на распространение украинского литературного языка в Галиции.

Украинофильство, каким оно было в 1870–1880-х гг., уже после весьма подхлестнувших его развитие запретительных Валуевского циркуляра и Эмского указа, являло собой в лице многих своих представителей уже род национализма, и автономистские, а то и сепаратистские тенденции всё более давали себя знать. Это различие — между краевым культурным движением и движением уже политическим было осознано целым рядом русских мыслителей, правда, уже в более позднее время — в первую четверть XX в. В начале статьи уже были приведены некоторые цитаты такого рода. Приведу также и суждения Петра Струве из его статьи 1912 г.: «Тут ставится проблема создания из местного “быта” и “наречия” новой национальной и всеобъемлющей культуры, которая должна соперничать с культурой общерусской и вытеснять её с территории “этнографической” Украины... Я не думаю, что это возможно. Я не думаю также, чтобы со стороны русской общественной мысли было правильно замалчивать истинное положение вещей и, по временным соображениям политической тактики, стирать те редкие грани, которыми одно понимание вопроса отделяется от другого. Разногласие это таит под собой огромную культурную проблему, чреватую — если интеллигентская “украинская” мысль ударит в народную почву и зажжёт её своим “украинством” — величайшим и неслыханным расколом в русской нации, который явится по моему глубочайшему убеждению подлинным государственным и народным бедствием. Все наши “окраинные” вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с такой перспективой “раздвоения”

⁴⁴ Отповедь на «второе письмо» г. Украинця (редакции «Друга») // Другі (Львов), 1874–1875.

⁴⁵ Драгоманов М.П. Чудацькі думки... С. 556.

⁴⁶ Там же.

и — если за “малороссами” потянутся и “белорусы” — “растроения” русской культуры»⁴⁷.

Примечательно подчёркивание не-народного характера этого движения, хотя и основанного на идее народности. Как написал тот же Струве, «украинскому движению в России интеллигентский характер присущ гораздо больше, чем всем другим общественным движениям»⁴⁸. При этом надо отдавать себе отчёт, что украинофильство нигде не было массовым и преобладающим даже в интеллигентской среде. Это было увлечение небольшого круга людей на фоне преобладающей общерусской традиции и общерусского патриотизма, причём как на Украине, так и в Галиции. В этом плане считать украинофилов основными представителями взглядов приднепровской или галицийской интеллигенции никак нельзя. И тем более нельзя таковыми считать ранних украинских националистов, то есть сторонников создания особой украинской нации со своим — отдельным от общерусского — национальным языком и государственностью.

Украинофильство показало себя способным на постановку таких задач, однако не они определяли его характер и его основной идейный настрой. В целом на протяжении всего своего существования оно оставалось идейно довольно однородным: его целью было утверждение как минимум двусоставности русской культуры на основе поднятия значения «южно-русской» (хотя в первую очередь приднепровской) культурной традиции и истории. Преодолеть тот «ультра-русский сепаратизм людей середины России»⁴⁹, который был и остаётся

по сей день важнейшим источником любых сепаратистских идей в других частях Русской земли. В этом смысле оно было собратом другого похожего идейного движения, только на севере Западной Руси — западнорусизма. Хотя, в отличие от него, украинофильство показало гораздо большую тягу к культурному сепаратизму, особенно выразившуюся в языковом творчестве. Желаемая украинофилами двусоставность виделась по-разному: кому-то просто как культурная выраженность, а кому-то и как федеративная государственность с Украиной на особых правах.

Впрочем, это осознание русским обществом опасности перерастания украинофильства в украинский национализм было запоздалым и не замечающим факта появления рядом с ним и потенциально вместо него нового идейного движения под тем же именем, представлявшего для общерусского культурного пространства гораздо большую опасность. Речь идёт об украинстве.

Польское влияние

Если говорить об идеологии украинства, то невозможно обойти тему польского фактора в её формировании. Нередко можно услышать мнение, что поляки, собственно, и создали эту идеологию в своих политических целях. Это, конечно, не совсем так, однако польское влияние здесь действительно имело огромную роль и как историческое наследие, и как сознательная деятельность многочисленных представителей польского общества, составлявших дворянское большинство на землях российского Правобережья в Галиции. Само украинство было в значительной степени антипольским, но оно при этом как бы наследовало польскую опцию русской истории.

⁴⁷ Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. Кн. I. М., 1912. С. 84–85.

⁴⁸ Там же. С. 82.

⁴⁹ Раньше всего это выражение употреблено, кажется, в статье: М. Т-овъ [М. Драго-

манов]. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872, май. С. 239.

Корни украинской проблемы, несомненно, в польской экспансии на Русской земле. В середине XIV в. король Польши Казимир III Великий захватил разорённую монголо-татарскими набегами Червонную Русь. На её территории было образовано Русское воеводство, которое, несмотря на название, стало быстро терять своё русское лицо, превратившись в объект активной польской колонизации, а центральный его город Львов стал похож на другие польские города. Те русские земли, которые объединились в XIII–XV вв. вокруг Литвы — княжества, которое обладало достаточно сильным войском, чтобы защищать их от ордынских набегов, — также стали объектом постепенной колонизации польской шляхтой, по мере сближения двух государств. Огромную роль сыграла Ливонская война — тогда Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское было вынуждено войти в состав объединённого государства Речь Посполитая под властью Польской короны, перед тем смирившись с аннексией Польской короной тех своих огромных южных владений, которые и составляют теперь центральную Украину (в отличие от оставшихся в составе Литвы земель будущей Белоруссии).

Активная политика Москвы по собиранию под её властью русских земель, начатая ещё в конце XV в., привела к необходимости идейного оформления польского господства над Западной Русью. Многие польские публицисты и историки второй половины XVI и первой половины XVII в. работали над тем, чтобы обосновать отличие народа Западной Руси от Восточной. Они изобрели теорию восточной границы Речи Посполитой как границы Европы и Азии (при том, что до конца XVI в. традиционно на картах Европы находилось место и Московскому княжеству), описывали чудовищно-варварский характер «Московии», её противопо-

ложность во всём польской высокой культуре с её зоной влияния. Хотя память об общерусском единстве полностью истребить не удалось, жившие под властью Москвы русские назывались почти исключительно «московитами», «москалями», а имя русское было оставлено только для подконтрольной Западной Руси. Западная Русь почти полностью лишилась своей культурной элиты и имущественной знати — старая русская аристократия ополячилась, а в 1608 г. ушёл из жизни последний православный магнат — князь Константин Константинович Острожский. К середине XVII в. утвердилось обозначение всех земель, на которых преобладающее влияние получило сложившееся в предшествующем столетии на границе с Диким полем казачество, как «украинных» земель, «Украины». Окончание войн, начатых восстанием Б. Хмельницкого, провело новую границу — между Правобережьем и Левобережьем. Через некоторое время на правом берегу Днепра снова и ещё надолго утвердилась польская власть и польская пропаганда.

В деле раскола Руси на Московскую и Польско-Литовскую огромную роль играла церковная политика — начиная с разделения прежде единой Киевской митрополии в XV в., когда появились две митрополии — одна с центром в Москве, а другая с центром в Вильне (нынешний Вильнюс). Последняя в лице нескольких своих иерархов во главе с митрополитом была вынуждена в 1596 г. пойти на унию с Римской церковью, перейдя из послушания Константинополю в послушание Риму и став фактически католической, но с элементами православной обрядности. Большинство православной иерархии тогда отказалось признавать акт Унии и смогло воссоздать православную митрополию в 1620 г. Как писали тогда деятели православного сопротивления, вся политика Рима была направлена на то, «чтобы на Руси не было

Руси⁵⁰». Папа Урбан VIII тогда говорил: «Через вас, русские, я надеюсь обратить весь Восток»⁵¹. После войн XVII в. Униатская церковь получила полное преобладание в оставшихся в составе Польши землях, искореняя в них дух Православия, понимавшегося тогда как «русская вера».

Празднование 4 ноября дня освобождения Москвы от поляков, узаконенное теперь в России, имеет тем больший смысл, что отмечает дату наибольшего продвижения польской экспансии на Русь и, одновременно, начало её отката — то есть переломную точку в огромном, многовековом историческом процессе. Однако она не остановилась даже тогда, когда в конце XVIII в. государство Речь Посполитая было уничтожено, а западнорусские земли, за исключением Галиции, Буковины и Закарпатья, вошли в состав России. На них оставалась польская шляхта, которая уже привыкла считать их своими и вооружилась новой — националистической — идеологией. XIX век — время усиленной колонизации (ополячивания) западнорусских земель уже внутри Российской империи, в том числе и прежде чисто русского Киева.

Тогда же мысль польской интелли-

⁵⁰ Supplicatia do przeoświeconego i jaśnie wielmożnego przezacney korony Polskiej y W. X. Lit. oboiego stanu duchownego i świeckiego senatu: w roku tym terażniejszym 1623 do Warszawy na sejm walny przybyłego. Od obywatelów koronnych i W. X. Lit. wszystkich wobec, i każdego z osobna: Ludzi zawołania szlacheckiego, religiey starożytney graeckey, posłuszeństwa wschodniego // Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношения к России и к Польше / Сост. М.О. Коялович. СПб., 1865. С. 248. Стоит отметить, что в переводе этой фразы, сформулированной по-польски, второй «Руси» точнее было бы писать с маленькой буквы, так как в данном случае это этноним.

⁵¹ «O mei Rutheni, per vos ego Orientem convertendum spero».

генции снова неустанно работала над тем, как оторвать Западную Русь от России. Вначале разделение «узаконили» в сфере польского языка: этноним «guski» («guscu») остался для обозначения западнорусского населения, а «москалей» обозначили через слово «gosjanie», которое для поляка никак с Русью не ассоциировалось⁵². Лидер первого польского антироссийского восстания Т. Костюшко известен и как автор одного из самых ранних открыто заявленных планов русского этноцида — он описывал способы окончательного ополячивания западнорусского населения.

Однако такие планы довольно быстро показали свою нереалистичность. Новое идейное настроение в польской интеллектуальной среде относительно Западной Руси блестяще сформулировал известный польский историк, религиозный мыслитель и общественный деятель ксёндз Валериан Калинка (1826–1886): «Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России». Описанные им методы отрыва Западной Руси от России могут считаться одной из наиболее ранних и откровенных формулировок того, что несколько позже стало именоваться «украинством». Приведу цитату сколь обширную, столь и значимую⁵³:

«Исторический процесс, при Казимире начатый, а Ядвигаю продвинутый, имевший результатом продвижение западной веры и цивилизации на двести миль на восток, на наших глазах проходит свой второй этап. Реакция Востока на Запад, начавшись с бунта Хмельницкого, посто-

⁵² Вскоре эту же лексическую операцию «импортировали» в украинский литературный язык.

⁵³ В русской публицистике не раз приводилась эта цитата, однако в весьма вольном пересказе и заметно сокращённая. Этнонимы при настоящем переводе оставлены такими же, как и в оригинале.

янно усиливается и отбрасывает нас к средневековым пястовским границам; приговор ещё не произнесён, но дела обстоят очень плохо. Как защититься? Чем? Силы нет, о праве никто и не спрашивает, а прославленная западная христианская цивилизация сама себя отрицает и отступает... Где плотина против того потопа, который после всех моральных прав и материальных нити порвал, и валит, приближается, хлынет в любой день и всё затопит? Где? Возможно, в своеобразии этого русского народа. Поляком он не будет, но обязательно ли он должен быть Москалём? Бог его им не сотворил, не на то его предназначил; им его могут сделать только обстоятельства, собственная ненависть, чужая увёртливая сила и большая хитрость. То самосознание и та жажда к своеобразию, которые появляются у Русина, хватит ли их, чтобы дать отпор российской абсорбции и ассимиляции? Нет: это не Поляк, который, даже будучи проглоченным, не даст себя переварить. У Поляка другая душа и в ней такая стойкая сила, что переваренным он быть не может; но между душой Русина и Москаля такой принципиальной разницы, такой непроходимой границы нет. Но она была бы тогда, когда бы каждый из них имел свою веру: и потому Уния была столь мудрым политическим делом, а её запущение столь пагубным. Русь как племя по натуре своей иная, а если бы она по совести и по духу была бы католической, то собственно Россия была бы возвращена в свои природные границы и в них удерживалась бы, а на Дону, Днепре и Чёрном море было бы что-то иное... Раз уж этот пробуждающийся народ проснулся не в польских чувствах и сознании, то пусть останется при своих, но пусть они будут душой с Западом, а с Востоком только формой связаны. На этот факт мы сегодня повлиять уже никак не можем, но мы должны стараться о таком его в будущем направлении и развороте,

так как только этим способом мы сможем удержать ягеллонские приобретения и заслуги, остаться верными миссии Польши удерживать те границы цивилизации, которые она очертила. Русь — это страна и народ, от которого надо суметь отказаться ради того, чтобы его не утратить; пусть она будет собою и пусть будет католической в другом обряде, а тогда и Россия никогда не поднимется и к братским отношениям с Польшей вернётся. А если бы даже — предположим наихудшее — этому никогда не бывать, то и в таком случае лучше Русь самостоятельная, чем Русь российская; если Гриц не может быть моим, как говорится в известной поговорке, то пусть по меньшей мере не будет «ни мне, ни тебе». Это самое общее историческое и политическое убеждение обо всей Руси. А Галицкая Русь играет в этом деле наиважнейшую роль, решительную, так как она одна ещё имеет средство для спасения русских душ и сохранения своеобразия русской души — Унию. Наша же роль — и более чем роль, так как является исторической и религиозной миссией поляков в Галиции — не препятствовать национальным устремлениям и росту Руси, охранять её, даже помогать им, потому что таким образом уймётся со временем и ненависть к Ляху; охранять Унию и беречь как зеницу ока, и с помощью неё укреплять любовь к вере, её постоянство и единство Руси с Римской церковью»⁵⁴.

Как писал виднейший исследователь украинства Н.И. Ульянов, «поляки, в самом деле, по праву могут считаться отцами украинской доктрины», «поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании», «весь фонд анекдотов, сарказмов, шуточек, легенд, антимосковских выдумок, которыми самостийничество пользуется

⁵⁴ Tarnowski A. Książdz W. Kalinka. Kraków, 1887. S. 169–170.

и по сей день, — создан поляками»⁵⁵.

Впрочем, были и поляки, ставшие активными деятелями ещё украинофильского движения. Один из виднейших представителей украинофильства польского происхождения — «хлопоман» Владимир Антонович — так писал о своём выборе: «По воле судьбы, я родился на Украине шляхтичем;... я увидел, что поляки-шляхтичи, живущие в Южнорусском крае, имеют перед судом собственной совести только две исходные точки: или полюбить народ, среди которого они живут, проникнуться его интересами, возвратиться к народности, когда-то покинутой их предками, и неусыпным трудом и любовью по мере сил вознаградить всё зло, причинённое ими народу, вскормившему многие поколения вельможных колонистов, которому эти последние за пот и кровь платили презрением, ругательствами, неуважением его религии, обычаев, нравственности, личности, — или же, если для этого не хватит нравственной силы, переселиться в землю польскую, заселенную польским народом, для того чтобы не прибавлять собою ещё одной тунеядной личности, для того чтобы наконец избавиться самому перед собою от грустного упрёка в том, что и я тоже колонист, тоже плантатор, что и я посредственно или непосредственно (что впрочем всё равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу к развитию народа, в хату которого я залез непрошенный, с чуждыми ему стремлениями, что и я принадлежу к лагерю, стремящемуся подавить народное развитие туземцев и что невинно разделяю ответственность за их действия. Конечно, я решил на первое, потому что, сколько ни был испорчен шляхетским воспитанием, привычками и мечтами, мне легче было с ними расстаться, чем с народом, среди которого я вырос, который я знал, которого горест-

ную судьбу я видел в каждом селе, где только владел им шляхтич, — из уст которого я слышал не одну печальную, раздирающую сердце песню, не одно честное дружеское слово (хоть я был и *панич*), не одну трагическую повесть о истлевшей в скорби и бесплодном труде жизни... который, словом, я полюбил больше своих шляхетских привычек и своих мечтаний. Вам хорошо известно, г. Падалица, и то, что прежде чем я решился расстаться с шляхтой и всем её нравственным достоинством, я испробовал все пути примирения; вы знаете и то, как были с Вашей стороны встречены все попытки уговорить вельможных к человечному обращению с крестьянами, к заботе о просвещении народа, основанном на его собственных национальных началах, к признанию южнорусским, а не польским того, что южнорусское, а не польское; вы были ведь свидетелем, как подобные мысли возбуждали вначале свист и смех, потом гнев и брань, и, наконец, ложные доносы и намеки о коливищине»⁵⁶.

Такой выбор, связанный с определённым самоотречением от своей польской культуры и традиционного польского взгляда, понятное дело, был редкостью. И всё же несомненно, что участие польских украинофилов в общем идейном движении способствовало усвоению им некоторых специфически польских понятий о русском пространстве. К примеру, уже у Драгоманова в его украиноязычных работах господствует различие великорусов и малорусов как «украинцев» и «россиян», что помогало не упоминать об общей русскости.

Действительно целенаправленная работа по расколу русского народа стала осуществляться польскими интеллектуалами после неудавшихся восстаний 1831 и 1863 гг. Центром притяжения польских деятелей, бе-

⁵⁵ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 5, 8, 83.

⁵⁶ Антонович В. Моя исповедь // Основа. 1862. № 1. С. 89–90.

жавших после их поражения из России, был Львов — столица провинции Галиции (ставшей после разделов Речи Посполитой австрийской). Польский повстанческий генерал Людвик Меровославский писал: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат её. Раздуем ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, и мы будем расти и крепнуть»⁵⁷.

Огромную роль в формировании украинства сыграл поляк Франтишек Духинский ещё в 1850-х гг. Это был человек, действительно одержимый ненавистью к России — в этом плане его образ мыслей был специфически польским: Россия виделась извечным агрессором, нападавшим на русские земли Польши и потому виновным в её печальной судьбе. Но для обоснования того, что эти земли именно польские и по праву должны принадлежать Польше, он создал особую расовую теорию и с помощью неё своеобразную концепцию общей истории⁵⁸.

В первую очередь он исходил из привычного для польской культуры представления, что вся Русь входила в состав Польши, а Московия к Руси исторически никакого отношения не имеет. В состав Руси, кстати, он включал не только Западную Русь, но и Литву и бывшие земли Великого Новгорода. «Органическое единство» поляков и «русских» он доказывал на основании общего имени «полян» у племён, сыгравших центральную роль

в формировании государств Польши и Киевской Руси — собственно, в них виделось одно и то же племя, а «русские» понимались как региональная вариация польского народа. Немало сил было им потрачено на доказательство того, что и по языку, и по религии русские с поляками представляют одну общность. Он воскрешал старую линию униатской историографии, доказывавшей, что Русская церковь (Киевская митрополия) всегда тянулась к единству с Римом и лишь изредка от него отпадала⁵⁹ — и то по вине Москвы.

Стремясь доказать этническую чуждость «москалей» и русских, он стал доказывать, что «москалы» — вообще не славяне, а народ со смешанными кровями, среди которых преобладала финская (то есть, по его понятиям, кровь кочевых неиндоевропейских народов), которая была также сильно разбавлена опять же туранским татаро-монгольским элементом. Более того, сами москалы виделись как народ кочевой, доказательства чему Духинский находил и в современной жизни России, утверждая, что «они останутся кочевниками навсегда», ведь такова их расовая природа. Польско-русское противостояние он рассматривал как конфликт двух рас — земледельцев арийцев и кочевников туранцев. Естественная граница между туранцами и арийцами была обозначена по рекам Днепру, Двине и «речкам Финляндии». В этом плане днепровское Левобережье виделось всё же туранским. Понятно, что туранцами объявлялись и казаки, чья расовая близость с «мо-

⁵⁷ Цитата по: *Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 50–51.

⁵⁸ См. основные его работы: *Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich*. P., 1858–1861; *Trzeci lekcji historii polskiej wykładanych w Paryżu*. P., 1860; *Pologne et Ruthénie. Origines slaves*. P., 1861; *Nécessité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples Aryas-Européens et Tourans*. P., 1864; *Peuples Aryas et Tourans, agriculteurs et nomades*. P. 1864.

⁵⁹ Впервые в униатской историографии эту теорию высказал в начале XVII в. Лев Кривза, и потом она всегда оставалась важнейшей чертой униатского взгляда на русскую историю. См. об этом: *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривзы // *Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин* / Під ред. В.А. Смолія. Київ, 2003. С. 409–434.

скалями» и естественная для туранцев агрессивность и была причиной многих бед Польши. Эта же граница понималась и как разделительная линия между европейской цивилизацией и Азией, Востоком, понимаемым как нечто извечно враждебное Европе.

Также актуализировалось старое польское представление о поляках как о «форпосте христианства на Востоке»: московиты, вследствие своей туранской природы, исказили христианскую веру, впад в схизму, а значит, христианами не являются. Противостояние Московии и Польши — это, соответственно, и есть конфликт христианства с «поганскими» народами на Востоке. Московское царство, по утверждению Духинского, не является наследником Киевской Руси и никакого отношения к нему не имело. Россия правит Малороссией вследствие её завоевания, которое произошло в 1709 г. в результате Полтавской битвы. За великорусами он оставлял только наименование «москалей», противопоставляя их «русским», традиционно жившим с поляками. При этом он писал, что наименование «Россия» было украдено «москалями» у «русских», узурпировано при Петре I. Так же украден был и язык, который ему представлялся заимствованным и изрядно подпорченным церковнославянским.

Вся история русско-московских (а значит и польско-московских) отношений описывалась лишь как история постоянной конфронтации. При этом сама эта конфронтация виделась священной борьбой европейской цивилизации христиан-арийцев с варварским туранским Востоком, а потому ей придавался мессианский смысл. Духинский мечтал видеть Европу единой (федерацией во главе с Францией) и как единое целое воюющей с туранской Москвой. Он призывал: «На Днепр! На Днепр! В Киев! О, народы Европы! Там ваше согласие, ведь именно там малороссы ведут борьбу против Москвы, защищая свою европейскую

цивилизацию». Так, древняя идея об избранничестве польского народа переводилась со старого религиозного языка на понятия современной и всё более модной тогда расовой теории.

Идеи Духинского довольно быстро приобретали популярность, особенно в среде правобережного польского дворянства. Также Духинский старался максимально распространить эти идеи в украинофильской среде, активно публикуя свои статьи в соответствующих журналах. Вскоре эти идеи стали активно пропагандироваться и на Западе: уже в 1860-х гг. во Франции их отстаивал целый ряд известных учёных (Анри Мартен, Огюст Викенель, Казимир Делямар и др.). Позже они вошли в глубокую традицию крайне правых идейных течений в Польше, а также стали важнейшей основой для взгляда на русское пространство теоретиков немецкого нацизма. Тогда же «туранской природой» «москалей» нередко объясняли и «русский коммунизм». Но главное, труды Ф. Духинского — классика русофобской мысли, лёгшая в основу идеологии украинства. Духинский передал украинскому движению польскую опцию Руси в виде цельной теории. Её конкретные, весьма абсурдные черты могли быть потом по большей части отброшены, но сама опция сохранилась. Этому способствовала и вся польская интеллигенция, имевшая в XIX веке огромное влияние (а то и преобладание) в интеллектуальном поле Юго-Западной Руси — как в российской, так и в австрийской её части.

Украинство

Собственно украинство родилось из освоения его представителями польской опции Руси⁶⁰: отрицания общерусского самосознания и культуры, утверждения этнической разобщён-

⁶⁰ О польской опции Руси см. подробнее: *Неменский О.Б.* Поляки и русские: народы разных времён и разных пространств // Вопросы национализма. 2010. № 3.

ности и исконной враждебности с «москалями», осознания принадлежности к польскому пространству «европейской культуры» и особой миссии «на Востоке» в борьбе с «московской азиатчиной». В отличие от украинофильства, имевшего избирательные основания местного патриотизма, украинство оказалось негативным ко всей местной русской истории и традиции: отрицая русскость, но претендуя на русское историческое пространство, оно имеет негативное направление деятельности в борьбе со всем русским. Будучи оторванным от культурной традиции Юго-Западной Руси, украинство явилось своеобразной культурно-политической идеологией создания новой этнонациональной реальности. Юго-Западная Русь была лишь частью этно-культурного целого, но из неё решили сделать отдельную нацию. Главной помехой в этом деле оказалось само население, чем-то отдельным не являвшееся и сохранявшее старое самосознание. Тогда главной идеей стало изменение населения: замена его самоназвания и исторической памяти.

В украинофильском течении были явные ноты культурного сепаратизма, но оно никогда не пыталось отрицать русскость своей земли и общность русской культуры. Его задачей было утверждение местного своеобразия, а не раскол Руси и борьба со всем русским. Оно акцентировало краевое своеобразие, но не было антирусской политической партией — смешивать его с идеологией русоцида, как и придавать этой идеологии его основы — по меньшей мере неверно. С другой стороны, украинство, несомненно, основывалось на традиции украинофильства, использовало её. Сам характер украинофильской идеологии с её казачьими корнями и антигородским «народническим» настроением (с изобретением на основе деревенских говоров Полтавщины нового литературного языка) неизбежно придавал ей те чер-

ты, которыми потом смогло воспользоваться украинство. Украинофильство утверждало чуждость старой местной городской культуры на основе идеи народности, а украинство просто объявило её результатом русификации.

Для утверждения подобных идей очень значимым фактором оказалось административное содействие их распространению со стороны австрийской власти, получившей, ещё по первому разделу Речи Посполитой, всю Галичину. Вена с активностью подхватила польскую мысль о раздроблении русского народа. Ещё в революционный 1848 год губернатор Галиции граф Франц Стадион фон Вартгаузен произнёс перед русской депутацией галицийского сейма следующие, получившие широкую известность, слова: «Вы можете рассчитывать на поддержку правительства только в том случае, если захотите быть самостоятельным народом и откажетесь от национального единства с народом вне государства, именно в России, то есть если захотите быть рутенами, а не русскими. Вам не повредит, если примете новое название для того, чтобы отличаться от русских, живущих за пределами Австрии. Хотя вы примете новое название, но всё-таки останетесь тем, чем вы были».

Идея использовать для обособления Западной Руси латиноязычное обозначение русских «Rutheni» была не нова, но всё же не прижилась. Равно как не была понята в западнорусском обществе более поздняя идея венских историков различать на письме московских русских как русских «с двумя “с”» и галицийских русских как русских «с одним “с”»: грамматические правила при написании формы прилагательного к слову «Русь» здесь ещё не устоялись, но этнического смысла им никто не придавал. Всю вторую половину XIX в. в Галиции происходил мощный процесс русского национального возрождения. Сильное культурное движение за возрождение русского об-

лика Галиции, Буковины и Угорской Руси, за приобщение к общерусской культуре и использование русского литературного языка началось ещё в 1849 г. благодаря впечатлению от прохода российской армии ген. И.Ф. Паскевича через западнорусские земли (шла она на помощь Вене в деле подавления венгерского восстания). Движение это стало по-настоящему активным после публикации в журнале «Слово» за 1866 г. статьи, отстаивающей принадлежность местных русских к одному народу с русскими в России и проповедовавшей возврат к общерусскому единству. «Москвофильство», как было названо это течение австрийцами, представляло большую опасность для Вены, польский же взгляд на русские этнические различия оказался как нельзя кстати: он отрицал принадлежность местных русских к «москвитам» и он же позволял создать идейные основы для дальнейшей экспансии на русские земли во время будущей войны⁶¹. По настоящему Вена обернулась лицом к украинству только к 1890-м гг., когда будущая война с Россией становилась всё более зримой.

Датой первой публичной презентации украинства можно считать 25 ноября 1890 г., когда в сейме Галиции два русских депутата — Ю. Романчук (представитель «Русского клуба», состоявшего из 16 депутатов сейма) и А. Вахнянин — выступили с заявлени-

ем о том, что православно-униатское население Галицкой Руси, называющее себя русским, на самом деле не имеет ничего общего с русским народом, а является другим, ранее не замеченным народом — украинцами. Это было началом т.н. «Новой эры» в политической жизни Галиции. Уже в 1895 г. вместо прежней русской делегации в нём оказалась украинская.

Цель утверждения украинской идеологии была политическая: для австрийцев важно было лишить восточнославянское население Галиции общей идентичности с зарубежными русскими, чтобы задавить сепаратистские пророссийские настроения в крае; для поляков и в Австро-Венгрии, и в России было важно утвердить жёсткую этническую и цивилизационную границу между польской Русью и Русью восточной, уничтожить саму идею общерусского единства как грозящую сломить польское господство (сохраняемое и тогда в социальном отношении и желаемое в будущем как вновь государственное) на западнорусских землях.

Таким образом, задача украинства заключалась в первую очередь в радикальном уничтожении в памяти и актуальной реальности всего, что было общерусским. «Украинцы» и «москалы» объявлялись совершенно разными народами, и утверждалось, что так было всегда. Более того, утверждалось, что между украинцами и москалями всегда были конфликтные отношения, эти народы исторически противостояли друг другу, и именно «москалы» всегда были главными врагами украинцев. Само русское имя было отобрано у них москалями, а потому украинцы вынуждены его не употреблять, при этом, конечно, не признавая русскими и москалей. Всё, что русское, соответственно отрицалось. Украинцы — древний европейский народ, который всю свою историю страдает из-за соседства с азиатской Московщиной, а борьба с москалями, таким образом, — основ-

⁶¹ К тому же украинское национальное движение *de facto* имело и большой антипольский заряд, что позволяло Вене играть на межнациональных противоречиях в Галиции. Вот что писал об этом В. Калинка: «Ссорить между собою разнородные племена, побуждать одних против других — традиционная политика Австрии. В Кракове побуждали евреев против христиан, в Галиции крестьян против помещиков, в Венгрии славян против мадьяр, пришла теперь очередь и русинов побуждать против поляков» (*Kalinka W. Galicya i Kraków pod panowaniem Austriackiem. Kraków, 1898. С. 77*).

ная задача украинцев, и более того — их европейская миссия.

Подробную разработку истории на основании такой концепции осуществил Михаил Грушевский — действительно крупный и талантливый историк, много сделавший для изучения прошлого Западной Руси, но описывавший его в соответствии с идеями украинства. Не раз подмечаемая современниками его личная ненависть к России помогла ему быстро переключиться с украинофильских идей на новое украинство. Украинский народ в его работах был задолго до Киевской Руси, также бывшей его государственным формированием. Он разработал теорию преемственности украинской государственности от Киевской Руси через Галицко-Волынское княжество, Великое княжество Литовское и до Гетманщины. При этом отношения с поверхностно славянизированными финскими племенами на востоке (москалями) он рассматривал как исторически конфликтные, и для более позднего времени находил немало украинско-московских войн. Так, только через составление новой, по сути фэнтезийной истории, можно было заретушировать отсутствие украинской этнической идентичности в прошлых столетиях и отрыв украинского языка ото всей литературной традиции западнорусских земель до XIX в. В 1894 г. во Львовском университете была открыта кафедра всеобщей истории со специальным обзором истории Восточной Европы, руководить которой был приглашён М. Грушевский. За двадцать лет этой деятельности (до Первой мировой войны) он сумел воспитать целую плеяду историков новой формации, ставших проводниками новой идеологии.

Через массу каналов (образовательные учреждения, Униатская церковь, газеты и т.д.) в общество стала внедряться украинская идея. Решено было в принципе отказаться от употребления русского имени: «примерно с 1900

года термины “Русь” и “Малороссия” подверглись явному гонению; их ещё трудно было вытравить окончательно, но все усилия направляются на то, чтобы заменить их “Украиной”»⁶². Прежде русское общество стало делиться на два политических лагеря — русских (тех, кто продолжал придерживаться старого самосознания) и украинцев. Хотя и те, кто принял украинское имя, далеко не все были действительно украинствующими. И.И. Тёрох, крупный общественный деятель Галицкой Руси и известный мифолог, писал в своих воспоминаниях, что к началу войны из четырёх миллионов русских «русскими» продолжало себя считать около половины, а «из других двух миллионов галичан, называющих себя этим термином (украинцами. — О.Н.), насильно внедряемым немцами, поляками и Ватиканом, нужно отнять порядочный миллион несознательных и малосознательных “украинцев”, не фанатиков, которые, если им так скажут, будут называть себя опять русскими или русинами. Остаётся всего около полмиллиона “завязтущих” галичан, которые стремятся привить своё украинство (то есть ненависть к России и всему русскому) 35 миллионам русских людей Южной России и с помощью этой ненависти создать новый народ, литературный язык и государство»⁶³.

В 1908 г. в газете «Галичанин», бывшей органом Русско-народной партии, в ответ на нападки украинофильской газеты «Діло» писалось: «“Діло” упрекает нас тоже между прочим, что мы с термином “русский” делаем какой-то “фокус-покус”. Покорнейше просим извинения, но если кто делает с термином “русский” фокус-покус — это решительно не мы. Мы никогда не употребляли другой термин, как только

⁶² Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 256.

⁶³ Тёрох И.И. Украинизация Галичины // Свободное слово Карпатской Руси, 1962. № 1–2. С. 3–4.

один и тот же самый, т.е. “русский”; этого термина придерживаемся ныне и за него сражаемся с врагами Руси. Но мы знаем кого-то другого, кто делает невероятные фокус-покусные прыжки с этим названием, употребляя термины: “рускій”, “руський”, “руський”, “украинско-рускій”, “українсько-руський”, “русько-український”, “українській”, “український” и т.д. в различных вариантах. “Діло” досматривается фокус-покуса в том, что мы употребляем для нашего народа такой самый термин “русский”, как и для “московского”. Да разве мы тому виноваты, что “москаль” принадлежит к русскому народу, ровно как и мы? Пусть “Діло” упрекает историю, что она сделала такой неприятный для него фокус-покус, но не нас. Мы ведь не такие волшебники-чародеи, как украинцы и “Діло”. Они могут “начхать” и на историю, и на логику, и на всякие научные соображения и переделывать все так, как им угодно. Одних назовут “москалями”, других “украинцами” и с русским народом вдруг сделается “фокус-покус”: все видели, что где-то был в истории какой-то русский народ, а тут вдруг на глазах целого мира этот народ по мановению украинского волшебного жезла куда-то бесследно пропал. Разве это не настоящий фокус-покус?»⁶⁴.

Такое политическое понимание слова «украинец» сейчас утрачено, а напрасно — оно исконное для украинства. И именно в этом смысле надо понимать, например, эпиграф-лозунг к программной книжке одного из основных деятелей политического украинства Н. Михновского «Самостійна Україна» (1900): «Украина для украинцев!». То есть западнорусские земли должны быть переданы не местному автохтонному населению, а политическому движению украинства. Как писал об этом историк украинства А. Дикий: «Сепаратисты под словом

“украинец” понимают только своих политических единомышленников; всех же остальных уроженцев Украины... которые стоят на позициях единства России и общерусской культуры, они презрительно называют “малороссами” и “несознательными”»⁶⁵. Кстати, такое же восприятие украинства было со стороны его противников. Д. Марков, член Русского народного совета, депутат Львовского сейма с 1914 г., говорил в суде по обвинению его в «москвофильстве»: «Так как цель украинства негативна, именно разбитие единой национальной культуры русских племён, то я не считаю его культурным движением, я считаю его противным культуре, и уже по этим чисто культурным причинам не являюсь сторонником украинства»⁶⁶.

Национальной идеей, под которую создавался украинской партией новый народ, была русофобия, отрицание русскости и борьба с нею. Главная забота «самостийников» — доказать отличие украинца от русского, украинского языка от русского, украинской истории от русской и т.д. В Буковине примерно с 1911 г. от русских богословов, кончавших семинарию, стали требовать письменного обязательства: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, лишь украинцем и только украинцем»⁶⁷. Украинизация — это и есть дерусификация, в дерусификации её смысл и назначение. Это идеология отрицания русскости и уничтожения её везде — и в прошлом, и в настоящем, и на любых территориях. Но в рамках украинской идеологии любые попытки сохранить русскую культуру Руси обозначаются как «русификация», так как прежняя истори-

⁶⁵ Дикий А. Неизвращённая история Украины-Руси. Т. II. М., 2008. С. 331.

⁶⁶ Марков Д.А. Последнее слово перед австрийским военным судом. Львов, 1938. С. 55–56.

⁶⁷ Щеголев С.Н. Указ. соч. С. 477.

⁶⁴ Благодарю Л. Соколова за цитату.

ческая русскость начисто отрицается. Так, главной бедой древней Русской земли была объявлена «русификаторская политика Москвы».

Психологический смысл украинской русофобии прекрасно описывал Н.С. Трубецкой: «Эти же люди... постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется ещё внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попрания собственных национальных святынь. Ибо, если украинцы не будут *ненавидеть* все русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры. Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики, и притом плохой, злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики. И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями. Поэтому в этой культуре всё — наука, литература, искусство, философия и т. д., — не будет самоценно, а будет тенденциозно... Политиканам же нужно будет главным образом одно — как можно скорей создать свою украинскую культуру, все равно какую, только чтобы не была похожа на русскую»⁶⁸.

«Особенность украинского самостийничества в том, что оно ни под какие из существующих учений о на-

циональных движениях не подходит и никакими “железными” законами не объяснимо»⁶⁹, — писал Н.И. Ульянов. Точка зрения, отрицающая обоснованность украинства на местных областных особенностях и обращающая внимание на его иной — искусственный — характер, была прекрасно сформулирована А.И. Савенко ещё в 1919 г.: «Население Малороссии всегда определяло и определяет себя русским и к украинству, которое является не нацией, а политической партией, взращённой в Австрии и служащей видам австро-германской политики, относится явно отрицательно»⁷⁰.

Украинство изначально — не этничность, а идеологическая партия, которая создаёт под себя нацию. Как таковое, оно не имеет никакого отношения к малороссийскому «малому национализму», возникшему на основе вполне реальной потребности защитить местные культурные особенности Юго-Западной Руси от культурной унификации внутри Российской империи. Оно возникло по воле внешних для Руси сил и направлено на изменение самосознания жителей этой части Руси с вполне определёнными политическими целями. Этим обусловлена искусственность украинства, чуждость его местным традициям и особая агрессивность ко всему русскому. Украинство вовсе не актуализирует местные краевые особенности, оно строит параллельную им культурную общность — новую, искусственную нацию, имеющую конкретные политические цели своего существования.

Это свойство принципиально отличает украинство от краевого малороссийского движения, которое часто

⁶⁹ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 3.

⁷⁰ Савенко А.И. К вопросу о самоопределении населения Южной России // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола / Сост. М. Смолин. М., 1998. С. 295.

⁶⁸ Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 427.

ошибочно воспринимается как начало украинства. Виднейшие его деятели, встретившись под конец своей жизни с галицийским украинством, резко осудили его. Они были оппонентами уже Ф. Духинского и его сторонников. Н. Костомаров написал против него ряд специальных статей⁷¹. Он указывал, что эта идеология «направлена против всех русских, которые осмелились бы заявить, что во всякое время, во всяком случае, при всяком возможном изменении обстоятельств, управляющих судьбами Русской Земли, притязания поляков на принадлежность им юго-западных русских областей возбуждают негодование и противодействие всего русского народа»⁷². Не раз очень негативно отзывался об этих идеях и Драгоманов, выступивший потом резко против «программы Романчука», которая была естественным продолжением его критики всего того, что он называл «формальным национализмом», «туманным и шкідливим національством». Ещё более резок был П. Кулиш, говоривший про «недолюдків націоналістів українських»⁷³: «Наші ж народом зробили анти народ, так само як ляхи вдумали “народ шляхетський”, брата-розбивашку “народу козацького”»⁷⁴. Собственно, это и есть самое точное наблюдение о том новом народе, который стали создавать «украинцы»: «анти-народ». Очень негативно воспринял «Новую эру» и И. Франко, ор-

ганизовывавший тогда оппозиционное ей движение.

Идеология украинства оказалась во многом прямо противоположной украинофильству, хотя и основывалась на его наработках. Так, если у Костомарова и Кулиша противопоставление «двух русских народностей» имело смысл для утверждения их взаимодополняемости и нужности друг другу, то идеологи украинства развили этот тезис о противоположных различиях в утверждения об извечной враждебности. Украинцы уже виделись не как «другая русская народность», а как совершенно иной народ, поработщённый москалями. Как писал Николай Михновский, сравнивая украинцев с другими народами, не имеющими тогда своей государственности: «ми визнаємо, що наш нарід теж перебуває у становищі зрабованої нації»⁷⁵. Мысль о двойственной русскости заменила идея колониального статуса Украины, а статус украинца утверждался за тем, кто готов бороться за освобождение от России: «Українцем єсть всякий, хто хоче, щоб Україна перестала бути колонією»⁷⁶ (В. Липинский).

Такое изменение потребовало и смены «социальной основы» движения: если украинофилы были «народолюбцами» и их волновало развитие культурных начал украинного крестьянства, то теперь роль носителя национальных начал и творца украинской нации отводилась уже «активному меньшинству» националистов, которые призваны слепить из народа новую нацию. Эта новая «украинская интеллигенция» «стає до боротьби за свій народ, до боротьби

⁷¹ См. статьи Н. Костомарова «Ответ на выходки газеты “Czas” и журнала “Revue Contemporaine”» (Основа. 1861. № 2) и «Правда полякам о Руси» (Основа. 1861. № 10).

⁷² Костомаров Н. Правда полякам о Руси (По поводу новой статьи в Revue Contemporaine) // Основа. Южнорусский литературно-учёный вестник. 1861. № 10 (октябрь). С. 100.

⁷³ Кулиш П. До М. Карачевської-Вовківни, 7 липня 1892. С. 269.

⁷⁴ Он же. Письмо До С. Носа, 13 мая 1888 // Вибрані листи Пантелеймона Куліша. С. 253.

⁷⁵ Михновський М.И. Самостійна Україна. Київ, 2002. С. 28. (Первоначальное издание: Львів, 1900).

⁷⁶ Литинський В.К. Листи до братів-хліборобів про ідею і організацію українського монархізму (1919–1926) // Литинський В. Твори. Архів. Студії / За ред. Я. Пеленського. К., 1995.

кривавої і безпощадної. Вона вірить у сили свої і національні, і вона виповнить свій обов'язок. Вона виписує на своєму прапорі ці слова: «Одна, єдина, нероздільна, вільна, самостійна Україна від Карпатів аж по Кавказ»⁷⁷. Наступило чёткое осознание того, что украинство — идеология не народная, а определённой группы активных интеллектуалов и политиков. «Українство по природі своїй єсть рухом верхів: активних елементів, прибуваючих з Заходу і активних елементів, що виділяються з народніх мас та до перших прилучаються. Яко таке воно єсть рухом аристократичним: хотінням провідної верстви, а не народніх мас»⁷⁸.

Вацлав Липинский специально оговаривал опасность опоры на «народные массы», так как они являются частью «единого неделимого русского моря»: «Кожний, хто українство опірає на народніх масах — всякий по моїй термінології український демократ або охлократ — утопить себе і українство в єдинім неділимім руськім морі, до якого маса народня малоруська по інерції своєю тяжкістю і пасивністю прямує. Утопить і утопиться, хоч-би не знати як фальшував він “в народнім дусі” історію не народній, а панської боротьби за окремішність і незалежність України». Основой для утверждения украинства виделась ему только политика, но не культура: «Тільки під політичними, а не під культурно-національними чи соціальними гаслами, можна від Москви відділити Київ і можна в окремії Державі Українській перетворити малоруське плем'я в Українську Націю»⁷⁹. Дмитрий Донцов даже сформулировал это в качестве лозунга «никогда народ!»: «Провансальці, демократи і прочі народолоубці відповідали — за-

вше народ! Ми відповідаємо — *ніколи народ!* Народ є для всякої ідеї, чи в її статичному, чи в динамічному стані — чинник пасивний, той що приймає Чинником активним, тим, що несе ідею; тим, де ця ідея зроджується є — активна, або *ініціативна меншість*... Це група, яка формує, неясну для “неусвідомленої” маси, ідею, робить її приступною цій масі і, нарешті, мобілізує “народ” для боротьби за цю ідею»⁸⁰. Оправдуючись за свої різкі інтонації, В. Липинский писав в обращенні к «читателям-врагам»: «І як-би Ви, читаче-вороже, писали свою працю, коли-б всею істотою своєю Ви хотіли України, а бачили, що більшість Українців — це як раз найбільше промовистий і яскравий доказ неможливості існування України?»⁸¹.

Вот это «большинство украинцев», которое самой своей культурой и самосознанием противоречило украинскому проекту, необходимо было изменить, перевоспитать, вырастив «новое племя» с помощью «примусової ідеології супроти мас». Для этого оказывался нехорош даже такой радикальный представитель украинофильства, как М. Драгоманов: Д. Донцов называл его «татарською людиною», и призывал избавиться от «провинциализма» украинофилов, сменив «безхребетне “народолюбство” — в агресивний націоналізм»⁸².

Агрессивная новая идеология была в первую очередь в отношении России и всех тех на Украине, кто не принимал украинства. Про талантливых земляков, не осознавших себя национально украинской интеллигенцией, Н. Михновский писал, что они «відали свій талант богові чужої, ворожої нам нації». «Московські Молох» «і так вже

⁷⁷ *Міхновський М.И.* Самостійна Україна. С. 41.

⁷⁸ *Липинский В.К.* Листи до братів-хліборобів. С. XXIV–XXV.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Донцов Д.* Націоналізм. Львів, 1926. С. 215.

⁸¹ *Липинский В.К.* Вступне слово для читачів з ворожих таборів // Листи до братів-хліборобів. С. XLV.

⁸² *Донцов Д.* Націоналізм. С. 225.

досить напився української крові й пожер найліпших, найморальніших синів України»⁸³. Протистоборство с Росією осознавалось как «великий конфлікт двох цивілізацій, двох політичних, соціальних і культурно-релігійних ідеалів, конфлікт Європа-Росія»⁸⁴. В полном соответствии со старыми идеями польских мыслителей в этом противостоянии «між Росією, як авангардом Азії, з одного боку, і Європою, як цілості, з другого»⁸⁵ центральное место отводилось Украине, которая виделась как «історичний антипод Росії на східноєвропейському просторі». Борьба с Россией — это не просто война за освобождение от «колоніального гнѣта», это «вічна наша боротьба проти хаосу на Сході, в обороні — в своїй власній державності і культурі — цілої культури Заходу». В этой вечной борьбе, по словам Донцова, и есть украинский «колективний ідеал»: «Боротьба з Росією «диктується нам нашими історичними традиціями, нашим географічним положенням і спеціальною історичною ролею, яку судилося нам грати... В цій якраз лежить українська національна ідея, що мусить буди підставою нашої цілої політичної програми»⁸⁶. А соответственно, украинцы должны искать союза и взаимопонимания со всеми теми государствами, «інтереси яких суперечать в дану хвилину інтересам Росії»⁸⁷.

Однако такая борьба для украинских националистов видится не только как внешняя, но и как внутренняя: за очищение Украины от всех, кто не разделяет их идеологии. «Усіх, хто на цілій Україні не за нас, той проти нас. Україна для українців, і доки хоч один

ворог чужинець лишиться на нашій території, ми не маємо права покласти оружжя»⁸⁸, — писал Н. Михновский. Широко известны слова Ярослава Стецько: «Пусть две трети украинской территории будут уничтожены атомными бомбами, лишь бы на одной трети воцарилась украинская держава». Донцов утверждал культ фанатизма, нетерпимости, ненависти к врагам, идеал «нації, сповненої непохитної, фанатичної віри в свою ідею». «України, якої прагнемо, ще нема, але ми можемо створити її в нашій душі. Можемо й повинні опалити цю ідею вогнем фанатичного прив'язання»⁸⁹. В этом плане украинство было очень близко к крайне-правым идеологиям своего времени. Однако, в отличие от них, оно не имело базы в реальных народных основаниях, а потому не могло эволюционировать в спокойный «банальный национализм»: фанатизм и культ борьбы — неизбежные свойства этой идеологии вплоть до наших дней.

«Мы живём в удивительное время, когда создаются искусственные государства, искусственные народы и искусственные языки»⁹⁰, — говорил тогда проф. П.Е. Казанский. И не стоит искусственным национальным формированиям приписывать естественное «краевое» происхождение. Мы имеем все основания указывать на «самую «интимную» тайну украинского сепаратизма, отличающую его от всех других подобных явлений, — на его искусственность, выдуманность»⁹¹. Нация, создаваемая украинством — это скорее антинарод, чем народ: в её осно-

⁸⁸ *Міхновський М.И.* Самостійна Україна. С. 43.

⁸⁹ *Донцов Д.* Націоналізм. Львів, 1926. С. 224.

⁹⁰ Цит. по: *Смолин М.* «Украинский туман должен рассеяться, и Русское солнце взойдет» // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола... С. 6.

⁹¹ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. С. 278.

⁸³ *Міхновський М.И.* Самостійна Україна. С. 47.

⁸⁴ *Донцов Д.* Підстави нашої політики. Відень, 1921. С. 3.

⁸⁵ Там же. С. 4.

⁸⁶ Там же. С. 72–75.

⁸⁷ Там же. С. 87.

ваниях — не этничность и связанное с нею культурное наследие во всей своей полноте, а идеология.

Создание антинарода

По-настоящему зверскими методами стала проводиться украинизаторская политика во время Первой мировой войны. Вот как вспоминает это И.И. Тёрох: «В самом начале этой войны австрийские власти арестуют почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперёд заготовленным и переданным административным и военным властям украинофилами (сельскими учителями и “попиками”) с благословения преусердного митрополита графа Шептыцкого и его епископов»; «В отместку за свои неудачи на русском фронте (в 1916 г. — О.Н.), улепетывающие австрийские войска убивают и вешают по деревням тысячи русских галицких крестьян. Австрийские солдаты носят в ранцах готовые петли и где попало: на деревьях, в хатах, в сараях, — вешают всех крестьян, на кого доносят украинофилы, за то, что они считают себя русскими. Галицкая Русь превратилась в исполинскую страшную Голгофу, усеялась тысячами виселиц, на которых мученически погибли русские люди только за то, что они не хотели переменить свое тысячелетнее название»⁹².

От былой политики русского этноцида австрийские власти перешли к откровенному геноциду русских. Была создана сеть концлагерей, главные из которых — Талергоф и Терезин. В них попадал каждый, продолжавший считать себя русским или посмеившийся остаться верным православию, без воззрения на пол и возраст. Уничтожали даже детей. Теперь в России почему-то не принято вспоминать, что *первый в XX веке европейский геноцид*

был совершён именно против людей, придерживающихся русского самосознания. Называются разные цифры этого геноцида, общее для них обозначение — несколько десятков тысяч⁹³. Трудно не задаваться вопросом: помнят ли теперь русские об этой ужасной трагедии, которую не смог бы забыть ни один другой народ в мире?

И тем не менее даже после нескольких лет такой украинизации русское самосознание не было уничтожено в этих землях. Власти межвоенной Польши, ставшей на них хозяевами, боялись усиления украинства, всё более склоняющегося к лозунгу «Украина — там, где нет ляха, жида и москаля!», а раскол русского общества на собственно русских и украинцев им был даже выгоден. По переписи 1936 г. в Галиции русскими себя назвали 1 196 885 человек, а украинцами — 1 675 870 чел.

В то же время повышенное внимание к украинскому проекту стала проявлять Германия. Для неё этот проект был как нельзя лучшим средством ослабления и России, и Польши⁹⁴. Ещё

⁹³ См. об этих событиях воспоминания одного из заключённых: *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. М., 2001.

⁹⁴ Некоторые исследователи утверждают активное участие прусских политиков в создании украинского проекта ещё на самых ранних его стадиях. Например, Кость Бондаренко в своей статье «Проект Украина» (см. Интернет) пишет: «Проект “Украина” явился в конце XVIII — начале XIX веков в среде немецких политиков и был подхвачен поэтами-романтиками и вольными каменщиками... В Германии пришли к выводу: восточнославянская страна, где традиционное недоверие к русским можно возвести в ранг идеологии, способна стать надежным бастионом перед лицом угрозы российской экспансии в Европу. Итак — на выходе в этом проекте должно было явиться фактически буферное государство с названием “Украина”, которое стало бы антагонистом России». К. Бондаренко противопоставляет немецкий проект «Украина» французскому проекту «Малороссия».

⁹² *Тёрох И.И.* Украинизация Галичины // Свободное слово Карпатской Руси. 1962. № 1–2. С. 8.

в июле 1917 г. канцлер Германии Георг Михаэлис говорил: «Мы должны быть очень осторожны, чтобы литература, с помощью которой мы хотим усилить процесс распада России, не достигла прямо противоположного результата... украинцы всё ещё отвергают идею полного отделения от России. Открытое вмешательство с нашей стороны в пользу независимости украинского государства, несомненно, может использоваться противником с целью разоблачения существующих националистических течений как созданных Германией»⁹⁵. Настоящим апогеем развития украинского проекта можно считать планы Альфреда Розенберга по созданию на завоёванных восточных землях рейхскомиссариата Украина, который должен был бы включать в себя, помимо восточных земель межвоенной Польши и Советской Украины, также и Северный Кавказ, Воронеж, Поволжье с Саратовом, Сталинградом и Республикой поволжских немцев. Столицей всего этого формирования предполагалось сделать г. Ровно. И несмотря на то что эта Украина планировалась фактически без «украинцев», украинское движение мыслилось важнейшим средством к осуществлению этих замыслов.

Параллельно с этим активнейшая украинизаторская политика проводилась в СССР большевиками. Именно большевики стали главной украинизирующей силой на южнорусских землях. Украинство оказалось очень полезной для них идеологией, помогающей провести в жизнь ленинский принцип национальной политики по «сдерживанию старшего брата», «великодержавный шовинизм» которого

«в 1000 раз опаснее буржуазного национализма» других народов страны. Для защиты всех старых и вновь созданных народов СССР (а такая новозданность характерна была для целого ряда народов СССР и помимо украинского), для защиты «российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника»⁹⁶, были созданы национальные органы власти, широчайшие границы национальных республик и программы проведения активной политики «коренизации». «Восточные границы Украина получила легко: не нужно было побеждать Россию. В роли победителя выступило советское правительство, которое продиктовало побеждённой стороне (России) её границы с Украиной»⁹⁷, включив в неё даже обширные западные территории Войска Донского (Луганская и большая часть Донецкой областей). В результате проведения политики украинизации к 1929 г. свыше 80% образовательных школ, 55% школ ФЗО и 30% вузов вели обучение на украинском языке, а к 1931 году 90% газет и 85% журналов выходили на украинском⁹⁸. Л. Кучма в своей книге «Украина — не Россия» писал об этом: «При любом отношении к происходившему в 20-х гг. надо признать, что, если бы не проведённая в то время украинизация школы, нашей сегодняшней независимости, возможно, не было бы. Массовая украинская школа, пропустившая через себя десятки миллионов человек, оказалась, как выяснило время, самым важным и самым неразрушимым элементом украинского на-

Мне всё же представляется, что для столь обширных выводов скопленной к нашим дням исследовательской базы ещё недостаточно.

⁹⁵ Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Z.A.V. Zeman. N. Y., 1958. P. 65–67; цит. по: Смолин М. «Украинский туман...» С. 18.

⁹⁶ Ленин В.И. К вопросу о национально-стях или об «автономизации» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 45. М., 1975. С. 357.

⁹⁷ Резников К. Украинцы и русские: идеология противостояния // Москва. 1996. № 4. С. 153.

⁹⁸ Данные из книги О. Субтельного «Украина. История» (Київ, 1993). С. 478.

чала в Украине»⁹⁹. Лаконично выразил суть этого явления Сашко Крищенко: «Украина родилась от совокупления коммунистов с националистами»¹⁰⁰. Политика коренизации, будучи ослабленной к концу 1930-х гг., успела воспитать пару поколений, сильнейшим образом изменив самосознание, язык и мировосприятие обработанных ею людей.

Однако и после войны политика украинизации по-прежнему проводилась. Несмотря на то что именно с приходом к руководству республиканской партийной организацией Н.С. Хрущёва в 1938 г. принято связывать окончательное завершение политики коренизации, она во многом сохранялась. По-настоящему открыто она снова проявилась после окончания войны в политике Хрущёва по отношению к новым западным территориям УССР (а ведь с февраля 1944 г. Хрущёв, сохраняя пост Первого секретаря ЦК КП(б) У, одновременно возглавлял и правительство республики, став полноценным «хозяином Украины»). Все те жители Галиции и Буковины, Волыни и Закарпатья, которые ещё перед войной сохраняли русское самосознание, теперь просто официально были объявлены украинцами и были вынуждены учить украинский литературный язык. Тотальное воздействие на самосознание жителей этих земель оказалось столь мощным и действенным, что удалось за одно поколение сделать то, что не удавалось прежде австриякам и полякам, — полностью истребить здесь русское самосознание и русскую культуру. Львов, когда-то русский (и столица Русского воеводства с XIV по XVIII в.), а в последние столетия польско-еврейский город, в результате послевоенных перемещений населения на какое-то время снова

заговорил по-русски, но уже вскоре стал одним из самых украиноязычных городов УССР.

Наиболее болезненно процесс украинизации проходил в Закарпатье — земле, с XIII в. оторванной от остальных русских территорий в составе Венгерского королевства. Процесс русского национального и православного возрождения в конце XIX — первой половине XX в. здесь был столь ярким и массовым, что старания австро-венгерских властей по их украинизации до и во время Первой мировой здесь почти не дали результатов. После войны большая часть Карпатской Руси вошла в состав Чехословакии на правах автономии Подкарпатская Русь. В резолюции съезда Центральной Народной Русской рады в Ужгороде после принятия ею в мае 1919 г. решения о добровольном присоединении к Чехословакии было записано: «Жители нашего края составляют в национальном отношении часть великого русского народа... согласно с волею нашего народа заявляем, что единственно правильным названием нашего края является Карпатская Русь, нашего языка — русский, нашего народа — карпаторусский или просто русский... Во всех школах Рада требует русских учителей и русского книжного языка...»¹⁰¹.

Тем не менее на деле Прага не стала соблюдать никакие международные договорённости по предоставлению Подкарпатской Руси прав автономной жизни, а взамен этого проводила активную политику денационализации русского населения, промежуточным этапом которой была украинизация. Велась борьба с русским литературным языком и русскими школами, которые все были закрыты. Расчет был вполне

⁹⁹ Кучма Л. Украина — не Россия. М., 2003. С. 284.

¹⁰⁰ Цит. по: Бондаренко К. Проект «Украина» // Internet.

¹⁰¹ Цит. по: Смолин М. История «украинского» сепаратизма после 1912 года и до середины XX столетия // Предисловие к: Щеголев С.Н. История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 462.

точный: как говорил чешский министр образования Вавро Шробар, «никто не согласился бы променять русский литературный язык на чешский или на словацкий. Но с украинским языком мы можем конкурировать»¹⁰². Карл Крамарж, первый Президент Совмина Чехословакии, предупреждал в публичной речи: «Посмотрите на Карпатскую Русь. Наши отношения к Карпатской Руси страшны, — не будем себя обманывать... Я принужден откровенно признаться, что для меня все понятно, но только не наша политика в Карпатской Руси... Что же, не было ли нашей обязанностью сделать все возможное в Карпатской Руси, чтобы помочь, насколько возможно, освободить этот страшно измученный народ, который так долго был под гнётом Венгрии? Не было ли нашей обязанностью дать ему возможность развиваться по-своему? Мы должны были проявить не только наши административные способности, но и ещё более — наше славянское чувство. Никогда мы не должны забывать, что Карпатская Русь является не только географическим, но и моральным мостом в Россию и по мере того как мы будем относиться к карпатороссам, так и другие русские будут судить о нас. Если же мы ведём политику боязни перед русским движением, то это означает, что мы в Карпатской Руси политически обанкротились. Это невозможно, мы обязаны в этом деле повернуть! Мы обязаны этот полицейский режим, который сегодня там применяется, устранить!..»¹⁰³. Призыв этот, к несчастью, услышан не был.

В 1944 г., чтобы донести до руководства Союза стремления большин-

ства русского народа Закарпатья, в Москву направилась делегация его представителей, которую возглавили крупнейший деятель православного возрождения в Подкарпатской Руси св. Алексей (Кабалюк) и проф. Пётр Линтур. В своем обращении к Сталину они писали: «Мы не хотим быть ни чехами, ни украинцами, мы хотим быть русскими и свою землю желаем видеть автономной, но в пределах Советской России», и подчёркивали, что «представители православных общин Карпатской Руси» (подавляющего большинства её населения на то время) «решительно против присоединения нашей территории к Украинской ССР». Но решение Москвы было определённым — Закарпатье было присоединено к УССР и в ней стали снова проводить жёсткую политику украинизации. Все закарпатцы, если они не словаки и не венгры, теперь по паспорту объявлялись украинцами, были украинизированы все русские школы, тысячи человек отправлены в концлагеря, где опять действовали специальные украинизаторские программы перевоспитания. Слова Кабалюка из его обращения к Сталину: «Наша русскость не моложе Карпат» — и по сей день являются лозунгом местного антиукраинского движения.

Проводивший всю эту политику Н. Хрущёв фактически воссоздал на Украине националистическую партократию, так как бывшее её поколение, проводившее коренизацию, было по большей части уничтожено во время сталинских чисток. В первую очередь он украинизировал почти все партийные и правительственные посты в УССР. Вытеснение русских с руководящих постов в вузах, научных, культурных учреждениях и промышленности, начатое при Хрущёве, было доведено до конца уже в брежневскую эпоху, при П. Шелесте и В. Щербицком. Л. Брежневу же удалось в значительно большей степени провести в

¹⁰² Памятная записка Центральной Русской Народной Рады, переданная д-ру Милану Ходже, председателю Совета министров Чехословацкой Республики 19 июля 1938 г. // Пути истории. Т. II. Нью-Йорк, 1979. С. 81.

¹⁰³ Цит. по: V. Nedzelmitsky. Summary of Carpatho-Russian History. Chicago, 1934. P. 18–19.

жизнь начатую при Хрущёве украинизацию центральных союзных органов власти (в первую очередь Политбюро ЦК). Украинство стало основой самосознания бюрократии УССР, её корпоративной идеологией.

Интересно, что активно развиваемый эмиграцией и диссидентами украинский национализм носил ярко выраженный антикоммунистический характер. Это позволило КПУ — партии, сделавшей больше всего для украинизации Юго-Западной Руси, стать в девяностые годы фактически представителем недоукраинизированной части страны (её Юго-Востока). Новые власти Украины уже полтора десятилетия проводят политику украинизации с новой силой и в новых, идеальных для этого условиях: русский язык не имеет официального статуса, большую часть населения удалось уже приучить к мысли о том, что они — украинцы, а весь мир проявляет свою искреннюю заинтересованность в успехах политики по его дальнейшей украинизации. В основу официальной доктрины восточной политики Польши положена «Доктрина Гедройца–Мерошевского», по которой главная цель Польши — это независимость Украины и Белоруссии от России (здесь вспоминается калинковское «лучше Русь самостоятельная, чем Русь российская»). Ведущий американский специалист по России поляк З. Бжезинский призывает ни в коем случае не допустить нового «объединения варваров», а президент Польши в 2004 г. открыто заявил, что согласованная с США политика его страны покоится на принципе, что «Россия с Украиной хуже, чем Россия без Украины».

Антирусская сущность украинства

Главная ценность украинской идеологии для враждебных России сил — её антирусская сущность. Это в первую очередь идеология тотального русоцида. «Перед всеми заговорщиками украинской интриги

стояла изуверская задача — сделать русских не русскими, а “украинцами”... В этом были заинтересованы все враги русского народа и России в Вене, в Риме и в Берлине, и даже некоторые международные политические партии и организации, каждый из них по-своему, но все одинаково злобно. Украинский сепаратизм казался верным оружием, более сильным, чем военные механизмы и армии, и чтобы придать его действию наибольшую разрушительную силу, не стеснялись никакими средствами»¹⁰⁴. При этом украинство отрицает русскость совсем не только на той земле, которую очерчивает как свою — *русскость отрицается тотально*. Ведь, согласно этой идеологии, те, кто сейчас называет себя «русскими» — это либо русифицированные нерусские, либо москали, которые права именоваться русскими не имеют. Для обоснования этого тезиса используется весьма действенный миф о том, что исконное имя великороссов — «московиты», а русское имя они «украли» у украинцев. Украинцы же пользоваться этим именем не могут — оно у них «украдено», и им приходится использовать другое (поэтому, как говорил М. Грушевский, южнорусское население должно «твёрдо и решительно принять название “Украины”, “украинского”»¹⁰⁵). При этом постоянно доказывается древнейшее происхождение украинского народа. Гениальная по простоте и абсурдности объяснительная схема: «раньше украинцы считали себя русскими, просто потому, что они ещё не знали, что они украинцы». Есть ещё теория «дремлющего украинского самосознания», к которой прибегли авторы книги Л. Кучмы: «В их время украинское сознание ещё не пробуди-

¹⁰⁴ Яворский В.Ю. Украина — Русская земля // Свободное слово Карпатской Руси. 1977. № 11–12. С. 7.

¹⁰⁵ Грушевский М.С. Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913. С. 5.

лось настолько, чтобы они подчеркнут-
то считали себя украинцами»¹⁰⁶.

Цель любых проявлений украинства — стереть русское имя и память о русском народе и Русской земле, чтобы никакие воспоминания о былом единстве не могли прийти человеку в голову. На основе такой идеологии создаётся нация, похожая более всего на орден: её задача — вечная борьба с русскими. Название книги Л. Кучмы — «Украина — не Россия» — идеально точная формулировка украинской идеи, именно в этом «не Россия» заключён национальный смысл, а отнюдь не в пестовании местного своеобразия. Как писал один из основных историков украинства, А. Царинный (А. Стороженко), «всё русское для них — предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения»¹⁰⁷.

Обоснованность украинской идеи не на любви к своему, а на ненависти получила и довольно яркие теоретические выражения. Вот, например, в 1912 г. М. Сриблянский (Никита Шаповал) писал: «Любиш свою мову — ненавидь мову ворога. Вчуєш ворожу мову з милих уст — одцурайся їх. Умій ненавидіти. Коли мова у нас іде про Україну, мусимо оперувати одним словом — *ненависть* ворогам її. Бо Україна тепер це щось таке невідоме, оточене ворожістю. Де найбільш ворогів — там шукайте Україну. І мусим шукати свою Україну — цеб-то ненавидіти її ворогів. Відродженне України — синонім ненависти до своєї жінки московки, до своїх дітей кацапчат, до своїх братів і сестер — кацапів, до своїх батька й матері кацапів. Любити Україну — значить пожертвувати кацапською ріднею, пожертвувати любов'ю до діяльності земства “на

полі народної просвіти”... Любов — ненависть, і любов — подвижничество. Ненависть така творча стихія, яка нам уже дала незвичайні зразки поезії, невмирущі, вічні¹⁰⁸. З ненавистю можна прожити з більшим захватом, ніж що інше, не кажучи вже про те, що ніякої поезії в половинчастій, компромісовій і полохливій любови ніколи не знайдеш»¹⁰⁹.

Такая тотально антирусская позиция имеет два следствия. Во-первых, по своему мироощущению «свідомий» украинец — это вечный боец, он постоянно должен ощущать себя в состоянии войны — ибо пока есть русскость, пока есть русские — он чувствует свою уязвимость и необходимость бороться. И это, в общем-то, по-своему разумно: ведь пока есть русскость, для украинцев всегда сохраняется (пусть и не всегда осознаваемая) возможность оптации к русской идентичности. С другой стороны — без борьбы с русскостью украинское самосознание также немислимо, а значит, оно и не может никогда полностью победить. Во-вторых, отрицание русскости идёт не только по линии противопоставления «я vs. москаль», но и как отрицание русскости в себе, в своих предках, в своём прошлом.

«Украинизировать значит: отказываться от своего прошлого, стыдиться принадлежности к русскому народу, даже названий “Русь”, “русский”, отказываться от преданий истории, тщательно стирать с себя все общерусские своеобразные черты и стараться подделаться пол областную и “украинскую” самобытность. Украинство — это отступление от вековых, всеми ветвями русского народа и народным гением выработанных языка и культуры, самопревращение в междуплеменной обносок, в обтир-

¹⁰⁶ Кучма Л. Украина — не Россия. С. 159.

¹⁰⁷ Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 252.

¹⁰⁸ Имеется в виду творчество Т. Шевченко.

¹⁰⁹ Срибляньський М. Апотеоза примітивній культурі // Українська хата. 1912. № 6. С. 350–351.

ку то польских, то немецких сапог... отречение от исконных начал своего народа, от исторического самосознания, от церковно-общественных традиций. Украинство — это недуг, который способен подточить даже самый сильный национальный организм и нет осуждения, которое достаточно было бы для этого добровольного саморазрушения»¹¹⁰. А это саморазрушение требует большого напряжения и постоянной работы. А. Царинный так характеризовал «украинца»: «“Украинцы” — это особый вид людей. Родившись Русским, украинец не чувствует себя Русским, отрицает в самом себе “русскость” и злобно ненавидит всё русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом — кем угодно, только не Русским. Слова: Русь, Русский, Россия, российский — действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают украинца старинные предковские названия: Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский. Слыша их, он бешено кричит: “Ганьба!”»¹¹¹. Конечно, здесь описывается «идеальный тип» украинца — большинство воспринявших украинское самосознание в XX в. напрямую ему не соответствуют, хотя черты этого образа можно найти почти в любом хоть сколько-нибудь «свидомом» украинце.

С этим связано и то, что некоторые исследователи отказываются видеть в украинстве род национализма. Н. Ульянов определял украинство как сепаратистскую, а не национальную идеологию, потому что «именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена»¹¹². Любимым национализмом движет любовь

к «своему». Украинским национализмом движет скорее ненависть к своему, к своей же русскости. Национализму самопознания украинская идеология противопоставляет национализм самоотречения, и в этом, наверное, суть уникальности украинства как явления в мировой истории. «Ныне украинское самостийничество даёт образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа»¹¹³. Культура, основанная на такой идеологии, замечательно описана у Н. Трубецкого: «В этой культуре демагогическое подчёркивание некоторых отдельных, случайно выбранных и, в общем, малосущественных элементов простонародного быта будет сочетаться с практическим отрицанием самых глубинных основ этого быта, а механически перенятые и неуклюже применяемые “последние слова” европейской цивилизации будут жить бок о бок с признаками самой вопиющей провинциальной ветоши и культурной отсталости; и всё это — при внутренней духовной пустоте, прикрываемой кичливым самовосхвалением, крикливой рекламой, громкими фразами о национальной культуре, самобытности и проч. ... Словом, — это будет жалкий суррогат, не культура, а карикатура»¹¹⁴.

Самоотрицание, положенное в основу украинской идеологии, долго было (да и по сей день ещё остаётся) сильнейшим тормозом к её распространению. В XIX — начале XX в., когда её ещё не стали насаждать через репрессии и концлагеря, украинская партия очень ясно ощущала свою оторванность от народа, своё «меньшинство». Оно было чуждо как простому народу, так и большей части интеллигенции тех земель. Украинский сепаратизм, «не будучи народен, шёл не на гребне волны

¹¹⁰ Мончаловский О.А. Главные основы русской народности. Львов, 1904. С. 10.

¹¹¹ Царинный А. [Стороженко А.В.] Украинское движение... С. 250–251.

¹¹² Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 4.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Трубецкой Н.С. К украинской проблеме. С. 427.

массового движения, а путём интриг и союза со всеми антидемократическими силами, будь то русский большевизм или австро-польский либо германский нацизм»¹¹⁵. Даже чех К. Крамарж называл его «противоестественным»¹¹⁶.

«Украинская доктрина — типичная антисистема, нацеленная на коренное изменение окружающего мира и имманентных ему законов, что на деле означает его полное разрушение. Она пробуждает в своих адептах стремление любой ценой вырваться из оков реальности, по сути, разрушая самих себя»¹¹⁷. Прочитанный автор — Сергей Родин — определяет создаваемую украинцами нацию как «этническую химеру, постоянно находящуюся под угрозой распада и полного исчезновения»¹¹⁸. Это определение очень хорошо подчёркивает искусственный характер украинства, его оторванность и противоположность традициям и автохтонным свойствам тех земель, на которых оно разворачивает свою деятельность.

Маргиналия

Именно в том, что основа украинства не в самопознании, а в негативе, отрицающем самопознание, кроется главная сущностная черта украинства. Украинизация возможна только в той среде, которая настолько успела оторваться от своих корней, что приобрела способность их отрицать. Это среда

¹¹⁵ Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 278.

¹¹⁶ Новое время. 1911, октябрь. № 12804. Интервью.

¹¹⁷ Родин С. Отрекаясь от Русского имени. Украинская химера: Историческое расследование. М., 2006. С. 129.

¹¹⁸ Термин «этническая химера» С. Родин определяет вслед за А.Н. Гумилёвым как явление, возникающее «в зоне активного противостояния двух несовместимых этносов и представляющее собой общность денационализированных, выпавших из родных этносов индивидуумов»; см.: Родин С. Указ. соч. С. 4.

маргинализированных людей — без определённого исторического самосознания, религии, языка и исторической памяти.

Украинская наука очень любит обозначать русских, живших на землях современной Украины в прошлых столетиях, как «рутенев», заимствуя латиноязычное наименование русского народа, широко употреблявшееся в позднее Средневековье и раннее Новое время в католической церковной среде. Так удаётся опять же упразднить имя русское, делать вид, как будто его и не было. Но если мы применим сам принцип латиноязычного воспроизведения этнонима (и политонима) к современной Украине, то страну «Украину» нам надо будет назвать «Маргиналией», а украинцев — «маргиналами» (от латинского *margo, marginis* — край, граница, окраина). Думаю, сама выбранная украинцами стратегия переименования позволяет нам это сделать. Так как этот латинский корень имеет хождение и в русском литературном языке, то его употребление нам только поможет яснее представлять себе ситуацию на Украине, сущность украинства. Украинизация возможна именно через маргинализацию, то есть через вывод человека (и целых сообществ) из контекста традиционной для них культуры, лишение их своего лица. Вместо лишённого даётся новое, суррогатное, главная функция которого — быть заменой предыдущего и не допускать его возврата. И маргинализация эта является в первую очередь дерусификацией. Это, кстати, признаёт и Л. Кучма: «Украинизация советского типа, о чём часто забывают, имела один общий знаменатель с украинизацией в УНР и Украинской Державе Скоропадского, а именно — дерусификацию»¹¹⁹.

Главная причина успеха украинизации в XX в. — даже не активная украинизаторская политика властей всех мастей, а бешеными темпами шед-

¹¹⁹ Кучма Л. Украина — не Россия. С. 284.

ший процесс маргинализации: массовый переезд людей из деревни в город (следствие индустриализации), мировые войны и голод, уничтожившие огромную часть населения, гигантские миграционные потоки, и всё это — на фоне уже прошедшей несколько столетий целенаправленной политики по лишению местного населения его культурной элиты, его религии, его языка, его системы образования, его культурной и этнической идентичности. Почти тотальная маргинализация населения Украины позволила в XX в. довершить процесс этноцида и создать конкретной политической партией новый народ «под себя», создать его на основе беспамятной и неграмотной «людской массы», остатки самосознания из которой выбивали и системой образования, и административным нажимом, и пропагандой, и концлагерями. Маргинализация населения позволила этому проекту утвердиться — произошёл отрыв от корней, народ дошёл до нужного для украинства состояния беспамятства.

Созданная ещё при самых началах этого процесса новая конфессия — униатство — идеально выражает собою эту маргинальную сущность. Гибрид двух ветвей христианства, признающий догматику Рима («душа с Запада») и обрядность с Востока, мог появиться только при полной потери связности обряда и догматики, при превращении его в формальность и забытии сущностных основ учения — то есть именно в среде пограничья, когда традиционная привязанность к конфессии предков начинает противоречить реальной культурной наполненности сознания, «западной душе» недополяка («недоляшка», если использовать местное словцо). И совершенно прав Л. Кучма, подписавшийся под тем, что «Греко-католическая церковь является истовой хранительницей и проводником украинства, церковью-мученицей за украинство»¹²⁰. Только такой плод по-

граничья и утери традиций может быть истинным проводником дальнейшей маргинализации (=украинизации), выражать сущность этого процесса и его самоцель. И поэтому же столь трудно уживается с украинской идеологией традиционное православие — оно чуждо украинству по духу, оно опасно для украинства, оно блокирует процесс маргинализации и не даёт человеку стать полноценным украинцем. В этом смысле вполне можно говорить о православно-украинском конфликте. Украинство — светское выражение униатства — идёт на смену русскости и православию и может сосуществовать с ними только в ситуации горячей или холодной войны.

Эта же черта украинства — обоснованность на маргинализованных массах населения, а не на местных традициях и истории, позволяет ему быть столь успешной интегрирующей идеологией на современной Украине. Ведь исторически экс-УССР не представляет собой обособленного единства ни в одном из аспектов. Культурных и исторических различий между Галицией и Слобожанщиной, Закарпатьем и Донбассом, Волинью и Новороссией гораздо больше, чем это возможно для современного унитарного государства. У всех этих земель был слишком разный опыт прошлого и слишком разное культурное развитие, чтобы стать частями унитарной политической системы. Единственное, что их ещё хоть как-то объединяет, — маргинальный характер украинской идеологии, её безразличие к историческим корням. Именно искусственность и антитрадиционность украинства позволила ему объединить их в один проект. Но и это объединение неполноценно — по мере восстановления культурной и региональной идентичности в среде населения Юго-Востока Украины последнее обретает всё более враждебную по отношению к украинству позицию.

Единственный пласт традиционной культуры, который активно актуализи-

¹²⁰ Там же. С. 484.

зирует украинство, постоянно ссылаясь на него и создавая через него видимость своей историчности, — это архаичная деревенская культура. В XIX в. деревня жила по большому счёту так же, как и сотни лет назад. Это тот пласт народной культуры, в котором меньше всего отразилась история, русское прошлое. А потому его легко использовать для любого национального проекта, лишь бы он был славянским. Кроме того, наследие деревенской культуры довольно нейтрально к христианской конфессии, ведь оно сохраняет главным образом ещё дохристианские формы культуры.

При всём при этом украинство не ограничивает себя рамками современной Украины. Н. Михновский выкидывал лозунг «Украины от Карпат до Кавказа», отец украинской географии С. Рудницкий в своей «Короткой географии Украины» (Киев, 1910) изображал будущую Украину на землях всей Южной России. Такие же карты, захватывающие Кавказ, приводил в своих работах М. Грушевский. А Кучма обвиняет Россию в том, что она забрала себе огромные «украинские земли», а также упоминает о том, что должны быть ещё выделены два украинских эксклава внутри России (здесь даже Уссурийский край оказывается вовлечённым, и ничего удивительного: в некоторых современных украинских картах значительные территории Сибири и Дальнего востока закрашены как «украинские этнические земли»). Но главная агрессия украинства не в этом, она в повсеместном отрицании русскости. Украинству есть место там, где есть ещё остатки русского самосознания и русской культуры. Также как и душе украинства — униатству («истинной Восточной церкви») — есть место везде, где присутствует «схизматическая Восточная церковь» — ведь «истинная» явилась именно на замену «отпавшей».

Русские корни украинства

Мы остановились на внешних причинах украинства — на действиях сил, заинтересованных в расчленении Руси и упразднении русской народности. Однако среди факторов, сыгравших решающую роль в становлении и победах украинства, есть и ещё несколько, которые можно назвать внутрирусскими. Именно при активной поддержке русских людей и сообществ украинская идея смогла взрасти на русской почве, полностью подчинив себе значительную её часть и продолжая развиваться дальше.

Первое и, возможно, главное: украинство — это западнический проект. Он порождён чисто русским явлением: стремлением стать частью Запада через отказ от своих корней. Как писал Н.С. Трубецкой, «большинство образованных русских совершенно не желали быть “самими собой”, а хотели быть “настоящими европейцами”, и за то, что Россия, несмотря на всё своё желание, всё-таки никак не могла стать настоящим европейским государством, многие из нас презирали свою “отсталую” родину»¹²¹. Интеллектуальная русофобия с XIX в. была и остаётся для нашего общества признаком человека трезво мыслящего, прогрессивно настроенного. Такой человек знает, в чём беды России, он знает, как сделать её «нормальной страной», т.е. как сделать её Западом. У него есть большой багаж моделей и принципов, он не похож на «мракобеса», вещающего об «особом пути России», копающегося в «непонятном и страшном» православии и отвергающего всё «прогрессивное и светлое». Такими были наши западники, либералы и социалисты, такими были большевики, такими были многие «антисоветчики»-диссиденты, таковы

¹²¹ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 83–84.

в значительной мере и наши современные либералы.

Однако, помимо русского самотрициания, идеологической формой которого является украинство, среди причин его становления есть и то явление, которое я бы назвал, используя терминологию Ленина, «великорусским шовинизмом». Это — убеждённость многих великорусов в том, что русское — это только то, что соответствует культурным образцам средне-русского быта, среднерусской народной культуры. Это именно то, против чего так восставали украинофилы. Если москвич или нижегородец встречается с образцами культуры, происходящими с юго-западных русских земель, но сильно отличающихся от привычных для него, он склонен отрицать их русскость. «Москаль» твёрдо убеждён, что русским может считаться только то, что соответствует его «среднерусским» образцам, и, сталкиваясь с отдалёнными региональными отличиями, заявляет: нет, вы — не русские! Слова М. Грушевского о том, что его землякам придётся отказаться от русского имени в пользу нового — украинского, потому что «москаль» под «русским» желают понимать только свои региональные особенности, имеют, к сожалению, свои неоспоримые основания. Этот же подход проявляется и в области истории: русская история пишется по «государственной» схеме Киевская Русь — Московская Русь — Империя Романовых, и всё западнорусское прошлое остаётся как бы её за бортом, как будто правом наделять земли и их население Русским именем имеет только Москва. Как писал В. Розанов: «центр украинофильства в великоруссофильстве»¹²². Высокомерный отказ наследникам западнорусской культуры в Русском

имени — сильнейший фактор уничтожения русского самосознания на территории Украины.

Удивительно ли, что оторванные от России куски Русского мира, осознав свою брошенность и русскую «неполноценность», захотели совершить рывок к Западу? Отречение от русского имени и принятие нового — украинского — здесь необходимая часть акта посвящения в новую жизнь, в новую сущность. А русофобия — это не столько нелюбовь к «москалям», сколько отвержение своего постылого прошлого, его связей, его комплексов, его имени. Тем более что к ней просто обязывает сама западная идентичность.

Этот «великорусский сепаратизм» является следствием слабости и самого русского самосознания. «Одни только великороссы отличаются каким-то параличом национальности»¹²³, — писал М.О. Меньшиков. Русское самосознание аморфно, оно не наполнено определёнными образами границ русскости и не склонно к русской консолидации. Это же является, очевидно, причиной того, что русские до сих пор не выработали адекватного ответа на украинский проект и так и не создали собственно русского национального проекта. «Мы до сих пор не сумели создать из всех племён, так или иначе теперь соединённых вместе в одно государство, *нации*, сознательного правового союза»¹²⁴, — писал И.А. Линниченко своему оппоненту М.С. Грушевскому именно по поводу украинского вопроса. *По сути, украинский проект по сей день является единственным национальным проектом для Юго-Западной Руси.* В русских, новообращённых в украинство,

¹²³ Меньшиков М.О. Великорусская партия // Там же. С. 29.

¹²⁴ Линниченко И.А. Малорусский вопрос и автономия Малороссии. Открытое письмо профессору М.С. Грушевскому // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола... С. 265.

¹²² Розанов В.В. Малороссы и великороссы (Новое время. 1902, 21 января. № 9297) // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост. С. Сергеев. М., 2004. С. 99.

заметна тоска по национальной идеологии, национальной жизни, национальной перспективе.

Невыработанность до сего дня русского национального проекта и соответствующей идеологии оставляет такого русского человека на Украине без выбора. При этом, становясь украинцем, русские подчас оказываются ещё более агрессивными к отверженной ими русскости, чем люди, выросшие в украинских «свідомих» семьях (вспомнить того же Д. Донцова, великоросса по происхождению, которого даже В. Липинский называл «Москалём»). И это же объясняет русскую апатию перед лицом украинского вызова. Украинский сепаратизм «возник и держится вот уже десятки лет по двум главным причинам: мы, русские, не даём ему надлежащего отпора, а он получает всемогущую поддержку извне, с вражьей стороны»¹²⁵. Нет идеологии отпора, нет признанного большинством общества общерусского проекта.

И здесь хочется особенно остановиться на этом «отпоре» с русской стороны. Он может идти по двум путям. Во-первых, как открытая борьба с украинством — именно такую стихийную форму он часто принимает в наши дни в среде русских Украины и озабоченных украинским вызовом русских в России. Однако думается, что такая контрагрессия обречена на форму бесильной злобы, так как не имеет достаточных собственных оснований. Другой путь — работа с самой русскостью, лечение «русской болезни» — расширение русского образа в общественном сознании, представлений о русской истории в её не только восточной, но и западной части, абсорбирование образцов малорусской культуры как части русской. Русскость надо расширять и диверсифицировать, чтобы она

¹²⁵ Бендасюк С.Ю. Историческое развитие украинского сепаратизма. Доклад, прочитанный 12 декабря 1938 г. в Секции русских студентов во Львове. Львов, 1939. С. 3.

смогла вобрать в себя то, что актуализировало украинство.

Осознать и признать русскость как более разнородную и разнообразную традицию — это обретение богатства полноценной этничности, это преодоление раскола Руси в русской культуре. Впрочем, оба этих подхода к «русскому отпору украинству» могут сочетаться, дополняя друг друга. Замечательно эту мысль выразил С.Ю. Бендасюк в своей лекции 1938 г. для львовских студентов: «Наша борьба с ним (украинским сепаратизмом. — О.Н.), одновременно и параллельно, может и должна вестись в двух направлениях или двояким образом: нашей русскостью и нашим ему противодействием, активным сопротивлением. Будучи сами русскими, пробуждая и укрепляя сознательность русскости в нашем народе, развивая русскую культуру на нашей родной земле, мы тем самым уже одолеваем и устраним украинский и всякий сепаратизм без всякой с ним полемики и споров»¹²⁶.

Ещё Н.В. Гоголем был предложен выход из тупика украинофильства: это освоение и развитие местной культурной специфики в общерусской культуре и на общерусском языке. И почти всё, что об Украине знают остальные русские, да и весь мир, они знают именно благодаря Гоголю. Он по сей день является примером высокой украинской русской культуры. Этот путь открыт и сейчас.

Восстановление полноценности ущербного ныне русского самосознания тем более необходимо, что наша культура является плодом развития всех частей Руси, а не только Московской. Наш русский литературный язык складывался на ранних своих этапах в Западной Руси, а влияние малороссийской культуры на московскую во второй половине XVII — XVIII в. было столь сильным, что есть и весьма обстоятельная теория о произошедшей в

¹²⁶ Там же. С. 4.

то время почти полной замене старой великорусской культуры на малорусскую. Наиболее чётко тезис о том, что «старая великорусская, московская культура при Петре умерла, та культура, которая со времён Петра живёт и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры», сформулирован в статьях Н.С. Трубецкого. «Эта единая русская культура послепетровского периода была западнорусской, украинской по своему происхождению, но русская государственность была по своему происхождению великорусской, а потому и центр культуры должен был переместиться из Украины в Великороссию. В результате и получилось, что эта культура стала ни специфически великорусской, ни специфически украинской, а *общерусской*»¹²⁷.

Эти выводы во многом подтверждают и филологические исследования. В «Истории русского литературного языка» Б.А. Успенский пишет о формах западнорусского литературного языка, появившихся в XVI в. и называвшихся тогда «простой мовой» (в противовес сакральному церковнославянскому языку): «Действительно, “проста мова” не оказала почти никакого влияния на современные украинский и белорусский литературные языки, не отразившись и на последующей языковой ситуации на территории Украины и Белоруссии. Однако на историю русского литературного языка “проста мова” как компонент югозападнорусской языковой ситуации оказала весьма существенное влияние»¹²⁸. Этому помогло то,

что большая часть церковных и культурных деятелей Великороссии конца XVII — начала XVIII в. были с Украины, а главное учебное заведение — московская Славяно-греко-латинская академия — была образована как своего рода филиал киевской и наполнялась первоначально её профессурой и выпускниками.

Я не стал бы полностью соглашаться с тезисом о «подмене» при Петре великорусской культуры малорусской, ведь элементы малорусской культуры всё равно попадали в местную культурную среду и контекст её идеологий. Однако несомненно то, что частичное воссоединение русских земель в середине XVII в. имело следствием преодоление локального вектора развития русской культуры и создание нового пласта подлинно общерусской культурной традиции. Эта укоренённость нашей культуры в западнорусской традиции, наравне с восточнорусской, обязывает нас к общерусской ретроспекции, к признанию как нашего права считать малорусскую и галицко-волынскую (как и белорусскую) традиции для нас своими, так и права различных русских земель на собственную русскость, своё местное своеобразие в общерусской культуре.

Хочу особенно оговориться, что не вижу панацей в преодолении украинства объединение всех древних русских земель вокруг Москвы. На протяжении уже очень долгого времени

польско-литовском государстве как язык судопроизводства. Этот язык, постепенно теряя функции делового языка, становится литературным языком в широком смысле, т.е. употребляется и вне деловых текстов. Став языком литературы (в том числе и конфессиональной литературы), этот язык подвергся нормированию (главным образом на основе орфографии и морфологии). Таким образом, “проста мова” представляет собой книжный (литературный) язык, возникший на основе делового государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси» (С. 68–69).

¹²⁷ Трубецкой Н.С. К украинской проблеме. С. 418.

¹²⁸ Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 86. «В основе “простой мовы” лежит актовый канцелярский язык Юго-Западной Руси, официально признанный в

Москва играла роль антирусского центра, главного проводника украинизаторской политики в Юго-Западной Руси. Нынешняя Западная Украина была преимущественно русской («русофильской») до тех пор, пока ни была присоединена к Москве. Закарпатье также было преимущественно русским, пока Москва не сочла его украинским. Москва осталась такой и сейчас. Как ни горько это признавать, но лучший способ украинизировать Юго-Восточную Украину — это присоединить её сейчас к Москве. Последняя обязательно сделает всё возможное и невозможное для обеспечения на этих землях максимальных преференций украинскому языку и носителей украинского самосознания, она пойдёт на такие меры, на которые не может решиться современный Киев, и уже через недолгое время мы получим на них мощный очаг русофобии и украинства.

Русскость — самоценна, она не есть и не должна быть лишь орудием в построении огромного государства. Я говорю о необходимости борьбы за русскость, а не за широкую государственность, которая при современных обстоятельствах может оказаться скорее губителем остатков Русского мира в западнорусских землях. Раскол Руси надо в первую очередь преодолевать именно в культуре, в самосознании. А важнейшим способом восстановления общерусского самосознания может быть целенаправленная политика по изменению господствующего дискурса идентичности, структуры русской идентификации.

При проведении переписи населения РФ 2002 г. было совершено такое нововведение в российскую «этническую процессуальность», как официальное признание возможности множественной идентичности по линии вертикальной групповой иерархии (суперэтнос — этнос — субэтнос). Такой тройственный подход к этничности встречается довольно часто, он же господствовал в обществен-

ной мысли России дореволюционного времени. Думается, что доведение до сознания граждан возможности тройной этносамоидентификации (суперэтнической — славянской, этнической — (обще)русской и субэтнической — великорусской, белорусской, малорусской, русинской, да и украинской, и т.д.) с упором на региональный компонент самосознания может принципиально изменить сам «дискурс национальности» в России, став основой для формирования новой этнополитической карты постсоветского пространства.

Это принципиально важно и для преодоления ситуации идентификационного вакуума на востоке и юге Украины (да и на многих других менее обширных пространствах), во многом связанного с введёнными в сознание ложными альтернативами типа «либо ты русский, либо украинец». Выведение этнических делений внутри Русского мира на «под-русский» уровень, способное примирить нерусские идентификации восточных славян с их русскими корнями и их русской историей (что даёт возможность сохранить те пласты культуры, которые связаны преимущественно уже с не-русской — или не-общерусской — самоидентификацией), позволило бы сберечь (а во многом и возродить) общерусское самосознание и выбить почву из-под идентификационных конфликтов, обильно возникающих среди восточных славян в последнее время. Для великороссов, кстати, вопрос о выборе между великорусским и русским самосознанием не стоит — они сопряжены. Другое дело — как донести до сознания великороссов ту простую истину, что не только они имеют право на имя Русское, и как донести до других русских, что их особая (новороссийская, малорусская, белорусская и т.д.) самоидентификация может никак не противоречить их русскости. Как их вернуть к тем краевым проектам, которые развивались на их землях в XIX в. и были

загублены украинством? Это дело информационной политики, школьных учебников и активности интеллектуальных кругов.

Однако всё это будет невозможно, пока русское общество не решится открыто заговорить об украинской проблеме. Фактически никакой серьёзной дискуссии в России по украинскому вопросу до сих пор не идёт. По отношению к украинству по-прежнему действуют советские нормы политкорректности: ни в коем случае не задеть «младшего брата», не затрагивать «болезненные темы» и ждать, пока «брат» переберется и образумится. Такая позиция основана на полнейшей безграмотности в украинском вопросе и при

этом является идеальным средством обезоруживания русского сознания перед украинским вызовом. Она же является проявлением весьма бестактного высокомерия, позволяя русскому человеку не замечать всех украинских обвинений в адрес его народа, лишь снисходительно улыбаясь в ответ. Это очень своеобразное понимание «братской любви». Между тем, каковы бы ни были успехи украинского проекта, русская идентичность является для нас, русских, самоценной, и отстаивать Русское имя, русский взгляд на историю и русское понимание современных процессов мы не только можем, но и должны.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Еґґаааёёиёиёау адоі і а «Њеіі а і у»
а пай і а аёёæаеёаа адоі у аіі оіеаао а пaaо еі еао
ааёёеі аі доііеі аі і ііеёаёу
Ааіеёёу Доі çаі і аа «І еі і ё, оі і а. 1915 аі а»

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1 500 разночтений с ее первым изданием.

«Мимолетное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:
8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

МАКСИМ ИВАШКИН

ЧЕШСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧ. XX ВЕКА

Отличительной особенностью чешских земель в Австрийской империи (Богемии, Моравии, Силезии) было совместное проживание двух народов — чешского и немецкого. В течение нескольких веков чехи занимали «положение между миром славянским и миром германским»¹. Исторически сложилось так, что немцы составляли едва ли не половину здешнего населения. Немцы, так же как и чехи, издавна проживали в этих землях. Оба народа считали себя «коренными».

Можно говорить о достаточно ярко выраженном региональном самосознании и особой билингвистической «богемской общности». Графом И. Туном было сформулировано кредо земского патриотизма — «ни чех, ни немец, а просто богемец». В среде аристократии, чиновничества, интеллигенции пользовалась тогда популярностью идея, что «Богемия должна принадлежать Богемцам». Примечательный факт: первая попытка отделить чешское население от немецкого была предпринята пражским городским советом лишь в 1869 году².

¹ Чехи и немцы (Из книги Иосифа Голечека «Поездка в Россию») // Русский вестник. 1902. № 9. С. 268.

² Павленко О.В. Концепция «нравственной политики» в чешском движении в XIX — начале XX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 60.

Языком деловой жизни долгое время оставался немецкий, а на чешском общение происходило в основном в крестьянской среде. Немцы видели себя носителем более высокой культуры, что долгое время позволяло им претендовать на большие права и привилегии. Рост национального самосознания чехов порождал конкуренцию двух народов во всех сферах общественно-политической и экономической жизни.

Для местных немцев предпочтительней оказывалось древнее название страны Богемия, обладавшее в первую очередь территориально-географическим смыслом. Поэтому они часто именовались не просто немцами, но *богемскими немцами*. Наоборот, для чехов по мере упрочения их национального самосознания все более приоритетным делалось понятие Чехия, поскольку в нем территориальная семантика сливалась с собственно этнической³.

Рост политической эмансипации чехов вызывал опасения среди немецкого населения. Чехи были весьма многочисленны, составляя в Богемии — 63,2% населения, в Моравии — 71,8%, в Силезии — 24,3%⁴, и в целом — почти

³ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 45.

⁴ Розповсюдження мов у межах Австро-Угорщини // <http://www.aus-ugr.narod.ru/16.html>

четверть населения Австрии⁵. Немцы боялись потерять ведущие позиции в политической и экономической жизни этих провинций. Поэтому попытки триализации монархии с выделением земель короны св. Вацлава были встречены немецкими жителями Богемии, Моравии и Силезии в штыки. Концепция «чешского государственного права» предполагала, прежде всего, выделение земель, населенных этническими чехами, с тем, чтобы получить национальную автономию, а не территориальную.

Несмотря на политическую неудачу чехов в попытке триализации империи несомненен был их прогресс во всех остальных областях. По уровню экономического развития Богемия и Моравия были в числе лидеров среди австрийских провинций. Важнейшим достижением чешской нации стало формирование системы национальной культуры, включавшей такие крупные общенациональные институты, как Национальный музей или Национальный театр.

Большое распространение получила тактика «малых дел», суть которой сводилась к тому, что «быть патриотом» — значит учиться, заниматься самообразованием, увеличивать свое материальное благополучие. За сравнительно небольшой отрезок времени в чешских городах были созданы физкультурные, хоровые, читательские общества, экономические товарищества⁶. Чешская национальная политическая культура стала распространяться через эти общественные организации, которые явились шко-

лами гражданственности и политическими клубами, играя ведущую роль в национальном движении⁷. Для членов этих организаций было правилом разговаривать друг с другом по-чешски. Исключенные из политической борьбы чехи в этих неполитических организациях получали «навыки, которые также могли быть применены в политической деятельности»⁸.

Все эти достижения чехов делали обоснованными их претензии на значимые роли и в политической жизни империи. В начале 1870-х гг. в знак протеста против дуализма и игнорирования императором их национальных прав они выбрали тактику пассивной оппозиции. Чешские депутаты ушли из рейхсрата и сеймов Богемии и Моравии. В течение нескольких лет чехи пытались добиваться своих целей «с помощью жесткого обструкционизма, то есть приостановления деятельности имперского совета или ландтага отсутствием своих депутатов. Также стихийные массовые демонстрации помогали достигать им отдельных экономических и социально-политических уступок, но не ожидаемой национальной автономии»⁹.

⁷ Judson P.M., Rozenblit M.L., eds. Constructing Nationalities in East Central Europe. Oxford: Berghahn Books, 2005 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=13691>

⁸ Rumpler H., Urbanitsch P., eds. Die Habsburgermonarchie, 1848–1918; volume 8, Politische Oeffentlichkeit und Zivilgesellschaft; part 1, Vereine, Parteien und Interessenverbaede als Traeger der politischen Partizipation; part 2, Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung. Vienna: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=14534>

⁹ Hermann J.W. Kuprian. An der Schwelle zum 20. Jahrhundert – Staat und Gesellschaft vor dem Ersten Weltkrieg // Österreich im 20. Jahrhundert: in 2 Bd. / Hrsg. R.Steiniger, M.Gehler. Bd. 1. Von der Monarchie bis zum Zweiten Weltkrieg. Wien, 1997. S. 37.

⁵ Воронежский областной краеведческий музей. Ф. 8185. Записки по в. статистике Австро-Венгрии А. Снесарева. С. 55–56.

⁶ Павленко О.В. Мифологизация образа национального героя в чешском политическом движении XIX — начала XX в. // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. III. Москва–Ставрополь, 2007. С. 49.

В октябре 1873 г. прошли выборы в рейхсрат по новому избирательному закону. Теперь его депутатов избирали не в земельных сеймах, а путем прямых выборов. Однако 33 депутата от Богемии из числа старочехов, младочехов и представителей исторического дворянства отказались занять свои депутатские места, а в ответ на повторное приглашение направили в Вену письмо, в котором заявили, что придут лишь в случае признания особого государственно-правового статуса земель чешской короны. В ответ они были лишены своих мандатов. Моравские деятели заняли компромиссную позицию, мотивируя свое отсутствие занятостью¹⁰.

Отказ императора от политического компромисса был болезненно воспринят чешскими политическими и общественными деятелями, что стало решающим фактором в расколе Национальной партии на «старочехов» и «младочехов». Это произошло в 1874 г. на съезде в Праге. Младочехи высказались за прекращение забастовки, поскольку они лишались таких важных арен политической борьбы как сейм и рейхсрат.

Младочехи дополняли требование чешского исторического государственного права либерально-демократической программой. Также они выступали с культурной программой, важными пунктами которой было равноправие чешского языка с немецким в государственных и административных органах и образовании и улучшение народного образования.

***

Толчком для возобновления активной чешской политики стали события в Моравии, где еще в ноябре 1873 г. чешские депутаты приняли участие в работе краевого сейма, а в январе

1874 г. вошли в австрийский рейхсрат. В 1874 г. семь младочехов, возглавляемых А. Трояном, вернулись в богемский сейм. После выборов 1877 г. их представительство выросло до десяти¹¹. В 1878 г. туда вернулись и остальные чешские депутаты под давлением своих избирателей, считавших дальнейшее уклонение бесцельным и вредным. В 1879 г. чешские депутаты вернулись и в рейхсрат, после чего в истории Чехии начинается период правительственных уступок и быстрых успехов чешского дела¹². Чешские требования, касавшиеся языкового равноправия в администрации, учреждениях, судах, Пражском университете, средних школах и профессиональных училищах, их равномерном распределении у чехов и немцев, были представлены как 4 Меморандума императору от 17 ноября 1879 года¹³.

Важным прецедентом стало назначение в правительство моравского адвоката, старочеха доктора А. Пражака как министра без портфеля, в 1881–1889 г. возглавлявшего министерство юстиции. Это кадровое решение подготавливало вхождение чехов в рейхсрат, так как они теперь имели министра земляка¹⁴. В рейхсрате обе чешские буржуазные партии в союзе с «историческим дворянством» образовали Чешский клуб, в который вошли 54 депутата¹⁵.

В 1880 г. прошла перепись населения империи. В бланки опросников

¹¹ История Чехословакии. Т. II. М., 1959. С. 103.

¹² Кареев Н. История Западной Европы в Новое время. Т. VI. Последняя треть XIX в. СПб., 1909. С. 377.

¹³ Потова И. В. Культурная политика австрийских властей в чешских землях. Последняя треть XIX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 48.

¹⁴ Hantsch H. Die Geschichte Österreichs 1648–1918. Bd. 2. Graz–Wien–Köln. 1953. S. 439.

¹⁵ Краткая история Чехословакии... С. 232.

¹⁰ Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 231.

был включен пункт о «языке обиходного использования», без указания «национальности»¹⁶. В сводных статистических данных указывалось деление населения по языкам, а не по национальностям. Это стало одной из причин, усиливших внимание национальных элементов к языку: «язык стал символом... наций, формирование которых сопровождалось ростом их национального самосознания независимо от социального расслоения и государственных границ»¹⁷. Поэтому во всей Австрии национальная борьба стала вестись преимущественно «за употребление языка в законодательных органах, в управлении, в суде, в школе»¹⁸. В Богемии и Моравии эта борьба проходила особенно остро, поскольку здесь имелось две сильные национальные общности — чешская и немецкая. Активисты национальных движений рассматривали «языковую борьбу как попытку укрепить местную гегемонию одной нации»¹⁹ и получить политическое преобладание в провинции.

В апреле 1880 г. для Богемии и Моравии правительство провело законы о языках, получившие наименование законов Тааффе–Штремайера. В этих землях во внешнем дело- и судопроизводстве наряду с немецким вводился еще и чешский язык. Судебным и административным учреждениям предписывалось применять во внешнем делопроизводстве немецкий или чешский язык в зависимости от того, на каком языке составлено обращение обывателя. В то же время внутренним языком

всех государственных учреждений продолжал оставаться немецкий²⁰. Спустя два года подобный закон был принят и в отношении Силезии. Это было значительной победой чехов, так как закон обязывал чиновников, работающих с обращениями граждан, знать чешский язык. Поскольку чехи знали, как правило, два языка, а немцы — обычно только немецкий, то при рассмотрении кандидатур на замещение ряда вакансий чехи получали преимущество. Это способствовало росту количества чиновников среди чехов.

Острота языкового вопроса в провинциях привела «к развитию параллельных систем среднего и высшего образования с обучением на чешском и немецком языке»²¹. Для чешской нации особую значимость имел вопрос о статусе Карлового университета в Праге, имевшего давнюю историю и богатые традиции, который имел преимущественно немецкий характер. На тот момент в Пражском университете «на чешском языке преподавались только очень немногие предметы, как например, славянская филология, австрийская история (нем. и чеш.), археология (нем. и чеш.), гражданское право и др.»²². Из 187 лекционных курсов всего 22 читались по-чешски²³. С появлением чешских депутатов в австрийском рейхсрате ими стал подниматься вопрос о языке преподавания в Карло-

²⁰ Taaffe–Stremayrsche Sprachenverordnung 1880 // Das Nationalitätenproblem in Österreich 1848–1918. Historische Texte. Neuzzeit. Göttingen. 1973. S. 59–61.

²¹ Zabra T. Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands 1900–1948. Ithaca: Cornell University Press, 2008 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25292>

²² Ч. Письмо из Праги. Пражский университет // Русская мысль. 1883. Кн. 10. Отд. 1. С. 136.

²³ University of Prague. Catholic Encyclopedia // <http://www.newadvent.org/cathen/12342a.htm>

¹⁶ Judson P.M. Guardians of the Nation: Activists on the language frontiers of imperial Austria. Cambridge: Harvard University Press, 2006 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=14036>

¹⁷ Плашка Р. Указ. соч. С. 142.

¹⁸ Глебов А. Борьба за национальную школу в Австрии // Русская мысль. 1912. Кн. 8. Отд. 2. С. 62.

¹⁹ Judson P.M. Guardians of the Nation...

вом университете.

Первоначально планировалось ввести такую систему, при которой «каждый предмет преподавался бы, по крайней мере, двумя профессорами, чешским и немецким; таким образом, сохранилось бы единство университета при одном ректоре и совете при двух корпорациях факультетов — чешских и немецких профессоров»²⁴. Резко против такого предложения выступили немецкие депутаты. Причина этого протеста была вызвана отнюдь не политическими мотивами. Дело было в том, что структура оплаты труда профессором включала в себя кроме официального жалования также и оплату студентов за посещение занятий, размер которой часто превышал официальную заработную плату. Поскольку большая часть профессорско-преподавательского состава была немцами, они опасались снижения своих доходов вследствие того, что чешские студенты будут посещать лекции чешских профессоров.

Немецкие депутаты не возражали против образования чешского вуза, но не хотели преобразования Карлового университета, так как он был основан по инициативе немецкой общины Чехии и был первым немецким университетом вообще. Поэтому группа немецких централистов с доктором Унгером во главе выработала законопроект об учреждении особого чешского университета²⁵, чтобы оставить немецкий характер Карлового университета. Однако этот законопроект был отклонен большинством рейхсрата.

10 апреля 1881 г. последовал циркуляр императора о преобразовании Пражского университета, и 31 мая этот законопроект был принят большинством рейхсрата²⁶. Университет

был разделен на два отделения — чешское и немецкое, каждое из которых имело своего ректора, совет и канцелярию. Обе части стали правопреемниками старого Карлового университета²⁷. В таком виде университет просуществовал до 1939 г. Чешский университет начал работу в 1882/83 учебном году. В нем были организованы два факультета — философский и юридический, а еще через год и медицинский. Три факультета было и в немецком университете.

В Пражском университете кроме чешских студентов получали образование представители других славянских народов. Они организовывали свои кружки: польский, хорватский, словенский, болгарский²⁸. Уже в первый год работы число студентов оказалось свыше 1 тысячи. По свидетельству Э. Реклю, Пражский университет занимал второе место в империи по числу студентов после Венского и имел богатейшую коллекцию литературы по истории и культуре славянства²⁹. В последующие десятилетия чешское отделение университета развивалось более динамично, нежели немецкое.

Также давали образование на чешском языке два Технических института, собственная чешская Академия наук и большое количество чешских народных и средних школ, вступавших в жизнь³⁰: к 1880 г. чешскими были 55% народных школ³¹. Среди гимназий и реальных училищ в это время чехи имели большинство только в Богемии, а в Моравии и Силезии большинство сред-

²⁷ Ч. Письмо из Праги. Пражский университет... 1. С. 142.

²⁸ Там же. С. 145.

²⁹ Реклю Э. Народы и страны Западной Европы. Т. V. Австро-Венгрия. М., 1915. С. 119.

³⁰ Hantsch H. Die Geschichte Österreichs 1648–1918. Bd. 2. Graz–Wien–Köln. 1953. S. 442.

³¹ Чешская нация на заключительном этапе формирования 1850 г. — начало 1870-х годов XIX в. / Отв. ред. В.И. Фрейдзон. М., 1989. С. 127.

²⁴ Ч. Письмо из Праги. Пражский университет... С. 137.

²⁵ З-д. Письмо из Вены // Русская мысль. 1882. Кн. 3. Отд. 2. С. 81.

²⁶ Там же. С. 80.

них школ были немецкими. Однако по общему количеству гимназий и реальных училищ в трех землях чехии приближались к паритету. В последующие годы число чешских школ неуклонно росло. Организация подобных народных школ играла большую роль в национально-политической борьбе в многоязычных провинциях³².

В 1882 г. было удовлетворено пожелание чехов о реформировании процедуры выборов в богемский ландтаг, и уже в 1883 г. чешские депутаты впервые получили в нем большинство³³.

Чехи также имели значительное влияние и в столице империи Вене, о которой тогда в шутку говорили как о самом большом чешском городе. В 1890 г. там проживало 64 тыс. чехов, что составляло 5,4% населения Вены, в 1900 г. их стало 106 тыс. и в 1910 г. — 98,5 тысяч³⁴. В столице они открывали свои национальные школы, в Вене имелись чешские банки, ежедневные и еженедельные газеты на чешском языке³⁵. Чехи добились избрания своих представителей в городской магистрат. А в Венском университете чешские студенты составляли шестую часть от общего количества всех учащихся³⁶.

***

Быстрый рост чешского влияния во всех сферах Богемского и Моравского общества вызвал активизацию немецких национальных элементов. Противостояние немецких и чешских националистов, главным образом из числа интеллигенции, часто вовлекало

в борьбу и политически индифферентные группы населения³⁷. К последним относилось сельское население, для которого зачастую самоидентификация в качестве чехов либо немцев была не столь принципиальна. Они предпочитали себя идентифицировать в большей степени с профессией, областью проживания или религией. Поэтому зачастую бывало, что жители, указавшие немецкий язык в качестве обычного в одной переписи населения, в следующей уже указывали чешский. Обыватели могли выбирать для себя ту сторону, которая предлагала им большие выгоды в области образования, работы и т.п.³⁸.

Австрийское правительство Э. Тааффе, проводившее политику примирения национальностей и пытавшееся установить паритет в отношениях между славянами и немцами, в 1890 г. пыталось урегулировать чешско-немецкие отношения³⁹. Тааффе посадил за стол переговоров в Вене чешских и немецких политиков и добился соглашения сторон — так называемых «пунктуаций». Их суть состояла в создании в провинциальных органах власти двух секций: чешской и немецкой. Пунктуации отменяли принцип обязательного знания чиновниками чешского языка в немецких округах, но оставили в силе обязательное знание чиновниками в чешских округах немецкого языка⁴⁰. Однако эта мера не способствовала стабилизации ситуации. Пунктуации вызвали волну возмущения в чешском

³² Judson P. M. Guardians of the Nation...

³³ История южных и западных славян: В 2 т. Т. 1. Новое время. М., 2001. С. 623–624.

³⁴ Hofrat Dr. Anton Adalbert Klein. Die Folgen des österreichisch-ungarischen Ausgleichs in kultureller Hinsicht aus österreichischer Sicht // Historisches Geschehen im Spiegel der Gegenwart. Österreich-Ungarn 1867–1967. Wien, 1967. S. 201.

³⁵ Csendes P. Geschichte Wiens. Wien, 1990. S. 130.

³⁶ Плашка P. Указ. соч. С. 141.

³⁷ Zabra T. Kidnapped Souls: National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands 1900–1948. Ithaca: Cornell University Press, 2008 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25292>

³⁸ Judson P. M. Guardians of the Nation...

³⁹ Hantsch H. Die Geschichte Österreichs 1648–1918. Bd. 2. Graz–Wien–Köln, 1953. S. 458.

⁴⁰ Полтавский М. А. История Австрии: пути государственного и национального развития: В 2 ч. М., 1992. Ч. 2. От революции 1848 г. до революции 1918–1919 гг. М., 1992. С. 119.

обществе. Сейм отказался их утвердить. Правительству пришлось отказаться от этого законопроекта⁴¹.

Тем временем противостояние чехов и немцев стало принимать еще одну форму — так называемую «войну статуй». И немцы, и чехи на территориях провинций стали создавать национальные места и символы с претензией на все культурное пространство Богемии и Моравии. Возведение памятников Иосифу II немцами и Яну Гусу чехами был центральным элементом этого процесса⁴². Попытки немецких сообществ бойкотировать чешское пиво также являлись формой политической борьбы. Обе группы стремились предъявить права на общественные места через формирование национализированного пейзажа. Устанавливая статуи, вешая флаги, организуя фестивали, проводя акции и строя различные здания, чешские и немецкие организации отмечали эти общественные места и городские кварталы как свои национальные⁴³. Основной целью этого процесса было вовлечение индифферентных групп населения в процесс национального строительства.

Политическая борьба между чехами и немцами в Богемии, Моравии и в меньшей степени — в Силезии в последние три десятилетия XIX в. постоянно находилась в центре внимания австрийского правительства. Быстрый

рост национального самосознания чехов порождал у них стремление к политической эмансипации, что вызывало «защитную реакцию» у многочисленного немецкого населения, защищавшего свою культурную и языковую территорию⁴⁴. Ни одна из наций не могла ни победить, ни уступить. Описывая сложность национального вопроса в чешских землях, Т. Масарик отмечал: «Богемия — весьма уникальный пример смешанной страны; ни в одной из стран две национальности не являются столь смешанными и переплетенными, как в Богемии»⁴⁵, этнографическая граница практически отсутствует, «в очень многих местах и почти во всех городах есть немецкие меньшинства»⁴⁶, в то же время в Силезии «большинство — поляки и немцы»⁴⁷. В конце XIX — начале XX в. конкуренция между немцами и чехами вылилась в самые разнообразные формы национально-политической борьбы, которая грозила перейти в открытое столкновение и массовые беспорядки. В 90-е годы обстановка обострилась настолько, что в ряде городов Чехии и Моравии власти несколько раз вводили чрезвычайное положение⁴⁸. Венское правительство вынуждено было искать новые пути чешско-немецкого компромисса.

В апреле 1897 г. правительство К. Бадени издало «языковые законы» для Богемии и Моравии. Чешский язык, наряду с немецким, вводился во внутреннее дело- и судопроизводство. Чиновники должны были знать два языка — немецкий и чешский — и

⁴¹ *Попова И.В.* Культурная политика австрийских властей в чешских землях. Последняя треть XIX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 50.

⁴² *Judson P.M., Rozenblit M.L., eds.* Constructing Nationalities in East Central Europe. Oxford: Berghahn Books, 2005 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=13691>

⁴³ *Wingfield N.M.* Flag Wars and Stone Saints: How the Bohemian Lands Became Czech. Cambridge: Harvard University Press, 2007 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=15754>

⁴⁴ *Judson P.M.* Guardians of the Nation...

⁴⁵ *Masaryk T.* Independent Bohemia (Confidential Memorandum of April 1915) // <http://www.h-net.org/~habsweb/sourcetexts/masaryk2.htm>. P. 128.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ *Шимов Я.В.* Как погибал «Советский Союз Центральной Европы» // <http://www.globalaffairs.ru/articles/5990.html>

сдавать соответствующие экзамены⁴⁹. На практике это означало для немецкого чиновничества Богемии и Моравии принуждение к изучению чешского языка, в то время как большая часть чешского чиновничества владела и без того немецким языком⁵⁰.

Бадени явно недооценил взрывную силу «языковых законов» в Богемии⁵¹. Их издание вызвало резкую активизацию немецкого национализма не только в Богемии, но и по всей Австрии. Бурные демонстрации протеста против правительства прошли во многих крупных городах. Требовали отставки Бадени и отмены языковых распоряжений⁵². Прошли столкновения между этнически разнородными группами, а также между демонстрантами и силами правопорядка. Празднование 550-летия Пражского университета вылилось в драку между чешскими и немецкими студентами⁵³. Немецкие области Богемии, Прага, Вена и Грац стали местами самых больших беспорядков; резолюции и протестные письма завалили правительство, сам министр-президент дрался на дуэли с радикальным немецким депутатом Карлом Германом Вольфом и был ранен⁵⁴.

Русский посол в Вене П. Капнист в донесении русскому министру иностранных дел М. Муравьеву, характеризуя сложившуюся ситуацию в Ав-

стрии, писал, что «враждующие партии вовсе не ищут и не желают примирения или практической сделки, а напротив того, стремятся к борьбе до последней крайности»⁵⁵. Причем «регламент о языках в Богемии был лишь поводом к обострению этой борьбы... Она коснулась самого принципа, на котором зиждился прежний строй в Австрии, а именно преобладания немецкого элемента»⁵⁶. Крупный землевладелец из Тироля Карл фон Грабмайр, придерживавшийся умеренно-либеральных взглядов, говоря о причинах беспорядков, отмечал: «Языковые распоряжения стали неудачной попыткой решить богемский языковой вопрос односторонним правительственным мероприятием. Однако языковой вопрос — это лишь одна из составных частей тех разнообразных споров между двумя богемскими народами»⁵⁷.

***

«Эра Бадени» конца 1890-х гг. была временем резкого обострения чешско-немецкого конфликта в общественной жизни. Раскол между чехами и немцами углубился, поскольку национальный антагонизм перешел в неполитическую сферу повседневной жизни⁵⁸. Сюда оказалась вовлечена даже австро-венгерская армия: на перекличке в строю солдаты-чехи отвечали не по-немецки, а по-чешски⁵⁹.

Правительство, желая исправить

⁴⁹ *Ратнер Н.Д.* Отношение пангерманского союза к борьбе вокруг указов о языках в Австрии в 1897–1899 гг. // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 121–122.

⁵⁰ *Hermann J.W. Kuprian.* Op. cit. S. 38.

⁵¹ *Mommsen H.* Arbeiterbewegung und nationale Frage. Göttingen, 1979. S. 162.

⁵² *Görlich E.J., Romanik F.* Geschichte Österreichs. Innsbruck. Wien. München, 1970. S. 453.

⁵³ *Джонстон У.* Австрийский Ренессанс: интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. / Пер. с англ. М., 2004. С. 402.

⁵⁴ *Hermann J.W. Kuprian.* Op. cit. S. 39.

⁵⁵ *Ратнер Н.Д.* Обострение антиславянской политики немецких националистов Австрии в 1897 г. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 130.

⁵⁶ Там же. С. 130.

⁵⁷ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs 1648–1918. Bd. 2. Graz–Wien–Köln, 1953. S. 469.

⁵⁸ *Kren J.* Die Konfliktgemeinschaft: Tschechen und Deutsche, 1780–1918. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1996 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=1041>

⁵⁹ *Полтавский М.А.* Указ. соч. С. 121.

ситуацию, пыталось видоизменить законы. В начале 1898 г. новый министр-президент Гауч внес в них коррективы. Были введены национальные округа — чешские, немецкие и смешанные. Языком внутреннего дело- и судопроизводства становился язык, на котором говорило большинство населения данного округа. Однако это решение не удовлетворило ни немцев, ни чехов. В результате, в конце 1899 г. языковые распоряжения Бадени-Гауча были отменены⁶⁰. Чешские депутаты рейхсрата прибегли к политике обструкции, однако после выборов 1901 г. прекратили ее. Они снова начали переговоры с правительством, добиваясь уступок. Было проведено несколько конференций. Однако до конца 1904 г. конкретных результатов не было достигнуто⁶¹.

Правительство предприняло еще несколько попыток компромисса. 27 ноября 1905 г. между немцами и чехами Моравии был достигнут так называемый «Моравский аусгляйх» Он состоял из четырех законов и распространялся на три обширные сферы: во-первых, он определял язык делопроизводства в учреждениях; во-вторых, реорганизовывал школьную систему по национальному принципу; в-третьих, вносил изменения в избирательную систему, учреждая национальные курии, а также реформировал как земельное устройство, так и устройство ландтага⁶².

Национальные пропорции между чехами и немцами стали основой для важнейшей сферы краевой администрации. Земельная система подверг-

лась реорганизации: теперь чиновники, служащие, учителя в местных учреждениях занимали должности исключительно по национальному и языковому принципу. Во всех сферах земельного управления были введены национальные курии. Моравия разделилась на округа, в которых пересчитывали этнический состав населения⁶³.

В ландтаге к социальным куриям добавились национальные. Таким образом, из 151 депутатского мандата 113 распределялось по национальным куриям: 73 — чехам, 40 — немцам⁶⁴. Принцип национальных пропорций был положен также в основу работы ландтага. Ландтаг делился на две секции — чешскую и немецкую, каждая из которых была автономной⁶⁵.

Это несколько сняло остроту национального вопроса в провинции. Для Богемии в 1911 г. правительство предлагало похожий вариант компромисса. Согласно проекту закона официальным языком в каждом районе Богемии должен был быть тот, на котором говорит большинство населения; одновременно каждому гражданину предоставлялось право в пределах всего королевства подавать заявления и требовать ответов на родном языке. Однако компромисс не был достигнут.

Несмотря на сложность внутриполитического положения в чешских провинциях Австрии, чехи вплоть до 1916 г. в большинстве своем продолжали придерживаться лояльности по отношению к Габсбургам. Об этом говорили все их национальные лидеры. Так, Т. Масарик в конце 1890-х гг. заявлял, что «для национального существования и развития нет необходимости в государственной самостоятельности, поскольку решающим

⁶⁰ *Ратнер Н.Д.* Отношение пангерманского союза к борьбе вокруг указов о языках в Австрии в 1897–1899 гг. // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 122–124.

⁶¹ История Чехословакии. Т. II. М., 1959. С. 181.

⁶² Die Habsburgermonarchie. 1848–1918... S. 1171.

⁶³ Ibid. S. 1181–1182.

⁶⁴ Ibid. S. 1181.

⁶⁵ *Görlich E.J.* Grundzüge der Geschichte der Habsburgermonarchie Österreichs. Darmstadt, 1970. S. 238.

является моральное и культурное усовершенствование чешского народа»⁶⁶. Не изменилась его позиция по этому вопросу и перед войной. На съезде чешской народной партии в 1913 г. в своем выступлении он отметил: «Если немец может быть австрийцем, то почему австрийцем не мог быть славянин, хотя бы серб. Все мы хотим равенства и равноправия, все хотим свободы в Австрии, и нет причины в ближайшем будущем желать выйти из состава Австрии»⁶⁷.

Лишь в апреле 1915 г. Масарик передает министру иностранных дел Великобритании Э. Грею написанный им меморандум «Независимая Богемия» — проект создания независимого Чешского государства⁶⁸, которое должно было включать Богемию, Моравию, Силезию, а также словацкие районы Северной Венгрии. В меморандуме отмечалось, что в новом государстве будут сохранены национальные меньшинства — немцы, поляки, словаки, венгры⁶⁹. В то же время автор не дает ответа, за счет чего будет решена проблема национальных меньшинств и каким будет их статус.

В ноябре 1915 г. образовался Чешский заграничный комитет (с мая 1916 года — Чехо-Словацкий национальный совет), председателем которого был избран Масарик. Целью комитета было провозглашено создание независимого Чешского государства. В Богемии тем временем возникла подпольная организация «Мафия», также выступавшая за независимость Чехии⁷⁰. Важное место в деятельно-

сти Чехо-Словацкого национального совета заняло создание чешских воинских частей из солдат и офицеров армии Австро-Венгрии, попавших в плен. Только в России пленных чехов находилось около 350 тыс. чел. Число чехов-добровольцев, согласившихся воевать на стороне Антанты, составило: во Франции — 1,6 тыс., в Италии — 1 тыс., в Сербии — 5 тыс. и в России — 50 тыс. человек⁷¹.

В то же время в самой Чехии подавляющее большинство общественно-политических деятелей по-прежнему придерживались позиции лояльности Габсбургам и поддержке правительства в борьбе против блока Антанты. При этом чехи выдвигали требование федерализации империи и объединения чешских земель в одно государственное образование с предоставлением ему таких же прав, как и Венгрии. Это нашло отражение в меморандуме 102-х чешских депутатов рейхсрата от 19 ноября 1916 года⁷².

***

Чешский вопрос в Австро-Венгрии последней трети XIX — начала XX в. являлся постоянной головной болью для венского правительства. Чехи, являясь наиболее развитой нацией среди австрийских славян, выступали с идеями федерализации монархии и выделения «земель Чешской короны». Во второй половине XIX в. чехи сделали мощный рывок в области национальной культуры и образования. На первый план выдвигается вопрос о статусе чешского языка. Однако чешские национальные требования вступали в конфликт с интересами многочисленного немецкого населения, которое также являлось коренным в этих землях. Следствием этого стала острая политическая борьба между двумя круп-

⁶⁶ История Чехословакии. Т. II. М., 1959. С. 179.

⁶⁷ Там же. С. 208.

⁶⁸ *Masaryk T. Independent Bohemia (Confidential Memorandum of April 1915)* // <http://www.h-net.org/~habsweb/sourcetexts/masaryk1.htm> P. 117.

⁶⁹ Ibid. P. 128.

⁷⁰ *Малевиц О.М.* Тамаш Гарриг Масарик // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 62–63.

⁷¹ *Крючков И.В.* Венгрия и славянский мир в последней трети XIX–XX в. Ставрополь, 2001. С. 225.

⁷² Там же. С. 226.

нейшими национальными общинами Богемии, Моравии и Силезии, подчас переходившая с парламентских трибун и газетных полос на бытовой уровень. При этом ни одна из сторон не шла на компромиссы.

По поводу таких конфликтов очень меткое замечание сделал Ф. Бойст: «Никакая Конституция не может долго существовать, если каждая часть государства... не может действовать в гармонии с соседом»⁷³. Наиболее показательны здесь языковой кризис конца 1890-х гг., породивший большинство проблем, «которые приведут к крушению монархии. Однако их измерение тогда еще не достигло критической

отметки»⁷⁴. Чешское общество оказалось расколотым в своем отношении к войне: активную деятельность по достижению независимости проводила чешская иммиграция, большое количество чехов сдалось в русский плен, седьмая их часть добровольно воевала на стороне Антанты, тем не менее внутри страны большая часть чешского общества практически до конца монархии оставалась на прогабсбургских позициях. Но иностранная (прежде всего американская) поддержка усилий Т. Масарика сделала возможным создание независимого Чехословацкого государства.

⁷³ Modern History Sourcebook: Count von Beust: Memoirs of the Ausgleich, 1867 // <http://www.fordham.edu/halsall/mod/1867beust.html>

⁷⁴ Kren J. Die Konfliktgemeinschaft: Tschechen und Deutsche, 1780–1918. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1996 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=1041>

Фонд Поддержки и Развития Гражданского Общества «РОД» представляет

ДІ ПÒЕЊЕАА АІ ОІ І І А І ДЕІ І ДЊЕЕА І АДДЕСАІ О: І АОАІ О Њ ЕЕДІ АЕЕ

Документальное расследование Ростислава Антонова посвящено одному из самых громких и неоднозначных уголовных дел последних месяцев — истории «приморских партизан».

Что заставило нескольких молодых людей с оружием в руках выйти на тропу «войны с ментами»? Каковы истинные обстоятельства их недолгого взлета и кровавого поражения? Наконец, что происходит с ними сейчас? Ведь «дело приморских партизан» еще далеко не закончено...

Книга готовится к печати.

Заявки на приобретение книги «Приморские партизаны: пацаны с Кировки» можно направлять по адресу: nat.holmogorova@gmail.com

ПАВЕЛ ШЛЬКОВ

ТУРЕЦКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В XX ВЕКЕ: ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Существует множество различных теорий и научных концепций, объясняющих феномен национализма¹. В контексте турецкой истории его можно определить как идеологию и политическое движение, нацеленное на объединение и сплочение нации (вне зависимости от конкретного наполнения этого понятия) на основе провозглашаемой общей культуры.

Временем наступательного проникновения идей национализма в Османскую империю, власти которой стремились поставить его на службу государственным интересам, стал XIX в. — период, когда Османское государство и общество встали на путь политической и социально-экономической модернизации. Первоначально Танзиматские реформы

1839–1876 гг., предвестником которых стало упразднение янычарского корпуса в 1826 г., были направлены на отказ от прежнего «конфессионального» принципа классификации и определения подданных османского государства (на котором строилась и функционировала система миллетов²) в пользу «гражданского», призванного объединить всех вне зависимости от вероисповедания на основе лояльности правящей династии Османов. Однако идеологическая доктрина «османизма», разработанная «новыми османами» в лице Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля и др., и концепт «османского гражданства» были приняты в штыки как правящей мусульманской элитой, так и христианским населением, которое к тому времени было уже во власти идей этнического национализма.

Неприятие нового «национального проекта» и очевидная угроза раскола

¹ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 2005; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 146–200; *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 201–235; *Smith, Anthony D.* Nationalism and Modernism a Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. L.; N.Y., 1998; *Smith, Anthony D.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Malden, Mass., 2001; *Kedourie, Elie.* Nationalism. L., 1966.

² Миллет (от араб. *милля*) — конфессиональная община, группа людей одной веры, имеющая автономные административные учреждения (суды, школы, больницы и т.д.), расположенные в специально отведенном для этого квартале города. В XV–XX вв. система миллетов получила широкое распространение в Османской империи для классификации населявших ее народов по религиозному признаку. Отличительная черта системы миллетов состояла в том, что сами по себе миллеты никак не привязывались к определенной территории.

османского общества подтолкнули Абдулхамида II (1725–1789) вновь обратиться к исламу как элементу, объединяющему большинство подданных империи (об этом свидетельствуют высказывания высших сановников Порты во второй половине XIX в., для которых характерен был акцент на роль султана-халифа для Османской империи и мусульманского мира в целом)³. Между тем, несмотря на определенный положительный эффект, подобная политика сама по себе явно была неспособна предотвратить продолжающийся распад Османского государства и распространение идей этнического национализма на подконтрольных территориях, особенно с преимущественно немусульманским населением.

Рост национализма, который обычно происходит параллельно с проникновением в страну иностранного капитала и процессом включения государства в мировую капиталистическую систему, в Османской империи имел ряд интересных особенностей. Так, «открытие» османской экономики и социально-экономические реформы Танзимата, предоставившие возможность коммерсантам из числа немусульман получать значительные прибыли от своей экономической деятельности, привели к тому, что во второй половине XIX в. большое число греков, нацеленных на получение этих выгод, мигрировало в Османскую империю из получившей в 1830 г. независимость, но крайне бедной Греции. Более того, наплыв мигрантов из Греции в середине XIX в. оказался столь внушительным, что греческое население стало доминировать в Западной Анатолии, особенно в эгейском регионе⁴.

³ См.: *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. М., 1985.

⁴ См.: *Clogg, Richard.* The Greeks' // Christians and Jews in the Ottoman Empire: the Functioning of a Plural Society. *Braude, Benjamin; Lewis, Bernard* (eds). Vol. 1. N. Y., 1982. P. 195–

Подходы к формированию идеологии турецкого национализма

Первые ростки тюркского этнического национализма в Османской империи начинают появляться в конце XIX — начале XX в. В авангарде новых идей оказались тюркские эмигранты из России (Юсуф Акчурин, Ахмед Агаев и др.), которые в свое время сами стали объектами «политики русификации», осуществлявшейся в Российской империи в XIX столетии. При этом исламский фактор как основной элемент национальной идентичности, вокруг которого должно строиться «воображаемое сообщество», говоря языком Бенедикта Андерсона⁵, нисколько не терял своего значения. Идеология нового тюркизма в Османской империи, таким образом, с самого начала оказывалась заложником своей амбивалентности: она вынужденно должна была сочетать элементы трех конкурирующих «национальных проектов»: османизма, воплощавшего гражданский национализм и объединявшего всех подданных империи; панисламизма, проповедовавшего общемусульманское единство; и «старого» тюркизма — в значительной степени этнического национализма, предполагавшего объединение «тюркского мира». Иными словами в основу нового национального проекта были положены три трудно сочетаемых концепции определения нации — территориальная, этническая и религиозная.

Младотурки, пришедшие к власти в Османской империи после революции 1908 г. и вскоре установившие в результате военного переворота 1913 г. режим своей диктатуры, превратили доктрину тюркизма из скрытой, неафишируемой политической программы в открыто

197. Повышенное раздражение у националистов это обстоятельство вызывало в период правления младотурок (1908–1918), особенно во время Первой мировой войны.

⁵ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

провозглашенную государственную идеологию, с которой Турция вступила в Первую мировую войну. Причем новая доктрина тюркизма строилась вокруг идеи строительства этнического мегасоюза — «Великого Турана», которое должно было объединить всех турок-мусульман как Османской, так и Российской империи. Таким образом, в этот период на передний план выходил этнический национализм⁶.

Поражение в Первой мировой войне заставило забыть о химерической идее строительства Турана. Перед Османской империей во весь рост вставала угроза полного расчленения ее территории союзниками. Перспектива установления правления христианских держав над восточными провинциями Османской империи и вторжение в мае 1919 г. греческих войск в Эгейский регион подняли мусульманское население Анатолии, в котором наиболее активную роль играли черкесы, на Освободительную войну против интервентов. И, как это часто бывает, война и иностранное вторжение способствовали распространению националистических идей среди активистов народного сопротивления, во главе которого достаточно быстро встал молодой и амбициозный генерал, прославившийся успешными операциями против союзников во время Первой

мировой войны, Мустафа Кемаль-паша.

Немаловажным фактором, способствовавшим подъему турецкого национализма, было то, что сам ход и итоги Первой мировой войны практически похоронили идею панисламизма как идеологии объединения всех подданных Османской империи. Для народов Балканского полуострова она была с самого начала неприемлема, а для арабов идеи их собственного национализма оказались сильнее идеологии панисламизма в рамках Османской империи. Османизм, еще в 70-е гг. XIX в. показавший свою несостоятельность, в начале следующего столетия окончательно потерял всякое значение.

Все это укрепляло позиции национализма-тюркизма. Большой вклад в разработку идей тюркизма внес турецкий ученый и общественный деятель Зия Гекальп (1875–1924), входивший в состав центрального комитета младотурецкой партии «Единение и прогресс»⁷. Указывая, что панисламистов, пантюркистов и сторонников вестернизации объединяет общее стремление к модернизации государства, он попытался синтезировать взгляды всех трех направлений в единую идеологию под флагом тюркизма.

По Гекальпу, нацию (*миллет*) объ-

⁶ Причем в то же самое время претензии армянского населения Османской империи на некоторые территории Восточной Анатолии вылились в «этнические чистки» 1915 г., в которых, по разным подсчетам, погибло до 800 тыс. человек (Турция официально признает 200 тыс., однако в мировой тюркологии принято считать, что в событиях 1915 г. погибло от 600 тыс. до 800 тыс. армян [Zürher E.J. Turkey. A Modern History. L., N. Y., 1997. P. 120]). Причем проблема 1915 г. и ответственности за те события до сих пор затрудняют выстраивание межгосударственных отношений Армении и Турции. А Анкара официально так и не признает вину Турции и Османской империи в том, что произошло в 1915 г.

⁷ Партия (общество) «Единение и прогресс» (*İttihat ve Terakkî Cemiyeti/Fırkası*) — политическая организация младотурок, возникшая в конце XIX в. в форме тайного общества и провозгласившая своей ближайшей задачей замену режима султана Абдулхамида II конституционным строем. Под руководством партии «Единение и прогресс» в июле 1908 г. была осуществлена Младотурецкая революция. Младотуркам удалось свергнуть султана Абдулхамида II (1908) и провести половинчатые прозападные реформы, однако после поражения Османской империи в Первой мировой войне они потеряли власть. После победы Мустафы Кемаля большинство младотурок начали активную деятельность в кемалистской Народной партии.

единяли не только этнические признаки, географические условия проживания, политические факторы, но и культурная общность (язык, искусство, религия, мораль и др.). Зия Гекальп полагал, что необходимо изменение законов, проведение ряда реформ в целях придания турецкой культуре общенационального характера, создания национального государства. Учитывая позиции западников, он считал необходимым отделение религии от государства, а процесс принятия и исполнения законов — от шариата. Следовало также придать всей системе образования светский характер⁸.

В то же время, исходя из позиций исламистов, он признавал важную роль ислама в турецкой истории и повседневной жизни. Подобно исламистам, Зия Гекальп не считал понятия культуры и цивилизации тождественными. Он подчеркивал, что цивилизация материальна, и империя должна воспринять ее с Запада именно в такой интерпретации, предварительно укрепив национальную, восточную культуру, чтобы она могла противостоять опасному, разрушительному влиянию Запада.

Надо заметить, что в тот период процесс складывания турецкой нации еще не был завершен, не сложились окончательно турецкая культура и турецкий язык. Учитывая это, Зия Гекальп отдавал приоритет не личности, а нации как источнику мысли, высшему духовному авторитету, высшему моральному судье всех членов общества⁹.

Такова была идеологическая обстановка, в которой возрастало новое поколение турецких националистов, возглавивших освободительное движение,

⁸ Подробнее см.: *Фадеева И.Л.* От империи к национальному государству. Идеи турецкого социолога Зии Гёк Алпа в ретроспективе XX века. М., 2001; *Gökalp, Ziya.* Turkish Nationalism and Western Civilization. N.Y., 1959; *Gökalp, Ziya.* The Principles of Turkism. Leiden, 1968.

⁹ См.: *Karpat, Kemal.* Türk Demokrasi Tarihi. İstanbul, 1967. S. 28–31.

а затем новое турецкое государство. Существовавшие серьезные проекты формирования идеологии турецкого национализма кемалисты восприняли и активно использовали.

Уже с первых дней пребывания в Анатолии (май 1919 г.), куда молодой генерал османской армии Мустафа Кемаль прибыл по поручению султана Мехмеда VI Вахидеддина (1861–1926) для изучения обстановки, он обратил особое внимание на идеи национализма в деле консолидации сил освободительного движения против оккупации Анатолии войсками Антанты и примкнувшей к ней Греции. В докладе, направленном из Самсуна 22 мая 1919 г. в канцелярию великого везира, он писал: «Нация приняла за основу национальный суверенитет и турецкий национализм. Она будет бороться за это»¹⁰.

Победоносный для кемалистов ход национальной войны 1919–1922 гг. поставил на повестку дня вопрос о подготовке и проведении реформ по организации нового государства. Уже 1 ноября 1922 г. Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) утвердило постановление о низложении султана и упразднении султаната. Год спустя 29 октября 1923 г. ВНСТ приняло знаменитый закон № 364 «Об изменении некоторых статей конституции», провозгласивший, что «формой правления Турецкого государства является Республика» (ст. 1)¹¹.

¹⁰ *Eroğlu, Hamza.* Milli Eğemenlik İlkesi ve Anayasalarımız // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi. Cilt I, 1984, № 1. S. 139–140.

¹¹ 364 Sayılı ve 29/10/1339 (1923) Tarihli Kanun (Cumhuriyetin İlânı) // *Düstur. Tertip III, Cilt V.* Ankara, 1931. S. 399; *Кемаль М.* Путь новой Турции. Т. IV. М., 1934. С. 348. Ст. 2 этого закона гласила, что «религия турецкого государства — ислам, а официальный язык — турецкий». Ст. 4 подтверждала, что государство Турция управляется ВНСТ через посредство исполнительной власти, представленной Советом министров, председатель которого назначается президентом. Ст. 10 вводила долж-

Один из главных факторов, обеспечивших победу в освободительной войне 1919–1922 гг., кемалисты видели именно в национализме¹². Они считали, что принцип национализма необходимо закрепить, развить и использовать в дальнейшем, поскольку это могло стать залогом обеспечения единства нации для успеха запланированных Мустафой Кемалем масштабных политических, экономических и культурных преобразований. Для реализации последних решено было создать политическую партию. Мустафа Кемаль, разъясняя в ходе поездки по стране (1923) миссию новой партии, заявлял, что существующие в стране социальные группы не являются антагонистическими, а дополняют друг друга и составляют одно целое — нацию. Поэтому вновь создаваемая Народная партия будет выражать и защищать интересы всех социальных слоев, всей нации¹³.

Война за независимость сблизила разные группы мусульманского населения Анатолии, среди которых наиболее многочисленной после турок были курды. Фактически Мустафа Кемаль не только пошел на союз с курдским населением Османской Турции, но даже пообещал им в будущем особый автономный статус¹⁴. Этот союз не мог

ность президента, устанавливала порядок его избрания; ст. 11 определяла, что «президент является главой государства и при необходимости руководит меджлисом и правительством».

¹² Kili, Suna. 1960–1975 Döneminde Cumhuriyet Halk Partisinde Gelişmeler. İstanbul, 1976. S. 38.

¹³ Ibidem. S. 23–24.

¹⁴ На встрече с населением город Измит в 1923 г. Мустафа Кемаль публично обещал предоставить курдам автономию в тех областях, где они представляют значительную часть населения. Однако по следам подавления восстания шейха Саида 1925 г. все сообщения об этом были старательно цензурированы (см.: *Bakır, Oran*. Atatürk Milliyet ili i — Resmî deoloji D Bir nceleme. Ankara, 1999. S. 211).

быть прочным как со стороны турок-мусульман, так и со стороны курдов, и поддерживался лишь конфессиональной близостью этих групп на фоне «христианской угрозы».

Мустафа Кемаль подошел к вопросу определения национальных границ весьма прагматически и решил ограничить их Анатолией, как «историческим ядром» и той территорией, которую в сложившихся условиях можно было защитить от интервенции и расчленения. Таким образом, за рамками повестки дня войны за независимость остались идеи как возвращения потерянных в ходе мировой войны территорий Османской империи за пределами Анатолии (даже несмотря на то, что на них находилась и родина самого Ататюрка — Македония), так и объединения всех турок-мусульман Кавказа и Центральной Азии.

Концепция турецкой нации, выдвинутая Мустафой Кемалем, была практически исключительно «территориальной», но при этом имела также и сильную религиозную составляющую: изначально немусульмане рассматривались как интегральная часть «Новой Турции», но в силу роста националистических настроений в среде немусульманского населения Турции, череды национальных выступлений и выдвижения не обоснованных с точки зрения кемалистов требований со стороны национальных меньшинств немусульмане не были включены в состав «новой турецкой нации» (очень скоро это вылилось в массовые принудительные миграции немусульман с территории Турции, фактически они смогли закрепиться лишь в Стамбульском регионе).

Итак, в начале 1920-х гг. «тюркизм» не был категорией этнической и определялся независимо от расы. В то время в Турции на повестке дня стояла проблема восстановления страны после череды тяжелых войн, начавшейся Балканскими войнами 1912–1913 гг. и закончившейся Греко-турецкой вой-

ной 1920–1922 гг. Тогда на территории Анатолии и Фракии проживало много мигрантов, как турок, так и мусульман других народностей, которые начиная с XVIII в. вынужденно мигрировали сюда из Европы и Черноморских стран. К началу XX столетия все они уже достаточно глубоко интегрировались в среду местных турок и мусульман и в годы национальной борьбы защищали Турцию как «свою родину»¹⁵.

Национальный состав нового государства существенно отличался от прежнего, существовавшего в Османской империи: эмиграция и высокий уровень смертности, вызванный войнами и эпидемиями, на порядок сократили численность анатолийских христиан (если в 1912 г. они составляли более 20% населения, то в 1927 г. их число едва доходило до 2%)¹⁶. При этом Турция по-прежнему оставалась полиэтничным государством. На ее территории проживали не только турки, но и многочисленные нетурецкие мусульманские этносы — курды, арабы, лазы, албанцы, боснийцы, татары, абхазы, имерхевцы и чвенебури (исповедующие ислам грузины), помаки, македонцы и многие другие¹⁷. Конституция 1924 г. ставила целью привести все это этническое разнообразие к единому знаменателю: «Все граждане Турецкой Республики, вне зависимости от конфессиональной и этнической принадлежности, являются

ся турками» (ст. 88)¹⁸. Анкарское правительство стремилось консолидировать в «турецкой нации» как можно больше нетурецких национальных меньшинств¹⁹ и всерьез рассчитывало, что большинство из них удастся рано или поздно ассимилировать.

Вслед за провозглашением Турецкой Республики Мустафа Кемаль начал осуществлять программу радикальных социально-экономических и политических преобразований. Среди основных целей кемалистских реформ было и низведение ислама до функционального уровня — сохранение религии исключительно в рамках частной и культурной жизни при полном искоренении «религиозного фактора» из жизни политической (и все это несмотря на то, что сам Мустафа Кемаль во время национальной борьбы активно использовал и ислам и религиозные лозунги²⁰.) Пер-

¹⁸ Teşkilât-ı Esâsiyye Kanûnu (1924) (Kabul Tarihi: 20 Nisan 1340 (1924), Kanun No: 491) // Resmî Gazete, 24/04/1924; Düstur. Tertip III, Cilt V. S. 576.

¹⁹ Aktar, Ayhan. Cumhuriyet'in İlk Yıllarında Uygulanan Türkleştirme Politikaları // Tarih ve Toplum, Sayı 156 (Aralık 1996); Cagaptay, Soner. Population Resettlement and Immigration Policies of Interwar Turkey: A Study of Turkish Nationalism // Turkish Studies Association Bulletin, Vol.26, No. 2 (Fall 2002); Cagaptay, Soner. Reconfiguring the Turkish Nation in the 1930s // Nationalism and Ethnic Politics. Vol. 8, No. 2 (Summer 2002).

²⁰ Во время национально-освободительной борьбы Мустафа Кемаль активно сотрудничал с религиозными авторитетами. Так, в 1919 г., направляясь в Анкару для созыва национального собрания, он посетил крупный культурно-религиозный центр — город Кайсери, где не только побывал в тюрьме Хаджи Бекташи, но и остановился на ночлег в ханаке главы *тафиката бекташийя* шейха Салиха Ниязи-Дедебаба (1876–1941), где в беседе с религиозными авторитетами «достиг единства взглядов в вопросах патриотизма и национального сопротивления» (подробнее об этом и др. аналогичных примерах см.: Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011. С. 74–800).

¹⁵ Подробнее см.: Popovic, Alexandre. L'Islam Balkanique. Berlin, 1986. P. 183–187, 257–260, 108–112, 113–134, 302–311; 260–264, 265–267; 207–208, 294–296, 135–147; 73–78, 74–77; McCarthy, Justin. Death and Exile: The Ethnic Cleansing of the Ottoman Muslims, 1821–1922. Princeton, 1995; Toumarkine, Alexandre. Les Migrations des Musulmanes Balkaniques en Anatolie (1876–1913). Istanbul, 1995.

¹⁶ İstatistik Yıllığı: 1929. Cilt 2. İstanbul, 1929. S. 45; İstatistik Yıllığı: 1934–1935. Cilt 7. Ankara, 1934–1935. S. 159.

¹⁷ Подробнее см.: İstatistik Yıllığı. Cilt 10. Ankara, 1938–1939. S. 64–65; Ethnic Groups in the Republic of Turkey. Wiesbaden, 1989.

вым шагом в этом направлении стало принятие ВНСТ 3 марта 1924 г. Закона об упразднении халифата и высылке из Турции семьи бывшего халифа Абдулмеджида (1868–1944)²¹. На востоке Анатолии реформаторские инициативы кемалистов и методы проведения самих преобразований вызывали, по большей части, негативную реакцию и открытый протест. Одним из примеров подобных протестов стало восстание шейха Саида в апреле 1925 г., разразившееся еще до начала наиболее радикальных преобразований.

Хотя само восстание носило в большей степени религиозный, чем этнический «прокурдский» характер, Мустафа Кемаль по итогам его подавления не только ужесточил религиозную политику, но и отказался от обещаний наделить курдов особым автономным статусом. Вместо этого решено было активизировать идеологическую работу с населением и насаждать идеи турецкого национализма как главного критерия политической лояльности гражданина Турецкой Республики. На осуществление этой цели были мобилизованы все основные государственные институты — от системы образования до армии. Поскольку в новом государстве ислам отодвигался в сферу частной жизни, в новой концепции государственного национализма акцент делался именно на этническом компоненте. В интересах новой идеологии весь период блистательной османской истории был предан забвению, а его место, по классической схеме построения национальной мифологии, заняла полуполюгендарная доисламская история тюрков²². Всех граждан

Турецкой Республики, невзирая на их этническое происхождение, обязали говорить на государственном — турецком — языке как единственном «родном». При этом на граждан нетурецкого происхождения стали смотреть с большим подозрением, которое открыто проявилось во время Второй мировой войны с введением знаменитого налога на имущество — *Varlık Vergisi* — 1942 года²³.

Ключевым периодом для окончательного оформления турецкого национализма в кемалистской трактовке и конструирования новой нации стали 1930-е гг. Именно тогда были сформулированы основные положения кемализма²⁴, т.н. «принципы Ататюрка», а сам он обрел свою структуру, продолжающую существовать и поныне.

По классификации Энтони Смита, делившего национализм на «территориальный» и «этнический», турецкий национализм 1930-х гг. можно определить как строго «территориальный», поскольку в его основе лежал принцип Анатолии как единственной исконной зоны проживания турок и отрицание возможных претензий на территории, населенные турками или же просто единоверцами-мусульманами и ранее входившие в состав Османской империи. С другой стороны, турецкий национализм в этот период носил в себе и

---

and Crescent: Turkish Nationalism and the Turkish Republic. L., 1997. P. 87–129.

²³ См.: *Ökte, Faik*. The Tragedy of the Turkish Capital Tax. L., 1987.

²⁴ Кемализм — идеологический конструкт, выдвинутый и сформулированный Мустафой Кемалем в 1920-е гг. До сих пор остается официальной идеологией Турецкой Республики, зафиксированной в Конституции страны. В основе кемализма лежат 6 пунктов или «шесть стрел» (*Altı Ok*): республиканизм (*Cumhuriyetçilik*), национализм (*Milliyetçilik*), народность (*Halkçılık*), этатизм (*Devletçilik*), лаицизм (*Lâiklik*) и революционность, или реформизм (*Devrimcilik*). Окончательно доктрина шести стрел была закреплена в Конституции в 1937 г.

²¹ *Düstur*, Tertip III, Cilt V. Ankara, 1931. S. 667; 431 *Hilafetin İlgasına ve Hanedanı Osmanî'nin Türkiye Cumhuriyeti Memaliki Haricine Çıkarılmasına Dair 3 Mart 1340/1924 Tarihli ve 431 Numaralı Kanun*. // RG, 06/03/1340 (1924), Sayı 63; *Düstur*. Tertip III, Cilt V. S. 668. Также см.: *Кемаль М.* Путь новой Турции. Т. IV. М., 1934. С. 351–353.

²² См.: *Poulton, Hugh*. Top Hat, Grey Wolf

черты этнического национализма. Их, в частности, можно было увидеть в гонениях на армян в 1915 г., а позже — в насильственном переселении немусульманского (по большей части — христианского) населения Анатолии в 1922 г., в котором видели потенциальную угрозу внутривосточной стабильности зарождающегося нового Турецкого государства. Хотя эти примеры больше, конечно, походят на религиозные, чем на этнические гонения, но тем не менее они вполне подпадают под рубрику «этнического национализма». На этом двойственный характер турецкого национализма не заканчивается. Так, если отрицание существования каких-либо этнических меньшинств среди мусульман Анатолии (прежде всего многочисленного курдского меньшинства на юго-востоке Анатолии) может трактоваться как яркий показатель территориальной модели национализма, то акцент на «турецкость» и официальные репрессии в отношении любых проявлений иных национальных идентичностей (в особенности курдской) уже характеризуют турецкий национализм как «этнический».

Турецкий национализм 1930-х гг. в значительной степени был этническим. В пользу этого утверждения говорят наиболее масштабные идеологические проекты кемалистов, среди которых одно из центральных мест занимает «Турецкий исторический тезис» (*Türk Tarih Tezi*).

Конструирование национальной истории — «Турецкий исторический тезис»

Первоначально за создание исторической базы турецкой нации взялся Комитет турецких оджаков по изучению турецкой истории (*Türk Ocakları Türk Tarihi Tetkik Heyeti*). Эта организация была создана по поручению Мустафы Кемала 28 апреля 1930 г. для подготовки идеологически выдержанных работ по турецкой истории. Первым реализованным научным проектом Комитета по изучению истории стал выпуск в 1930 г.

600-страничной книги «Главные проблемы турецкой истории» (*Türk Tarihinin Ana Hatları*)²⁵, в котором национальная история представляла в интерпретации турецких ученых.

В 1931 г. комитет был преобразован в Общество по изучению турецкой истории (*Türk Tarihini Tetkik Cemiyeti*). Мустафа Кемаль лично надиктовывал программу Общества своей приемной дочери Афет (Инан) (1908–1985), историку и одному из главных активистов Общества по изучению турецкой истории. Перед организацией ставилась задача «распространения турецкой национальной истории среди тех, кому она по праву принадлежит, — граждан Турецкой Республики»²⁶. Причем выполнять свои обязанности Общество должно было «под наблюдением правительства и местных органов власти и под их ответственность»²⁷. Кроме того, в программе предусматривалось создание под патронажем Общества по изучению истории еще одной аналогичной организации, «подкомитета» — Общества по изучению турецкого языка (*Türk Dili Tetkik Cemiyeti*), главной миссией которого должно было стать проведение исторических исследований турецкого языка. Шаг этот объяснялся тем, что Мустафа Кемаль был убежден в существовании тесной связи между тюркскими и индоевропейскими языками и в том, что для последних турецкий является даже праязыком. На Общество изучения турецкого языка возлагалась обязанность провести сравнительное исследование языков, чтобы показать и доказать тезис о «турецком языке как наиболее влиятельном факторе в становлении и развитии всех мировых языков»²⁸.

Еще одна задача, которая была поставлена перед Обществом изучения

²⁵ Türk Tarihinin Ana Hatları. İstanbul, 1930.

²⁶ İğdemir, Ulug. Atatürk'ün Emriyle Hazırlanan Program // Belleten. Cilt 27 (1963). S. 644.

²⁷ Ibidem. S. 644.

²⁸ Ibidem. S. 647.

истории, заключалась в «синтезе и построении» исторического знания, опирающегося на «Главные проблемы...» (*Türk Tarihinin Ana Hatları*)²⁹. Результатом работы стала обновленная версия этого труда, которая вышла под названием «Введение в основные сюжеты турецкой истории» (*Türk Tarihinin Ana Hatlarına Methal*)³⁰. Следующим большим проектом Общества стал созыв исторического конгресса (2–11 июля 1932 г.), призванного по-новому взглянуть на «историю турецкой цивилизации, антропологические характеристики турецкой расы, турецкий язык и литературу»³¹.

В это же время началась работа непосредственно над «Турецким историческим тезисом», в котором ученым предстояло доказать, что «турки — великая и древняя раса»³². Афет Инан писала по этому поводу в официальных бюллетенях Общества: «По строению черепа тюрки — брахикефалы³³, их корни уходят в Центральную Азию, на территории которой тюрки жили несколько тысяч лет назад... В Центральной Азии они создали великую цивилизацию с основным ареалом вокруг внутреннего моря. Когда море из-за изменения климата высохло, тюрки вынуждены были покинуть эти земли и принялись цивилизовать соседние области: на востоке (Китай), на юге (Индию) и на западе (Египет, Месопотамию, Персию, Анатолию, Грецию, Италию)»³⁴. Иными словами, по логике Афет Инан, во-первых, тюрки выступали предками всех брахикефалов, чья прародина

предположительно находилась на территории Центральной Азии (в том числе и индоевропейцев)³⁵; во-вторых, тюрки создавали цивилизации везде, куда мигрировали; в-третьих, современные турки — наследники великих цивилизаций Шумера, Египта, Древней Греции и т.д. Соответственно, турки — прямые потомки Хеттской цивилизации Анатолии, поскольку они — автохтонные жители этого района³⁶. Наконец, самый, пожалуй, важный вывод, который следовало сделать из «Турецкого исторического тезиса», заключался в следующем: все жители Анатолии были тюрками.

В то же время один из сторонников «Турецкого исторического тезиса» министр образования Турции д-р Решит Галип (1897–1934) выступил в 1932 г. с еще более радикальной интерпретацией древней истории Анатолии, заявив приглашенному профессору Стамбульского университета, а впоследствии первому генеральному секретарю и главному специалисту Турецкого лингвистического общества Акопу Мартаняну (Дильчару), являющемуся этническим армянином, что «антропологические сравнения и факты древней истории не оставляют сомнения в том, что армяне имеют те же самые этнические корни, что и турки»³⁷.

Примечательно то особое внимание, которое уделяли кемалистские идеологи национализма расовому вопросу. По-видимому, специалисты из Общества изучения турецкой истории, проделавшие большую работу над созданием и обоснованием «исторического тезиса»³⁸, равно как и Афет Инан и Му-

²⁹ Ibidem. S. 644.

³⁰ *Türk Tarihinin Ana Hatlarına Methal*. İstanbul, 1930.

³¹ *Ergün, Mustafa*. Atatürk Devri Türk Eğitimi. Ankara, 1982. S.126.

³² *Türk Tarihinin Ana Hatlarına Methal*. İstanbul, 1930. S. 26–30.

³³ [Inan], *Afet*. Tarihten Evvel ve Tarih Fecrinde // Birinci Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1933. S. 31.

³⁴ *Türk Tarihinin Ana Hatlarına Methal*. İstanbul, 1930. S. 50–58.

³⁵ [Inan], *Afet*. Tarihten Evvel ve Tarih Fecrinde // Birinci Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1933. S. 34.

³⁶ *Türk Tarihinin Ana Hatlarına Methal*. İstanbul, 1930. S. 8.

³⁷ State Department. 867.9111/383. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 16 Nov. 1932. Digest of Turkish News, 30 October — 12 November 1932.

³⁸ Подробнее см.: *Ergün, Mustafa*. Atatürk

стафа Кемаль, находились под сильным впечатлением и влиянием европейских ученых, занимавшихся теорией рас. Так, скажем, Афет Инан переписывалась с известным швейцарским антропологом Эженом Питтаром (1867–1962). В 1930-е гг. профессор Питтар даже стал научным руководителем ее докторской диссертации по теме турецкой расы на отделении антропологии Женевского университета³⁹. В свою очередь, хорошо известно, что и сам Ататюрк старался не выпадать из контекста и прочитал наиболее известные и фундаментальные европейские исследования о расе и этносе — среди которых были и работы одного из основоположников современной расистской идеологии Жозефа Артюра де Гобино (1816–1882), и труды Эжена Питтара, и книги Альфреда Хаддона (1855–1940)⁴⁰ и целый ряд других⁴¹.

Первый исторический конгресс завершился всеобщим признанием «Турецкого исторического тезиса» и поставил на повестку дня вопрос о чрезвычайной значимости турецкого языка, хранящего память о межкультурных контактах тюрок с другими расами, с которыми те пересеклись во время миграции из Центральной Азии, и вмещающего в себя все остальные культурно-цивилизационные особенности и характеристики, делающие

нацию нацией⁴². Поскольку турецкий язык был провозглашен носителем главных расовых и этнических признаков — только те, кто говорил на турецком языке, могли претендовать на принадлежность к турецкой нации. Причем этот тезис Мустафа Кемаль высказал еще задолго до проведения конгресса: «Одна из важнейших характеристик нации — язык... тот, кто считает себя частью турецкой нации, должен прежде всего и при любых обстоятельствах говорить на турецком языке... И если кто-либо не будет говорить по-турецки и при этом станет настаивать на своей принадлежности турецкой культуре и турецкой нации, будет неправильно верить в подобные утверждения»⁴³.

Принцип определения этнической принадлежности по языку сделали из последнего один из основных маркеров кемалистского тюркизма. Мустафа Кемаль и Афет Инан трактовали его как «единство политического бытия и прародины, историческое и этническое родство»⁴⁴. Таким образом, исчезало всякое упоминание об исламе, являвшемся одним из краеугольных камней тюркизма в его «классическом», «гёкальповском» понимании. Все это явилось прямым следствием кемалистской политики в отношении религии в 1920-е гг., когда ислам планомерно вытеснялся из общественно-политической сферы в область частной жизни. Лаицизм, ставший основным «столпом» кемалистской идеологии, и тотальная секуляризация всех сфер общественного бытия лишали мусульман,

Devri Türk Eğitimi. Ankara, 1982. S. 125–132 // Belleten. Cilt 27 (1963). S. 1058.

³⁹ Türkiye Halkının Antropolojik Karakteri ve Türkiye Tarihi: Türk Irkının Vatanı Anadolu 64,000 Kişi Üzerinde Anket. Ankara, 1947.

⁴⁰ См.: Pittard, Eugene. Les Races et l'Histoire Introduction Ethnologique a l'Histoire. P., 1924; de Gobineau, Arthur. The Inequality of Human Races. N. Y., 1999; Haddon, Alfred Cort. The Races of Man and Their Distribution. N. Y., 1981.

⁴¹ Yıldız, Ahmet. Ne Mutlu Türküm Diyebile-ne. İstanbul, 2001. S. 165–166; Ünsal, Artun. La Bibliotheque Politique Francaise d'Atatürk // La Turquie et la France a L'Epoque d'Atatürk; Jean-Louis Bacque-Grammont, Paul Dumont (eds.) Col-lection Turcica 1. P., 1981. P. 42.

⁴² Inan, Afet. Medeni Bilgiler ve Atatürk'ün El Yazıları. Ankara, 1969. S. 38; Tarih I Tarihten Evvelki Zamanlar ve Eski Zamanlar. İstanbul, 1931. S. 20.

⁴³ Arar, İsmail. Atatürk'ün Günümüz Olaylarına Işık Tutan Bazı Konusmaları // Belleten. Cilt 45–46, No. 177 (1981). S. 23–24.

⁴⁴ Inan, Afet. Medeni Bilgiler ve Atatürk'ün El Yazıları. Ankara, 1969. S. 371; Afet [Inan]. Vatan-daşlık İçin Medeni Bilgiler. İstanbul, 1931. S. 13.

составлявших 97,5% населения Турции, доминирующей коллективной идентичности, которую спешно надо было чем-либо заменить. И как альтернативу прежней исламской идентичности кемализм предлагал тюркизм⁴⁵.

Турецкий язык под прицелом кемалистского национализма 1930-х гг.

Вслед за историческим конгрессом кемалисты решили провести еще одно масштабное мероприятие, призванное выкристаллизовать новую националистическую идеологию, — Первый Турецкий лингвистический конгресс в Стамбуле, ставший, по сути, логическим продолжением Исторического конгресса. Как отмечали в своих сообщениях американские дипломаты, оба конгресса — и исторический, и лингвистический — должны были доказать потенциал и историческое значение древних тюрков, упадок тюркской цивилизации под давлением «внешнего», иностранного влияния и, наконец, возрождение турок как нации и турецкого языка после установления республиканского строя⁴⁶. Ход и направление дискуссии делегатов лингвистического конгресса лишь подтвердили эти наблюдения дипломатов. Участники стамбульского конгресса прежде всего заявили о необходимости всестороннего сравнительного исследования турецкого языка⁴⁷. Опираясь на данные о фонетическом сходстве турецкого языка с рядом индоевропейских, был выдвинут тезис об их прямом родстве, на основе которого делегаты предложили считать турецкий язык индоевропейским⁴⁸ и признать близость турецкого, шумерского и современных индоевропейских

языков⁴⁹. Таким образом, подобно тому как Исторический конгресс предложил считать большинство современных наций потомками древних тюрков, так и лингвистический конгресс настаивал на том, что основные живые индоевропейские языки являются тюркскими по своему происхождению.

Еще одной проблемой, на которой сфокусировалось внимание организаторов и участников лингвистического конгресса, — очищение турецкого языка. Так, депутат ВНСТ от Эдирне Мехмет Шереф (Айкут) (1874–1939) призвал «вернуть турецкому языку его померкнувший блеск и величие», поскольку в течение последних столетий «турецкий язык в буквальном смысле слова вымер как письменный, сохранившись лишь в устной форме, как язык повседневного общения»⁵⁰. Уже упоминавшийся Решит Галип в свою очередь добавлял, что «из-за существующей сейчас огромной пропасти между “письменным” и “разговорным” турецким языком... язык, который преподается в турецких школах, едва ли может называться турецким, поскольку он доступен только одной десятой части населения страны»⁵¹. Для решения обозначенного на конгрессе «языкового вопроса» было предложено провести реформу языка, в результате которой нормативный турецкий язык должен максимально приблизиться к разговорному. Сделать это планировалось, с одной стороны, сократив разрыв между разговорным и нормативным языком, а с другой — путем «очищения» нормативного языка от иностранных заимствований.

Идею борьбы за чистоту языка кемалисты посчитали одним из краеугольных камней своей стратегии по

⁴⁵ *Yıldız, Ahmet*. Ne Mutlu Türküm Diyebilene. İstanbul, 2001. S. 159.

⁴⁶ State Department, 867.402/48. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 17 Oct. 1932. Memorandum.

⁴⁷ Birinci Türk Dil Kurultayı. İstanbul, 1933. S. 393–395.

⁴⁸ Ibidem. S. 71–80.

⁴⁹ Ibidem.. S. 94–104.

⁵⁰ Birinci Türk Dil Kurultayı. İstanbul, 1933. S. 249–50.

⁵¹ State Department, 867.402/48, From the Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 17 Oct. 1932.

конструированию турецкой нации, причем как программа развития языка эта идея была воспринята буквально: основные усилия были направлены на замену слов арабо-персидского происхождения «исконно турецкими» (*öz Türkçe*). Сигналом к этому, в частности послужило переименование Общества по изучению турецкой истории 12 июля 1932 г.: арабские по происхождению слова «*тетхик*» (изучение, исследование) и «*джемийет*» (общество) были заменены турецкими синонимами «*арашитырма*» и «*курум*». Привычные слова арабо-персидской лексики стали повсеместно заменяться словами из разговорного турецкого языка, когда же подходящих синонимов не находилось — создавались неологизмы с тюркскими корнями. За 1932–1934 гг. Общество изучения турецкого языка при поддержке правительства создало подобным образом несколько тысяч «новых слов»⁵².

На пике реформы по очищению языка был созван Второй лингвистический конгресс (18–23 августа 1934 г.), который стал последним публичным обсуждением программы изменения турецкого языка. По следам конгресса в мае 1935 г. из печати вышел «Карманный османско-турецкий словарь-справочник» (*Osmanlıca-Türkçe Cep Kılavuzu*), вместивший в себя обширный перечень арабских и персидских слов и соответствующие турецкие эквиваленты. Словарь стал своего рода символом водораздела между османско-турецким языком, богатым на лексические заимствования и арабским алфавитом, и современным турецким с латинской графикой и массой неологизмов. Причем в вихре языковой реформы заменялись слова, использовавшиеся в турецком языке на протяжении почти тысячи лет⁵³.

⁵² Heyd, Uriel. Language Reform in Turkey. Jerusalem, 1954. P. 26–29. Также см.: Lewis Geoffrey. The Turkish Language Reform. Oxford, 1999.

⁵³ Арабские слова «*sulh*» (мир), «*harb*» (война) и «*milli*» (национальный) заменялись

Реформаторский задор привел к тому, что к концу 1935 г. стало очевидным: многие слова были опрометчиво исключены из нормативного языка, а их эквиваленты представляли собой фактически мертвую лексику, которую никто не использовал. В результате большинство турок было совершенно не в состоянии понять «чистый турецкий язык»⁵⁴.

Неудачу кампании по очищению языка де-факто признало и само Общество турецкого языка, объявившее о необходимости сохранения части прежней «османской» лексики. Более того, новая тщательная лингвистическая экспертиза выявила, что нередко слова, которые зачислялись в перечень арабо-персидских заимствований, на самом деле были исконно турецкими, поэтому избавляться от них абсолютно не требовалось⁵⁵.

Последний тезис об исконно турецком происхождении многих слов, которые раньше считались арабскими или персидскими, подготовил почву для Третьего лингвистического конгресса (24–31 августа 1936 г.) и создания в конце 1930-х гг. т.н. «Солнечной теории языков».

«Солнечная теория языков» стала своего рода зеркальным отражением «Турецкого исторического тезиса». Базируясь на данных сравнительно-исторических и этимологических исследований, проведенных по поручению Ататюрка⁵⁶, она объявляла, что

на *barış, savaş* и *ulusal*; вместо персидских по происхождению слов «*germ*» (горячий) и «*efsun*» (волшебство) вводились турецкие неологизмы «*sıcak*» и «*büyük*».

⁵⁴ State Department, 867.9111/353. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 16 Nov. 1932. Digest of Turkish Press 30 Oct. — 12 Nov. 1932.

⁵⁵ Heyd, Uriel. Language Reform in Turkey. Jerusalem, 1954. P. 26–29. Также см.: Lewis, Geoffrey. The Turkish Language Reform. Oxford, 1999. P. 33.

⁵⁶ State Department, 867.402/74. Shaw (Istan-

большинство современных языков восходят своими корнями к турецкому. Как отмечал генеральный секретарь лингвистического общества Ибрагим Неджми Дильмен (1889–1945): «Большое количество слов в этимологических словарях обозначаются как слова с неизвестным происхождением... этот факт привлек внимание турецких лингвистов, которые, сравнивая тюркские слова с рядом слов в других языках, обнаружили среди прочего поразительное сходство между древнетюркским словом “*силлий*” (солнце) и французским “*soleil*” (солнце)». Опираясь на это открытие, турецкие лингвисты пришли к выводу, что древние тюрки, которые являются древнейшей расой на планете, поклонялись солнцу, вокруг «идеи солнца» строилась их картина мира⁵⁷, формировался и развивался язык⁵⁸, поэтому турецкий «солнечный язык» лежит в основе всех остальных языков⁵⁹.

Говорить по-турецки — значит быть турком?

Второй исторический конгресс прошел в Стамбуле 20–25 сентября 1937 г. под патронажем Общества изучения турецкой истории, которое к тому времени обрело уже свое современное название — Турецкое историческое общество (*Türk Tarih Kurumu* — ТТК). Афет Инан, открывая работу конгресса докладом «Археологические проекты Турецкого исторического общества» (*Türk Tarih Kurumunun Arkeolojik Faaliyeti*), обозначила идеологические рамки исторических исследований, сформули-

рованные Ататюрком и воплощаемые историческим обществом. К тому времени расовые исследования приобрели чрезвычайную популярность в Турции. 6 апреля 1935 г. команда ученых исторического общества произвела раскопки могилы знаменитого османского архитектора Синана для того, чтобы «изучить морфологию строения его черепа и скелета»⁶⁰. Выступая перед делегатами конгресса, Афет Инан отмечала, что систематические археологические раскопки подтвердили большую временную протяженность истории тюрков, а также то, что между современными турками и первыми поселенцами на территории Анатолии существовала прямая связь, т.е. там «формировалось и исконно находилось ядро тюркской расы»⁶¹. Эжен Питтар добавлял, что, «несмотря на периодические волны миграций на территорию Анатолии и то, что новые поселенцы носили разные имена, говорили на разных языках и наречиях, все они так или иначе определенно принадлежали к тюркской расе... и курды, и армяне, и лазы — все они брахикефалы и восходят к одним и тем же примитивным предкам»⁶². В итоге делегаты конгресса пришли к ряду выводов, важных для идеологов кемалистского национализма: во-первых, с древнейших времен территория Анатолии была заселена представителями тюркской расы; во-вторых, все, кто на протяжении нескольких тысяч лет населял эти земли, в том числе и хетты, относились именно к тюркской расе; и наконец, все современное население Анатолии может считаться турками на основании расовых признаков в независимости от того, говорят отдельные его части на турецком языке или нет.

Таким образом, в 1930-е гг. идеологи кемализма попытались сформулировать свое определение турецкой на-

bul) to the State Department (Washington), 9 Sept. 1936.

⁵⁷ Foreign Office. FO 371/20094/E5890. Morgan (Istanbul) to Eden (London), 18 Sept. 1936.

⁵⁸ Lewis, Geoffrey. *The Turkish Language Reform*. Oxford, 1999. P. 57. Также см.: Günes Dil Teorisi ve Üçüncü Dil Kurultayı: Gaziantep Sayılavı Ömer Besim Aksoy Tarafından 26 Eylül 1936 Dil Bayramında Verilen Konferans. Gaziantep, 1937.

⁵⁹ Foreign Office, FO 371/20094/E5890. Morgan (Istanbul) to Eden (London), 18 Sept. 1936.

⁶⁰ Cumhuriyet, 6/08/1935.

⁶¹ İkinci Türk Tarih Kongresi. İstanbul, 1937. S. 8–15.

⁶² Ibidem. S. 77.

ции, базировавшееся на утверждении о принадлежности всех жителей Анатолии к туркам по этническим и расовым признакам. Однако Турция 1930-х гг. отнюдь не была ни этнически, ни конфессионально однородным государством. Даже по официальным данным переписи 1935 г. из общего числа населения в 16,2 млн. человек только 15,8 млн. были мусульманами, оставшаяся часть исповедовала православие (125 тыс.), иудаизм (78,7 тыс.), принадлежала к армяно-григорианской церкви (44,5 тыс.), относилась к католикам (32 тыс.), протестантам (8,5 тыс.), христианам (4,7 тыс.) или же другим религиям и верованиям (13 тыс.)⁶³. Не менее пестрая картина была и с языковой точки зрения: большинство, конечно, говорило на турецком языке (13,9 млн.), однако количество говорящих на курдском также было внушительным (1,5 млн.), весьма распространен был арабский (153,7 тыс.), греческий (108,7 тыс.), черкесский (92 тыс.), лазский (63,3 тыс.), армянский (57,6 тыс.), грузинский (57,3 тыс.), еврейско-испанский (42,6 тыс.), чуть менее — помакский (32,7 тыс.), боснийский (29 тыс.) албанский (22,8 тыс.), болгарский (18,2 тыс.), татарский (15,6 тыс.), испанский (12,4 тыс.), абхазский (10,1 тыс.), румынский (7,9 тыс.) и французский (5,4 тыс.)⁶⁴. При столь очевидном конфессиональном и прежде всего языковом разнообразии резонно вставал вопрос, как в таких условиях успешно реализовать масштабную националистическую программу. Ответом на этот вызов стала кампания «Гражданин, говори по-турецки!» (*Vatandaş, Türkçe Konuş!*), начавшаяся фактически еще в 1928 г. вместе с реформой турецкого алфавита⁶⁵.

В 1931–1932 гг. кампания была под-

держана евреями Измира — в то время второго по величине города Турции. После депортации греков и армян евреи представляли собой наиболее многочисленную и влиятельную немусульманскую этноконфессиональную общину города (более 10% жителей), игравшую важную роль в экономической жизни всего эгейского региона. В начале 1930-х гг., когда в Измире набирала популярность первая оппозиционная партия — Либерально-республиканская партия (*Serbest Cumhuriyet Fırkası*), евреи оказали ей массовую поддержку, за что навлекли на себя гнев кемалистов. Поэтому, вероятно, именно евреи (большинство их говорило на еврейско-испанском и французском)⁶⁶, стремящиеся загладить свою вину перед кемалистами, ухватились за участие в кампании «Говори по-турецки!» как неплохую возможность переломить растущую к ним антипатию действующей власти.

Находятся и другие подтверждения непосредственной заинтересованности еврейских общин в активном участии в тюркизации. Вот как американский консул в Измире Джордж Пэрри описывал свой разговор с главой еврейской общины Эмануэлем Сиди на тему кампании «Говори по-турецки!» в декабре 1932 г.: «Господин Сиди сказал, что кампания началась более года назад по инициативе ряда еврейских интеллектуалов сначала в Миласе, несколько позже в Измире, а затем распространилась по всей Турции. И одна из главных задач ее состоит в том, чтобы предоставить лидерам еврейских общин больше возможностей по участию в общественной жизни Турции. Возможно, вызывая в памяти образы прошлых времен, когда после развала Византийской империи коммерческие способности евреев

⁶³ İstatistik Yılığı. Cilt 10. Ankara, 1938–1939. S. 64–65.

⁶⁴ Ibidem. S. 64–65.

⁶⁵ Heyd, Uriel. Language Reform in Turkey. Jerusalem, 1954. P. 30.

⁶⁶ См.: Galanti, Avram. Vatandaş, Türkçe Konuş. İstanbul, 1928; Rodrigue, Aron. French Jews, Turkish Jews: The Alliance Israelite Universelle and The Politics of Jewish Schooling in Turkey. Bloomington, 1990.

были признаны на всей территории тогдашней новой Турции, что, безусловно, способствовало ее процветанию. Если наши начинания не увенчаются успехом, мы вынуждены будем мигрировать из страны»⁶⁷.

Власть позитивно восприняла желание евреев не сопротивляться культурной и языковой ассимиляции. Один из наиболее решительных сторонников кампании «Говори по-турецки!», руководитель аппарата Мустафы Кемалю и известный журналист Рушен Эшреф (Унайдын) (1892–1959), выступая перед депутатами ВНСТ 7 июня 1934 г., отмечал: «Было недостаточно того, что они [евреи] не говорили по-турецки, и они уже приняли язык, который не являлся для них родным... Мустафа Кемаль-паша учил их, что они настоящие турки, и они примкнули к турецкой нации, вскоре они осознают свое счастье и что в прежнем положении они не могли почувствовать всей настоящей гордости за свое происхождение». Депутат ВНСТ от Эдирне Мехмет Шериф Айкут (1874–1939) вторил ему: «Евреи, всегда отличавшиеся своими талантами в самых разных областях и прежде всего в коммерции, сольются с турками в полном соответствии с Гражданским кодексом... и если гордость за принадлежность к турецкой нации у евреев будет бесконечной, то столь же значительными будут и выгоды от близости к туркам... поэтому для евреев нет иного пути, кроме ассимиляции»⁶⁸.

Еврейское меньшинство Турции, и в османские времена отличавшееся покладистым отношением к требованиям и желаниям власти, вполне отвечало ожиданиям кемалистов и постепенно стало сдавать свои позиции. В феврале 1933 г. раввин Кыркларели (небольшого города во Фракии, европейской части

Турции) Мойше-эфенди, завершая субботнюю службу, обратился к прихожанам с просьбой «впредь говорить на любимом языке благородных турок»⁶⁹. За этим последовала община евреев Бурсы, решившая накладывать штраф на всех, кто «говорит на каком-либо другом языке, кроме турецкого»⁷⁰. Евреи Анкары также объявили о готовности принять турецкий язык в качестве единственного средства коммуникации⁷¹. В конце 1933 г. раввин Диярбекира Ильяс-эфенди совершил поездку по восточным вилайетам, призывая евреев «обратиться в новую кемалистскую веру», 23 ноября 1933 г. евреи Стамбула решили вместе с греками и армянами включиться в пропаганду распространения турецкого языка по стране⁷².

Конечно, не все члены еврейской общины готовы были принять турецкий язык столь же безропотно, как и ее духовные лидеры и авторитеты, нередко случались протесты против насильственного отуречивания. Так, хорошо известен был случай, когда один еврейский школьный учитель, проводник туркификации в городе Милас (вилайет Мугла), был избит своими единоверцами⁷³.

⁶⁹ State Department, 867.9111/391. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 21 Feb. 1933. Digest of Turkish Press 5 Feb.–18 Feb. 1933.

⁷⁰ State Department, 867.9111/392. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 8 March 1933; Digest of Turkish Press 19 Feb. — 4 March 1933.

⁷¹ State Department, 867.9111/405. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), Aug. 1933. Digest of Turkish Press 16 July — 11 Aug. 1933; State Department, 867.9111/390. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), Feb. 1933; Digest of Turkish Press 22 Jan. — 4 Feb. 1933.

⁷² State Department, 867.9111/410. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 11 Dec. 1933; Digest of Turkish Press 5 Nov. — 2 Dec. 1933.

⁷³ Ibidem

⁶⁷ State Department, 867.4016 JEWS/3. George (Izmir) to the State Department (Washington), 13 Dec. 1932.

⁶⁸ TBMM Zabıt Ceridesi. Dönem 4, Cilt 23. S. 70.

Между тем одним из главных проводников тюркизации в то время стал видный деятель младотурок, писатель и публицист Мунис Текиналп (Моиз Кохен) (1883–1961). Еврей по происхождению, он даже принял турецкое имя, а в 1934 г. основал совместно со своими единомышленниками, убежденными в том, что евреи вполне могут ассимилироваться с турками, Общество турецкой культуры (*Türk Kültür Cemiyeti*), главной задачей которого он провозгласил распространение турецкого языка⁷⁴.

Кампания «Говори по-турецки!» затронула не только турецких евреев, но также и мусульманские меньшинства, не говорившие на государственном языке. Как писали в 1934 г. британские дипломаты, арабы, черкесы, курды — всех их насильно заставляли переходить на турецкий язык в повседневном общении и наказывали за использование родных языков⁷⁵. Так, в Мерсине разговор на любом языке, кроме турецкого, грозил денежным штрафом. Более того, сообщалось, что сотни людей за подобные правонарушения подвергались аресту⁷⁶. Именно Мерсин, в котором проживало много арабов-мигрантов с Крита, стал городом, где кампания тюркизации проходила наиболее жестко⁷⁷. По донесениям американского посольства в Анкаре, в январе 1933 г. жители Мерсина решили отказаться от использования арабского языка в повседневном общении и заменить его «чистым

турецким»⁷⁸, а в июле 1934 г. активисты местного «комитета бдительности» провели акцию публичного избияния всех, кто разговаривал не на государственном языке⁷⁹.

В 1935 г. кампания «Говори по-турецки!» получила новый импульс. На IV Съезде Народно-республиканской партии премьер-министр Исмет Инёню выступил с речью⁸⁰, в которой подробно остановился на необходимости для всех, кто проживает в Турции, говорить по-турецки: «Начиная с сегодняшнего дня мы больше не будем молчать и сохранять спокойствие. Все граждане, которые живут с нами в одной стране, будут говорить по-турецки»⁸¹. Вслед за столь резкими высказываниями руководства страны консервативная религиозно-националистическая организация Национальный союз турецких студентов (*Millî Türk Talebe Birliği — ТМТБ*) инициировала общественное движение за турецкий язык как единственное средство коммуникации в Турции. В рамках этой неофициальной кампании шла масштабная пропаганда турецкого языка с требованиями везде и всегда говорить по-турецки, и все, кто не следовал рекомендациям, подвергались публичному порицанию и общественному преследованию.

К тому времени в турецких газетах стали появляться националистические статьи в поддержку тюркизации⁸².

⁷⁸ State Department, 867.9111/ Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 11 Jan. 1933. Digest of Turkish Press.

⁷⁹ Foreign Office, FO 371/17958/E4912. Lorraine (Angora) to the Foreign Office (London), 27 July 1934. Copy of letter, Catton (Mersina) to Lorraine (Angora), 7 July 1934.

⁸⁰ Foreign Office, FO 371/17969/E5028. Davis (Smyrna) to Lorraine (Angora), 19 July 1934. FO 371/17969/E5028. Davis (Smyrna) to Lorraine (Angora), 2 Aug. 1934.

⁸¹ CHP Dördüncü Büyük Kürültayı Görüşmeleri Tütülgası. Ankara, 9–16 May 1935). P. 149.

⁸² *Bali, Rifat N. Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Seruveni* (1923–1945). İstanbul, 1999. S. 269–272.

⁷⁴ Landau, Jacob. M. Tekinalp: Bir Türk Yurtseveri (1883–1961). İstanbul, 1996. S. 20.

⁷⁵ Foreign Office, FO 371/17958/ E4912. Lorraine (Angora) to the Foreign Office (London), 7 July 1934; and Foreign Office. FO 371/17958/ E6178. Catton (Mersin) to Morgan (Angora), 17 Sept. 1934.

⁷⁶ Foreign Office, FO 371/16985/E2053. Embassy (Constantinople) to the Foreign Office (London), 6 April 1933.

⁷⁷ Foreign Office, FO 371/16985/E2053. Embassy (Angora) to the Foreign Office (London), 6 April 1934.

Так, националистическое издание «*La République*» опубликовало серию материалов о «турках, неспособных говорить по-турецки». Их основная идея сводилась к тому, что подобные люди (а число их весьма внушительно) «станут угрозой социальной стабильности и мирному сосуществованию разных групп внутри турецкого общества»⁸³.

Христианские общины также отреагировали на новую волну тюркизации. Так, Анжело Джузеппе Ронкалли (1881–1963), в то время папский нунций в Стамбуле, а впоследствии папа Иоанн XXIII, провел службу на турецком языке⁸⁴. В 1935 г. инициативная группа армян и греков, тесно связанных с Народно-республиканской партией, учредили Союз турецких светских христиан (*Türk Laik Hristiyanlar Birliği*), целью которого, по их замыслам, должна была стать помощь в проведении тюркизации и ассимиляции нетурецких этносов⁸⁵.

Правда, новая волна тюркизации больше других задела еврейские общины. Так, в 1936 г. муниципалитеты Эдирне и Текирдага, где преимущественно проживали евреи, распорядились штрафовать всех, кто говорил не по-турецки. 26 февраля 1936 г. еще в двух городах со значительным еврейским населением — Бурсе и Люлебургазе (вилайет Кырklarели) — приняли закон о запрете публичного использования каких-либо иных языков, кроме турецкого. В результате в сентябре 1936 г., во время празднования Йом-Кипур, раввин Стамбула убедительно просил своих единомыслителей говорить только по-турецки⁸⁶. Тем не менее мно-

гочисленные газетные статьи, в которых евреев обвиняли в саботировании исполнения нормы о повсеместном использовании только турецкого языка, постоянно мелькали в националистической прессе в 1937 г. И, как отмечал известный турецкий писатель еврейского происхождения Рыфат Н. Бали (род. 1948), начиная с 1937 г. количество евреев и представителей других меньшинств, говорящих не по-турецки, начало ощутимо снижаться⁸⁷. Сама кампания «Гражданин, говори по-турецки» продолжалась и после смерти Ататюрка (1938), продержавшись до конца 1940-х гг.⁸⁸.

Кемалистский национализм далеко ушел от принципов классического тюркизма Зии Гёкальпа (1876–1924). Если для Гёкальпа наиболее значимыми характеристиками нации выступали религия, культурные традиции и лишь затем этничность, то кемалисты выдвинули идею этничности как единственного детерминанта турецкой нации⁸⁹.

При этом кампания «Говори по-турецки!» продемонстрировала, что, несмотря на примат этнической составляющей в кемалистской концепции нации, в 1930-е гг. возможность для добровольной тюркизации была открыта. В определенной степени это опровергает тезис известного тюрколога Эрика Цюрхера о том, что кемалистская концепция «органической культуры» как совокупности «врожденных признаков» (культурных, языковых, морально-этических и т.д.) и фактическое отсутствие возможности их при-

⁸³ State Department, 867.9111/422. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 3 Oct. 1934. Digest of Turkish Press, 12 Aug. — 22 Sept. 1934.

⁸⁴ Bali, Rifat N. Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Serüveni (1923–1945). İstanbul, 1999. S. 273.

⁸⁵ Landau, Jacob. M. Tekinalp: Bir Türk Yurtseveri (1883–1961). İstanbul, 1996, s. 21.

⁸⁶ Landau, Jacob. M. Tekinalp: Bir Türk Yurtseveri (1883–1961). İstanbul, 1996. S. 275–276.

⁸⁷ Landau, Jacob. M. Tekinalp: Bir Türk Yurtseveri (1883–1961). İstanbul, 1996. S. 281–287.

⁸⁸ Landau, Jacob. M. Tekinalp: Bir Türk Yurtseveri (1883–1961). İstanbul, 1996. S. 377–379.

⁸⁹ Aktar, Ayhan. Varlık Vergisi ve «Türkleştirme» Politikaları. İstanbul, 2000. S. 60–66, 103–108; Bali, Rifat N. Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Serüveni (1923–1945). İstanbul, 1999. S. 502–503; Parla, Taha. Kemalist Tek-Parti İdeolojisi ve CHP'nin Altı Ok'u. İstanbul, 1995. S. 176–221.

обретения в процессе естественной социализации (как проявление «свободного выбора») представляло собой отказ от идеи Гёкальпа о добровольной тюркизации⁹⁰.

Несмотря на то что кемализм как идеология фокусировался на «турецкой расе», на деле Анкара всегда оставляла открытой дорогу для «мягкой ассимиляции» тех, кто этнически никак не относился к «турецкой нации» (это хорошо видно на примере евреев и ряда мусульманских меньшинств).

Действительно, ассимиляция была принудительной, но по характеру все-таки «инклюзивной», а не «сегрегирующей», что проявилось, в частности, в желании интегрировать евреев в турецкое общество. И это лишнее говорит в пользу того, что отношение кемалистов к меньшинствам базировалась не на расизме (в его фашистском изводе), а на национализме. Ни о каком антисемитизме в Турции даже накануне Второй мировой войны не могло быть и речи (это, к слову ярко контрастировало с ситуацией в ряде европейских стран того времени).

С другой стороны, по крайней мере «в теории» кемалистская концепция не оставляла за рамками турецкой нации даже христианские меньшинства. Достаточно вспомнить не только Второй исторический конгресс, но и статьи известного идеолога турецкого национализма и последовательного кемалиста Надира Нади (Абальюглу) (1908–1991), писавшего в то время о «научно доказанном факте единых расовых корней турок и армян»⁹¹. Таким образом, можно предположить, что кемалисты, активно разрабатывая собственную расовую теорию, были вполне готовы

принять в «турецкую нацию» не только анатолийских мусульман и евреев, но даже армян.

Во всяком случае, в 1930-е гг. кемалисты использовали понятие расы в его «классическом», консервативном значении (характерным больше для XIX в.), в котором раса выступала практически синонимом нации. В идеологических концепциях кемалистов раса не соотносилось с какими-то биологическими характеристиками, а лишь с национальными, определялась не генетически, а через язык.

Важно также, как сами кемалисты трактовали принцип национализма. Он не носил расистского характера, не был «ирредентным», не направлялся против какого-либо этноса. Напротив, он имел объединяющий характер, указывал на единство и неделимость нации и страны, направлял усилия турок на достижение общенациональных целей. Он не выступал за закрытое общество, а напротив, основывался на уверенности в способности турок превратить свою страну в современное государство, используя в случае необходимости опыт других стран. Понимание Народно-республиканской партией национализма отвергало веру в жизнь традиционного общества в рамках религиозной общины. Напротив, Кемаль Ататюрк полагал, что жизнь турок как нации означает переход в состояние современного общества⁹².

В 20-е годы XX в., как пишет в своем фундаментальном труде по социально-политической истории Турции профессор Кемаль Карпат, в жизни республики на первый план вышли три принципа — национализм, лаицизм и народность. При этом национализм рассматривался как «база режима». После победоносного завершения национально-освободительного движения идеология национализма получила дальнейшее

⁹⁰ Zurcher, Erik Jan. *Young Turks, Ottoman Muslims and Turkish Nationalists // Modern Türkiye and Ottoman Past. Kemal Karpat* (ed.) Leiden, 2000. P. 179.

⁹¹ Foreign Office, FO 371/21915/E4624. Lorraine (Ankara) to the Foreign Office (London), 8 Aug. 1938.

⁹² Kili, Suna. 1960–1975 Döneminde Cumhuriyet Halk Partisinde Gelişmeler. İstanbul, 1976. S. 66–67.

развитие, которое сконцентрировалось на его очищении от проявлений пантюркизма. В понимании кемалистов турецкий национализм был тесно связан с понятием турецкого национального государства, он воспринимался исключительно в связке нация — государство. Идеи пантюркизма, «Великого Турана» были объявлены неприемлемыми и опасными. Принцип национализма должен был осуществляться исключительно в рамках национального государства⁹³, создание которого автоматически исключало проблемы христианских национальных меньшинств на Балканах. Речь впредь должна была идти об укреплении общенационального самосознания турок, консолидации турецкого культурного пространства. Все это конкретизировало понимание турецкого национализма и «превращало его по существу в единственную господствующую идеологию»⁹⁴.

Лаицизм в этом контексте выступал как инструмент усиления национализма, как способ наиболее эффективного и быстрого обеспечения поставленной кемалистами главной национальной цели — создания вестернизированного государства. Панисламизм был изъят из идеологии национализма-тюркизма, а его место занял лаицизм.

Еще один принцип (из числа «шести стрел», заложивших основу государственной идеологии кемализма), которому кемалисты и лично Мустафа Кемаль уделяли особое внимание в 1920-е гг. — «народность». Этот кемалистский принцип также следует рассматривать в тесной связи с национализмом как своего рода трактовку последнего в социально-политическом аспекте. Характеризуя Великое национальное собрание Турции, создавая Народную партию, Мустафа Кемаль постоянно делал акцент на принципе народности, больше говоря уже не о

суверенитете нации, а о суверенитете народа, о его единственном представителе — ВНСТ (это хорошо видно во всех редакциях турецкой Конституции). То же самое прослеживается и в политическом содержании кемалистской вестернизации, одну из основных задач которой сам Мустафа Кемаль видел в «создании в Турции современной, западной политической системы»⁹⁵. Иными словами, принцип народности должен был означать не какие-то революционные изменения в социальной структуре общества, а рассматриваться как попытка применить идеи западной политической демократии к турецким реалиям. Главным фактором сплочения общества при этом оставался национализм. Объединение граждан Турецкой Республики как «нации» и как «народа» сосуществовали и как бы дублировались, подстраховывали друг друга, а сам принцип народности выступал инструментом обеспечения единения общества вокруг идеалов национализма⁹⁶.

В целом же кемалистский национализм 1920-х и 1930-х гг. носил на себе много черт стереотипной модели, выведенной известными социологами и теоретиками национализма в XX в. Используя категориальный аппарат Бенедикта Андерсона, можно сказать, что «воображаемое сообщество» турок, которое в предшествующую эпоху представляло собой религиозную общность, подлежало замене на нацию.

Турецкий национализм после Второй мировой войны и некоторые итоги его развития

Государственный национализм, формируемый кемалистами, не признавал каких-либо альтернативных трактовок. Но при этом само по себе кемалистское государство, несмотря на серьезную идеологическую работу

⁹⁵ Ataürk'ün Söylev ve Demeçleri. Cilt I—III. Ankara, 1989. Cilt. III. S. 91.

⁹⁶ *Karpat, Kemal.* Türk Demokrasi Tarihi. İstanbul, 1967. S. 49.

⁹³ *Karpat, Kemal.* Türk Demokrasi Tarihi. İstanbul, 1967. S. 48.

⁹⁴ *Ibidem.*

с населением через органы центральной и местной власти, жесткую однопартийную политическую систему, не было тоталитарным подобно гитлеровской Германии и сталинскому Советскому Союзу. В нем не практиковался столь же всепроникающий тотальный контроль над обществом. Но главное, новая идеология принималась и поддерживалась лишь в городских центрах, образованной частью населения, нередко близкой к политической элите, и при этом практически не распространялась среди сельского населения (причем это положение сохранялось вплоть до 1950-х гг.).

Периферия кемалистской Турции продолжала жить в рамках традиционного, религиозно-консервативного уклада. Особенно сильно контраст центра и периферии ощущался в горных районах Юго-Восточной Анатолии, где доминировали курды и куда порой не доходили даже обрывочные новости о радикальных переменах внутри страны. Незначительная глубина проникновения кемалистского государства внутрь традиционной «вековой» Турции создавала условия для существования большей части населения страны вне каких-либо новых идеологий.

Когда в конце 1940-х гг. однопартийный режим кемалистской НРП был разрушен и в 1950-х гг. появилась возможность демократической политической конкуренции и борьбы, исламская идентичность и исламские ценности, казалось бы, окончательно задушенные кемалистскими реформами, стали возрождаться и с каждым годом проявляться все ярвственнее. И для победы на выборах политики вынуждены были считаться с этим явлением⁹⁷.

⁹⁷ Подробнее см.: Шлыков П.В. Эволюция концепции политического ислама в Турции // Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г. М., 2008. С. 115–147; Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестник Московского университета. Се-

Устоявшаяся модель поведения кемалистской элиты, выражавшаяся в игнорировании исламского фактора и религиозных чувств населения, навязывании обществу своих культурных кодов, стала давать сбои и в конце концов оказалась малоэффективной. В то же время волны массовых миграций из сельских районов в города и культурные центры резко изменили прежнюю среду распространения кемалистской идеологии. Создавалась ситуация «перекрестного опыления», когда, с одной стороны, консервативная часть турецкого общества оказывалась под прямым воздействием кемалистской идеологии и начинала пропускать через себя основные ее принципы и постулаты (национализм, лаицизм и т.д.), с другой — городская секуляризованная культура, опора кемалистского режима, попадала под воздействие и обаяние традиционных ценностей суннитского ислама.

В результате начиная с 1950-х гг. ислам стал не только возвращаться в общественную жизнь Турции, но начал интегрироваться в государственную националистическую идеологию. Со всей очевидностью этот процесс проявил себя после военного переворота 12 сентября 1980 г. Предшествующее ему десятилетие прошло под знаком роста радикализма и экстремизма, систематических уличных столкновений. Военная элита, несмотря на свою традиционную роль бастиона «ортодоксального» кемализма и ярого защитника нерушимости принципов Ататюрка, стала рассматривать ислам как фактор социальной стабильности и общественного единения. Поэтому постепенно исламские ценности перестали маргинализироваться, а ислам стал, по сути, рассматриваться как некая надстройка кемалистской идеологии и кемалистских принципов, использоваться как опора турецкого национализма, а отнюдь не его антагонизм.

рия 13 «Востоковедение». 2008. № 4. С. 56–79.

Подобная политика в определенной степени перекликалась с той, что в свое время проводил Абдулхамид II по отношению к исламу в конце XIX в., и стала прологом т.н. тюрко-исламского синтеза — религиозно-националистической идеологии, получившей статус государственной в конце 1980-х гг., с приходом к власти правой оппозиции в лице Тургута Озала. В конечном итоге это привело к появлению влиятельного движения политического ислама, которое возглавил Неджметтин Эрбакан, ставший в 1997 г. первым в истории Турции премьер-министром с открыто происламскими взглядами и соответствующей внутри- и внешнеполитической программой, а затем и установлению в 2002 г. ныне правящего режима умеренно исламистской Партии справедливости и развития Реджепа Эрдогана.

Идеология же турецкого национализма к концу XX столетия оказалась раздробленной, и сейчас в Турции можно наблюдать соревнование конкурирующих национальных проектов, которые перманентно находятся в состоянии колебательной конфронтации. Два наиболее очевидных и, пожалуй, главных изъяна кемалистского национализма — попытка исключить ислам из числа факторов формирования национальной идентичности и отказ признать этноконфессиональную инаковость (шире — автономию) курдов — с 1980-х гг. формируют основные линии напряжения национального вопроса в Турции и внутриполитической стабильности в целом⁹⁸.

Кемалистский национализм, с одной стороны, сохраняет свою неприкосновенность как великое наследие Ата-

тюрка, но с другой — его трактовки становятся более расплывчатыми, и он все больше сдает позиции и сокращает социальную базу своей поддержки. Не последнюю роль в этом играет и снижение влияния военной и в целом кемалистской элиты⁹⁹, с каждым годом уступающей свои позиции сторонникам умеренных исламистов из Партии справедливости и развития (или консервативным демократам, как они сами себя именуют), которые перехватили инициативу в проведении модернизации Турецкого государства и общества. Исламская идентичность, наоборот, обретает все больший вес и значение, активно поддерживается правящим режимом (показательна в этом отношении активность Турции в международных исламских организациях — ОИК, Большая восьмерка мусульманских стран (М8)¹⁰⁰ и т.д.), но по-прежнему остается в положении надстройки светского национализма. Наименьшим ресурсом влияния обладает этнический ультра национализм — в форме нового издания панисламизма, которых остается сугубо периферийным явлением и не в состоянии как-либо серьезно воздействовать на общественно-политическую жизнь.

⁹⁹ См.: Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М., 2011. С. 31–60.

¹⁰⁰ См.: *Erbakan N. Türkiye'nin Meseleleri ve Çözümleri: Program*. Ankara, Temmuz 1991. [<http://www.necmettinerbakan.org/erbakankitap.asp>] <http://www.radikal.com.tr/1998/09/12/yazarlar/turalk.html>

В группу М8 (или D8 — «*Developing Eight*»), как эта организация провозгласила себя на первом съезде в Стамбуле 15 июня 1997 года) входят Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан и Турция (См.: <http://www.developing8.org/>).

⁹⁸ См.: Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность // Восток (Oriens). 2009. № 1. С. 109–122.

СЕРГЕЙ СЕРЁГИЧЕВ

КАК ВОЗМОЖНА СУДАНСКАЯ НАЦИЯ?

На вопрос, поставленный в заглавии, ответить непросто. На Севере под суданской нацией понимают арабо-суданцев исламского вероисповедания, на Юге, наоборот, суданцы — это те, кто испокон веков населяет страну, вне зависимости от их этноса и религиозной принадлежности.

* * *

Отправной точкой в истории арабо-суданской государственности является начало XVI в., когда на территории Судана возникли государства фунгов и фурув. Первое возникло в 1504 г. на территории Алвы (древнее нубийское царство) путем смешивания африканского племени фунг с арабами и алвийцами. Его столицей стал Сеннар (отсюда и название самого государства, иногда его еще именовали как «Черный султанат»), языком — арабский, религией — ислам.

Второе же государство возникло на нагорье Джебель-Марра, которое заселили фуры, также принявшие ислам и арабский в качестве родного языка. Оно получило название Дарфур (в дословном переводе с арабского «дом фурув»). По форме правления Сеннар и Дарфур являлись султанатами.

Основой этих государств и фундаментом их последующего развития стал синтез арабо-мусульманской и африканской цивилизаций. Арабо-мусульманская цивилизация дала Сеннару и Дарфуру свой язык и религию, а африканская — основную массу «строителей» данных султанатов. Таким образом было положено на-

чало складыванию арабо-суданского этноса и государства, а если брать шире, то и цивилизации. Причем следует отметить, что мусульмане (арабы) всегда стремились доминировать в общественно-политической, экономической и религиозно-культурной сфере указанной цивилизации.

На политическую ситуацию в Судане в XVI–XVIII вв., в том числе и на попытки объединения суданских земель под властью Сеннара, влияли следующие важнейшие факторы: захват и последующие удержание турками¹ северных и восточных районов страны (турецкая провинция Суакин), стремление Эфиопии вернуть себе Нубию и Сеннар, а также сепаратизм местных суданских вождей.

Проникновение турок в Судан (1518–1519) с последующим захватом части его территории отрезало сеннарских султанов от Красного и Средиземного морей. Помимо этого геополитического фактора, немаловажную роль во внутренней политике Сеннара играл и фактор религиозно-идеологический. Турецкий султан Селим I Явуз, как известно, принял титул халифа, подкрепленный внушительной военной силой, став тем самым верховным правителем всех мусульман, в том числе и суданских.

Иными словами, легитимность султанов Сеннара как правителей право-

---

¹ Необходимо учитывать, тот момент, что «турками» в Судане и Египте называли всех мусульман — выходцев из регионов Малой Азии, Балкан, а также с Кавказа.

верных суданцев с этого момента стала далеко не бесспорной. Последнее обстоятельство давало возможность суданским вождям, недовольным гегемонистской политикой Сеннара, не только в открытую демонстрировать свою независимость от сеннарских султанов, но и пытаться отстаивать ее силой оружия, пусть и не всегда удачно.

В целом, касаясь влияния внешнеполитического фактора, которое сказывалось на внутреннем положении в Судане в указанный период, стоит отметить, что оценка, данная ему в отечественной историографии более тридцати лет назад, до сих пор остается актуальной: «По существу, сеннарские султаны могли сохранять независимость лишь благодаря соперничеству между турками и эфиопами»².

Именно поэтому реально объединить большую часть страны в рамках единого централизованного государства удалось лишь в первой трети XIX в., когда Северный и Центральный Судан был завоеван (1820–1822) армией египетского правителя Мухаммеда Али. Примечателен состав армии: черкесы, грузины, южные славяне, албанцы, турки, египтяне, арабы-бедуины, магрибинцы, беджа-абабде, американцы (командовали артиллерией).

Оценивая период с 1822 по 1881 г. с точки зрения развития единой суданской государственности, стоит обратить внимание на ряд принципиальных моментов.

Во-первых, самим фактом появления единого государства суданцы обязаны пришлым захватчикам, а не своей политической элите, погрязшей в междоусобных войнах.

Во-вторых, эта самая элита была низведена правящей турецко-египетской верхушкой (туркией, как

ее прозвали сами суданцы)³ до уровня низшего чиновничьего звена колониальной администрации и лишилась большей части своих доходов⁴.

В-третьих, значительно активизировавшаяся торговля рабами, захваченными в том числе и на юге страны, которые продавались на невольничьи рынки Ближнего и Среднего Востока, усилила и без того длительную вражду между Севером и Югом Судана.

В-четвертых, поддержка, оказываемая турецко-египетской администрацией тарикату «Аль-Хатмийя», опора на него при осуществлении властных полномочий явились причинами, вследствие которых суфийские орден стали участвовать в политической жизни Судана.

Результатом взаимного действия этих факторов явилось, на наш взгляд, закладывание слабого фундамента национальной суданской государственности, устойчивость которого с тех пор стала зависеть от соотношения силы центральных властей и противостоящих им местных господствующих племенных кланов, объединяющихся, как правило, вокруг того или иного суфийского братства⁵.

Особым этапом и по важности, и по влиянию на всю последующую историю Судана является эпоха махдистского национально-освободительного восстания (1881–1898). По сути, в эти годы суданцы впервые сами создали и поддерживали свое государство. Оно было названо Махдией и представляло собой «теократическое государство джихада», первоначально управляемое как военный лагерь.

Не вдаваясь в подробности махдистского движения, остановимся на тех его моментах, которые во мно-

³ Судан в XIX — начале XX в. // История Востока: В 6 т. Т. 4. Кн. 2. М., 2005. С. 36.

⁴ Кобищанов Ю.М. Указ. соч. С. 101.

⁵ Необходимо отметить, что данное утверждение верно лишь применительно к Центральному и Северному Судану.

² Кобищанов Ю.М. Исторический очерк. С древнейших времен до эпохи империализма // Демократическая республика Судан. Справочник. М., 1973. С. 82.

гом определили будущие социально-политические, экономические и иные черты независимого суданского государства, каковым оно станет в 1956 г.

Во-первых, сам факт создания самостоятельного суданского государства на основе Корана (который при махдистах можно было только читать, а не толковать, что было строжайше запрещено)⁶ и шариата наглядно доказывал в глазах большинства суданцев полезность и необходимость исламской государственности для построения прочного и стабильного Судана. Позже, уже во второй половине XX в. многие из суданцев годы существования Махдии будут считать «золотым веком» в истории своей страны⁷.

Во-вторых, именно благодаря махдистскому движению в Судане возникнет одна из важнейших основ его нынешней политической деятельности, выражаемая во взаимодействии и противоборстве двух мощнейших религиозных и общественно-политических лагерей — тарикатов «Аль-Ансар» (наследники идей Махди) и «Аль-Хатмийя» (наследники противников махдистов) и их политических органов — партий «Аль-Умма» («Аль-Ансар») и Юнионистско-демократическая партия (ЮДП, «Аль-Хатмийя»).

В-третьих, в состав махдистского государства не вошел немусульманский юг, расположенный в стороне от долины Белого Нила — «сердца Махдии». Однако южные племена были вынуждены платить дань махдистскому государству людьми — эти рабы использовались для пополнения армии свежими силами, а рабынь продавали на аукционах для пополнения государственной казны⁸.

Такое положение вещей еще более

усугубило и без того непростые отношения между арабо-мусульманской и африкано-анимистской частями Судана. Отчасти в этом корни южно-северного антагонизма, который подобно язве будет разъедать и в итоге разделит суданское государство уже после обретения им независимости на независимый Юг и Север.

* * *

Образование Англо-Египетского Судана (совместного владения Англии и Египта, а фактически британской колонии) в январе 1899 г. после окончательного поражения войск махдистов и гибели Махдии не изменило те тенденции в развитие суданского государства, которые отчетливо проявились уже на рубеже XIX–XX вв.

Продолжала сохраняться ситуация, когда суданцы в лучшем случае могли получить доступ лишь к низшим должностям в системе колониальной администрации. При этом необходимо учитывать, что только в 1915 г. британские власти приняли решение ежегодно отбирать из числа суданской молодежи лиц, способных к обучению на должности младших чиновников центрального аппарата или заместителей глав администраций районов⁹. Как правило, этими избранными были «выходцы из верхушки племен или элиты религиозных сект (суфийских братств)»¹⁰.

Значительно хуже было положение со сложными, конфликтными взаимоотношениями южан и северян. Более того, англичане намеренно вели дело к возможному отделению Юга от Севера Судана. В их планах было включение Южного Судана в состав Уганды.

Так уже при администрации генерал-губернатора Ф.Р. Уингейта (1899–1916) в Южном Судане ока-

⁶ Судан в XIX — начале XX в. С. 40.

⁷ Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000. С. 57–58.

⁸ Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX веков: В 3 ч. / Под ред. А.М. Родригеса. Ч. 3. М., 2004. С. 166.

⁹ Поляков К.И. История Судана. XX век. М., 2005. С. 26.

¹⁰ Судан: зигзаги социальной деколонизации // История Востока: В 6 т. Т. 5. М., 2006. С. 197.

зались под запретом все проявления арабо-мусульманской культуры: арабский язык, традиционная одежда. Доходило даже до того, что британцы запрещали северянам полностью одеваться, когда те приезжали в южные провинции или на период их пребывания на Юге, а южанам оставили свободу входить в города обнаженными.

В городах Юга англичане в учебных заведениях изолировали южан от северян. Английский язык стал средством общения и письма, а арабский был удален из учебных программ. Невзирая на миллион мусульман, проживающих на Юге, выходным днем недели было объявлено воскресенье. В Экваториальный корпус (расположенный на Юге Судана) набирались молодые воины из местных племен, которыми командовали британские офицеры. Английская колониальная администрация чинила всяческие препятствия коммерческой деятельности северосуданских купцов-джеллябов.

В 1922 г. британской администрацией был принят одиозный закон «О паспортном режиме», по которому две трети территории Судана (свыше половины населения страны) стали «закрытыми районами». Этими зонами были объявлены провинции Дарфур, Бахр эль-Газзаль, Монгалла и Верхний Нил, почти весь Кордофан, некоторые области провинций Хальфа, Донгола, Кассала. В указанных районах было запрещено «свободное перемещение населения», суданцы — жители других мест в «закрытые районы» не допускались. Были также установлены ограничения на допуск южан в северные провинции¹¹.

Все эти меры в числе своих прочих последствий вели также к восстановлению и консервации в Судане феодальных порядков, правда, лишь в социально-политической сфере.

В этом же русле в период с 1922 по

1932 г. вступил в силу ряд законов, в соответствии с которыми значительная часть племенной элиты была наделена судебной властью для рассмотрения тяжб соплеменников. Султаны, шейхи и вожди племен — одним словом, традиционные привилегированные слои суданского населения кроме этого получили фискальные функции, а также ограниченные финансовые полномочия.

Британская колониальная администрация гордо называла вышеуказанные мероприятия политикой «суданизации», цель которой якобы выражалась в широко рекламировавшейся в 1920–1930-х гг. формуле «Судан для суданцев».

На деле одной из главных целей этой политики было недопущение объединения Египта и Судана (к чему так активно стремились египтяне), в частности через замену чиновников-египтян на чиновников-суданцев. Другой же целью являлось подавление антиколониального движения в Судане путем создания иллюзии, что Судан и так управляется суданцами, а следовательно, и нет серьезной необходимости что-то менять.

Ставка, сделанная Лондоном на суданскую племенную и религиозную элиту, в которой англичане видели одну из главных опор своего владычества в Судане, тормозила и без того непростой процесс построения в стране основ современного общества и государственного аппарата.

Именно в период кондоминиума у лидеров крупнейших суфийских сект (тарикатов) «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя» окончательно закрепляется «привычка» выходить за рамки сугубо религиозной деятельности возглавляемых ими организаций и активно влиять на социально-политические и экономические процессы в Судане.

Более того, ситуация в Судане в то время часто напоминала иллюстрацию известного афоризма «хвост виляет собакой». Дело в том, что в ряде

¹¹ Поляков К.И. История Судана. С. 48–49, 56.

случаев главы «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийи» Абд ар-Рахман аль-Махди и Али аль-Миргани, которым покровительствовали британские власти и, как считали в Лондоне, контролировали их, сами использовали англичан в своих интересах.

Другим серьезным недостатком процесса государственного строительства в Судане в период колониальной зависимости являлась его «заточенность» исключительно под нужды Лондона. Проявлялся этот недостаток в следующем: британцы старались готовить только таких государственных управленцев из числа суданцев, которые могли бы работать исключительно в низших и средних звеньях суданского административного аппарата, так как высшее звено образовывали именно англичане.

Иными словами, у суданской правящей элиты вплоть до начала переходного периода (1953—1956) не было реальной возможности попрактиковаться в современных методах управления огромной страной¹², занимая высшие государственные посты. У нее к 1956 г. не было опыта самостоятельного создания социально-экономической инфраструктуры в стране, т.к. всем этим занималась британская администрация. Именно развал созданной британцами социально-экономической системы, произошедший в 1960-х гг., приведет страну в состояние хронического кризиса, вызвав обострение проблем поиска национальной идентичности.

Можно предположить, что британцы, прекрасно зная сильные и слабые стороны суданского государства, рассчитывали, что суданская элита при обсуждении будущего страны выберет вариант свободного Судана под внешней опекой Великобритании.

Однако этого не произошло, и в

новую эпоху своего существования Судан вступил полностью независимой унитарной демократической республикой парламентского образца. На этом все сходства с классической «вестминстерской» моделью парламентской демократии заканчивались. Суверенному Судану пришлось жить в условиях, когда его государственный аппарат стал заложником противоборства между различными общественно-политическими силами, в первую очередь между сектами «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя», в условиях хронически слабой экономики.

* * *

Независимое суданское государство родилось в ночь на 1 января 1956 г., когда была принята его временная конституция, после чего премьер-министр Исмаил аль-Азхари (Национально-юнионистская партия — НЮП) торжественно провозгласил образование Республики Судан.

Как уже говорилось выше, Судан вступил в эру своего независимого развития унитарным государственным образованием. Однако реализовать на практике принцип унитаризма и построить на его основе крепкое национальное государство оказалось невозможным.

Виной тому стал целый комплекс политических и социально-экономических причин, решение которых оказалось не по силам сменявшим друг друга военным и гражданским режимам: только за период с 1956 по 1969 г. произошли два государственных переворота и одна революция.

Главными препятствиями на пути реального воплощения принципа унитарного государственного устройства в сфере внутрисуданских политических отношений стали объективная неспособность суданских правительств стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране, устранив заложенный еще британцами дисбаланс в развитии регионов, а так-

¹² Судан уже в 1916 г., с окончательным покорением Дарфура, приобрел нынешние свои размеры и границы, став самым крупным государством на африканском континенте.

же активное желание правящей элиты южан жить по своим правилам и законам. В этом их активно поддерживали власти США, Великобритании, Бельгии, Конго и ЮАР.

Возможно, эту автономистскую, а чуть позже и откровенно сепаратистскую позицию южносуданской элиты удалось бы преодолеть, если бы официальный Хартум сделал все от него зависящее, чтобы поднять уровень жизни на Юге, уравнив его с по основным экономическим и социальным показателям с Севером, ликвидировав (или значительно сократив) его полусторвековую отсталость от Севера.

Однако северосуданская политическая элита даже и не помышляла об этом в 1950-60-х гг., когда еще сохранялась возможность относительно малыми средствами интегрировать южан в единое суданское государство. На Севере в то время относились к Югу как к региону, который можно нещадно эксплуатировать в своих интересах (как это еще недавно делал Лондон), не задумываясь о последствиях такого подхода, и жестоко подавлять любые выступления недовольных этим положением южан.

Отчасти курс центральных суданских властей, выбранный по отношению к Югу, был продиктован глубоким кризисом, в котором оказалась страна после обретения независимости. Кризис был вызван монокультурностью суданской экономики, заключавшейся в исключительной ориентации страны на производство и продажу хлопка. В 1957–1958 гг. в Судане был крайне низкий урожай хлопка, на это наложилась активная экспансия США на мировом хлопковом рынке и бойкот, объявленный суданскому хлопку со стороны его традиционных покупателей — британцев. В итоге доходы суданского бюджета были крайне скудными¹³. Следствием такого положения

вещей стал фактический отказ официального Хартума от мер, направленных на выравнивание уровней социально-экономического развития Севера и Юга страны.

Вместо этого в основу внутривнутриполитического курса суданских властей в отношении южного региона, да и всей страны в целом, был положен силовой подход — 17 ноября 1958 г. власть захватили военные во главе с главнокомандующим армии генерал-майором Ибрагимом Аббудой, дав начало длинной веренице военных переворотов (1964 г. — свержение диктатуры Аббуды, 1969 г. — захват власти полковником Джаафаром Нимейри, 1985 г. — свержение диктатуры Нимейри, 1989 г. — приход к власти бригадного генерала Омара аль-Башира). Полное банкротство к концу 1960-х гг. силовых методов решения южносуданской проблемы заставило правящую элиту Судана пересмотреть свои взгляды на основополагающие принципы административно-территориального устройства страны.

В июне 1969 г. правительство заявило о представлении Югу «региональной автономии в рамках единого суданского государства и проведении там ряда мероприятий по социально-экономическому развитию»¹⁴. При этом Север не отказывался от своих взглядов на суданскую нацию как на арабомусульманскую, признавая южан лишь исключением, подтверждающим правило.

Следующий этап постепенных изменений в жестко централизованной структуре суданского государства пришелся на начало 1972 г., когда официальный Хартум и политические руководители южносуданских сепаратистов заключили в Аддис-Абебе соглашение о прекращении войны и предоставлении Югу статуса автоном-

¹³ Пензин Д. Судан. М.: Мысль, 1965. С. 49, 57, 95.

¹⁴ Гусафов В.И. Социально-экономическое развитие Судана: актуальные проблемы. М., 1983. С. 17.

ного самоуправляемого региона в рамках единого Судана.

Указанный статус Южного региона был закреплен соответствующими статьями Конституции Демократической республики Судан 1973 г. При этом сохранялся общий унитарный характер суданского государства. Центром власти стала фигура президента Нимейри, который сосредоточил в своих руках все нити управления страной.

Таким образом, в правление Нимейри после 1972 г. проявилась определенная двойственность в вопросе подхода к формированию и определению структуры суданской государственности. С одной стороны, Аддис-абеебские соглашения вынудили официальный Хартум признать и подтвердить в конституции 1973 г. автономный статус Южного Судана, но с другой — логика диктаторского правления Нимейри предписывала ему и его окружению проводить политику жесткой централизации, недопущения формирования неподконтрольных им структур и организаций, не говоря уже о целых регионах.

Именно эта логика в числе других причин побудила Нимейри пойти в 1980–1983 гг. на административную реформу Южного Судана. Юг был разделен на три региона с собственными правительствами, причем каждый из этих регионов делился в свою очередь на две или три провинции¹⁵.

Однако вместо достижения еще большей стабильности эта реформа вкупе с другими факторами привела к началу в том же году второй войны Юга и Севера, которая завершилась лишь в 2005 г. подписанием мирного соглашения.

Смена власти, произошедшая в Судане весной 1985 г. (Нимейри был свергнут верхушкой армии, опасавшейся массовой народной революции начавшейся

вследствие значительного падения уровня жизни большинства населения страны) и последующее возвращение на политический Олимп традиционалистских партий «Аль-Умма» и ЮДП (Юнионистско-демократическая партия), никак не отразились на сущности административно-территориальной структуры страны.

Принятая в октябре 1985 г. временная конституция Судана «Народная Хартия апрельской революции 1985 года» оставила без серьезных изменений устройство суданского государства. Страна подразделялась на 8 провинций (регионов), город Хартум преобразовывался в отдельную административную единицу¹⁶.

Система автономного управления южных районов Судана оставалась неизменной и базировалась «на идее единства Судана, в соответствии с законом о региональной автономии Юга от 1972 г. или же в соответствии с поправками, которые могли быть приняты большинством в 2/3 голосов членов ПВС и переходного правительства на их совместном заседании, при условии, что любая поправка подлежит одобрению в ходе референдума»¹⁷.

Однако в условиях шедшей, как уже указывалось выше, с 1983 г. между Хартумом и Суданским народно-освободительным движением/суданской народно-освободительной армией (СНОД/СНОА) войны все эти положения так и остались по сути декларацией о благих намерениях, нежели свершившимся фактом.

* * *

В 1991 г. в рамках проекта по созданию исламского государства была проведена административно-территориальная реформа Судана и введена четырехуровневая структура управления страной.

¹⁶ Судан: справочник. С. 104.

¹⁷ Цит. по: История Судана в новое и новейшее время. С. 187.

¹⁵ Тихомиров Н.К. Авторитаризм, демократические процессы и урегулирование внутрисуданских конфликтов // Ближний Восток и современность. Вып. 27. М., 2006. С. 309.

1. Первый уровень — центральное правительство.

2. На втором уровне вместо 18 провинций, объединенных в 8 регионов, были созданы 9 вилайатов (штатов).

3. Третий уровень образовывали 66 провинций, входящих в состав штатов.

4. Наконец, четвертый уровень — это 281 область с местным управлением, входящие в состав провинций.

Как было заявлено Советом командования революцией национального спасения (СКРНС) во главе с аль-Баширом, реформа должна была расширить региональную автономию, так как каждый штат возглавляется губернатором и его замом, опирающимся на правительство штата, в ведении которого вопросы местного управления и сбор налогов. За центральным правительством оставались внешнеполитическая, военная (вопросы безопасности) и экономическая сфера¹⁸.

Следующей важной вехой на длинном пути к более или менее реальному федерализму как основе суданской государственности стоит признать реформу 1994 г.

В феврале 1994 г. руководство страны приступило к осуществлению новой масштабной административной реформы по изменению территориально-административного устройства страны¹⁹. С этого момента Судан превращается в федерацию в составе 26 провинций (вилаятов). Однако в 2006 г. провинция Западный Кордофан была введена в состав провинции Южный Кордофан, и поэтому общее число провинций сократилось до двадцати пяти.

Во главе каждого вилаята стоит на-

значаемый правителем губернатор (вали). Органы законодательной и исполнительной власти на местах получили широкие полномочия. Была выстроена стройная система управления страной: первый уровень — федеральное правительство, второй уровень — правительство штатов, третий уровень — провинциальные власти, четвертый — местные советы (в юрисдикции штатов).

В соответствии с проводимой реформой в круг полномочий федеральных властей вошли национальная оборона и безопасность, международные отношения, судопроизводство, генеральная прокуратура и адвокатура, вопросы гражданства и миграции, валютно-финансовая политика, внешняя торговля. За образованными штатами были закреплены контроль над внутренним управлением, взиманием налогов, местным здравоохранением и образованием²⁰.

В целом реформа была завершена к лету того же года. Вместе с тем образованная федерация носила скорее не реальный, а номинальный характер, поскольку президентский указ об изменении формы государственного устройства не предусматривал сколько-нибудь значительного перераспределения полномочий между центральным правительством и органами власти субъектов суданской федерации.

Фактически главной целью реформы 1994 г. было достижение взаимовыгодного компромисса между интересами военно-исламистского режима Омара аль-Башира и Хасана ат-Тураби (установился в ходе «Сауры инкази аль-каумий» — «Революции национального спасения» 30 июня 1989 г.)²¹

¹⁸ Тихомиров Н.К. Региональные конфликты. Проблема Юга Судана. М., 2006. С. 136.

¹⁹ По другим данным, Судан получил федеративное устройство в 1992 г. (См.: Country Presentation / 3 rd UN Conference on the Least Development Countries, Brussels, 14–20 May 2001. Geneva: UN, 2001. Sudan)..

²⁰ Диаа Эльдин, Хамза Хамед. Конституционное развитие Республики Судан (исторический и правовой аспект) // Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 116.

²¹ Государственный переворот, устроенный бригадным генералом Омаром Хасаном

и интересами местных элит, реально контролирующую жизнь в суданских регионах.

Кроме этого, данная система может считаться попыткой воплощения на практике проекта «исламской республики Судан», реализующего взгляды северосуданских политиков и мыслителей о «подлинной» природе суданской нации, к построению которой так стремились активисты НИФ и в основе которой лежали следующие принципы: «риба» (запрет на ростовщический процент), «закят» (добровольное пожертвование) и «шура» (совет).

Через реализацию запрета на ростовщический процент достигается исламизация банковской сферы, в результате которой все вкладчики банков в равной мере разделяют успех или неудачу своего банка.

Закят же, как добровольный налог-пожертвование, призванный помочь бедным, материально неблагополучным людям, позволяет смягчить острое социальное неравенство.

Шура представляет собой систему, охватывающую всю пирамиду власти: от кварталов, деревень до общенационального парламента и президента. Выборы главы государства будут проходить на альтернативной основе²². В полном соответствии с этими взглядами и была выстроена федеральная система, она, как было уже показано выше, начинается с уровня местных советов и заканчивается федеральным правительством.

Согласно ат-Тураби, исламское государство «подчиняется высшим нормам шариата, представляющего волю Аллаха... халиф же или любой другой

Ахмедом аль-Баширом (после переворота присвоил себе звание генерал-лейтенанта), командующим 8-й парашютной бригадой армии Судана, при негласной поддержке Национального исламского фронта (НИФ), возглавлявшегося Хасаном ат-Тураби.

²² Хасан ат-Тураби. Ислам и время // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 33.

носитель политической власти подчиняется шариату и воле избравших его людей». Более того, лидер НИФ считал, что «современное исламское правительство может, исходя из шариата, вводить нормы права и проводить политику, основанные на шариате». Также ат-Тураби полагал, что «мусульманское государство сегодня может определить свою систему публичного права и экономики, исходя из шариата и иджмы».

Характеризуя роль законодательства, основанного на шариате, ат-Тураби утверждал, что «высшая общая цель религиозной жизни объединяет частную и публичную сферы; шариат является арбитром между общественным порядком и индивидуальной свободой».

Для главы суданских исламистов было принципиально важен тот момент, что «какую бы форму ни принимала исполнительная власть, ее глава всегда должен подчиняться шариату и сформулированной на его основании иджме (*согласованное мнение видных имамов по вопросам ислама*)».

Исходя из этого, доказывал ат-Тураби «можно будет принять любую форму или процедуру организации общественной жизни, которая будет направлена на служение Аллаху и целям исламского государства, если только она непосредственно не отвергается шариатом»²³.

В то же время команда аль-Башира видела в этой системе прежде всего возможность организовать более продуктивный диалог с представителями региональных элит, чья лояльность покупалась должностями в новой бюрократической системе.

Отчасти именно этим можно объяснить долговечность этой структуры территориально-административного

---

²³ Цит. по: Абдуллах Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). М., 1999. С. 52–53.

устройства страны, которая с относительно небольшими изменениями существует до сих пор.

Эти изменения были вызваны эпизодическими для страны событиями 2005 г., когда путем заключения в Найроби 9 января Comprehensive Peace Agreement (Всеобъемлющее мирное соглашение, CPA) между правительством Судана и СНОД/СНОА был прекращен 22-летний вооруженный конфликт Юга и Севера Судана.

Одним из базисов CPA является положение о шестилетнем переходном периоде, по истечении которого в 2011 г. на Юге должен пройти референдум по вопросу самоопределения Южного Судана. Для обеспечения нормального функционирования суданского государства была принята Временная конституция 2005 г.

В соответствии с ее текстом Республика Судан объявлялась «суверенным, демократическим, децентрализованным, поликультурным, полирасовым, полиэтническим, поликонфессиональным и многоязыковым государством» (гл. 1, ст. 1). Признавалось, что «суверенитет нации доверен людям и осуществляется в соответствии с положениями этой Конституции и законом, без ущерба для автономии Южного Судана и штатов»²⁴.

Согласно ст. 24 гл. 4 ч. 1²⁵ Судан провозглашался децентрализованным государством, имеющим четыре уровня управления:

- 1) национальное правительство;
- 2) правительство Южного Судана;
- 3) правительства штатов;
- 4) местные правительства.

Глава 3 ч. 3 «Временные положения для института президентства» особо оговаривала, что в настоящий момент

должность первого вице-президента должен занимать председатель СНОД или его преемник. Также первый вице-президент является и президентом правительства Южного Судана, оставаясь при этом главнокомандующим СНОА²⁶.

В гл. 5 ч. 3 («Правительство национального единства») и гл. 2 ч. 4 («Временные положения для Национального законодательного собрания») были зафиксированы квоты для различных политических сил Судана:

1. НКС (Национальный конгресс Судана) должен быть представлен в органах исполнительной и законодательной власти 52% от общего числа членов указанных структур (49% — северяне, 3% — южане);
2. СНОД — 28% (21% — южане, 7% — северяне);
3. Остальные политические силы Севера — 14%;
4. Остальные политические силы Юга — 6%²⁷.

В то же время необходимо отметить, что вышеуказанная система квот на места в правительстве и парламенте противоречит ряду других статей временной конституции (ст. 4, 41)²⁸. Правда, стоит отметить, что «временные положения» имели силу лишь до Всеобщих выборов (в ходе них избирались президент Судана и президент правительства Южного Судана, губернаторы штатов, Национальная ассамблея, Законодательная ассамблея Южного Судана, парламенты штатов), которые должны состояться «не позднее чем конца четвертого года Переходного периода», то есть в течение 2009 года (ст. 65, 79, 117)²⁹.

Но в силу целого ряда причин как политического, так и технического характера (споры между НКС и СНОД о распределении властных полномочий

²⁴ The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan 2005. Khartoum, 2005. P. 3. Эта суданская конституция стала основным законом для Судана на время переходного периода (2005–2011 гг.).

²⁵ Ibid. P. 10–11.

²⁶ Ibid. P. 24–25.

²⁷ Ibid. P. 30, 45.

²⁸ Ibid. P. 3–4, 16.

²⁹ Ibid. P. 24–25, 30, 45, 94.

в стране после выборов, обеспечение транспарентности выборов, неготовность южносуданцев к проведению выборов и др.) выборы прошли лишь 11–15 апреля 2010 г.

В борьбе за пост президента страны, как полагается, победил Омар аль-Башир (НКС — Национальный конгресс Судана) с 68,2%, в то время как его основной оппонент Ясир Арман (СНОД) набрал 21,7% и занял второе место. Далее идут Абдуллах Денг Ниал (ННК) — 3,92%, Хатем ас-Сир (ЮДП) — 1,93%, Садык аль-Махди («Аль-Умма») — 0,96% и, наконец, Мубарак аль-Фадиль (ПУРВ) — 0,49%.

На Юге аналогичная картина: победу одерживает действующий руководитель Южного Судана Сальва Киир, набравший голосов даже больше своего северного «визави», аж 93%, в то время как его противник Лам Аколь — всего 7%³⁰.

По результатам парламентских выборов партия аль-Башира также одержала более чем весомую победу, завоевав 72% голосов избирателей и конвертировав их в 319 депутатских мандатов. «Младшему брату» НКС СНОД досталось «всего» 22% голосов и 99 мест в Национальной ассамблее Судана, что на 6% меньше чем было до выборов в соответствии с гл. 2., ст. 117, п. 1 ВКС («Временные положения для Национального законодательного собрания»). В Ассамблею также прошли ННК (Национальный народный конгресс), ЮДП (Юнионистско-демократическая партия), «Аль-Умма», ПУРВ (Партия Аль-Умма за реформы и возрождение), «Братья-Мусульмане», СНОД-Демократические перемены, а также три независимых кандидата³¹.

³⁰ Bashir, Kiir officially win Sudan's presidential elections. Sudan Tribune. 26.04.2010; Factbox: Sudan presidential election results. Sudan Tribune. 27.04.2010.

³¹ Доклад Генерального секретаря по Судану // Совет Безопасности. Организация

Однако опыт функционирования новой политико-административной системы, выстроенной на основе Временной конституции 2005 г., включая апрельские выборы 2010 г., показывает, что вместо реального федерализма западного образца страна фактически полностью разделилась на два государства — Северный и Южный Судан. Между ними идет жесткое соперничество за главный стратегический ресурс страны — нефть.

Наиболее наглядным выражением этого соперничества является борьба Джубы (столица Южного Судана) и Хартума за контроль над провинцией Абьей, вернее, за ее нефтяные месторождения.

Главными причинами неудачи с построением подлинного национального федеративного государства в Судане явилось нежелание центральных властей поделить с регионами доходами, в том числе и от продажи нефти, добытой в этих регионах, вкладывать значительные средства в развитие регионов, а также низкий уровень политической культуры большинства населения страны, во многом обусловленный неразвитостью, а то и полным отсутствием объектов социальной инфраструктуры. Также помешала этому процессу идея об арабо-мусульманской природе суданской нации.

В этих условиях единственными способами удержания действенного контроля над региональными элитами является их подкуп или прямое силовое давление, то есть те приемы, которые более полувека назад так искусно применяла Великобритания.

* * *

Таким образом, единый суданский национальный «федерализм» держался во многом благодаря жестко централизованной структуре суданской армии и сил безопасности, которые до

сих пор выполняют роль главной опоры суданской «федерации», а также за счет подкупа влиятельных местных племенных кланов в виде предоставления им «хлебных» местечек в национальном и региональном госаппаратах.

Нерешенность проблем с определением природы суданской нации, а главное — принятием на всех уровнях суданского общества и государства идеи о том, что Судан — это уникальный общественно-политический организм, где волею исторических судеб переплелись и негроидное население Юга, и арабы Севера, и мусульмане, и христиане и анимисты, все вместе со своими культурами, ценностями создающие суданскую нацию, привела к

развалу страны на два государства: Южный Судан и Северный Судан.

Прошедший 9–15 января 2011 г. референдум о самоопределении Южного Судана и реакция на него как на Юге, где 9 января фактически стало празднованием еще пока юридически не оформленной независимости региона (а в том, что так оно и будет, уже никто не сомневается), так и в странах, где голосовала южносуданская диаспора, показал, что сохранение единой суданской нации возможно лишь путем создания тесного и братского союза двух суверенных государств — Республики Южный Судан и (Исламской) Республики Судан.

Фонд Поддержки и Развития Гражданского Общества «РОД» представляет

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
Àèáí à Ñàì áí î àà
Í À ÝÒÌ È×ÀÑÊÎÊ É ÂÎ ÉÍ Æ

Елена Семенова — русская писательница, поэтесса, историк, редактор информационного портала «Русский Архипелаг» (<http://www.rys-arhipelag.ucoz.ru>). Ее новая книга посвящена свежим, незалеченным ранам русского народа — трагической судьбе русских на постсоветском пространстве.

«...Вдруг выяснилось, что никакого советского братства не было и нет, а “братские народы” все это время копили в себе зерна шовинизма, удобренные некогда большевиками, и ненависть к “оккупантам”, причем понимая под таковыми не столько Советский Союз, сколько Россию, не столько коммунистов, сколько русских. Платой за иллюзии “братства” стала русская кровь, хлынувшая на окраинах гибнущей державы...»

Судьба русских в Средней Азии, Закавказье, Молдавии, на Украине; равнодушие «родины-мачехи» к русским беженцам и переселенцам; национальная политика современной Российской Федерации — эти и другие «горячие» темы ярко обрисованы в новой книге Елены Семеновой.

143 страницы, тираж 500 экз.

Книгу Елены Семеновой «На этнической войне» вы можете приобрести в интернет-магазине «Традиция» (www.traditsiya.ru), заказы по электронной почте: orders@traditsiya.ru

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ГОНКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СЕКРЕТ ЛИДЕРСТВА

История мировой культуры есть история конкуренции и борьбы цивилизаций, каждая из которых прочно ассоциируется с той или иной расой, суперэтносом или этносом.

Наиболее наглядным и близким нам по времени воплощения этот тезис становится, когда мы берем в рассмотрение судьбу великих цивилизаций (мегацивилизаций), таких как Западноевропейская, Китайская или Исламская. При этом будем опять-таки иметь в виду, что сравниваются не географические или конфессиональные системы, а культуры расы (Западная Европа), этноса (Китай) и этнического конгломерата (мир ислама). То есть биосоциальные космосы.

Не секрет, что примерно до XVI в. цивилизационное первенство в мире прочно держали китайцы. И в миропонимании, и в проникновении в тайны природы, и в познании законов гармонии, красоты, и в технологиях производства и быта. Ими были изобретены фарфор, бумага (в том числе туалетная), печатная книга и гравюра, шелк, порох, ракеты, бильярд, сейсмограф, компас, румпель, многоярусная мачта, ткацкий станок, плуг, передовые агротехники, чугун, висячие мосты, бумажные деньги, спички и множество других необходимейших для человечества вещей, жизнь без которых непредставима. Китайская доогнестрельная артиллерия и осадная техника поражают воображение. Секреты обработки камня (в т.ч. твердешего нефрита) и слоновой кости — уму непостижимые. Достижения китайцев в области

мысли — эстетической, философской, политической, военной, медицинской — удивляли всех даже в том очень дозированном виде, в каком китайцы позволяли себя узнавать некимтайцам. Импульсы китайского национально-го гения, проникая до отдаленнейших мест планеты, зачастую воспринимались как чудо, всюду будили восхищение, обожание, стремление приобрести, коллекционировать и подражать.

Весь остальной мир тщетно пытался проникнуть в китайские секреты, тщился подделывать их технологии. Так, к примеру, мастера фаянсовой посуды в Персии, Нидерландах или Германии вплоть до конца XVIII в., а местами и позднее, копировали формы китайских керамических ваз, блюд, мисок и тарелок, украшая их орнаментом в китайском стиле, но... достичь высоты первообразцов так и не могли.

Интересно, что китайцам подражали в том числе и другие монголоиды — японцы, корейцы, вьетнамцы, монголы. Как и европейцы, они пытались догнать далеко ушедшую вперед цивилизацию Китая, но тоже не могли. Те же японцы, к примеру, буквально всеми видами искусства обязаны великому континентальному соседу, даже такой традиционной для японцев отрасли, как нэцке, своего рода визитной карточкой нации. Но на поверку даже самое слово «нэцке» означает в переводе «китайская вещь». Китайская культура была не расовой, как европейская, а сугубо национальной, этнической. Китай всегда оставался

самодостаточной вещью в себе, страшной чудес.

Цена китайских артефактов была порой непомерно высока. Известно, например, что Людовик XIV выменял у курфюрста Саксонии Августа Сильного «фарфоровый кабинет» из примерно 300 предметов (мне довелось его лицезреть на выставке в Национальном музее керамики в Севре) за два полка вооруженных драгун, которыми Август мог распорядиться как угодно: бросить в бой, использовать в охране и т.д. То есть, по сути, один европейский властитель расплатился с другим за хрупкие китайские предметы человеческой кровью, жизнями подданных.

На втором месте по уровню цивилизации стоял в Средние века мусульманский мир. Медицина и фармацевтика, астрономия и оккультные науки, навигация и приборостроение, математика, химия и алхимия, каллиграфия, керамика (кроме фарфора), стекло, кожевенные изделия, ковроткачество и вообще текстиль (кроме шелка), ювелирное искусство и кулинария были прославлены по заслугам. Высочайшего класса достигла обработка металла (к примеру, «наследье бранного Востока» — знаменитые булаты, секрет которых был разгадан только в России, но... уже в XIX в.) и т.д. Все это в изобилии текло на рынки Европы. Музей исламской науки и техники в Стамбуле лишь в малой степени отражает влияние мусульманской цивилизации на европейские страны, которые были поражены ею еще во времена первых крестовых походов. В IX–XIV вв. европейцы были порядочными дикарями по сравнению с утонченной и высокоумной — высокотехнологичной и наукоемкой, как сказали бы теперь, — культурой Ближнего Востока. Искусство жить (собственно, цивилизация) у народов ислама стояло на порядки выше, чем в Европе и лишь частично могло быть усвоено завистливым Западом.

Но начиная с XVI в. все меняется.

Западная Европа стремительно вырывается в колонновожатые прогресса и, хотя еще в XVIII в. Китай производил примерно треть мирового промышленного продукта, но цивилизационное лидерство к этому времени уже прочно перешло к людям Запада и остается у них до сих пор. Теперь уже весь прочий мир завидует европейцам (в том числе создавшим США), дивится их чудесам и стремится перенимать у них новое.

Что же касается Китая и исламского Востока, то впечатление такое, что жизнь в Китае приостанавливается уже к концу XVIII столетия, китайцы перестают радовать и изумлять мир необыкновенными достижениями в науке, технике и искусстве. А мусульманская цивилизация в лице необъятной, поглотившей даже арабов, Османской империи и маргинализирующейся Персии просто замирает и даже начинает загнивать, откровенно капитулируя перед натиском европейских идей и технических прорывов¹.

¹ Граф П.А. Толстой, составляя в 1703 г. описание Османской империи, убедился, что армия, флот, военная техника у турок отставали от европейских по меньшей мере на полтора века. В артиллерии употреблялись снаряды времен XVI столетия и даже мраморные ядра эпохи султана Сулеймана Кануни. Толстой писал о турках, что «вся их военная хитрость и сила состоит в их множестве... ежели же их неприятель собьет и принудит отступить, потом уже никоим образом установиться в строй не могут, но бегут и погибают, понеже стройному бою не обыкновении, и егда неприятель их погонит, тогда отдираются от начальства и оставляют их и бегут невозвратно и видят сами, что тот их воинский строй им не пожиточен и худ, одначе иностранным обучением гнушаются». А поступивший тогда же на турецкую службу и принявший ислам француз граф Бонневаль (Ахмед Хумбарджи-паша) отмечал в мемуарах, что турецкая армия была для обстрелянного войска слабым соперником: «В пятидесяти тысячах французов или немцев больше солдат, нежели в двухстах тысячах турок».

Очень скоро, уже в XVIII–XIX вв., безусловное преимущество европейцев выразилось в серии ярких военных побед над Китаем и миром ислама, апофеозом чего явилось завоевание Северной Африки Наполеоном, Кавказа и Закавказья — Россией, могольской Индии — Англией и победы Англии и Франции над Китаем в т.н. опиумных войнах. Причем очень и очень заметную роль тут сыграла Россия, сумевшая вовремя модернизироваться, приобщиться к преимуществам и — главное! — к духу европейской цивилизации и нанести ряд сокрушительных поражений Турции и Персии, а у Китая без войны, но совершенно безнаказанно отхватить огромные территории, воспользовавшись его бедственным положением в ходе опиумных войн.

К числу глобальных побед европейцев я отношу также открытие и завоевание обеих Америк, что явилось яркой демонстрацией их цивилизационного преимущества. Всем остальным это оказалось не по силам. Отношение краснокожих американцев к монголоидной расе, подтвержденное сегодня антропологическими и генетическими исследованиями, придает этому факту дополнительный оттенок.

Прошло уже два века, но даже сегодня Китай пока еще явно работает в догоняющем режиме, а мусульмане всего мира и вовсе ничем не радуют международное сообщество в плане новых технологий и индустриальных чудес. Никто не ищет ни самолетов, ни автомобилей, ни бытовой техники, ни электроники, ни вооружений арабского, персидского и т.д. производства. Никто даже не ждет от них новых чудесных ноу-хау. Страны ислама во многом живут традиционными промыслами, как столетия тому назад, в них царит тишина прочного застоя.

Переломный момент — XV–XVI вв. Нельзя не озадачиться вопросом: что же случилось в эту эпоху и как по-

лучилось, что Европа так быстро, так очевидно и так надолго выиграла битву цивилизаций — конкурентную борьбу с противниками, имевшими, казалось бы, все преимущества?

Секрет этот раскрывает история печатной книги.

Книгопечатание и прогресс

Лидерство цивилизаций обуславливается лидерством в сфере производства и передачи информации. Все остальные достижения — вторичны и зависят именно от указанного фактора.

Сегодня это может показаться банальностью. Но понимание данной простой истины утверждается ходом истории по мере того, как возникают очевидные преимущества у тех, кто точнее, быстрее, шире и дальше распространяет информацию, важную для понимания мира и человека.

Теоретически уже изобретение письменности надо бы считать первой информационной революцией в истории антропосферы, далеко продвинувшей вперед свершившие ее народы². Однако владение письмом, при всей очевидной прогрессивности, еще не гарантировало ни определяющих цивилизационных прорывов, ни глобального лидерства, ни исторического долголетия, ни даже элементарного выживания. Об этом свидетельствует судьба вымерших, исчезнувших народов, имевших когда-то свое письмо. Так, без следа исчезли самые первые изобретатели письма, еще пиктографического, 5500 лет до н.э. населявшие Балканы (Тэртэрийские надписи, т.н. культура Винча), а равно канувшие в вечность протошумеры, оставившие нам самые древние письменные документы (ок. 3300 г. до н.э., город-

² Некоторые такой первой революцией считают возникновение человеческой речи, но это вопрос спорный, поскольку феномен вовсе не владеющих речью человеческих популяций науке не известен.

государство Урук на территории современного Южного Ирака) или ольмеки Центральной Америки (следы их так и не расшифрованной письменности восходят к 2000 г. до н.э.). Изобретение самого древнего из известных алфавитов (ок. 3100 г. до н.э.) не спасло Хараппскую цивилизацию дравидов Индостана, которых завоеватели-арийцы обратили в низшую из каст, чей долг служить всем остальным и не приобретать ни знания, ни состояния. Точно такая же судьба, по сути, ожидала народ инков, создавших империю и изобретших узелковое письмо еще ок. 2500 г. до н.э., но в итоге пропавших в испанском рабстве. Искусство письма не предотвратило и гибели древних троянцев, унаследовавших его, по видимому, у критян несколько позднее 1800 г. до н.э. И т.д., и т.п.

Две причины сразу приходят на ум, чтобы объяснить эту относительную недостаточность допечатной книги и документа.

Во-первых, существовала проблема носителя информации: скажем, древнегреческая документация высекалась на каменных тесаных плитах, что создавало трудности изготовления, хранения и использования расписок, договоров и т.д. Тяжело и неудобно было носить и хранить также книги из глиняных табличек. Переход на папирус, пергамент и бумагу породил новую проблему: хрупкость источника. Какие бы невероятные духовные тайны и ценности ни хранила, к примеру, Александрийская библиотека, но после пожаров (а библиотека, по легенде, трижды сгорала дотла — при императорах Юлии Цезаре, Аврелиане и халифе Омаре) они оказывались утрачены для людей в своем большинстве навсегда. Трудно даже представить себе, насколько каждый раз оказывалось отброшено назад человеческое сообщество в своем умственном развитии после таких событий. Аналогичный пример дает история монгольского завоевания Древней Руси, погубившего

бессчетные русские книжные сокровища и далеко отбросившего наш народ от пути прогресса, поставившего нас, эталонных европеоидов, вне европейского сообщества.

Во-вторых, письменность у многих народов была привилегированным знанием горстки мудрецов (вариант: жрецов) и не влияла на качество этноса в целом. Уничтожение подобной группы вело к таким же катастрофическим последствиям. К примеру, первый объединитель Китая император Цинь Шихуан-ди велел закопать живьем в землю 460 ученых, а вдобавок в 213 г. до н.э. еще и сжег все книги в государстве, за исключением сельскохозяйственных, медицинских и гадательных (уцелели также книги из императорского собрания и хроники циньских правителей). Духовный ущерб не подлежит учету. Надо ли удивляться, что через три года после его смерти вся семья императора была истреблена, а империя распалась.

Иную картину открывает нам история народов, сподобившихся использовать печатную книгу. Тут преимущества, из которых непрерывная преемственность информации и формирование образованного сословия (интеллигенции) — наиглавные, очевидны и неоспоримы.

Проиллюстрирую этот важный тезис.

Ниже дается краткий сравнительный очерк истории книгопечатания в Китае, исламском мире и в Европе (отдельно выделяется история книгопечатания в России). Ибо этот материал продемонстрирует сказанное как нельзя нагляднее на примере весьма длительной эпохи, когда электрический сигнал еще не был изобретен и книга была главным средством хранения, интерпретации и распространения информации.

Как и многое самое лучшее и нужное для человека, книгопечатание изобрели китайцы. Их преимущественное положение в мире очень долго обе-

спечивалось в первую очередь именно этим обстоятельством. Но данное величайшее изобретение требовало предварительно других открытий, которые также все были сделаны китайцами. Прежде всего, надо было придумать бумагу и печатный стан.

Бумага

Изобретению книгопечатания предшествовало изобретение бумаги, родина которой, бесспорно, Китай. Ни относительно хрупкий и недолговечный папирус, ни стойкий к воздействию времени, но требующий весьма сложной, малопроизводительной выработки пергамент, ни какие-либо иные носители не могли конкурировать с бумагой как идеальным материалом для книгоиздания на все времена. Невозможно переоценить роль бумаги в истории человеческих сообществ.

Датировка китайского изобретения внушает почтение едва ли не суеверное. В 1957 г. в пещере Баодяо на севере Китая обнаружили гробницу. В ней лежали обрывки бумаги, которую датировали примерно II в. до н.э., возрастом более 2000 лет назад! Бумага, по всей вероятности, была сделана из пенькового тряпья и использовалась для упаковки бронзовых зеркал.

До этих раскопок считалось, что бумага была изобретена несколько позже придворным евнухом империи Восточная Хань Цай Лунем, который в 105 г. н.э. подал прошение императору (своего рода патент) об использовании способа изготовления бумаги. Бумага, изготовленная по нему, хотя делалась из лыка или пеньки, была уже куда лучшего качества, она годилась для письма. Хорошо впитывающая тушь, она сразу была высоко оценена мастерами каллиграфии и живописи. Изобретение быстро стало очень востребованным, и ро письма, наносившиеся когда-то в древности на черепаховых панцирях и бычьих лопатках, во времена Цай Луна писались уже на шелке и бамбуковых дощечках; но шелк был

слишком дорог, а бамбуковые дщицы слишком громоздки и тяжелы.

Важно отметить, что именно во втором веке нашей эры в греческом городе Пергаме европейцы начали вырабатывать материал, который заменит папирус и станет на тринадцать веков основным носителем информации в Европе и России: пергамент. То есть стартовый момент для европейцев и китайцев, когда нужно было решать задачу создания нового носителя информации, наступил в одно и то же время. Но никакого сравнения европейское изобретение с китайским, конечно, не выдерживает, хотя сделаны они одновременно. Что и определило дальнейший отрыв Китая и его роль глобального лидера в науке, технике и гуманитарной сфере.

В III в. бумага в Китае уже получила повсеместное распространение и вытеснила все другие материалы, используемые для письма. Древнейший в мире образец рукописной бумажной книги, известный на сегодня, — это буддистская сутра «Пиюй цзин», датированная серединой указанного века.

Процесс производства бумаги был трудоемким и длительным. Как говорилось в народе: «Клочок бумаги нелегко — прошел через 72 руки». Но китайцев это никогда не останавливало.

Сырьем для бумаги первоначально служили шелковые обрезки, отходы коконов шелкопряда, обрывки старых рыболовных сетей, кора тутового дерева, китайская крапива («бомберия белоснежная»), водоросли и наконец — уже как основной материал — хлопок. Со временем появились и изысканные сорта бумаги, например, ароматная бумага из сандаловой коры. Или: в IX в. куртуазный поэт Сюэ Тао придумал особую розоватую бумагу малого формата специально для записи стихов, популярную в течение нескольких столетий. Ее делали из коры гибискуса (каркаде) в смеси с измельченными лепестками его же цветов. С X в. пишущую бумагу стали изготавливать даже

из бамбука: срезанные весной ветви долго вымачивали в воде, после чего кору отделяли от волокон, смешивали древесину с известью и полученную массу высушивали. С бамбуком конкурировало волокно медленнорастущей ротанговой пальмы. В 986 г. один китайский ученый (его бы ныне сочли экологом) ехидно писал: плохие писатели убивают ротанговые рощи.

Рисовая или пшеничная солома использовалась для приготовления бумаги под весьма разнообразные бытовые нужды. К примеру, при погребении умершего сжигались бумажные изображения лошадей в полном снаряжении, верблюдов, слуг, оружия и денег, поскольку все это символизировало богатство покойного. С самого первого употребления бумага широко использовалась для упаковки, а также в огромном количестве шла на изготовление жертвенных денег, гравюр и народных лубков, талисманов, бумажных змеев, фонарей, зонтиков, вееров, ширм, матрасов и одеял, визитных карточек и игральные карты и пр. Прорезные фигуры и орнаменты из бумаги (силуэты) с V–VI вв. образовали род национального искусства. Бумагой заклеивали окна в домах, ее использовали для обклейки стен как обои.

С давних пор в Китае — к вопросу о культуре быта! — широко использовалась и туалетная бумага. Сохранилось письмо VI в., в котором ученый Ян Чжитуй интеллигентно уговаривает своих домашних: «Я просил бы не использовать для туалетных нужд бумагу, на которой начертаны имена мудрецов».

В итоге в средневековом Китае сложилась огромная бумажная индустрия. При династии Мин (1368–1644) одно лишь Ведомство общественных работ расходовало 315 тыс. листов бумаги ежегодно; торговые же управления империи ежегодно потребляли полтора миллиона листов бумаги. В 1393 г. для нужд императорского двора было заказано 750 тыс. листов

туалетной бумаги высшего качества форматом с газетный лист. Вошли в употребление даже бумажные доспехи для воинов (папье-маше). Производство пергамента в Европе даже отдаленно не приближалось к подобным масштабам, оно попросту несопоставимо с ними.

Вскоре после изобретения китайская бумага, производство которой было засекречено, широко распространилась по всему Востоку и Юго-Востоку. Во II в. новой эры она достигла Кореи, в III в. Японии, тогда же впервые попала в Центральную Азию, в VII в. в Индию. Однако секреты изготовления бумаги оказались известны в Корее и Японии только в начале VII в.

Первым эстафету бумажного производства за пределами Дальнего Востока принял Ближний Восток. Это произошло благодаря военному столкновению арабов с китайцами в VIII в. Стремительно набиравшая силу пассионарная империя ислама — арабский халифат Аббасидов — столкнулся с мощью китайской империи Тан, вознамерившейся расширить свои владения в Средней Азии. В 749 г. китайский полководец Гао Сяньчжи взял Ташкент; угроза нависла над Таразом и Самаркандом, резиденцией наместника халифа Абу Муслима. В 751 г. произошло решающее сражение — Таласская битва, в котором арабам удалось победить китайцев (им предательски ударили в спину вассалы — жаждавшие суверенитета карлуки).

Среди множества захваченных пленников оказались мастера бумажного дела, которые не только передали свое знание арабам, но и усовершенствовали технологии, так что «исамаркандская бумага» признавалась лучшей в мире. Вскоре, в годы правления Гарун-аль-Рашида, в 794 г. была построена бумажная фабрика в Багдаде, который с 762 г. стал новой столицей халифата.

Арабы изобрели свой ноу-хау, научились делать мелованную бумагу, научились ее лощить и т.д. Вместо сы-

рого льна, который в то время преимущественно использовался в Китае, в переработку находчиво пустили тряпки. Это было важное нововведение: с этих пор и до XX в. тряпичное сырье стало основой основ бумагоделания.

Теперь уже арабы считались хранителями главных секретов производства, став основными поставщиками бумаги в Европу.

Это привилегированное положение нарушилось только через 400 лет, в XII в., когда около 1150 г. бумагу начали делать испанцы, переняв технологию у мавров. В 1250 г. бумага появилась во Франции; в 1154 г. — в Италии. В 1300 г. бумагу начала изготавливать Венгрия, в 1390 г. — Германия, в 1494 г. — Англия, в 1586 г. — Голландия, в 1698 г. — Швеция.

Поскольку сырье для бумаги размалывали на «бумажных мельницах», их ставили на реках. Первые мельницы: в Италии (1276, Фабриано), во Франции (1348, Труа), в Германии (1390, Нюрнберг), в Англии (1494, Стивенедж), в Голландии, Норвегии, Дании — в 60-х гг. XIV в., в Польше в 1493 г., в Чехии — в 1499 г.

Россия — далеко не первая, хотя и не последняя из крупных стран Европы, начавшая делать собственную бумагу. Но использовать для письма этот материал она начала еще в XIV в., привозя его первоначально с Востока, а затем из Западной Европы. При Иване Грозном в 1565 г. близ Москвы была построена первая бумажная мельница. Она действовала недолго, но сохранилась купчая грамота 1576 г., из которой следует, что в 30 верстах от Москвы, на реке Уче, работала еще одна бумажная мельница, принадлежавшая помещику Федору Савинову. В XVII в. в стране уже работало 5 бумагоделательных предприятий, а в XVIII веке — 52³, что позволило, например, согласно «Ведомостям о вывозимых за море россий-

ских товарах» за 1766 г., вывезти писчую, оберточную и крашеную русскую бумагу через 16 таможен в Германию, Польшу, Швецию и другие страны. Русские переимчивы и быстро учатся...

Печатный стан

Понятно, впрочем, что такой превосходный материал, как бумага, стал наилучшей предпосылкой для избрания и утверждения самого принципа печати. И оно не замедлило явиться в виде обрезной гравюры на дереве (разновидность ксилографии).

Технически такая печать есть искусство штампа (штемпеля) и относится к т.н. высокой печати, когда изображение не заглубляется в фон, как при глубокой печати, а напротив, выпукло выделяется из него. Материалом может служить камень, дерево (в наши дни линолеум, пластик и пр.) — все, что доступно долоту, стамеске и ножу резчика. Особенность технологии изготовления в том, что вырезать надо зеркально перевернутое изображение, чтобы при оттискивании печатной формы на бумаге (шелке, пробке, коре, воске, сургуче или любом ином носителе) отразилось правильное соотношение «левое — правое».

Высокая печать развивалась долго. Именно в этой технике исполнялись в Китае каменные клейма и печати, являвшиеся как бы факсимильной подписью официальных лиц на документах или художников на произведениях искусства. Личная печать нередко заменяет у дальневосточных народов подпись владельца даже и в наше время. Вырезание каменных печатей уже в отдаленнейшие эпохи было разновидностью искусства, навершие печатей украшались изображениями львов «Фо», драконов, божеств и т.п.

Известны не только каменные, но и деревянные печати. К примеру, уже в эпоху Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.) именно так изготавливались т.н. «печати богов» с текстами заклинаний на них (оттиски использовались в ка-

³ Сквернюков П.Ф. Слово о бумаге. М.: Московский рабочий, 2002. С. 86.

честве амулетов). Они-то и предвосхитили появление досок, с которых китайцы начали оттискивать первые в мире печатные книги. Таким образом, путь от древнейших надписей на черпаховых панцирях до изобретения печати занял у китайцев примерно 6000 лет. Европейцы двигались быстрее, у них — от изобретения алфавита, вначале финикийского, ок. XIII в. до н.э., а от него производного греческого (ок. 800 г. до н.э.), затем этрусского (ок. 700 г. до н.э.) и, наконец, латинского (ок. 400 г. до н.э.) и до печати листовок и блокбухов — этот путь занял более 2700 лет.

В начале процесса бралась соответствующего формата гладко отшлифованная доска продольного распила из дерева, обладавшего одновременно твердостью и вязкостью, чтобы изображение на ней не крошилось, было износостойким. Например, из магнолии, яблони, груши. Каллиграф быстро наносил текст, а если нужно — то и картинку на бумагу и, пока не до конца просохла тушь, накладывал лист на доску и прижимал; иероглифы при этом зеркально отпечатывались на дереве. Текст традиционно заключался в рамку. После чего гравер ножом и стамесочками выбирал из доски пространство между штрихами, и изображение становилось выпуклым. Такая печатная форма называется клише. На него накатывали краску и снова прижимали бумажный лист, на сей раз чистый, притирали его гладилкой или прибивали мягкой щеткой. Получался отпечаток, который можно было получать тем же манером раз за разом, пока доска не обветшает и не раскрошится.

По свидетельству итальянского путешественника Маттео Риччи, в эпоху Мин (1368–1644) опытный печатник мог отпечатать в день 1500 двухстраничных листов. Затем листы складывали пополам чистой стороной внутрь и так переплетали. Классический вид китайской печатной книги сложился к XVI в.; она выглядела как прошитая

тетрадь двойных страниц, сверху наклеивалась обложка из толстой цветной (обычно черной или синей) бумаги. Многотомные издания вкладывались в папку с застежками.

Основное преимущество такой технологии, незаменимое в глазах китайцев, состояло в том, что она передавала любые особенности рукописи, авторского текста, все богатство мысли, запечатленной в иероглифах. О том, насколько это важно для китайцев и почему, я скажу ниже. Но диалектика такова, что именно это важнейшее преимущество китайской ксилографической книги стало главным препятствием к ее развитию.

Сравнительная хронология книгоиздания

Наиболее ранние образцы китайской печатной книги, появившейся, по некоторым данным, уже в конце VI в. (581 г. н.э.), до нас не дошли, хотя предполагается, что таковые были. Первые упоминания о печатании текстов относятся к VII в.; принято считать, что книга возникла в буддийских монастырях династии Тан (618–907). Таким образом, в книгопечатании китайцы обогнали европейцев почти на 750 лет, русских — почти на тысячу (подробности впереди).

Древнейшие сохранившиеся образцы печатных книг датируются началом VIII в. Так, в 1966 г. в юго-восточной Корее был найден миниатюрный свиток шириной около 5 см, отпечатанный с двенадцати ксилографических клише. Это самый древний из известных нам печатных текстов. Его китайское происхождение несомненно. Это буддийская сутра, переведенная с санскрита на китайский язык монахом из Чаньани (нынешний Сиань). Особенности архитектуры храма, где найдено это сокровище, а также начертание некоторых иероглифов позволяют датировать находку именно указанным временем.

Опыт был очень быстро перенят

японцами, великими интерпретаторами чужих изобретений. По приказу японской императрицы Сетоку в 764 г. «вышло в свет миллионным тиражом» издание коротких молитв из этой же сутры в виде миниатюрных свитков. Это издание, несколько экземпляров которого сохранилось до наших дней, выполнено по китайским технологиям.

Около 725 г. в Китае выпущена первая в мире газета «Ди-бао» («Вестник»), отпечатанная тем же способом на бумаге с деревянных досок.

Для сравнения: в Европе первые газеты издаются немцами в 1609 г. в городе Страсбурге (листок с новостями из Кельна, Антверпена, Рима, Венеции, Вены и Праги начинался словами «Relation: Aller Furnemmen») и одновременно в Аугсбурге («Avisa Relation oder Zeitung»). В России первая газета «Ведомости» издавалась по указу Петра I с 1703 г. Таков был без малого тысячелетний разрыв в информационном развитии Китая и Европы.

В 1900 г. в «Пещере тысячи будд» в Дунхуане (Западный Китай) был обнаружен первый полостью сохранившийся образец настоящей, полной печатной книги — «Алмазная сутра» (свиток длиной пять метров). Она была изготовлена в 868 г. н.э.; в ней, в частности, сообщается, что вырезал ее мастер Ван Чи и напечатал «ради поминовения усопших родителей своих». Фронтиспис книги изображает Будду и одного из его учеников.

В IX в. ксилографические книги становятся не только самым быстрым, но и самым дешевым способом распространения информации.

В годы династии Сун (960–1279), пришедшей на смену бурным десятилетиям династических кризисов, печатная книга уже⁴ повсеместно бытует в Китае (благоприятно сказались годы замирения и отсутствие государственной цензуры). К концу династии толь-

ко в двух (!) провинциях — Чжэцзян и Фуцзянь — действовали свыше ста (!) семейных издательств.

По подсчетам историков-специалистов, вплоть до 1700 г. тексты на китайском языке преобладали в мировой печатной продукции. Вряд ли кто-то их мог прочесть, кроме самих китайцев и высокообразованных кругов дальневосточных народов. Вся информация замыкалась в границах одной цивилизации. Но что из того? Ведь нельзя не признать, что прочное первенствование Китая в сфере высоких технологий Средневековья, включая политические и военные, в свете приведенных данных более чем объяснимо.

Никаких принципиальных изменений (если не считать переход от свитка к кодексу) китайская книга не претерпела от своего изобретения и вплоть до начала XX в., технология ее изготовления оставалась неизменной в веках. Разве что с XVII в. китайские печатники освоили технику цветной гравюры, но в технике все той же ксилографии.

Между тем попытки модернизировать китайское книгоиздание предпринимались не раз. Успеха они не имели, но рассказать о них необходимо⁵.

Речь идет в первую очередь о попытке печати книг не с единой матри-

⁵ Ок. 100 г. н.э. появляется латинский курсив, ок. 300 г. — рунический вариант латинского алфавита, имевший ограниченное хождение. Ок. 800 г. во Франции возникает быстро ставший популярным т.н. каролингский минускул, письмо, своеобразно отличающееся от традиционной латинской антиквы и отчасти сближающее ее с греческим алфавитом, но начиная с XI в. на смену ему стремится готический шрифт (не случайно именно его использовал Гутенберг). И только с эпохи Ренессанса, на волне общего стремления к «благородной простоте», возвращающаяся классическая антиква вытесняет из письма и книгопечатания готический шрифт, который остается лишь в немецкой письменности как фактор национального своеобразия.

⁴ Книги, напечатанные в Европе подвижным шрифтом до 1500 г.

цы, а набором подвижных литер, как это много веков спустя стали делать европейцы. Об этом нам рассказывает всего лишь один источник: китайский историк XI в. Шэнь Го.

Согласно его рассказу, первый наборный шрифт в Китае около 1050 г. изобрел его современник, мастер Пи Шэн. Он был кузнецом, но придумал керамические литеры, которые изготавливались из глины (изображение иероглифа на них выдавливалось палочкой), а затем обжигались на огне. Пи Шэн закреплял их составом из смолы и воска на железной пластине (матрице), с которой и производил печать. Для удобства наборщика была создана и наборная касса в виде большой вращающейся тарели, где по кругу в определенном порядке располагались все необходимые иероглифы. Шэнь Го указывает: «Если нужно отпечатать две-три копии, этот способ весьма затруднителен. Однако с его помощью можно очень быстро получить сотни и даже тысячи копий».

Это все, что мы знаем о талантливом изобретателе. До наших дней не сохранилось ни одной книги, им напечатанной. Но, видимо, сам принцип наборной печати крепко запал в инженерные умы. Попытки его использовать еще не раз возникали, только теперь уже вместо глиняных в дело пошли бронзовые литеры, более износостойкие.

Придуманые, как обычно, в Китае, они прошли испытания по близлежащим культурным странам и кое-где прижились. Дело в том, что в той же Корее письмо было не только иероглифическим, но и алфавитным. Корейский император Се Джонг еще в 1420 г. ввел новый алфавит из всего лишь 24 знаков, что сделало наборное печатание легким и, главное, целесообразным. Сохранились бронзовые литеры, изготовленные в XV столетии в Корее, как и книги, там же и тогда же отпечатанные с помощью именно таких литер. Подобные попытки делались в Тибете, Монголии, Японии. Они про-

должались вплоть до XX в.

А вот китайцы такой переход не осуществили. Хотя в книге Ван Чжэна «Нун шу», впервые изданной в 1314 г. (последнее издание 1617), есть даже специальная глава «Книгопечатание подвижным шрифтом», это величайшее изобретение осталось невостребованным. Близок локоть, а не укусишь, как говорится.

Была и другая попытка модифицировать китайское книгопечатание. В XVII в. миссионеры-иезуиты попытались внедрить печать книжных страниц с цельюгравированных медных досок (глубокая печать). Однако этот способ не проще ксилографического, он не сулил никакой революции в издательском деле, и китайцы не сочли нужным ради него ломать национальную традицию. Наверное, это и было правильно.

Но что касается наборного шрифта, то именно этот фактор сыграл решающую роль в гонке цивилизаций, обусловив прорыв Европы и отставание всего остального мира. Хотя придумали его, как мы видим, все те же китайцы и опять с большим (четырехсотлетним) опережением, но пользоваться своим изобретением не смогли. Невозможность для китайцев следовать принципу подвижного шрифта имела для них роковые последствия. Расскажу об этом подробнее.

Когда и как европейцы догнали китайцев

В средневековой Западной Европе долгое время царил манускрипт: книга, написанная и иллюстрированная от руки и существующая в одном единственном экземпляре. Манускрипты создавались, как правило, каждый только одним писцом-каллиграфом, чтобы избежать стилистического разнобоя. Он же обычно выступал и как художник-иллюстратор, хотя иногда приглашались и знаменитые мастера миниатюры. Более-менее поточное производство таких книг, писавшихся

большей частью на долговечном пергаменте (хотя для книг попроще и подешевле использовалась и бумага), было налажено в скрипториях при монастырях, а также при императорских и королевских дворах, но не ниже того, поскольку неграмотность была нередким явлением даже для самых высокопоставленных персон.

Пятнадцатый век — Высокое Средневековье — поворотный момент в истории европейской культуры. К этому времени рост университетов в XI–XIV вв., а с ним и неуклонное увеличение численности средневековой интеллигенции, а также развитие науки, ремесла и торговли, мода на богословские прения в разных слоях населения — все это обеспечивало рост городской грамотности, потребность в чтении, в книге. А многочисленные антифеодальные еретические движения, сопровождавшиеся распространением рукописных проповедей, листовок и отреченных книг, обусловили читательские потребности крестьян. В результате всего этого относительно широкие слои населения устремляются к овладению культурными ценностями.

Производство манускриптов было процессом долгим, трудоемким и дорогим, цена на подобные рукописи была неподъемна для средней руки горожанина или зажиточного крестьянина. Но самое главное — такие книги были нетиражными. При изумительных художественных достоинствах многих каждая находилась в одном-единственном экземпляре. А время уже требовало гораздо большего. Спрос, как положено, родил предложение.

Изготовление наиболее ранних тиражированных изданий в Европе ученые относят к первой четверти XV в. Это так называемые «блокбухи», или ксилографические книги, которые шивались из цельногравированных листов. Технология создания подобных книг описана выше, но есть два различия. Европейцы не пользовались

тушью. Поэтому доски для гравирования после шлифования забеливались (грунтовались) и линовались; по грунту наносился текст и изображение в зеркальном виде. После чего мастер брал нож и стамески и дальше все делал точно так же, как китайские печатники, вырезая матрицу высокой печати (клише). Бумага от притискивания к гравированной доске становилась рельефной, неровной. С обратной стороны на таких листах печатать было уже нельзя, поэтому они в блокбухах двойные, склеенные (в китайских книгах лист просто складывали пополам, считая проклейку излишней).

Еще прежде, чем люди додумались шивать подобные листы в книги, они существовали отдельно — в виде игральные и географические карты, народных картинок, индульгенций, календарей, молитв с изображением святых и т.п. В числе первых таких листов, где изображение сопровождается вырезанным на той же доске текстом, обычно называют ксилографию «Святой Христофор» 1423 г.; у ног святого — две строки отпущения грехов.

Из сохранившихся до наших дней блокбухов самым ранним принято считать «Апокалипсис», изготовленный в Нидерландах также около 1420 г. Его иллюстрации — по две на каждой странице — отличаются выразительностью и мастерством исполнения.

Для средневекового читателя манускриптов была характерна высокая требовательность к внешнему виду книги, утонченный эстетизм. Поэтому блокбухам, а затем и инкунабулам⁶ приходилось поначалу выдерживать нелегкую конкуренцию с рукописями. Богатые меценаты-библиофилы, стремясь заполучить редкую рукодельную книгу, долгое время пренебрежительно относились к печатной. Современник в характерных выражениях опи-

⁶ Иллюминированный экземпляр в двух томах, отпечатанный на пергаменте, хранится в Российской Государственной библиотеке.

сывал библиотеку герцога Федерико да Урбино: «Каждая книга в библиотеке герцога неповторимо прекрасна, написана от руки на пергаменте и украшена миниатюрами. Нет ни одной печатной книги в его собрании. Герцог устыдился бы чего-либо подобного».

Надо заметить, что традиции европейской каллиграфии, преемственные еще от Древнего Рима, были чрезвычайно высоки. Красота и разнообразие почерков⁷, безупречная аккуратность, изощренное искусство композиции рукописной страницы (заполнение шло, как правило, в две колонки, но бывали и фигурные построения шрифта, использовались приемы обтекания текстом изображений, абзацы, колофоны, невероятной красоты инициалы, бордюры и т.п.) приятно радуют глаз. Мастерство европейских каллиграфов хорошо заметно при сравнении книг романского периода с современными им русскими манускриптами домонгольского времени. В то время как русские оружейники, ювелиры, камнерезы и т.д. ни в чем не уступали европейцам, в каллиграфии отставание было очень заметным, ведь русские свою традицию творили, начиная примерно с 800 г., почти с нуля. Впрочем, после монгольского ига наше отставание шло уже по всем статьям как в технике, так и в искусстве, изобразительном и прикладном.

Уже к середине XV в. растущая демократизация и массовость книжного дела в Европе привели к снижению эстетических требований, а с ними и художественного уровня изданий. Блокбухи, выпускавшиеся в количестве 60–100 экземпляров, предназначались не для герцогов. Бедный клир, грамотные горожане и крестьяне — вот кто покупал их. Хотя в этом случае издателей больше заботило количество, чем качество, но, следуя традициям

создателей манускриптов, они сохраняли в производстве блокбухов расположение текста колонками и почти обязательную раскраску. Иллюстрации, инициалы, бордюры, окаймлявшие текст, печатались в ксилографических книгах с единой доски, одним контуром, без затеняющей штриховки, так, как это делается в современных детских книжках-раскрасках. Впрочем, если миниатюры выполнялись с удивительной тонкостью, то расцветывание картинок в блокбухах делалось по трафарету и отличалось грубостью и примитивностью в расчете на невзыскательный вкус. Тираж «гнали» уже не художники, а ремесленники, не слишком деликатничая при этом.

Искусство рукописной книги и миниатюры долго не отступало и продолжало сосуществовать не только с блокбухами, но и с инкунабулами. И дольше всего — в Италии и Франции, именно там, где традиции изготовления манускриптов были развиты более, чем где бы то ни было. Взаимное влияние двух способов книгоделания порождало своеобразные гибриды.

Так, мы встречаем «хироксилографию», где серия картинок, отпечатанных с гравированных досок, сопровождалась текстом, написанным от руки (например, «Легенда о Сервации», середина XV в.). Очевидно, вырезать на доске текст, да еще и «зеркально», было настоящей каторгой. А вот в манускрипте «Доминиканского часослова» из Британского музея рядом с оригинальной миниатюрой находится оттиснутая и раскрашенная ксилография. Встречаются в рукописях раскрашенные инициалы, в основе которых — оттиск штемпеля.

Напротив, знаменитая 42-строчная Библия Иоганна Гутенберга вся украшена инициалами, выписанными исключительно от руки во всем тираже, хотя текст отпечатан уже наборными литерами. И иллюстрации в ней, в отдельных экземплярах, все имеют свои отличия, поскольку тоже сделаны от

⁷ Термин книговедческий, аналогичен термину «ассортимент» в других областях торговли.

руки в традициях миниатюры⁸. И для инициалов, и для иллюстраций в наборе были оставлены специальные пустоты.

Бордюром ручного исполнения, великолепным, с включенными в него красочными портретами, гербами, богатым орнаментом, снабжена «Жизнь Франческо Сфорца», итальянская инкунабула 1490 г. Встречаются французские инкунабулы, где в наборе не только специально оставлялось место для картинок ручной работы, но даже и с гравюрами на дереве, полностью записанными сверху непрозрачными красками по совсем другому рисунку (своеобразный реванш миниатюры). Многие граверы и издатели в свое время занимались раскраской рукописей, например, немец П. Шеффер или французы Верар и Пигуше. Установлено, что с появлением ксилографической иллюстрации не только граверы копировали миниатюристов, но подчас бывало и наоборот.

Большинство иллюстраций — как миниатюры, так и ксилографии в блокбухах и инкунабулах — анонимны. Этого требовал средневековый этикет (как и для русской иконы, например). Одно из первых дошедших до нас имен — Эрхард Ройвих, иллюстрировавший гравюрами на дереве в 1486 г. «Путешествие в святую землю» Брейденбаха.

Репертуар⁹ блокбухов невелик.

⁸ По истории древнерусской печати см.: *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог. М., 1958; *Немировский Е.А.* Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта: 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. Т. 1. 1491–1550. М.: Знак, 2009.

⁹ Школьные реформы, приблизившие образование к задачам времени и значительно расширившие круг элементарно образованных людей, еще ранее прошли в Австрии (реформа Марии-Терезии 1774–1777 гг.) и в России (реформа Янковича де Мириево 1786 г.),

Это — «Зерцало человеческого спасения», «Песнь песней», обращенная почему-то не к ветхозаветной Суламифи, а к деве Марии, «Искусство умирать», «Пляска смерти», «Десять заповедей» и некоторые другие. Они издавались в различных вариантах много раз, главным образом в Германии и Нидерландах. Это в основном все книги духовного учительного плана, весьма благочестивые. Душеспасительные рассуждения оживают в них лишь благодаря наивным, но выразительным картинкам, изображающим порой мученичества, резню, казни и тому подобное.

Каково происхождение ксилографических книг? Как додумалась до них Европа?

Европейская ксилография, в отличие от китайской, родилась не от искусства резных печатей, а от изготовления игральные карт с XIII в. и досок-набоек (клише) для текстильного производства, с помощью которых рисунок наносился на ткань в еще более ранние времена. Переход от ткани к бумаге совершился легко.

Гипотеза о том, что образцами послужили ксилографические книги Дальнего Востока, маловероятна, поскольку не имелось никакой почвы для их хождения среди европеоидов, не владевших китайским языком. А на мусульманском Востоке таких образцов для подражания просто не было, там прочно и надолго воцарилась каллиграфия. Поэтому европейскую ксилографическую книгу приходится считать оригинальным изобретением, только чрезвычайно запоздалым, по сравнению с Китаем. Пусть через девятьсот лет после китайцев, но европейцы все же доразвились до этого сами.

Зато потом вскоре взяли реванш сразу за все, всерьез и надолго.

но они еще не предполагали всеобщего образования.

Козырной туз Европы, или Триумф набора

Смертельный удар блокбухам нанесло изобретение подвижного шрифта немецким титаном инженерной мысли Иоганном Гутенбергом. Но куда страшнее это изменившее мир изобретение обернулось для цивилизационных лидеров антропосферы с Дальнего и Ближнего Востока. На данном поворотном моменте всемирной истории надо остановиться подробнее.

Все европейские языки — алфавитные. Любое слово, любой оттенок мысли свободно излагается с помощью сравнительно небольшого количества букв, имеющих сравнительно простое начертание. Каждую из них можно изготовить в виде литеры в потребном количестве, после чего выложить на матрице в любой комбинации. Гутенберг предвосхитил принцип детского конструктора: вынул одну деталь, заменил другой; рассыпал одну фигуру из конструктора — тут же построил другую. Собрал, разобрал, собрал снова... Легко и просто.

Этот способ лучше всего соответствует алфавитным европейским языкам. Помимо прочих удобств, он позволял легко осуществлять корректуру, исправлять и заменять хоть целую страницу.

Теперь уже не надо было резчикам корпеть над каждой страничкой, вырезая ее на доске, да еще зеркально. Набор позволял во много раз ускорить процесс. Всякую книгу стало возможно быстро набрать, отпечатать, потом рассыпать набор обратно по касе и вновь набрать из нее другую, вместо того чтобы каждый раз резать целую страницу или весь текст заново. После чего, если возникла потребность в переиздании, вновь быстро набрать и издать ту же книгу. И т.д.

Комбинирование литер разного кегля (размера) и начертания давало простор для изощреннейшего макетирования, причем гравированные иллюстрации, по-прежнему изготов-

лившиеся на досках высокой печати, легко вставлялись в текст в любом месте страницы, поскольку высота доски подгонялась под длину ножки литеры, и текст с иллюстрацией монтировались на матрице (талере) сразу вместе.

Интересно, что рукописная книга продолжала существовать и далее вплоть до наших дней, во-первых, на потребу взыскательным и богатым покупателям, а во-вторых, ради анонимного обнародования еретических идей. Но вот ксилографические книги — блокбухи — в XVI в. уже практически не встречаются, они стали просто не нужны за своей трудоемкостью, малотиражностью и архаичностью внешнего вида.

Конечно, даже несмотря на выход в 1461 г. из печати первой иллюстрированной инкунабулы, блокбухи далеко не сразу сходят со сцены. Встречаются нам «гибриды» и здесь, только уже не между манускриптом и печатной книгой, а между блокбухом и инкунабулой. Так, часть текстов в четвертом издании ксилографического «Зеркала человеческого спасения» набрана подвижным шрифтом. Чаше же текстовая часть доски блокбуха отрезалась и выбрасывалась, а картинка использовалась затем в наборных изданиях не только XV, но порою и XVI вв.

Правда, принцип изготовления на одной печатной форме нераздельных текста и иллюстрации не исчез. В XVI в. он встречается в гравюре на меди. Например, серия иллюстраций к мифу об Амуре и Психее по рисункам Михаэля Кокси, выполненных граверами Маркантонио Раймонди, Агостино Музи, Бернардо Дадди и снабженных стихами, является точнехоньким прообразом современных комиксов. Тот же принцип мы видим в многочисленных антипапских, а также антисемитских листовках XV–XVII вв. В конце XVII — начале XIX в. принцип блокбуха полностью возродил в своих книгах поэт и график Уильям Блейк. По той же системе организован и русский лу-

бок, и западный комикс. Пытались, как мы помним, продвинуть цельногравированную книгу в Китае иезуиты, но не преуспели.

Преимущества нового способа печатания оказались неоспоримыми. Иоганн Гутенберг — колоссальная фигура, титан, мировой гений; его культурный подвиг вне сравнений. Он, что называется, выпустил джинна из бутылки, и обратного хода этому процессу уже не было. Наборная печать молниеносно завоевала Западную и Центральную Европу.

Первая информационная революция в Европе

Практически во всех европейских странах (прежде всего в разных городах самой Германии) основателями типографского дела не случайно стали немцы. Среди европеоидных народов они, бесспорно, — аналог китайцев среди монголоидов. Ведь народы, как и люди, делятся на изобретателей, интерпретаторов и паразитов; немцы и китайцы относятся к первым.

Не было бы счастья, как говорится, да несчастье помогло: в ходе уличных боев в Майнце, при вторжении войск герцога Нассау, были разрушены и базовая типография Шеффера и Фуста, и маленькая личная типография Гутенберга (хотя герцог был его покровителем). Вскоре Гутенберг умер. После чего все работники, коих шутиливо прозывали «детьми Гутенберга», эмигрировали кто куда. Типографское искусство оказалось разнесено ими во все стороны. Результат оказался поистине судьбоносным.

Период до 1500 г. именуется для книг, напечатанных по методу Гутенберга, инкунабульным (т.е. колыбельным). Поражает стремительность роста «ребенка». Вот даты открытия первых типографий в Европе, по странам.

Германия. 1460 г. — типография в Страсбурге (печатник Ментель),

1461 г. — в Бамберге (Пфистер), 1466 г. — в Кельне (Целль), 1471 г. — Базель; 1468 г. — Аугсбург (Цайнер), 1469 г. — Ульм, 1470 г. — Нюрнберг (Кеффер и Зензеншмидт), затем во Франкфурте-на-Майне, в Любеке, Лейпциге, Эрфурте и др. В Вене первая типография открылась в 1482 г.

Венгрия. Первая книга напечатана в Буде немцем Андрашем Хессом в 1473 году.

Италия. Первыми печатниками были немцы Конрад Свейнхейм и Арнольд Паннарц, которые в 1467 г. переехали в Рим (они же обучили первых еврейских печатников, выпустивших между 1469 и 1472 гг. комментарии к Торе). В Венеции Иоганн Шпейерский получил привилегию на печатание книг в 1469 г. В Венеции в XV в. насчитывается до 250 типографий, в том числе знаменитая типография Альдов (1495). За Венецией следуют Болонья (1471), Неаполь (1471), Флоренция (1472) и др.

Испания. Первая типография основана в 1474 г. в Валенсии немцами и голландцами.

Португалия. Первое книгопечатание предприняли евреи в 1484 г. в Лейрии, но в 1492 г. евреи были изгнаны из страны, как и из Испании, и в 1495 г. королева Элеонора вызвала в Лиссабон немецких печатников, которые поставили дело по-настоящему.

Франция. «Дети Гутенберга» до Парижа не добрались, но в 1470 г. из Мюнстера были вызваны три немецких печатника: Ульрих Геринг, Михаил Фрибургер и Мартин Кранц. Они напечатали первую французскую книгу — «Письмовник» Гаспарена де Бергамо (1470). Вслед за Парижем книги начал печатать с 1473 г. Лион.

Нидерланды. В Утрехте в 1473 г. первую книгу напечатали Николай Кетелер и Герард фон Леемпт; за ним следуют Лувен (1474), Брюгге (1475) и Антверпен (1476).

Англия. Первая типография основана Вильгельмом Какстоном около 1474 г. первоначально в Вестминстере,

затем в Лондоне. До конца XV в. типографии были основаны также в Оксфорде и С.-Альбоне.

Скандинавия. Книгопечатание впервые введено в Оденсе (Фиония) в 1482 г. Иоанном Снелльлем; в Копенгагене — в 1490 г. Готфридом фон Геменом; в Стокгольме — в 1483 г. В Осло первая типография основана лишь в XVII в.

Польша. Первая напечатанная книга «*Explanatio in Psalterium*» Иоанна де Туррекремата (Краков, без даты [около 1474]); первым печатником считается Гюнтер Цайнер из Аугсбурга. В конце XV и в начале XVI в. Кракове работал печатник Ян Галлер, издававший книги на латинском языке, а на польском, сколько известно, — одни отрывки, и то в виде приложений к некоторым латинским книгам. В Варшаве первая типография появилась лишь в 1578 г.

Чехия. Первые книги напечатаны около 1475—1478 гг. одновременно в Праге и Пльзене, затем в Брно — в 1486 г., в Куттенберге — в 1489 г. (Мартин Тисновский) и в Ольмюце — в 1500 г. (Конрад Баумгартен).

Первый друкарь (печатник) славянских книг был Святополк Феоль, а первая напечатанная кириллицей книга была «Осьмигласник», или Октоих (1491, Краков). Для этого издания резал и отливал буквы немецкий мастер Рудольф Борсдорф из Брауншвейга. Два неполных экземпляра этого первенца славянской печати находятся в публичных библиотеках Петербурга и Москвы, а полный — в Редигеровской библиотеке в Силезии (Германия). В том же году Феоль издал «Часослов», «Триодь постную» и «Триодь цветную».

Литва. Первая точно датированная книга «Апостол» была издана в г. Вильно в 1525 г. белорусским первопечатником и просветителем Франциском Скориной, основавшим там свою типографию.

Древняя Русь. Первая типография в Москве — Государев Печатный двор —

была основана Иваном Грозным по благословию митрополита Макария в 1553 г. в Китай-городе. Первые книги (не менее семи, сохранилось Евангелие 1557 г.) печатались без титульного листа, без обозначения года и места издания, но уже в 1564 г. Иван Федоров и Петр Мстиславец отпечатали «Апостол» — первую русскую книгу, имевшую выходные данные, тиражом не менее 2000 экземпляров. Этот год условно считается началом книгопечатания на Руси.

Федорову на Руси не повезло, на них с Мстиславцем ополчились переписчики книг, которых его типография грозила оставить без куска хлеба. Она была сожжена, и первопечатник бежал из Москвы в Заблудов, Львов и Острог.

Это, однако, не остановило развития книгопечатания на Руси.

Московская типография вскоре была восстановлена, в ней продолжали работать ученики Федорова. Книги печатались также в Александровской слободе; из них сохранились две, в том числе единственный экземпляр Часовника (между 1577 и 1580). Всего в Москве до конца XVI в. было выпущено девятнадцать изданий; их тиражи, как правило, не превышали 1200 экземпляров.

Семнадцатый век в Москве был относительно продуктивен: напечатано более 750 книг. Имелись также небольшие печатни при монастырях, работали типографии в Новгороде-Северском, на Украине и в Белоруссии.

Абсолютно преобладали религиозные (в первую очередь богослужебные) книги. Так, Псалтирь на протяжении XVII в. была издана Московским печатным двором 65 раз (что составляет 13,5% от общего объема книжной продукции), Часовники — не менее 40 раз, Служебники — 28, Евангелия (литургические) — 20, Апостолы — 20 и т.д. В 1663 г. была выпущена первая московская Библия, сопровождавшаяся, как ни удивительно, гравированным на дереве государственным гербом, пор-

третом Алексея Михайловича и точным планом Москвы. Из этой статистики понятно, между прочим, почему главным пособием по научению русских детей грамоте долгое время оставалась Псалтирь, хотя в 1634 году была уже напечатана первая учебная азбука — «Букварь языка словенского...».

Все же, помимо богослужебных, издавались и книги учебного и светского содержания, но очень мало (последних было выпущено всего семь). Это азбуки, буквари, грамматики, издания по математике, военному делу, праву и пр. Тиражи русских книг XVII в. колебались от 300 до 1200 экземпляров.

По сравнению с веком предыдущим это было уже море информации.

Большой скачок

Но вернемся из Древней Руси в глобальную антропосферу, к проблеме исторических побед и поражений, прорывов и отставаний мегацивилизаций.

Вновь задумаемся о сравнении Западной Европы и Китая в связи с историей книгоиздания.

К 1500 г. в Европе инкунабулы на основных европейских языках (плюс древние языки и армянский) печатались уже в 1099 типографиях на территории 246 городов. Появились даже столь крупные издатели, как Антон Кобергер (Нюрнберг), у которого в книгопечатне работало свыше ста человек. Всего до 1501 г. было выпущено 40 тыс. наименований изданий общим тиражом около 20 миллионов экземпляров. Уже в XV в. стали популярными научные журналы, издававшиеся при университетах.

Важнейшая особенность западных инкунабул — их относительно светский характер: церковные книги составляли лишь треть от общего числа; остальное — науки и беллетристика.

Объем книгоиздания продолжал расти и в XVI веке.

Необходимо особо подчеркнуть: перед нами невероятный скачок в развитии европейских народов, перепрыг-

нувших гигантское историческое расстояние в ничтожные сроки. Всего за какие-то пятьдесят с небольшим лет!

Это совершенно беспрецедентное явление.

Конечно, приоритет в изобретении и применении подвижного шрифта китайцы и даже корейцы могут оспорить. Но у китайцев путь от ксилографической книги до наборного шрифта занял полтысячелетия (еще через четыреста лет набором станут печатать книги в Корее), а немцы своим умом прошли его всего примерно за 25 лет. И самое главное — китайцы так и не перешли на наборную печать, а у европейцев она быстро покончила с ксилографической книгой, трудоемкой, грубо-кустарной, малотиражной.

Есть и другое важнейшее обстоятельство, на которое мы должны обратить внимание. К 1500 г., когда в Европе завершился инкунабульный период книгопечатания, длившийся всего около пятидесяти лет, в Китае за всю историю его книгоделания уже было отпечатано полмиллиона тоненьких томиков, включавших 50 тыс. наименований. Это, конечно же, колоссальная цифра.

Но если взять верную пропорцию, то окажется, что европейцы превысили эту цифру многократно! Ведь 500 тыс. томов и 50 тыс. наименований за примерно 900 лет — это, грубо говоря, 556 томов и 56 наименований в год: вот производительность Китая. А 20 млн. томов и 40 тыс. наименований за 50 лет — это 400 тыс. томов и 800 наименований в год! Это производительность человека Запада, европейца.

Есть разница?! Ее-то и дал подвижный шрифт Гутенберга.

Понятно, что цифры эти условны, ведь Китай, конечно же, наращивал производство книг из века в век, и к XVI в. производил наверняка не 56, а поболее наименований. Но все равно, пусть сто, пусть триста наименований в год — это все же не восемьсот. А уж что касается совокупных тиражей, то

есть расширения читающей аудитории, то тут, признаем, даже и сравнивать нечего. В среднем на одного европейца приходилось книг намного больше, чем на одного китайца, не говоря уж о мусульманине. Европа стремительно рванулась вперед и пошла на обгон так резко и всеохватно, что дальнейший ход событий стал совершенно необратим и неотвратим, как рок.

Распространение знаний, предпринятое в таком масштабе, привело к диалектическому переходу количества в качество, к революционному скачку европейца прямо в будущее. И, соответственно, к скатыванию его конкурентов — китайца и мусульманина — с сияющих высот первенства и прогресса вниз, в отстой и в прошлое.

В особенности сказанное касается стран ислама. А почему — о том речь впереди.

Почему проиграл Китай

Китай, как ни покажется это парадоксальным, пал жертвой сложности, богатства и изощренности собственного духовного и интеллектуального строя.

Китайцы свои мысли и речи записывают иероглифами. Эту письменность именуют также идеографической. Сложная идеограмма передает смысл за счет сочетания своих частей. Например, иероглиф *мин* в первоначальной форме изображал постройку — святилище или жилище правителя, перед ней коленопреклоненную фигуру человека и слева от нее рот; все вместе это представляло почтительное выслушивание некоего повеления свыше, откуда значение иероглифа: «приказание».

Иероглифическая письменность в корне отличается от алфавитной, ибо каждому знаку в ней соответствует не только фонетическое, но и смысловое значение, а число таких знаков почти так же велико, как весь национальный словарь.

Вглядимся и вдумаемся в этот факт. Согласно преданию, иерогли-

фы изобрел Цан Цзе, придворный историограф мифического императора Хуан Ди. До этого китайцы якобы пользовались узелковым письмом. Упоминание об этом есть в основополагающем даосском труде Лао Цзы «Дао-дэ-цзин» и комментариях к «И цзин» («Книге перемен»).

В действительности изобретение намного старше.

Возраст китайской письменности постоянно уточняется. Недавно обнаружены черепаховые панцири, в которые врезаны письмена, напоминающие по начертанию древнейшие китайские иероглифы, но относящиеся к VII тыс. до н.э. Они древнее, чем шумерские надписи. Правда, прямой преемственности с классическим иероглифическим китайским письмом эти надписи (цзягу-вэнь неолитической культуры Пэйлиган, около 6600 г. до н.э.) не обнаруживают. Но это ничего не значит в данном контексте: ведь очень мало иероглифов вообще сохранилось в первоначальной пиктографической форме. Такая или иная, но письменность у китайцев, видимо, все же была с тех давних времен, с ее помощью записывали результаты гаданий.

До нового открытия официально считалось, что китайское письмо возникло не позднее 3200 г. до н.э. Так датируют древнейшие иероглифические тексты, соотносимые с современным начертанием письмен. Они тоже процарапывались в материале.

Потом появляются надписи цзинь-вэнь на бронзовых сосудах. Они предварительно выдавливались зеркально на глиняной форме для отливки.

Не позже, чем в иньскую эпоху (XVIII–XII вв. до н.э.) в Китае уже деляли писчие кисти, чаще всего из заячьей шерсти. Писали тушью, лучшие сорта которой получали из сосновой сажи.

Какую датировку ни прими, она вызывает почтение, ибо первоначальный китайский язык был языком основной этнической группы Китая — *хань*.

Он им и остался, следовательно, мы должны вести речь о прямой культурной преемственности этноса в долгих тысячелетиях, о своего рода мировом чемпионстве.

Китайская письменность имеет большие достоинства и большие недостатки.

Она содержательна и всегда полна глубоких и, если можно так выразиться, текучих смыслов, подтекстов, аллюзий, нюансов. Есть смысл вновь обратиться к сравнению, чтобы лучше понять особенность китайского языка и письма, в том числе печатного.

Согласно Книге рекордов Гиннеса, больше всего букв — 72 — содержится в алфавите кхмерского языка, наименьшее — 12 — в алфавите языка ротокас острова Бугенвиль (Папуа Новая Гвинея).

В мертвых языках Европы — древнегреческом и латинском примерно по 100 тыс. слов. Все они легко выразимы с помощью сравнительно небольшого алфавита: 24 буквы в греческом, 23 буквы в классическом латинском (а в современном, на котором пишет вся Европа, — 26 букв).

В классическом санскрите несколько более 200 тысяч слов — и 36 буквами, которыми ведется запись.

В арабском — 28 букв и три дополнительных знака.

В корейском алфавите, как мы помним, всего 24 знака, почти как у древних римлян и греков.

В русском языке (согласно словарю Владимира Даля) 200 тысяч слов, которые на письме выражались и глаголицей, и кириллицей с помощью 43 букв. В современном русском алфавите букв всего 33.

А каково соотношение слов и выражающих их на письме знаков у китайцев?

Здесь картина в корне иная.

Начнем с того, что в современном самом полном китайском словаре «Чжунхуа цзыхай» (1994) содержится 87 019 иероглифов. Количество

иероглифов далеко не равнозначно количеству китайских слов, последних всегда было в несколько раз больше, поскольку различные сочетания двух или более иероглифов создают новые понятия и смыслы. Например, понятие «хорошо» передавалось сочетанием знаков «женщина» и «ребенок», иероглиф «слушать» — сочетанием знаков «ухо» и «дверь» и т.д. Кроме того, китайский иероглиф может одновременно обозначать и конкретный предмет, и абстрактное понятие, в китайском языке многие разные по смыслу слова (омофоны) звучат одинаково и на письме различаются по контексту. Есть и другие тонкости и сложности.

В пояснении к данному словарю указано, что большинство иероглифов встречается только в классических литературных текстах. Повседневным используемым иероглифов всего несколько тысяч (тоже немало, впрочем). Вряд ли когда-либо существовала эпоха, которая задействовала бы сразу весь запас иероглифов, но даже старые словари былых времен содержат их небольшое число. Бросим ретроспективный взгляд на их историю.

Так, труд «Канси цзыдянь», созданный при династии Цин (1644–1911), содержит 47 035 иероглифов.

При династии Сун (960–1279) группой ученых был создан словарь «Лэйпянь», содержащий 31 319 иероглифов. Другая группа ученых создает книгу «Цзи юнь», которая содержит 53 525 иероглифов — самый обширный и полный словарь того времени.

Словарь «Юйпянь» («Яшмовая книга»), составленный ученым Гу Еваном в 543 г., включал в себя почти 17 тыс. знаков. После его переработки появилась новая работа «Дагуан ихуэй юйпянь», по одному из свидетельств, насчитывавшая 22 726 иероглифов.

В IV в. был создан словарь «Цзылинь» («Лес письмен»), насчитывавший почти 13 000 иероглифов.

Во II в. ученый Сюй Шэнь составил толковый словарь китайского языка

«Шовэнь цзецзы» («Толкование слов, разъяснение письмен»), включивший 9353 знака.

Объединитель древнего Китая Цинь Шихуанди (259–210 г. до н.э.) принял унификацию письменности на основе циньского письма; официальный список насчитывал 3300 иероглифов.

В начале VIII в. до н.э. придворным историографом Ши Чжоу был составлен список иероглифов, но сколько знаков в нем было, неизвестно.

Как видим, чем дальше в глубь веков, тем меньше использовалось иероглифов. Духовное и умственное развитие китайцев весьма зримо выражается в росте и усложнении иероглифического письма, поспевавшего за мыслью. Конечно, разница между 3300 и 85 568 знаками очень велика, пусть даже эти нормативы разделяют две тысячи лет, в течение которых имели хождение десятки тысяч иероглифов, непрерывно изменявшихся, появлявшихся и исчезающих со своей эпохой. Но возьмем хотя бы словарь Гу Евана 543 г. как наиболее близкий по времени к началу китайского книгопечатания. Возможно ли себе представить наборную кассу, в которой 17 тысяч ячеек для различных иероглифов, каждый из которых должен находиться в своей ячейке в десятках экземпляров?!

Нет, такое никак нельзя даже вообразить, такой наборной кассы быть не может, ей нельзя было бы пользоваться, да и печатника такой квалификации сроду бы не воспитать. Напомню, что букварь третьей, самой высокой сложности, так называемый «Канон тысячи иероглифов», содержал именно одну тысячу иероглифов, должных быть выученными учениками старших классов, всего — а тут такое количество!

Особо следует подчеркнуть, что начертание многих иероглифов вовсе не просто. Тут небрежной почеркушкой не отделаешься. Правда, несколько самых древних и простых иероглифов имеют всего лишь по одной черте.

Зато иероглиф с наибольшим количеством черт содержит в своем начертании 3 иероглифа *лун* «дракон» плюс 3 иероглифа *юнь* «облако». В итоге иероглиф состоит из 84 черт (!) и означает «вид дракона в полете». Второе место по сложности занимает иероглиф *чжэ* («многословный»), имеющий 64 черты. Третий — *бэн* («звук грома») — имеет 52 черты.

Легко ли, представьте себе, изготовить (вырезать матрицы и отлить) соответствующие литеры?!

Перед создателями и практиками китайского книгопечатания вставала нелегкая дилемма. Продолжать изготавливать ксилографические книги — значит смириться с небольшими тиражами, с неизбежным отставанием по скорости и широте распространения информации, замыканием ее в относительно узком кругу. Перейти на алфавитное письмо и подвижный набор — значит пожертвовать множеством дополнительных смыслов, упустить глубину и утонченность мысли, ее нюансов, оттенков, изысков. В конечном счете — упустить самую душу текста. Ведь смысловая емкость иероглифа несопоставимо выше емкости отдельной буквы.

Корейцы пошли именно этим путем: упростили свою письменность, перешли на алфавит — и получили возможность печатать книги набором. Но это им вышло боком: в итоге они упростили собственное мышление — вот и не создали ни в культуре, ни в научно-технической сфере ничего сопоставимого с китайским вкладом. (Будучи, бесспорно, талантливым и трудолюбивым народом.) Китайцы, несомненно, прочувствовали и осознали этот урок.

Есть и еще одно обстоятельство. Алфавит передает фонемы. Слово, состоящее из определенных букв, нельзя прочесть двояким манером. Алфавитом можно набрать любое слово, независимо от того, знает ли его наборщик, независимо от нюансов смысла, которые данное слово несет. Не то иеро-

глиф: он единственный и незаменимый для передачи конкретного факта, явления, понятия, чувства и т.д. Если его нет в наборной кассе, этого ничем не исправишь: нюанс, несомый именно данным иероглифом, пропадет, передача тонких смыслов пострадает непоправимо.

Но главное: в Китае испокон веку существовало большое количество диалектов с различной фонетикой (помимо всего прочего, китайский язык — тоновой; одно и то же слово, прочитанное с повышением или понижением тона, будет иметь разные смыслы). А вот грамматика и лексика у китайцев в разных регионах примерно одинаковы. Только в наши дни китайское правительство озаботилось унификацией произношения во всем Китае, внедрением языкового стандарта — путунхуа. Но даже и сегодня фонемное (алфавитное) письмо сделало бы текст для различных диалектов разносмысловым, а то и вовсе непонятным. Иероглифы снимали эту проблему.

Конечно, в стране было множество читателей, для примитивных потребностей которых хватило бы и 500 знаков, но уважающий себя китайский интеллигент, творец культуры, философ и писатель должен был знать именно десятки тысяч, чтобы выдержать квалификационный тест. Он не мог уронить себя и достоинство своей профессии, он не мог изъясняться примитивно, объективная ценность его трудов зависела от изощренности мысли — и, соответственно, языка и письма. Для всех китайских мудрецов вечным и непреложным был завет Конфуция: «Если слова выражают то, что нужно, этого достаточно». Они буквально жили его предписанием: «Если имена не исправлены, то речь не стройна, а если речь не стройна, то и в делах нет успеха».

«Исправление имен» — то есть заключение в слова единственно точного, выверенного смысла, как явного, так и тайного, скрытого, с учетом всех

оттенков, оказалось невозможным для просвещенного китайца вне знания десятков тысяч иероглифов. Алфавитное письмо заменить их не могло.

В итоге для китайцев, с их культом знаний и интеллекта, преимущества иероглифической письменности оказались важнее недостатков.

Парадоксально, но избыточная изощренность ума китайских мудрецов и ученых стала основным камнем преткновения на пути прогресса китайского народа в целом. Они оказались в ловушке своего высокого и утонченного развития, стали заложниками избыточной национальной культуры. Наука, просвещение не могли распространяться в Китае так же свободно и широко, как в Европе, начиная с XV в., ибо они наткнулись на сопричастные собственной культуре барьеры.

Иероглифическое письмо, адекватное китайскому сознанию, не могло быть во всей своей сложности запечатлено типографским набором по нескольким причинам. Из них главная есть та, что наборщик должен был быть столь же образованным, что и автор, человеком. Что априори невозможно, ибо если мудрецы сами будут набирать книги, а наборщики — мудрствовать, то рухнет разделение труда и общество вернется в первобытное состояние. Это во-первых.

Интересно, что даже краснопролетарский, рабоче-крестьянский Китай не пошел на отмену иероглифического письма. Некоторая «демократизация» (упрощение) отразилась в официальной письменной системе 1956 г. Еще изменения были добавлены в 1964 г. Но в 1986 г. модернизациям был жестко положен предел и было объявлено, что дальнейшие изменения недопустимы. Опасения властей понятны. Что будет, когда (и если) китайцы все же перейдут к неиероглифическому письму, как это сделали когда-то египтяне? Они точно так же вскоре перестанут понимать собственную многотысячелетнюю культуру, отсекут себя от

всего древнего знания. Как это, между прочим, произошло с русскими, уже не способными читать свои же рукописи XVII в. Даже переход на машинную печать книг в начале XX в. сильно должен был опростить, опрIMITивить систему мышления китайцев, должен был вырыть непроходимую пропасть между хранителями интеллектуальной (читай: письменной) традиции — и читателями новопечатных книг и газет, использующих «всего-то» до 3000 иероглифов.

Во-вторых, китайская иероглифическая система была слишком сложна. Изготавливать и печатать литеры столь разнообразные и в количестве десятков тысяч образцов, да еще столь сложного начертания, было категорически немыслимо. Упрощать же, профанировать переводом в алфавитное письмо — недопустимо.

В-третьих, искусство каллиграфии стояло в Китае на очень высоком пьедестале. Каллиграфические свитки заменяли картины и даже, не побоюсь этого сравнения, иконы (поскольку иероглифам придавалось и мистическое значение). Они вешались на стенах комнат как драгоценные украшения и как обереги. Произведения древних каллиграфов дорого ценились на антикварном рынке. Ксилографические книги сохраняли живую связь с этим любимым и ценным искусством; печатные — нет. Корейская печатная книга с точки зрения китайца была профанацией во всех смыслах: по форме и содержанию.

Последний довод может показаться легковесным, но это не так. Эстетические и сакральные соображения нередко перевешивают прагматические. И мы поймем это вполне, когда обратимся к истории исламского книгопечатания.

Вот так и получилось, что распространение любой информации в Европе стало полностью безграничным и беспрепятственным, а в Китае натолкнулось на естественные ограничения,

вытекающие из самой природы китайской культуры.

Результат известен: европейцы перехватили мировое лидерство.

Почему проиграли мусульмане

Исламская цивилизация, столь блистательно проявившая себя в VIII–XV вв., в буквальном смысле сама покончила с собой и добровольно отказалась от конкуренции. Трагически неотвратимо и бесповоротно.

Как это случилось?

Диалектика единства и борьбы противоположностей беспощадна. Китай и исламский Восток — каждый в свою очередь — пали жертвой собственного совершенства. Сила обернулась слабостью, абсолютная сила ослабила их абсолютно.

Арабский считается одним из наиболее богатых языков мира. Точное количество слов определить трудно, так как он содержит 21 диалект и свыше 40 000 одних только корней слов (самый полный толковый словарь занимает восемь томов).

При всем богатстве лексики арабы пользуются алфавитом из 28 знаков-фонем, легко передающих звучание слова и не требующих транскрипций, в отличие, скажем, от английского, французского и т.д., что само по себе уже является преимуществом (как и в русском языке). Казалось бы, ничто не препятствовало изданию книг подвижным шрифтом в любом количестве, поскольку бумаги собственного производства было хоть отбавляй, а европейцы, как мы сейчас увидим, были готовы поделиться опытом книгопечатания. Но...

Многие ученые мусульманского мира настаивают на божественном происхождении арабского языка, утверждая, что именно на нем говорил сам первый человек Адам. Правда, другие полагают, что во всем великолепии этот язык был открыт Аллахом лишь пророку Мухаммеду. Ну, а третьи считают арабский — семитскую

ветвь афразийской семьи языков — плодом творчества великих мудрецов, благодетелей человечества.

Теория божественного происхождения языка отразилась и во взгляде на каллиграфию — искусство почерка — как на божественный дар, упражняться в котором были обязаны даже халифы и султаны.

Особое место каллиграфии в системе искусств мусульманского Востока обусловлено еще и тем, что изображение людей и животных было под строгим запретом как проявление идолопоклонства, несовместимого с исламом. (Перешагнуть через этот запрет удалось только шиитам, персам в первую очередь, у которых традиции изобразительного искусства были слишком развиты, чтобы их оборвать без особо веских оснований.) В результате весь цвет эстетических помыслов исламских художников сосредоточивался либо на орнаментике, преимущественно растительного или геометрического характера, либо на каллиграфии. Тот, кто хоть однажды держал в руках средневековые рукописные книги, изготовленные в Сирии, Египте, Ираке, Персии и т.д., никогда не забудет их ослепительного, сверкающего великолепия, сравнимого только с самым изощренным и фантазийным ювелирным творчеством. В любом мусульманском центре, будь то Каир, Багдад, Тегеран, Стамбул и т.д., лучшие музейные площади по заслугам отведены сегодня под демонстрацию невероятно красивых рукописей, а стамбульский Музей каллиграфии целиком посвящен этому бесподобному искусству.

Будучи центром бумагоделания всего западного полушария, исламский мир мог себе позволить не экономить бумагу, оставляя роскошные большие поля, богато расписанные орнаментами или даже просто чистые, но создающие особое художественное пространство в комбинации с красиво и строго по формату выписанным текстом (иногда в два цвета) и скупой

разбросанными розетками или пальметками сусального золота. Разлестый, манерный почерк «мухаккак», сочетающий протяженности с крутыми вертикалями-акцентами, особенно любимый в XIII–XV вв., или древнее куфическое письмо, завораживающее многозначительностью своих форм, уводило воображение в иные миры. Более поздние, но не менее совершенные почерки «наسخ» или «насталик» своим изяществом заставляли замирать сердце. Виньетки, заставки, концовки, колофоны, бордюры — каждое из этих украшений своей роскошью могло напоминать и о звездном небе, и о райских садах Аллаха. Тисненные кожаные папки-переплеты, порой украшенные золотом и драгоценными камнями, дополняли это великолепие.

Поистине, есть рукописные книги в мире ислама, которые не назовешь иначе как божественно прекрасными!

Однако вот ведь какой парадокс. Если внешнему виду книги, рукописи придавалось столь выдающееся значение, а творящие его художники превозносились как герои, то к содержанию книг предъявлялись порой требования иного сорта. Божественность каллиграфии была вне сомнений, но правочность самих текстов подвергалась сомнениям постоянно.

Характерна легенда (если угодно, исторический анекдот) о горестной судьбе, постигшей знаменитую Александрийскую библиотеку по повелению создателя мусульманской империи халифа Омара ибн Хаттаба (581–644). Он рассудил так при взятии города: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, то они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, то они вредны. Поэтому и в том, и в другом случае их надо сжечь». И дал своему победоносному полководцу Амру соответствующее распоряжение.

Скорее всего, на самом деле этого не было, поскольку ни один средневековый христианский историк о таком

эпизоде не упоминает, рассказывая о погромах, грабежах и насилиях арабских завоевателей. Но эта поздняя мусульманская легенда интересна для нас в первую очередь тем, что создана вовсе не в осуждение или осмеяние халифа, тупого и невежественного варвара, а напротив, прославляет сей подвиг благочестия!

Столь радикальная цензура в той или иной мере была характерна для всего мусульманского мира; любой письменный источник подвергался проверке на строгое соответствие духу и букве Корана.

Казалось бы, что стремление все и вся подвести под светоч Корана должно было бы привести к скорейшему его изданию максимальными тиражами для всего мира.

Ан нет!

Обратим внимание: в Китае самый первый печатный текст — это буддийская сутра, в Европе — Библия, у евреев — комментарий к Торе, в России — Евангелие, Апостол... Естественно было бы ожидать, что многочисленные духовные центры исламского мира станут соперничать за скорейшее, полнейшее и тиражнейшее издание Корана. Однако вышло совсем не так.

Первый печатный Коран был отпечатан наборным шрифтом в христианской Венеции по инициативе местных издателей в 1537 или 1538 г. Это было трудно, ведь итальянцам нужно было впервые изготовить арабский шрифт и соблюсти каноны исламской книги. Несмотря на все их старания, мусульманский мир не взял во внимание трудности неверных гяуров, не принял изданную ими книгу и не пропустил ее в публику (мне довелось видеть сохранившийся экземпляр в Париже на выставке «Венеция и Ближний Восток» в Институте Арабского мира).

Впервые печатный Коран преодолел этноконфессиональный барьер после 1803 г. И этот прорыв, как ни странно, выпал на долю России. По указу Екатерины II в 1787 г. в типографии Акаде-

мии наук в Петербурге впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана для бесплатной раздачи недавно присоединенным «киргизцам» (так называли тогда современных казахов; Державин недаром именовал государыню «богоподобная царевна киргиз-кайсацкия орды»), а также в уважение татарских жалоб на трудности отправления культа.

Для этой цели специально отлили шрифт, воспроизводивший почерк лучшего из каллиграфов и превосходивший тогда по красоте все иные арабские шрифты. Текст к печати был подготовлен муллой Усманом Ибрахимом. В Петербурге с 1789 по 1798 г. вышло 5 изданий этого Корана. В 1801–1802 гг. арабский шрифт был передан из Академии наук в Казань, где открылась первая мусульманская типография. Там с 1803 по 1859 г. этот же текст был неоднократно опубликован общим тиражом до 150 тыс. экземпляров. Он вытеснил в Европе все предшествовавшие издания Корана, широко распространился на Востоке и принес большую прибыль казне.

Почему же так странно получилось? Почему мусульмане выбились из общего для других цивилизаций алгоритма развития книжного дела?

Здесь волей-неволей приходится подчеркнуть роль личности в истории.

Среди могущественных государей Османской империи, владевшей практически всем Востоком, кроме Дальнего, а также значительной частью Европы, включая все Причерноморье и Балканы, был один по прозвищу Грозный. Но не Иван, конечно, а Селим I (1465–1520). Этот султан, которого собственный отец в 1512 г. посадил на трон в обход других царевичей, ибо боялся гражданской войны, в которой победа могла достаться сыну, начал правление с того, что перебил всю родню мужского пола, могущую претендовать на престол. И в дальнейшем завоевал Восточную Анатолию, Армению, Курдистан, Северный Ирак,

Сирию, Палестину, Египет, Хиджаз (в Саудовской Аравии).

Воинственный Селим был притом без ума от искусства каллиграфов и сам постоянно в оном упражнялся. Он полностью разделял мнение улемов (богословов) о богоданности каллиграфии и тоже полагал, что священный Коран можно переписывать только от руки. Неимоверная красота каллиграфических текстов вызывала такое восхищение, что ничего более прекрасного в книжном деле представить себе было уже невозможно, и это мгновение хотелось остановить навсегда.

Султан Селим Грозный именно так и поступил.

В 1517 г. он объявил исламское книгопечатание богохульством и под страхом смерти запретил печатные станки на территории всей империи, включая арабский Восток, Среднюю Азию, Причерноморье и Закавказье. Грозный государь одним росчерком пера на века определил всю дальнейшую судьбу подвластных ему народов-единоверцев. Возразить ему или ослушаться — таких безумцев не нашлось.

И до запрета Селима книгопечатание у Османов не поощрялось. Хотя кое-какие издания все же выходили еще в 1490-е гг., их подпольно и кустарно печатали евреи. Так, к примеру, в 1490 г. вышла «История народа Божьего» Иосифа бен Гориона. А вскоре, изгнанные в 1492 г. из Испании, а затем из Португалии, евреи образовали в Османской империи свою довольно многочисленную общину. Ими были созданы первые настоящие типографии: в 1494 (или 1504) г. в Стамбуле, в 1510 г. в Салониках, в 1554 г. в Эдирне, в 1646 г. в Измире. Кроме того, в 1567 г. Абгар Токатеци в столице империи открыл армянскую типографию. Развивалось также греческое книгопечатание; уничтожение янычарами первой греческой типографии в 1628 г. не смогло его остановить.

Таким образом, несмотря на запрет Селима, книги в империи печатались,

но... не мусульманские, не на арабском или турецком языке и вообще не для мусульман. К цивилизации ислама они не имели никакого отношения.

Зато Стамбул стал настоящей столицей каллиграфии. Почтенное ремесло переписчиков породило целое сословие катибов (просто писцов) и хаттатов (каллиграфов). К XVIII в. их насчитывалось очень много: по всей стране до 90 тыс., а в самом Стамбуле 15 тыс. Их основной работой было переписывание священных текстов и стихов. Неудивительно, что в народе говорили: «Коран ниспослан в Мекке, декламируется в Каире, а переписывается в Стамбуле». Всем им нужно было пропитание, и развитие книгопечатания представляло для них такую же опасность, как первые ткацкие машины — для ткачей-луддитов в Англии. Сословие хаттатов было тесно связано с влиятельнейшим духовенством (улемами), чьи потребности обслуживало столетиями. Совместными усилиями они тормозили развитие типографского дела, как только могли.

В итоге первая турецкая книга была издана только через двести с лишним лет после запрета, в 1729 году, когда правил просвещенный султан Ахмет III (1673–1736). Ее история по своему драматична и трогательна.

Первая турецкая типография основана Ибрагимом Мютеферрикой, венгром по национальности, которого именуют турецким первопечатником. Ему повезло с властями. В начале XVIII в. султан назначает великим везирем Ибрагима-пашу Невшехирли, сторонника прогресса, создавшего в Стамбуле несколько библиотек, организовавшего комиссию для перевода на турецкий и арабский языки выдающихся трудов деятелей науки Запада и Востока и т.д. В 1719 г. Мютеферрика преподнес ему карту Мраморного моря, которую отпечатал с вырезанного собственноручно клише из твердешего дерева самшита. В 1724 г. Мютеферрика напечатал еще одну ксилографию — карту

Черного моря. Тогда же к нему проникся симпатией просвещенный и богатый дипломат Сайд-эфенди и помог составить в 1726 г. для Ибрагим-паши записку «Способ книгопечатания». В ней Мютеферрика просил разрешения открыть в столице турецкую типографию, где печатались бы «копии рукописных книг».

При поддержке Ибрагим-паши Мютеферрике и Сайд-эфенди удалось, несмотря на сопротивление улемов и хаттатов, добиться в 1727 г. фетвы шейх-уль-ислама, разрешившей открытие типографии. Это было непросто: хаттаты вышли на демонстрацию протеста, пронеся в траурном шествии по улицам Стамбула большой гроб, набитый письменными принадлежностями. Но Ибрагим-паша пригрозил упрямым шейх-уль-исламу отставкой. В июле того же года, в соответствии с фетвой, был обнародован султанский фирман, повелевающий «ввести книгопечатание, печатать и продавать книги по философии, медицине, астрономии, географии и истории, кроме книг, касающихся религии, книг, содержащих в себе Божье слово». Мютеферрика разместил типографию в своем собственном доме в Стамбуле. Казна выделила деньги на закупку оборудования (во Франции, Австрии и у стамбульских армянских типографов было приобретено четыре станка для печатания книг и два — для изготовления карт) и даже на оплату рабочим.

Таким образом, с самого начала типографское дело в Турции (в отличие от всего прочего мира) было отделено от Церкви, что бы ни понимать под этим словом, и служило исключительно светским целям: науке, культуре, просвещению.

Это было поистине соломоново решение, при котором, во-первых, никто не пострадал (запрет на печатание религиозных книг вполне обеспечивал работой хаттатов-каллиграфов), а во-вторых, исламское книгопеча-

тание — единственное в мире! — не тратило свой драгоценный ресурс на богослужебные нужды. В Европе, как мы помним, на них уходило 30% всего репертуара, а в России — все 99%, даже в Китае значительная часть книг толковала философско-богословские проблемы и рассказывала о ритуалах; а тут... Поистине, Богу — богово!

Вот так, кстати, и получилось, что первый печатный текст самой священной из исламских книг был отпечатан в Европе, а первый признанный Востоком — и вовсе в России.

Однако продолжим сравнивать судьбы цивилизаций. Что же успел напечатать Мютеферрика? Он работал с помощью небольшой комиссии из высокочтимых улемов (бывший кадий Стамбула Исхак-эфенди, бывший кадий Салоник Мехмед-эфенди, поэт и переводчик Эсад-эфенди и шейх дервишеского ордена Мустафа-эфенди), созданной для подготовки рукописей к печатанию. Они и определяли репертуар.

Первая турецкая (вообще, мусульманская) печатная книга вышла в свет 31 января 1729 г. Это был двухтомный арабско-турецкий толковый словарь Джевхери, написанный еще в X в. и переведенный на турецкий язык в XVI в. Мехмедом Ванкулу бин Мустафой. Для каждого образованного мусульманина такой словарь был остро необходим, чтобы читать священные тексты и другие источники с Ближнего Востока. Словарь был издан тиражом 1000 экземпляров и стоил (без переплета) в десять раз дешевле рукописного экземпляра: 35 курушей вместо 350. Книга быстро и успешно разошлась.

В мае 1729 г. вышла вторая книга — сочинение турецкого ученого XVII в. хаджи Халифы-Кятиба Челеби «Подарок великим о походах на море» — о морских походах и победах турок до 1653 г. В августе того же года — книга об афганском нашествии на Иран и о причинах крушения Сефевидского государства. В следующем, 1730 г. из

типографии Мютеферрики было выпущено уже пять книг, четыре из них — исторические сочинения, пятой была «Турецкая грамматика» католического миссионера Иоганна Холдермана, изданная на французском языке для иностранцев, приезжавших в Турцию.

В конце 1730 г. типография Мютеферрики приостановила свою работу в связи с народным восстанием, сбросившим с трона Ахмета III. Ибрагим-паша погиб. Но в 1732 г. новый султан, Махмуд I, вновь разрешил издавать книги печатным способом. Мютеферрика тут же издал собственную книгу «Основы мудрости в устройстве народов», а затем популярную брошюру «Действия магнетизма» с элементарными сведениями о компасе, географии и др. Следом вышло «Зерцало мира» — объемное (730 страниц) географическое произведение Кятиба Челеби, которое Мютеферрика дополнил новыми сведениями о системах мироздания, о Тихо Браге, Копернике (впервые в исламской традиции), дал описание глобуса, компаса, рассказал о движении светил, о причинах солнечных и лунных затмений и т.д. С 1733 г. Мютеферрика издавал серию османских хроник — небольших книжек о завоеваниях тюрков. В 1742 г. из типографии Мютеферрики вышла последняя книга — турецко-персидский словарь Шуури Хасан-эфенди.

В 1745 г. первопечатник умер. Новая мусульманская типография открылась в Стамбуле только в 1784 г.

Как оценить опыт турецкого первопечатника?

Всего Мютеферрика издал 17 наименований в 23 томах общим тиражом 12 700 экземпляров. Отстав, скажем, от России на двести лет. В то же время хаттатами ежегодно изготавливались многие тысячи рукописных книг. Ласточка Мютеферрики не сделала весны. До решающего перелома, цивилизационного рывка было еще очень и очень далеко.

Обратим внимание на репертуар

первопечатных книг мусульманского мира: все они знакомили читателя с историей и географией Турции, великими географическими и научно-техническими открытиями, политическим строем европейских стран... Читатели исламских стран мало-помалу возвращались в большой мир, далеко ушагавший вперед за годы османского почивания на лаврах. Можно констатировать, что турки в XVIII в. лишь робко и, если можно так сказать, минимально (!) встали на путь книжного просвещения, смело и широко пройденный европейцами еще во второй половине XV века.

В свете всего сказанного надо ли удивляться отсталости Османской империи, ее экономической и военной слабости?

Нет. Роковой запрет на типографии, изданный Селимом Грозным в 1517 г., надолго отбросил ее, а с нею весь подвластный султанам исламский мир от столбовой дороги прогресса, на века затормозил развитие исламской цивилизации. Она, как выражаются спортсмены, добровольно «сошла с дистанции».

Вторая и третья информационная революция в Европе

Итак, в XV в. европейцы совершили мощнейший прорыв в информатике, который довольно скоро помог им обогнать остальной мир, «обскакать» сразу обоих главных конкурентов на мировой арене: китайцев и мусульман. Мусульмане к тому же конкурировать не захотели, а китайцы — не смогли.

Но этим дело не кончилось. Первая информационная революция потянула за собой вторую — революцию газет, журналов, тиражей. Революцию публики.

А там явилась и третья информационная революция — электронная. И, конечно же, снова у европеоидов. Но ее рассмотрение уже не входит в мои задачи, я лишь очерчу эту проблему парой фраз в конце главы.

А пока расскажу о том, как родилась публика и что из этого впоследствии вышло.

Печатаемая в XV–XVI вв. книги подвижным шрифтом в огромном репертуаре и достаточно большими тиражами, европейцы обеспечили себе преимущество в развитии читательских масс. А это повлекло за собой разнообразные необратимые перемены. Одна из главных — рождение Публики.

Откуда взялась Публика? Ее отцом был промышленный переворот, матерью — Французская республика. Он сделал образованность широких масс необходимой, а она — возможной. В 1791 г. небезызвестный Талейран заявил во всеуслышание о том, что элементарное образование должно быть всеобщим, бесплатным и одинаковым для всех. В 1793 г. Конвент издал декрет, по которому на каждые четыреста жителей полагалась одна школа. В 1833 г. во Франции на каждые шесть тысяч душ приходилась уже одна высшая народная школа.

Пример был подхвачен соперницей — Англией. Впереди, что характерно для развитой страны, шла общественная инициатива в виде известных ланкастерских школ взаимного обучения (с 1798 г.). Дело Ланкастера продолжили Британское и Национальное общества народного образования. В 1802 г. в парламенте проводится закон об ограничении рабочего дня для малолетних, а также об обязательном открытии для них школ за счет фабрикантов. Эта мера была беспрецедентной и сильно двинула дело образования вперед.

Английское правительство непосредственно в дело долго не вступало. Но с 1833 г. обоим уже действующим Обществам назначается солидная субсидия от государства, дошедшая к 1845 г. до 100 000 фунтов стерлингов, а к 1856 — до 850 000 (огромная сумма; для сравнения: годовое жалование чиновника могло колебаться от 50 до 100 ф. ст.). Образованность в англий-

ском обществе стала обыденным, житейским явлением.

Германия не захотела отставать от Англии и Франции. Уже в 1807–1808 гг. философ Фихте разрабатывает план всегерманского народного образования, а с 1819 г. закон провозглашает в Пруссии неукоснительную обязанность образования. Родители, уклонявшиеся от посылки детей в школу, подлежали телесному наказанию. (Это очень по-немецки и отдает прусской казармой, однако плоды такого законотворчества были добрыми.) За Пруссией потянулись другие немецкие государства.

В итоге всех этих мер европейская читающая аудитория с конца XVIII в., несмотря на то что мир сотрясали чудовищные войны и социальные катаклизмы и было в общем-то не до чтения, росла как на дрожжах. Впрочем, пожалуй, именно обстановка быстрых перемен подхлестывала извечную человеческую жажду информации и стремление глубже ее осмыслить.

Результат этих перемен сказался в книжно-журнально-газетном деле очень скоро. Европа вновь, во второй раз после Гуттенберга и периода инкунабул, пережила колоссальный книжный бум. Это же относится и к периодике, которая, по существу, с этого времени приобретает новую жизнь. Количество печатной продукции в первой трети XIX в. неизмеримо возрастает по сравнению с XVIII столетием.

Шутка сказать! К примеру, «Эдинбургское обозрение», издававшееся с 1802 г. при участии Вальтера Скотта, порой поднимало свой тираж до 20 тысяч экземпляров! Парижский журнал «Обозрение Старого и Нового света» (знаменитое «Ревю де де монд»), приносивший до 350 000 франков ежегодного дохода, также имел тысячи подписчиков.

Дальше — больше. И вот уже журнал «Penny Magazin» в первой четверти XIX в. издается в количестве 200 тыс. экземпляров! За ним гонится «Иллю-

стрированный Лондон», над которым работал Д. Джайлберт.

Не отстают и французы.

В 1820 г. в печатне Дидо выходит первый выпуск иллюстрированного издания, которое продолжалось без малого 60 лет и представило читателям около 3000 литографий: «Иллюстрированное и романтическое путешествие по старой Франции» Ж. Тейлора и Ш. Нодье. Начинается эпоха периодических изданий с картинками.

В 1831 и 1832 гг. художник-рисовальщик Ш. Филипон основывает два знаменитых периодических издания — «Карикатур» и «Шаривари»; первое закрыли по суду в 1834 г., но второе дотянуло до XX в. Критики и литераторы Ж. Жанен, Т. Готье, Т. Рикур основали газету «Артист» (т.е. «Художник»); одновременно в одном только Париже в середине века выпускается свыше 30 периодических иллюстрированных изданий, таких как «Семейный музей», «Изящные искусства», «Фигаро», «Бюллетень друзей искусства», «Газета для дам», «Журнал светских людей», «Просвещение», «Париж», «Новая библиотека» и др. С 1843 г. выходит специализированное издание «L'illustration», для которого мастерская Беста и Лелюара по изготовлению ксилографических клише работала круглосуточно в несколько смен. Это было настоящее фабричное производство с разделением труда, как на мануфактуре. Иллюстрации бывали большого и даже огромного размера и шли в приложении или вклеивались в сложенном виде. Журнал «Magazine Pittoresque» выходил с 1833 г. и заслужил у исследователей название «историческая энциклопедия политипажного искусства XIX века». Он закончил свое существование во 2-й пол. XIX в., успев отразить революцию 1848 г., Крымскую войну и проч.

В России им стремятся подражать иллюстрированные «Живописное обозрение России», «Наши, списанные с натуры русскими» и т.д.

Тиражи книг, в XVIII в. не превышавшие 1200–2400 экземпляров, теперь тоже значительно увеличились, достигая десятков тысяч.

Инженерная мысль прогрессирует, отвечая на растущие запросы издателей и редакторов. Цельнометаллический печатный пресс Ч. Стенхопа, введенный с конца XVIII в., а с 1814 г. — скоропечатная машина, изобретенная немцем Ф. Кенигом, и другие изобретения позволяют значительно увеличивать тиражи. Совершенствование техник гравирования, изобретение торцовой гравюры и гравюры на стали, открытие литографии дает возможность иллюстраторам технически поспевать за этим стремительным ростом, обеспечивая политипажными картинками как рафинированную, так и невзыскательную публику.

Количество газет, журналов, альманахов во всей Европе растет лавинообразно. Этот процесс стимулирует расширение читательской аудитории, что, в свою очередь вновь увеличивает спрос на печатную продукцию, и т.д. и т.п.

Лидерство Европы в науке, технике, военном деле, политике XIX в. — неоспоримо. Ни Дальний, ни Ближний Восток уже не могут за ней угнаться. Продвижение цивилизации во всем мире становится «бременем белого человека» (Киплинг).

Наконец, наступает время для третьей информационной революции, связанной с открытием фотографии и электричества.

Европейская цивилизация (приятно знать, что и русские поучаствовали в этом), крепко держа в своих руках инициативу и оберегая свой приоритет, вводит в обращение одну новацию за другой: дагерротип, фотографию, телеграф, азбуку Морзе, телефон, кинематограф, радио, телевидение, компьютер, интернет, электронную почту, сотовую и спутниковую связь... Каждое из этих изобретений укрепляло лидерские позиции европейцев в мире,

принося славу, богатство и мощь, благоприятно сказываясь на их обороноспособности и производительности труда.

Можно быть уверенным, что и в дальнейшем, до тех пор, пока европейцы будут сохранять приоритет в информационных технологиях, их лидерство в мире не поколеблется.

* * *

В заключение следует кратко резюмировать сказанное.

«Кто владеет информацией, тот владеет миром» — это не пошленькая расхожая идея, а реальный ключ к успеху, закон истории. Лидерство в

информационных технологиях определяет глобальное лидерство во всем. Утрата информационного лидерства, информационное отставание влечет за собой историческое поражение, цивилизационный крах.

В истории информатики книгопечатание занимает особо почетное место как самый, после изобретения письменности, долговременный и мощный фактор прогресса, определявший судьбы антропосферы за последние полторы тысячи лет. Изучая историю книжности той или иной страны, мы находим объяснение многим важным и даже ключевым моментам в ее истории.

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»
создан в марте 2009 г. решением активистов
Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.
Свою деятельность Фонд осуществляет на основе
Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию
русского гражданского общества, поддержка русского национального
движения, привлечение на благотворительной основе средств для
финансирования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества
«РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, ком.19

Банковские реквизиты : КБ «Интеркоммерц» (ООО) г. Москва

Р/с: 4070 3810 7000 0000 3564

К/с: 3010 1810 5000 0000 0684

БИК: 044552684

ИВАН РУСАКОВ

Приключения частной собственности в России как история «запаздывающей» модернизации

Часто можно услышать, что русскому человеку, по каким-то таинственным метафизическим причинам, чужда сама идея частной собственности. На самом же деле причины неукорененности этого важнейшего института национального государства в нашем социальном бытии вполне земные и достаточно легко устранимые.

***

Как известно, Киевская Русь была страной городов, развитого ремесла и торговли. Международная торговля не может существовать без надлежащего юридического оформления: гарантий прав собственности, определенных правил и стандартов поведения, юридической и судебной защиты и т.д. Уже в самом начале XI в., при князе Яро-славе Мудром появляется т.н. «краткая редакция» кодифицированного судебного сборника под названием «Русская правда». Затем в течение всего XII в. дополняется т.н. «пространная редакция». «Русская правда» — кодекс капитала. Таковы главные черты Правды, в которых можно видеть выражение господствовавших житейских интересов, основных мотивов жизни старого киевского общества. Русская правда есть по преимуществу уложение о капитале. Капитал служит предметом особенно напряженного внима-

ния для законодателя; самый труд, т.е. личность человека, рассматривается как орудие капитала: можно сказать, что капитал — это самая привилегированная особа в Русской правде»¹.

«Русская правда» констатирует политическое и экономическое деление старого русского общества: наряду с князьями, которые владели землей, на ней работали лично свободные люди («смерды») и рабы («холопы»). Существовал также класс частных привилегированных собственников — бояр, на которых, кроме «холопов», работали т.н. «закупы» — лично полусвободные земледельцы, попавшие в экономическую зависимость (долг) от бояр. Оформлялось это частное земельное право актами или грамотами — публично-правовыми и частно-правовыми: духовными, меновыми, вкладными, отступными или кабальными, актами на основе свидетельских и судебных решений. Земля дарилась и покупалась, продавалась и завещалась, наследовалась, отходила за долги и т.д. Существовала устойчивая, основанная на писаном праве норма и бюрократическая традиция управления собственностью. Земли было так много, а людей

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 253.

так мало, что необработанную землю мог взять каждый, если верховная власть ее «жаловала» или «ослобожидала». Часто это была плата за долгую службу рядовым слугам или воинам, княжеская власть охотно поощряла земледельцев переселяться на неосвоенные территории.

Поразительной особенностью взаимоотношений верховной власти с «мужами», т.е. земельными собственниками, являлось то, что «социальная верхушка Древней Руси» (бояре и прочие вольные слуги) пользовались правом свободного перехода от одного князя к другому (на основании формулы междукняжеских договоров: «а боярам и слугам межи нас вольным воля»). Это право означало, что бояре и вольные слуги могли оставлять службу, не лишаясь тем самым своих вотчин, т.е. в русском праве междукняжеских договоров отсутствовала связь между вотчинным правом на землю и обязанностью нести службу, лежащую на собственнике вотчины.

Долгой, тяжелой и мучительной была история взаимоотношений между Древней Русью и Великой степью, а осенью 1238 г. страна столкнулась с тем, что навсегда определило ее историческое своеобразие. Монголы принесли из глубин Азии новый тип войны — тотальное истребление. Самое страшное: монголы разрушили все города, каменное строительство на Руси возобновилось только почти через сто лет, большинство ремесленников было или убито, или уведено в «полон». Дальнейшие монгольские карательные или разорительные акции так и не позволили «запустить» городскую цивилизацию. Русское городское ремесло фактически прекратило свое существование, сложные ремесла исчезли, возрождение их началось только через 150–200 лет. В разоренных городах — и это самое главное — *никогда* не возродится городское самоуправление — вече, с его особыми привилегия-

ми городского сословия. Права на элементы городского самоуправления и право неотчуждаемой муниципальной собственности русские города получают только через пятьсот лет, во времена Екатерины Великой.

Когда сопротивление было окончательно подавлено, завоеватели принялись перестраивать социальную систему Руси и вводить новые, неслыханные прежде порядки, основанные на азиатском представлении о деятельности государства. Собственно говоря, эти новые порядки не были монгольскими; монголы не имели письменности и не могли управлять обширными завоеванными странами. Поэтому после завоевания Северного Китая преемник Чингисхана, Великий хан Угэдей, вручил дела управления китайскому министру Елюй Чу-цаю. Елюй Чу-цай ввел на всей территории Империи китайскую административную систему и назначил в провинции налоговых уполномоченных «даручаги». Татарские дани обычно отправлялись в Орду в виде серебряных слитков — «саумов», постоянный «выход» серебра с Руси создал своеобразный «серебряный голод», знаменитая русская серебряная гривна уменьшилась в весе в два раза — со 195 до 97,5 грамма. Затем ее начали рубить и дальше; так и получился наш рубль.

«Благодаря» монголам исчезло общественное богатство — монетизированное средство платежа, накопленное выше реальной нормы потребления за счет транзита «из варяг в греки» за несколько сот лет. Вспомним, как в XV–XVI вв. «запустилась» экономика Западной Европы потоком золота и серебра из открытой Америки, «отработав» за полтора столетия «свободы и привилегий» состоятельных граждан от государства.

Монголы *аннулировали все права собственности на землю и собственно сам институт частной собственности на Руси*. Земля больше не принадлежала не только свободным людям,

но даже и князьям. Ее абсолютным владельцем являлся хан. «Понятие о князе как верховном землевладельце возникло только в монгольский период. Русские князья, как представители власти хана, пользовались в своих уделах правами, какие имел хан на всем подвластном ему пространстве. Потом русские князья унаследовали от хана эти государственные права в свою полную собственность, и это наследство поколебало начало частной собственности»². Русский правящий класс потерял не только доходы, но и сам смысл хозяйствования на земле. Более того, было разрушено общественное представление о собственности как об инструменте материального и духовного роста человека, живущего производительным трудом.

Создание властной инфраструктуры потребовало формирования слоя служивых людей, одной из форм вознаграждения которым за верную и долгую службу князю явилась выдача жалованных грамот на землю — наследственных вотчин. Количество таких верных слуг было весьма ограниченным, операции купли-продажи земли между вотчинниками были крайне незначительны и редки, и в большинстве случаев они регламентировались самим князем. Иммунные грамоты, пожалованные светским вотчинникам, предусматривали получение ряда льгот от всевозможных податей, освобождение от суда волости (суд только княжеский), и самое главное — при сохранении верности князю вотчина переходила по наследству без каких-либо ограничений.

Смерды со своими «черными» (т.е. крестьянскими) землями старались уйти под власть князя или боярина, дабы находиться под защитой от насилия и притеснений других лиц. По сути, эта ситуация ничем не отличалась от западных институтов феодального патроната и коммendaций, та же

феодалная иерархия права и владения. «Правда... Павлов-Сильванский, а за ним и другие (Тарновский, Огановский) указывали на то, что наши сеньоры не стали суверенными владельцами, не превратились в тех маленьких монархов, каких мы находим на Западе, — *«окняжение земли предупредило обояривание ее»* (курсив здесь и далее мой. — И.Р.)... Предшественником Павлова-Сильванского является Н.А. Рожков, который указывает на то, что *«хотя феодализма в окончательно сложившемся виде в России никогда не существовало, но зародыши его были... свойственны и нашему отечеству»*³.

Сделаем собственное предположение: именно с этой ситуации, когда «окняжение» опередило «обояривание», *траектория развития России начала расходиться с общеевропейской* на собственно российскую и западноевропейскую «колеи». Именно тогда и начали закладываться те различия, которые на протяжении всей остальной истории характеризуют разность социально-экономических процессов России и Запада, именно с этого момента начало проявлять себя пресловутое «запаздывание» Восточной Европы перед Западной.

Я настаиваю — не культурное, географическое и климатическое своеобразие нашей страны, не разность религиозных представлений, не, тем более, мифическое «генетическое предрасположение» русского народа к рабству и тирании, развели единую (по Тойнби) римско-христианскую цивилизацию на два, иногда совершенно не похожих друг на друга, образа жизни. Наличие или отсутствие развитых институтов частной собственности, а также наличие или отсутствие социального опыта массового использования социумом частной собственности — вот с чего начинаются различия между Западной и

² Там же. Т. 2. С. 204.

³ Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М., 2008. С. 89.

Восточной Европой. Именно разность предшествующего исторического опыта, на Западе — своего органичного, в России — привнесенного азиатского, в формированиях ментальных моделей поведения правящих классов и создали ту разность общественных институтов, которую мы наблюдаем и по сегодняшней день.

Когда «окняжение» опередило «обояривание» в присвоении права частной собственности на землю, вот тогда мы и начали свой собственный мучительный путь, который я сам для себя называю русской квадратурой круга, а наш высший правящий класс, в том числе и зависимый от него интеллектуальный, называет особым путем развития Русской цивилизации.

Обратите внимание и еще на одно ключевое слово, на своеобразный опорный сигнал известного историка Н.А. Рожкова — «зародыш». Всю свою историю Россия «носила зародыши»: «зародыш» феодализма, «зародыш» капитализма, «зародыш» конституции и демократии, «зародыш» политической нации. Сейчас носит «зародыши» гражданского общества и рыночной социальной экономики и никак не может разродиться плодом (законченной общественной конструкцией). Всю свою историю Россия была и остается страной *многоукладной*, даже в марксистском звучании этого определения. И только один уклад из века в век, из поколения в поколение неотступно следует за нами, гражданами России, периодически отступая и заново возрождаясь, «заливая» кровью и отнимая жизненные силы народа. Этот уклад называется *социалистическим* (обобществление собственности). Вот оно, это вечное русское проклятие, вечная русская квадратура круга, и «привили» его нам не Маркс с Энгельсом и даже не Ленин со Сталиным, а *наш русский феодальный и имперский азиатский правящий класс*. С тем мы и живем до сего дня, и далее будем жить до своего полного цивилизационного

разложения и одичания в усреднении, описанного в книге академика И.Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории», если не сможем преодолеть в себе этот социалистический уклад с его обобществлениями и перераспределениями, страхом перед политической и экономической конкуренцией, отсутствием интереса к знаниям и лени ума.

* * *

Утверждение поместной системы, этой, как говорили советские историки, «условной формы феодального владения», в условиях жесткого государственного принуждения правящего класса к службе, не могло не транслироваться дальше, вниз по социальной лестнице. Полевая барщина, т.е. бесплатный труд на другого человека, облеченного властью, для русского крестьянина стал возможен только в условиях коренной перестройки характера всей совокупной системы внеэкономического принуждения, задуманной еще владимирским князем Андреем Боголюбским и осуществленной московским царем Иваном Грозным. Прекращение крупного частного владения феодальной земельной собственности при отсутствии малых индивидуальных крестьянских хозяйств и цехового феодального города заложило фундаментальные основы преобладания государства в хозяйственно-экономических функциях всего общества. Поместная система, в принципе, не предусматривала такое понятие как баланс интересов сторон, которое уже начало складываться в Западной Европе. Отсюда, видимо, и формируется такой феномен различного поведения правящих элит Запада и России — на любой вызов исторического и социального характера, будь то голодный мор начала XVII в. в России или чума в Западной Европе, отвечать *по-разному*: в России — насилием и внеэкономическим принуждением по отношению к свое-

му податному населению, в Европе — компромиссом и стимулированием новой экономической практики, при всей буквальной условности этих понятий по отношению к европейским «вилланам» того исторического времени. В известной книге русского историка (а ныне американского профессора) В.П. Турчина «Историческая динамика» рассматривается диссертация некого Стюарта Боша, где представлено интересное сравнение хозяйственно-экономических укладов жизни Египта и Англии накануне и после Великой Чумы XIV в. Накануне эпидемии экономический потенциал сопоставим, после — разительное отличие, сохраняющееся до сей поры. Причина? С. Бош уверенно отвечает — *отличия в системе землевладения*: законсервированные в Египте в азиатском способе производства без участия частной собственности, следствием чего явились авторитаризм и деградация в социальной и экономической жизни, и модернизированные в Англии, с неуклонным преодолением феодализма, следствием чего явилась эмансипация частной собственности, вызвавшая в конце концов экономическую и социальную трансформацию общественных отношений через капитализм.

Логическим развитием помещичьей системы стало введение на Руси крепостного права. От крестьянских переходов страдали составлявшие основу служилого класса мелкие воины-помещики. Они и заставили бывшего опричника Бориса Годунова от лица малолетнего царя Федора издать указ, отменяющий право крестьян по своему желанию покидать обрабатываемые ими земельные участки с того момента, где крестьянина этот указ заставал. Закон от 24 ноября 1597 г. и серия последующих указов положили начало юридической основе более чем трехсотлетнего ограничения в правах на *основные гражданские свободы, и прежде всего — свободы обладания собственностью* основной мас-

сы населения нашей страны — русских крестьян.

Возможна ли была какая-нибудь историческая альтернатива этому азиатскому тренду русского общества?

Монголы, а затем их вассалы, московские правители, не смогли с ходу завоевать и «переварить» всю территорию Древней Руси. Не подвластными азиатскому влиянию оказались области Западной и Южной Руси, впоследствии объединившиеся в Русско-Литовское государство, а также земли Псковские и Новгородские, часто выступавшие в союзе для защиты собственных геополитических и экономических интересов.

Не покоренный монголами Новгород был долго неподвластен «азиатской степи» и Москве. Богатый торговый город — член ганзейского союза, обладающий всеми формами собственности, включая частную собственность на землю. Граждане Новгорода не имели ограничений при переходе из сословия в сословие, например, крестьянин или посадский человек мог стать купцом или ремесленником. В отличие от многих своих западных «коллег» Новгород развивался по античному «афинскому» сценарию — владел землями за городской чертой, проводил активную экспансионистскую внешнюю политику. Из-за климатических особенностей сельское хозяйство развивалось слабо, хлеб в основном завозился из соседних областей, но существовал и свой слой крестьян-собственников. Эти крестьяне назывались своеземцами, упоминания о них встречаются в летописях до середины XVI в. Сам город, разделенный по цеховым принципам, производил промышленную номенклатуру, потреблял привозное сырье, ответно экспортируя до нескольких сотен единиц ремесленной продукции.

Знаменитое Новгородское вече было высшим законодательным государственным органом, оно нанимало и изгоняло князя с дружиной, оно судило и снимало посадника и тысяцко-

го, решало вопросы мира и войны. Для участия в вече выбирались только «избранные», пресловутые «триста золотых поясов», и эти-то богатые новгородцы обеспечивали демократию для всех. «Основой гражданственности новгородцев с XI века становится преданность не феодалу, не отвлеченной идее, а городской общине — Господину Великому Новгороду. Общество в Новгороде Великом было важнее государства, и в летописях общественные события, вплоть до изменения цен на соль или на пеньку, отмечались вместе с решениями князей, с войнами и договорами между государствами»⁴.

Интересна ситуация и с Псковом, основой общественного богатства которого являлась не торговля, а сельское хозяйство, характерное для климатической и почвенной среды центральной России. «Среди крестьян псковской земли было много “земцев” или “своеземцев” — владельцев собственной земли. На государственных землях сидели смерды — они платили дань Господину Пскову. На землях частных владельцев сидели “изорники”... Пахари-изорники отдавали часть урожая владельцу земли. Богатство бояр создавалось этими изорниками... В Пскове не было суда боярина над крестьянами. Псковская Судная грамота регулировала отношения феодалов, посадских людей, изорников, смердов. Если у боярина возникали споры с изорником-закупом, он обращался в суд и должен был представить в доказательство своих притязаний — письменный документ или несколько свидетелей. Права изорника и боярина в суде были равными»⁵. Обращаем внимание: Псков был пограничным городом, который из века в век подвергался военным нападениям, но это не мешало существованию частной собственности на землю и действию правовых норм в

гражданских взаимоотношениях. В отличие от азиатской Московской Руси, в Новгородских и Псковских землях право земельной собственности (подчеркиваю — полное право, т.е. частное право на землю) не было привилегией правящего класса, им обладали и другие классы свободных людей. Своеземцы свободно меняли и продавали, закладывали и наследовали свои участки, даже женщины, вдовы и сестры, являлись владелицами и совладелицами таких земель. И такой порядок вещей просуществовал более трехсот лет.

Уцелевшие от монгольского погрома земли Западной Руси *добровольно* стали объединяться в военный союз. Возглавили этот союз воинственные вожди из полудикой языческой Литвы. Но скоро эти вожди, а за ними и сама Литва, стали проникаться русским культурным влиянием: русский язык и право, русские нравы вместе с православием, русские жены и матери первых литовских великих князей позволили сформировать *конфедерацию* земель. Довольно быстро в этот союз вошли русские земли: Подольская, Волынская, Северская, Смоленская и истерзанная Киевская. Все земли, которые не захотели *сотрудничать и сосуществовать* с монголами, влились в эту конфедерацию, которая получила название Русско-Литовского государства. Русские бояре и литовская знать образовали землевладельческую наследственную аристократию, которая через систему сословных представительств сильно ограничивала власть Великого князя. В стране действовали законы «Русской правды», и литовские великие князья подтверждали все имущественные и земельные права владельцев старых русских земель. В этническом плане абсолютное большинство жителей являлись русскими, правящий класс — зачастую тоже русским, религиозной основой нового конфедеративного государства было православие.

Русское городское население в

⁴ Буровский А. Отец городов русских. М., 2007. С. 319.

⁵ Там же. С. 366.

пределах «Великого Княжества Литовского» получило Магдебургское право в таких населенных пунктах как Владимир-Волынский, Брест, Гродно, Луцк, Полоцк, Могилев, Витебск, Глухов, а также Минск и Киев. Это право 110 лет будет формировать городскую жизнь в Смоленске. Во многих городах оставалось старое доброе древнерусское вече. Оно, совместно с Магдебургским правом, законодательно оформилось в виде специальных грамот от великокняжеской власти, гарантирующих самоуправление, собственное судопроизводство, разграничение фискальных полномочий, коммунальную обособленность прав горожан. Нигде, ни в одном историческом исследовании, даже в самом пристрастном, вы не найдете сведений, что это право не смогло укорениться в городской толще русского народа. Нигде православные клирики не чинили препятствий установлению местного самоуправления или регистрации прав частной или цеховой собственности. Ни один православный священник не осудил правило, прямо вытекающее из Магдебургского права: беглый крестьянин, проживший один год и один день в городе, становится свободным.

Самостоятельная Русско-Литовская федерация до вхождения в Речь Посполитую просуществовала не менее трехсот лет с развитыми правами частной земельной собственности правящего сословия, с ограничениями власти Верховных литовских князей, с городским самоуправлением, основанном на древнем русском вечевом праве и новом Магдебургском, с развитой русской культурой и православием.

* * *

Петр I продолжил, расширил и дал колоссальное ускорение сверхэксплуатации русского народа. В 1714 г. официально закончила свое существование поместная система, условные владения дворян были превращены в вотчины, т.е. теперь выделенная в пользование

служилому классу земля переходила по наследству. В 1719 г. за каждым дворянином персонально были закреплены все крестьяне, проживающие в его поместье, но право собственности на саму землю по-прежнему обуславливалось его службой. Дворяне продолжали оставаться «крепостными государства»: их служба была бессрочна, при том что две трети фамилии должны были состоять на военной службе, а одна треть — на гражданской. Они не освобождались от телесных наказаний, по воле государя-реформатора обязаны были изменять место жительства. Каждый дворянин с рождения приписывался к своему полку или учреждению, где он в будущем должен был проходить службу.

Вотчины (земельные участки с поместьем) теперь можно было наследовать и даже продавать: «Помещики продавали, передавали по наследству, меняли свои поместья, но все сделки совершались с разрешения государства и в строгих рамках: например, продать можно было лишь другим помещикам, которые вместе с землей приобретали все те обязанности, которые лежали на ее прежнем владельце. Реальное расширение прав не было зафиксировано в законе. Говоря строго юридически, помещики продавали, передавали по наследству, меняли, и т.п. лишь право пользования своим имуществом»⁶.

Петру I принадлежит мерзейшая инициатива 1719 г. по отмене юридической грани между холопами (т.е. рабами) и помещичьими крестьянами. Единственное ограничение, отличавшее русского крестьянина от античного раба, — это запрет владельцу истязать или убить крестьянина по своей прихоти, т.к. казна тогда лишалась налогоплательщика и потенциального рекрута.

Крепостное право при Петре I стало всесословным и осуществлялось в трех видах: государственное, частное и кор-

⁶ Там же. С. 242.

поративное. Единственным свободным человеком в России оставался только император. Зафиксированы многочисленные свидетельства, когда Петр самолично распоряжался не только недвижимым имуществом своих подданных, но и корпоративной и личной собственностью своих граждан, а также их трудом.

В условиях примитивных производственных отношений, — когда не существует достаточного числа независимых экономических агентов, которым не мешают генерировать прибавочный продукт и этот совокупный прибавочный продукт еще и еще раз вкладывать в развитие производственных отношений, на новом уровне добиваясь все новых и новых «излишков» прибавочной стоимости, — во всей своей азиатской красоте приходит *необходимость чрезвычайной государственной сверхэксплуатации людских и материальных ресурсов страны и общества*. Или для спасения страны, или для обеспечения ее будущего цивилизованного существования. Не будь до Петра полутора столетий построения правящим классом азиатского государства, не потребовалось бы «рвать животы», чтобы на равных противостоять шведам. Не будь сам Петр азиатом по сути своих реальных поступков и действий, не надо было бы костями устилать будущую «Северную Венецию». В иной системе социальных отношений для построения мануфактурного производства не требуется насильно сгонять крестьян целыми деревнями (после гибели предыдущих) и прививать через розги производственную культуру, а для построения флота опустошить и обезлюдить целую Воронежскую губернию. Есть ведь и другие исторические примеры и решения. Не будь Петр по одежде европеем и по мышлению азиатом, не пришлось бы правительству в 1721 г. разрабатывать особое посессионное право, позволяющее, в конце концов, признавать заводских крестьян собственностью завода. Даже не собствен-

ностью хозяина-заводчика, а именно завода, как сырье или станки!

Историческая необходимость никогда не бывает милосердной, но цену этой необходимости всегда определяет компетентность правящего класса. В прямом смысле цена петровских реформ — это полное разорение Российского государства: «К 1725 году государство полностью обанкротилось: недоимки податей за 1724 год достигли одного миллиона рублей (при девяти миллионах расходной части бюджета), а за две трети 1725 года (т.е. сразу вслед за смертью Петра) до двух третей исчисленного оклада»⁷. Иным господство «социалистического» уклада и не могло закончиться.

* * *

«18 февраля 1762 г. Петр III, отчасти из-за страха перед дворянством, отчасти из-за угрозы дворцового переворота, а также руководствуясь государственными и династическими соображениями, издал Манифест о вольности дворянской, который освободил дворян от обязательной службы государству... Екатерина II увеличила личные права дворян в Жалованной грамоте дворянству в 1785 г. ... 1) Отменила обязательную службу... 2) Даровала особые привилегии при поступлении на военную и гражданскую службы... 3) Разрешила выезжать за границу... 4) Освободила от личных налогов и повинностей... 5) Освободила от телесных наказаний... 6) Гарантировала неприкосновенность дворянского достоинства (только по суду и при императорской конфирмации этого решения возможно было лишить человека дворянства, имущества и жизни)... 7) Закрепила за дворянством монопольное право владеть землей и крепостными».⁸ Логично, чтобы на сле-

⁷ Брюханов В. Трагедия России. Царевубийство 1 марта 1881 г. М., 2007. С. 161.

⁸ Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб., 2009. С. 254.

дующий день после 19 февраля 1762 г. последовала отмена крепостного права и появился указ о «Вольностях крестьянских». Но, как едко пошутил В.О. Ключевский, «она и последовала на другой день, только спустя 99 лет». Вот таким образом и вернулось более чем через пятьсот лет в Россию неотчуждаемое (кроме как по суду) право частной собственности, но, к сожалению, только исключительно для правящего класса России — дворян, коих было не более 1–1,5 % от всего российского населения. Нет смысла описывать, какие социальные трансформации за эту же половину тысячелетия прошло западное общество.

В 1775 г. царским указом Екатерина II вывела купечество из крепостной зависимости воевод и освободила от денежных и натуральных казенных повинностей и круговой поруки. Эти подати заменили на ежегодный сбор в процентах по объявленному капиталу. Напоминаю, купеческих «вольностей» Новгорода нет уже почти 280 лет, за это время успели отцвести купеческие города-государства Италии и Германии, открывшие Америку и монетизировавшие Европу перед промышленной революцией. Жалованная грамота городам 1785 г. превратила уже все «посадское» население в свободных людей, отменив государственную барщину. Этот законодательный акт впервые с монгольских времен вводил право частной собственности на землю и имущество горожан, а также право собственности за самим городом, т.е. на муниципальную собственность. За мещанами оставалось полицейское закрепление по месту жительства, и они были ограничены в выборе занятия. Но в 1831 г. и для мещан был введен статус «почетного гражданства», приобретении коего человек получал гражданские права полностью. Окончательное освобождение мещан и купцов низших категорий произошло в результате Великих реформ 1861 г.

Все российские историки едино-

душны в своем мнении: поземельно-передельная община есть следствие результатов налоговой политики Петра Великого: введения подушной подати среди податного населения России, т.е. крестьян и посадских людей. Со времен Петра сами дворяне перед казной отвечали за сбор налогов со своих крестьян нередко и своими деньгами. После предоставления «вольностей дворянству» в 1762 г., в развитие этих привилегий с дворян-помещиков снимают это хлопотное право — отвечать перед казной своими собственными деньгами. Указом от 1769 г. эту обязанность перекалывают на крестьянские общества, принадлежащие помещикам и работающие на земле последних. Этот же указ вводил и круговую поруку среди крестьянского «мира» в уплате государственных податей. Таким образом, крестьянская община стала податной единицей казенного финансового управления. Хотелось бы уточнить, что крестьянская община как «мир» существовала в России испокон веков. Так же, как испокон веков на Западе существовала крестьянская коммуна. Правительство, напуганное Пугачевским восстанием, распространяет этот принцип и на государственных крестьян указами от 1797 г., и на удельных (принадлежащих лично императорской семье) крестьян в 1798 г., проведя на этих землях «уравнение» среди крестьян в пользовании пашней и сельскохозяйственными угодьями. «К концу XVIII столетия ходом событий, властью, помещиками (во многом как реакция на пугачевщину) была создана передельная община. Ввели “тягло” — справедливую, равную систему распределения платежей и рабочей (трудо вой) повинности. Ведь цель была одна: поддержание равенства — нет бедных, нет богатых, нет пугачевых, нет бунта. А в основе всего — перманентное перераспределение, передел земли и уравнивание всех. Таким образом, социальная энергия миллионов русских мужиков *канализировалась*

вовнутрь. Купировалась возможность социального взрыва, выброса излишка энергии⁹. В этом и был российский ответ на Великую французскую революцию, которая как раз и дала всему французскому народу равенство прав на права частной собственности, на гражданские права, закрепленное в «Кодекс Наполеона», по которому до сих пор живет современная Франция. Российский правящий класс пошел своим путем, я настаиваю — не православная церковь, не русский народ, а именно российский правящий класс — пошел другим, особым путем и создал иное равенство — в государственных и других податях и в возможности крестьянского «тягла» обработать эту подать.

Вся крестьянская энергия тонула в бесконечных земельных переделах внутри общины, вот почему с конца XVIII в. и до первой русской революции 1905 г. Россия фактически не знала серьезных крестьянских волнений — крестьяне выясняли отношения сами с собой. Вот откуда, наверное, и берет начало известная отчужденность русских между русскими. Мы просто более ста лет «ели себя поедом», *деля то, что нам фактически никогда не принадлежало*. Теперь знайте: если вам говорят, что передельная община «выросла» из органического состояния православной русской души, вас просто обманывают. Иногда добровольно заблуждаясь, будучи «очарованными» литературными «витийствами» некоторых русских литераторов и философов, а в большинстве случаев обманывают намеренно, в целях политической пропаганды. Русская передельная община есть гениальное изобретение российского правящего класса, позволившее ему решать свои частные материальные интересы и интересы своего государства, его особый путь в семье

европейских народов. *От этой передельной общины это государство и его правящий класс и погибнет.*

* * *

Реформа 1861 г. освободила крестьян от дворян-землевладельцев и слила с другой полусвободной категорией тягловых работников — государственных крестьян. Но за свою полусвободу крестьяне должны были заплатить так называемые «выкупные платежи». Причем дворяне в некоторых случаях могли эти платежи и увеличивать. Государство гарантировало эти выплаты через принцип круговой поруки все той же общины. Реформа не только не определила, возможен ли переход крестьянина в другое состояние, но и четко не разграничила собственность общины, двора, работника. И все это проходило под флагом «Великого освобождения». Допустим, с выкупными платежами понятно: государство гарантировало главным собственникам — дворянам — незыблемость права собственности через оплату этой собственности. В этом оно, безусловно, было право. Но почему крестьянин, заплатив выкуп, не становился свободным человеком и не мог обладать частной собственностью, не мог быть в полной мере гражданином, соответствующим очень передовым законам, принятым в эпоху реформ? Почему даже в непередельных общинах (а таких было довольно много) крестьянин не мог обладать частной собственностью? Опять кажущаяся нелогичность. На самом деле все логично, все рационально — если мы рассмотрим ситуацию с политической точки зрения. Дело в том, что правящая бюрократия не могла расстаться со своей любимой и такой безотказной «игрушкой», как община, с ее круговой порукой — и в налогах, и в рекрутчине, и в прочих удобствах для власти. Если вы читаете речи тогдашних государственных мужей в защиту общины, то даже современный коммунистический

⁹ Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Социум и власть в России. 2007. № 5. С. 101.

оппозиционер вам покажется «правым уклонистом». В России никогда не меняется одно — стремление правящей бюрократии в любой исторический период *уфростить* для себя управление вверенным ей народом и территорией.

Давайте оценим, как должно было нарастать разочарование в ожиданиях, как росло ощущение *неразумности* происходящего для 80% крестьянского населения страны и как все было логично и рационально для 2% правящего класса. Только в марте 1903 г. была отменена круговая порука по выкупным платежам и сборам податей, а в августе 1903 г. отменены телесные наказания крестьян за налоговые недоимки. При этом общину можно было покинуть только с согласия всего сельского общества. Хотелось бы напомнить: до октябрьского переворота — всего 14 лет.

Несмотря на все усилия Столыпина, народ до частной собственности на землю так и не допустили. Указ от 6 ноября 1906 г. наконец окончательно покончил с крепостным правом и предоставил возможность самому крестьянину решать, хочет ли он находиться в общине или искать свою «птицу счастья» в других областях жизнедеятельности свободного человека. Это был действительно «День независимости» для 80% граждан нашей страны. По этому же указу и последующим актам к началу «Великой войны» 2/3 крестьянских дворов (включая и переселенцев) выделили свою землю в отдельные наделы, а, по мнению большинства ученых, не менее 10% крестьян отселились на хутора (отруба), т.е. стали фермерами. Надельную землю всем этим крестьянам передали — обращаем внимание! — не в *частную* собственность, а в *личную* собственность с правом наследования близкими родственниками. Большинство наших граждан и даже большинство российских авторов, пишущих на эти темы, даже не понимают различий этих понятий. Напоминаем, *частная*

собственность подразумевает полную ответственность за результаты своего труда, включая и потерю этой собственности, предоставляя право владельцу по собственному усмотрению и разумению использовать эту собственность или результаты ее эксплуатации. *Личная* собственность в нашем случае трактовалась как собственность, необходимая для проведения операций с землей исключительно между крестьянами и только через Крестьянский банк, который по своему усмотрению (государственной необходимости) устанавливал правила финансовых и земельных операций. Государственные землемеры и агрономы, в силу собственных представлений о необходимости, решали, что и где выращивать, а затем и реализовывать — через систему кооперативов, которые были главными каналами получения государственных субсидий, достигавших, кстати, четырех процентов государственного бюджета. Хотелось бы напомнить, что речь идет о земле, которую крестьяне считали изначально, даже на метафизическом уровне, принадлежащей им и только им — «соли» земли Русской.

Поэтому и стал актуален лозунг (несмотря на все проценты личных владений): «Земля крестьянам!», который и породил последующий хаос Черно-го Передела. Как крестьяне, которых было более 80% населения страны, могли уважать чужую частную собственность, особенно собственность помещиков, если они *никогда ей не владели* и не обладали этим правом даже в теории?

* * *

Вот теперь, как нам кажется, мы и открыли «секрет», почему значительное количество наших граждан «не любят» частную собственность, особенно частную собственность на землю. У них просто нет исторического опыта владения частной собственностью. Даже те, не самые многочислен-

ные слои населения, которые ко времени октябрьского переворота накопили этот опыт: дворяне, интеллигенция, служащие, квалифицированные рабочие — «сгорели» в огне исторических потрясений XX века и не смогли передать этот *опыт* в виде традиции следующим поколениям. Сегодня таким опытом обладает (и то не более полутора десятилетий) менее процента населения нашей страны. Откуда такой азарт в прожигания денег у богатых? В том числе и потому, что нет массового *опыта* наследования собственности. Почему у многих неплохо зарабатывающих людей сегодня небрежно оформлены квартиры и дачные участки? Только потому, что они в этом не видят практического смысла, поскольку не имеют *опыта* конвертации своей собственности в капитал, нет спроса — нет инструментов реализации.

Антиисторично, приписывая русскому менталитету какие-то высшие проявления «соборности», пытаются обнаружить в историческом, хозяйственном и жизненном укладе какие-то черты, которые бы указывали на наше природное презрение к деньгам и желание работать только в коллективе. Нелепо на основании сомнительных философских спекуляций утверждать, будто «русская артель» спасет мир от ссудного процента. Наконец, просто подло считать нас нацией «рабов», не способных оценить комфорт и выгоды рациональной организации жизни. Все это дается только через *опыт* поколений в делах управления частной собственности. Если говорить о нашей уникальности, то она заключается просто в отсутствии такого опыта. Например, в Восточной Европе массовая частная собственность была распространена достаточно широко, а к 1945 г., ко времени пришествия Сталина, и укоренена. Поэтому почти два поколения правления коммунистов не до конца убили эту традицию и *опыт*. Даже в Китае, где коммунисты пришли к власти в 1949 г. и реформы

Гоминьдана не успели дать своих плодов — традиция и опыт не успели забыться, а реформы Дена начались на юге, последнем оплоте «буржуазных националистов». Даже на Украине, в западной ее части, нет раскола в обществе по вопросам частной собственности. Причина проста: коммунизм там утвердился только с 50-х годов. Возможно, именно по той же причине в странах Восточной Европы нет проблемы деления общества на «красных» и «белых».

В нашей стране коммунисты правили 70 лет, почти три поколения — весь немногочисленный *опыт* и традиция управления и владения частной собственностью были «вытоптаны» и забыты. Наша правящая элита (в том числе и интеллектуальная) имела *опыт* только созерцания чужой собственности на Западе, поэтому к началу реформ мы и получили жалкие копии их интеллектуального наблюдения. Наш сегодняшний правящий класс, чиновничество с редкими вкраплениями олигархов, черпают свое вдохновение из классических трудов имперских русских историков. А там нет ничего про частную собственность. Все больше про сословную, суверенную и «пассионарную» бюрократию.

Французский историк Фернан Бродель назвал ситуацию, когда правящий класс монополизировал большую часть собственности в своих руках, препятствует конкурентному перераспределению ее и извлекает из этого привилегированного положения дополнительную прибыль, — ситуацией «стеклянного колпака». Ее предельно сфокусировал известный экономист Эрнандо де Сото: «Этот колпак обращает капитализм в частный клуб, открытый только для привилегированных, вне которого остаются миллиарды разъяренных пролетариев. Эта система капиталистического апартеида будет сохраняться до тех пор, пока мы не сумеем ликвидировать роковые изъяны в правовой и политической си-

стемах многих стран, в силу которых большинство населения Земли остается за пределами легальной частной собственности»¹⁰.

Зададимся вопросом: возможен ли мостик взаимного тяготения, социального партнерства между правящим классом и остальным населением, государством и обществом? Я думаю, возможен, и именно одним из этих элементов общественного договора может стать реформа собственности. Реформа, направленная на предоставление равных возможностей обладания частной собственностью, равного доступа к ее увеличению и ее защите — для ОСНОВНОЙ МАССЫ НАСЕЛЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ, а не только для правящей бюрократии и предпринимательских страт, причем на первой стадии осуществляемая как ДЕКОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ без любимой русской «забавы» — взять все и поделить. В нашей стране уже был опыт перераспределения собственности в 1917 году, который закончился тотальным ее обобществлением, поэтому предлагаемая реформа предусматривает *только расширение базы собственности и реальных собственников*. На первом этапе — путем регистрации за государственный счет имущества населения по формальным признакам, де-факто являющегося недвижимостью, но де-юре таковым не являющегося, и на втором — принятие целого пакета законов, регулирующих функционирование институтов частной собственности в нашей стране. И не надо отменять никакого Сколково или распускать «Единую Россию» и даже пытаться отправить в отставку «внешнюю политику».

Еще в конце XVIII в. имперский правящий класс смог на 120 лет обезопасить себя от «пугачевых», по-

грузив российский народ в череду бесконечных земельных переделов и общинных разборок. Сегодня такой трюк не пройдет, но *погружение людей в практики освоения своей частной собственности* смогут смирить (сгладить) все трудности модернизации российской экономики, помогут удержать общество от социальных катаклизмов и срывов, а они будут непременно. Модернизаций без напряжения для общества не бывает. Пора забыть Брежнева, а тем более Андропова, и вспомнить Витте и Столыпина. Цена внутренних трансформаций, которые придется, безусловно, *принять* современному правящему классу, как мне кажется, будет достаточно приемлемой для него. Для этого нужно всего лишь:

- забыть «советскую власть», как дурной сон;

- принять единые стандарты идентичности с западной цивилизацией в правоприменении юридических норм;

- поделиться частью — всего лишь частью! — собственности с собственным народом.

Есть ли какая-то альтернатива для правящего класса? Конечно, есть: с большими или малыми потрясениями быть выкинутыми из реальной политической жизни, путем «закатывания в асфальт», вместе с программой развития до 2020 года и другой бутафорской державной атрибутикой, с риском разрушения государства и «обрушения» общества. По крайней мере, до сих пор в мировой истории было только два таких пути. И никаких «особых».

Массовая легальная собственность — это выстраивание множества единых, стандартных, одинаково трактуемых — вне зависимости от социального, регионального, религиозного статуса — горизонтальных юридических, социальных, экономических коммуникативных связей между гражданами единой страны. Это один из кирпичиков становления наконец-то

¹⁰ Э. де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2004. С. 74

единой русской нации, до сих пор «запоздавающей» в нашей стране. Точно так же немцы, французы, англичане стали нациями в XIX веке, когда появилась и закрепилась массовая легальная собственность, постепенно конвертируемая в устоявшиеся демократические политические формы.

Обладание собственностью формирует прежде всего ответственность в виде рационального поведения, самоконтроля и дисциплины, в целях сохранения этой собственности. Вспомним: во всех устойчивых демократиях Запада избирательные права сначала получали только люди с имущественным статусом или образованием (не считая правящего класса — дворян), и именно они сформировали спрос на демократические институты. Смешно сегодня вводить ограничения в современную избирательную систему, но массовая легальная собственность — верный шаг в построении гражданского общества.

Если посмотреть протоколы английского парламента первых ста лет, это скучнейшие бесконечные дебаты о налогах, сборах, правах на монополию,

пошлинах и наделах, кому это должно достаться — королю (то есть государству) или другим сословиям. В парламенте Нидерландов в первой трети XVII в. уже обсуждают фьючерсы и ставки по ним. В «Хартии вольностей» или в Магдебургском праве нет ни слова о «правах человека» и «общечеловеческих ценностях» (в эти времена с энтузиазмом жгли ведьм на кострах) — все только о «правах собственности». И эти права постепенно изменили социальные институты, включая и религиозные, а затем и политические, и одновременно изменили и саму природу западного человека. Можно согласиться с безапелляционным утверждением В. Булдакова: «Наконец, никакой политической механизм выхода из авторитаризма в России не сработает — это может произойти лишь на антропологическом уровне». Необходимо изменение самого человека, а одним из условий антропологических изменений является решение вопроса о равном доступе, приумножении и защите прав частной собственности в интересах *всех* социальных слоев нашего общества.

Дэвид Г. Роули

ИМПЕРСКИЙ VERSUS НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: случай России

От переводчика

Читателям «Вопросов национализма» предлагается перевод статьи Дэвида Роули (David G. Rowley), профессора истории американского университета Висконсин-Платтевилль, которая была опубликована в журнале «Nations and Nationalism» (главный редактор журнала — Энтони Смит, один из наиболее выдающихся современных исследователей национализма). Сама статья вышла еще в 2000 г., но это не делает ее менее актуальной. Ведь основная ее проблематика — взаимоотношения русской нации и имперского государства — была усвоена российскими историками, и в особенности российскими политиками, совсем недавно (хотя цитируемые в статье Роули работы Джеффри Хоскинга, в которых ставятся схожие проблемы, переведены на русский еще в начале 2000-х).

Статья Дэвида Роули — несмотря на некоторый схематизм и неточности¹, неизбежные при рассмотрении столь обширной темы, — интересна прежде всего самой постановкой вопроса. «Почему в России не было и нет русского национализма?» — спрашивает ученый. Широкой публике, обработанной профессиональными борцами с «русским фашизмом», которые постоянно запугивают ее черносотенцами и скинхедами, этот вопрос может показаться

несколько парадоксальным. «Как же, русский национализм кругом, он грозит в любую минуту выплеснуться на улицу и обернуться погромами». Но ни экстремизм молодежных субкультур, ни бытовая ксенофобия, ни квасной патриотизм — это не национализм. Национализм — это идеология и практика, провозглашающая основной целью политического процесса построение и в дальнейшем успешное функционирование национального государства. В случае русского национализма речь должна идти о русском национальном государстве.

Но, оглядываясь на российскую историю, мы понимаем, что речь о русском национальном государстве в ней практически никогда и не шла. Поэтому вопрос Д. Роули совершенно справедлив. Да, в риторике каких-то общественных деятелей, журналистов и писателей можно выделить отдельные протонационалистические моменты, но почему в России не возник русский национализм как организованное движение и целостная идеология? Факт совершенно удивительный в свете опыта европейских (и не только европейских) стран, которые обрели свой сегодняшний облик именно благодаря победам национальных движений.

Дэвид Роули подчеркивает, что отсутствие русского национализма было связано с имперским характером российского государства. Интересы русской нации и в сознании образованных

¹ См. об этом ниже полемическую реплику С. Сергеева. — *Ред.*

элит, и на практике подменялись интересами многонациональной империи, которая приписывала себе вселенскую миссию, ссылаясь сначала на религию, а затем на социалистическое учение. С этим сложно не согласиться, хотя тезисы статьи носят все же слишком общий характер и нуждаются в детализации (имеет смысл, например, брать Россию в сравнении с другими континентальными империями, такими как Австро-Венгрия и Османская империя).

Роули совершенно справедливо вспоминает о Борисе Ельцине, которого редко рассматривают в контексте русского национализма. Именно Ельцин впервые в российской истории актуализировал антиимперскую риторику и «разыграл русскую карту», потребовав провозглашения суверенитета России, угнетаемой бременем советской империи. Эта стратегия оказалась чрезвычайно политически успешной и привела Ельцина к власти. Советская империя действительно, как пишет Роули, распалась из центра: русские более не захотели нести на себе имперскую ношу. Другое дело, что обращение Ельцина к антиимперской стратегии было продиктовано сугубо конъюнктурными соображениями. Ельцина не интересовало русское национальное государство, хотя он и заимствовал свой категориальный аппарат у русского патриотического лагеря (В. Распутин, А. Солженицын), для которого суверенитет России был прежде всего суверенитетом русского народа.

Ельцин в своих интересах использовал один из элементов националистического дискурса, но русский национализм как целостное явление не сложился и в 90-е, после распада СССР. Из четырех альтернатив, обозначенных в конце статьи Д. Роули, Россия избрала первую и вновь пошла по имперскому пути.

Но существует вероятность, что ситуация все-таки начинает меняться. По мнению некоторых авторов, русский национализм в подлинном смысле

этого слова начал формироваться в середине 2000-х. На смену геополитическим мечтаниям и великодержавному патриотизму пришло понимание приоритета интересов русской нации и необходимости русского национального суверенитета. Когда Роули писал свою статью, этого еще не было. Возможно, что пройдет еще около десяти лет, и вопрос, предложенный в статье, придется переформулировать: почему, несмотря на то, что русского национализма так долго не было в российской истории, он все-таки смог появиться и стать реальной силой?

Александр ХРАМОВ

Применение термина «национализм» к России вплоть до настоящего времени некорректно и вводит в заблуждение. И царское правительство, и советские руководители ориентировались не на национальное государство, а на империю, их сознание было скорее имперским, чем национальным. Отсутствие русского национализма является ключевым для русской истории и позволяет объяснить неудачу, постигшую как царскую Россию, так и Советский Союз. Современные общества не могут успешно существовать, основываясь на имперском мышлении. Отсутствие русского национализма важно также и для теории национализма в целом. Россия обладала социальными, политическими и культурными характеристиками, которые обычно приводятся многими учеными в качестве «причин» национализма, но при этом Россия оказалась неспособной развить национальное движение. Это доказывает, что важнейшим для современного национализма является возникновение партикуляристской, секулярной идеологии, так как наиболее примечательным аспектом, отличавшим Россию от Европы, был присущий русской национальной идентичности универсалистский, религиозный и имперский характер.

Россия, что касается ее национального сознания, как и многих других аспектов ее цивилизации, — это особый случай. Было бы неверным и сбивающим с толку использовать термины «националист» и «национализм» в их общепринятом значении, применительно к отдельным личностям и движениям в российской истории вплоть до настоящего дня. Хотя то, что Россия была империей, а не национальным государством, является общим местом для историков, тем не менее никто не обсуждал, какое это значение имеет для оценки русского национального самосознания. Термин «русский национализм» неаккуратно использовался для обозначения стиля мышления, по существу являвшегося имперским, что делало неясными глубокие различия между европейским и русским национальным самосознанием. Это не просто чисто словесная неточность. То, что русские пользовались для выражения своего национального самосознания имперским дискурсом, а не дискурсом националистическим, имеет важные следствия как для российской истории, так и для теории национализма.

Во-первых, отсутствие русского национализма помогает понять ход истории России в XX столетии. Отсутствием русского национализма можно наиболее убедительно объяснить коллапс самодержавия, в то время как *наличие* русского национализма сыграло ключевую роль в коллапсе Советского Союза. Во-вторых, что самое важное для читателей этого журнала («Nations and Nationalism». — А.Х.), неудача национализма в процессе развития России проливает новый свет на наше понимание истоков и условий возникновения национальных движений. Русские — это европейский народ, большой и однородный, который населяет свои четкие очерченные земли более тысячелетия, который исповедует общую религию более 800 лет, который разговаривает на одном языке, который много раз воевал с зарубежными врагами и который

переживает экономическую и социальную модернизацию на протяжении последних трехсот лет. При этом никто из исследователей европейского национализма до сих пор не изумился тому, что народ с такими характеристиками не имел опыта национализма.

Российский опыт доказывает, что исторически сложившиеся в войне с другими территориальными государствами этнические ядра или современные социальные и экономические структуры сами по себе не достаточны для того, чтобы породить национальные движения. Я покажу, что русские не были способны развить национальное движение потому, что дискурсивный аппарат не включал концептов, которые являются неотъемлемыми для националистической мысли. До и после Второй мировой войны русские политические и интеллектуальные элиты выстраивали свое понимание мира согласно концептуальному аппарату, имевшему больше общего с универсалистскими, абсолютизированными категориями средневекового христианства, чем с партикуляристскими, релятивистскими и секулярными категориями современной Европы. Это доказывает, что основа национализма образуется не материальными особенностями социальных, политических или экономических структур или «аутентичной» этничностью, но современным европейским мышлением.

Отсутствие национализма в российской истории

Наиболее краткое и общепринятое определение национализма дано поздним Эрнстом Геллнером: «Национализм есть преимущественно политический принцип, который утверждает, что национальное и политическое единства должны совпадать. Национальное чувство — это ощущение гнева, вызванное нарушением этого принципа, или радость, вызванная его осуществлением. Националистическое движение стимулируется эмоциями такого рода» (Gellner 1983: 1)

Другими словами, национализм — это политическое требование создания национального государства. Хотя существует большое разнообразие теорий, объясняющих истоки националистических требований, в исследованиях национализма это базовое определение принято повсеместно. (см.: *Hobsbawm* 1990: 9; *Smith* 1971: 171; *Kohn* 1965: 9; *Hayes* 1950: 288; *Minogue* 1967: 25; *Hinsley* 1973, 11).

Согласно этому определению, существует три ситуации, способствующие возникновению националистических устремлений: 1) политические границы государства могут включать не всех членов нации (тогда границы должны быть изменены); 2) нация может управляться чужеродной ей группой (тогда она должна быть замещена представителями данной нации); или 3) политические границы государства могут включать членов другой нации (и тогда они должны быть изгнаны или ассимилированы).

Так, чтобы русский национализм имел место быть, один из этих принципов должен быть нарушен и русские должны пытаться исправить это нарушение. Первый случай, очевидно, не применим, Российская империя была государством, которое уже вмещало в себя всех этнических великороссов. Мы также можем отбросить и вторую возможность. Хотя некоторые русские шовинисты в начале XX столетия верили, что режим Николая II служит интересам Германии, но это существенно отличается от негодования одной этнической группы, управляемой другой. Кроме того, в реальности царское самодержавие представляло не тот или иной этнос, а только мощь государства как такового.

Зато третья ситуация имела место в России: русская нация была только одной (хотя и наибольшей) из многих наций, проживавших в российском государстве. Недовольство русских националистов этим могло бы выражаться в двух формах: или в требовании

прочертить границы вокруг территории, населенной русскими, отделив от себя все нерусские территории, или в попытке сделать из всех жителей российского государства членов русской нации. Первая альтернатива означала бы роспуск империи и создание русской России, русскими и для русских. Вторая означала бы полную инкультурацию в русскую этничность (русификацию) всех народов государства. Однако общепризнано, что ни одна из этих целей не преследовалась российскими политическими или интеллектуальными элитами вплоть до настоящего времени. Так как все они пытались сохранить российское государство в его имперской форме, русская политическая и интеллектуальная элита была не национальной, но *имперской*.

Это наиболее очевидно в случае царского самодержавия. Русские монархи делали, конечно, попытки использовать националистические темы для поддержания собственной легитимности. Однако никто из царей не демонстрировал заинтересованности в создании русского национального государства (которое, конечно, подразумевало бы народный суверенитет). Более того, русские монархи гордились многонациональным характером своей империи, в это же время они не провозглашали политики систематической и полной русификации всего населения государства.

В прошлом некоторые выдающиеся ученые доказывали, что Александр III и Николай II демонстрировали русификаторские намерения (*Raeff* 1971: 39; *Conolly* 1971: 152–153). Однако более поздние исследователи настаивают на том, что российская власть никогда не следовало политике последовательной русификации. Например, Хью Сетон-Уотсон (*Hugh Seton-Watson*) доказывал, что «русификация в буквальном смысле превращения нерусских в русских существовала преимущественно на Украине, чей особый национальный характер абсолютно отвергался петер-

бургскими чиновниками, и в Польше». Он добавляет, что «в прибалтийских провинциях целью русификации было внедрить российскую административную практику и сделать языком властей русский, там не было серьезных попыток принудить немцев отказаться от их языка и культуры». Схожая ситуация была и с русификацией в Финляндии, Поволжье и Средней Азии (*Seton-Watson* 1986: 21, 22). Рональд Грегор Суни (*Ronald Grigor Suny*) также согласен с тем, что «национальность не имела большого значения для российских строителей империи» (*Suny* 1993: 25).

Теодор Векс (*Theodore Weeks*) отвергает идею, что «российское государство руководствовалось последовательной национальной политикой, которая преследовала тотальное устранение культурных и языковых различий и превращение России в национальное государство по французской или германской модели». В самом деле, утверждает он, «национальная политика Российской империи была далека от современного национализма: она преимущественно преследовала цель сохранения огромной, крайне вненациональной империи; укрепление же русской культуры стояло для нее на втором месте». Векс заключает, что «Российская империя не была и не могла быть национальным государством. Любые попытки сделать из Российской империи русское национальное государство были обречены на поражение. Еще важнее, что правящий класс империи Романовых не воспринимал «свое» государство в таких терминах» (*Weeks* 1996: 3–4, 9, 12–13).

Ганс Ругер (*Hans Rogger*) также усматривал фундаментальное противоречие между русским национальным самосознанием и легитимацией имперского государства. «Российский опыт в этом смысле отчетливо контрастирует с тем, что было на Западе. Там переход от династического к национальному государству, распад прежней лояльности и приверженности сделал национализм

в XIX столетии важным фактором политической лояльности и социальной интеграции». Однако в России государство «наблюдало за каждым независимым проявлением национализма со страхом и подозрением». «Это было государство, которое существовало отдельно от общества, которое снова и снова обращалось к сфере собственных, ревниво оберегаемых прерогатив и тщательно сосредотачивало все инициативы в своих руках» (*Rogger* 1962: 225, 253, 254).

Позднее, в книге «Россия: народ и империя» Джеффри Хоскинг утверждал, что русские цари после Александра II фактически проводили политику русификации (*Hosking* 1997: 367–397). Тем не менее он подчеркивает, что целью этого «национального империализма» было не построение русской нации, а лишь удержание власти посредством сильной административной централизации и согласованности» (*Hosking* 1997: 397). Более того, основная цель работы Хоскинга состояла в том, чтобы показать, как «строительство империи препятствовало формированию нации» (*Hosking* 1997: xix).

Примечательно, что российское государство упорно дистанцировалось от тех личностей и кружков, которые педалировали русскую национальную или патриотическую тематику. На славянофилов, панславистов, почвенников и других царская власть смотрела с большим подозрением, именно потому, что они подразумевали, что целью самодержавия должно быть служение интересам России, а не наоборот. Российское самодержавие не могло принять идеологию, которая не ставила бы на первое место обслуживание интересов существующего строя.

Однако русские цари могли не беспокоиться об идеях славянофилов или панславистов. Никто из патриотического лагеря не высказывал предложений о том, что Российская империя должна стать национальным государством.

ством. Действительно, их философия подчеркивала глубоко православную природу русского народа и полностью согласовывалась с имперскими претензиями царского строя. Их понимание национальной идентичности точно определяло различие между российским империализмом и современным европейским национализмом, что будет обсуждено ниже.

Народники — революционная интеллигенция, были одними из тех, кого можно рассматривать в качестве «националистов». В своем желании свергнуть самодержавие и предоставить крестьянству право самоопределения, в поддержке польского национализма русские народники занимали позиции, соответствующие националистической установке. Однако, в силу отсутствия у народников интереса к будущности русского государства, они должны рассматриваться лишь в качестве «прото-националистов».

Не развился русский национализм и в начале XX столетия. Партии левого направления ставили интересы класса выше интересов нации, правые партии выше интересов нации ставили интерес империи. Русская монархическая партия, Русское собрание, Союз Русского народа — все они являли собой противоположность национализму. Они хотели сохранить не только самодержавие, но и великую Российскую империю: «Россия едина и неделима» (*Edelman 1980; Rawson 1995*). Даже русские либералы (от кого можно было бы ожидать поддержки принципов секулярного национализма и народного суверенитета) не смогли отказаться от идеи централизованной Российской империи.

К примеру, несмотря на то, что Петр Струве имел репутацию «либерального националиста», Ричард Пайпс продемонстрировал, что в действительности он был непреклонным империалистом (*Pipes 1980: 89, 169, 211, 209*). Аналогично, хотя Павел Милюков и был искренним оппонентом великорусского шови-

низма и поддерживал меры, которые бы предоставили некоторую автономию национальным меньшинствам, несмотря на это, Мелисса Стокдейл (*Melissa Stockdale*) показала, что, когда разразилась Первая мировая война, Милюков оказался в глубине души империалистом (*Stockdale 1996: 189, 210, 218, 220*).

Отсутствие национализма как причина коллапса

Коллапс Российской империи в войне и революции, обусловленный отсутствием национализма, связан с двумя обстоятельствами: политическим провалом сторонников старого режима и существованием фундаментальной социальной нестабильности (говоря другими словами, с отсутствием национального единства).

Начнем с общего места в историографии революции: развитие революционной ситуации летом 1917 г. было обязано непреклонной настойчивости Временного правительства в следовании империалистическим амбициям Российской империи в Первой мировой войне. Вильям Розенберг (*William Rosenberg*) утверждает, что Временное правительство, по-видимому, могло бы продержаться, если бы оно сосредоточилось на обороне России и не предприняло бы попытки июньского наступления. Он указывает, что для политики кадетов фундаментальное значение имела не русская нация, а имперское государство. Не было политической партии или даже отдельного политического деятеля, который бы призвал русский центр распустить империю и создать русскую власть для русских (*of, by, and for Russian*) (*Rosenberg 1973: 66*).

Такой же ситуация оставалась и во время Гражданской войны, в которой поражение белых армий, согласно Розенбергу, во многом было связано с их приверженностью нерушимости империи (*Rosenberg 1973: 471*; см. также: *Kenez 1971: 219, 220; Conolly 1971: 153; Mawdsley 1987: 281; Brovkin 1994: 410; Procyk 1995*). В противоположность

упорному империализму белых, Ленин расчетливо апеллировал к национальному самоопределению нерусских народов империи. Ричард Пайпс и Эван Маудсли (Evan Mawdsley) считают, что большевики были обязаны победой своей национальной политике (*Pipes* 1964: 49, 29; *Mawdsley* 1987: 282). Обращение Ленина к национальному самоопределению оказалось выигрышнее, чем требование белых восстановить империю.

Этот момент требует более пристального рассмотрения. Многие исследователи видят в апелляции Ленина к национальному самоопределению лицемерную стратегию в его борьбе с Российской империей (и подготовку создания Союза Советских Социалистических Республик) (*Pipes* 1964; *Connor* 1984). С другой стороны, в работах Ленина мы можем найти принципиальное оправдание национального самоопределения. Иван Дзюба, например, использовал многие из них, защищая украинский национализм (*Dzyuba* 1968). Более того, сама концепция Советского Союза как союза суверенных национальных республик была идеей Ленина (*Lewin* 1968). Впоследствии и подъем национализма в Советском Союзе был продуктом ленинской национальной политики, а сам Ленин, возможно, должен рассматриваться как главный в России «националист» на практике, если и не в своих намерениях (обсуждение того, как это произошло, см.: *Motyl* 1990, *Suny* 1993 and *Kaiser* 1994).

Кроме того, в отсутствии национализма можно увидеть важный симптом той социальной нестабильности, которая в первую очередь и обусловила падение царского самодержавия. В конце концов ученые сошлись в том, что коллапс царизма и победу большевизма можно суммировать в банальной фразе: России «не удалось модернизироваться» (*Russia* «failed to modernise»). В частности, это значит, что в России не удалось создать парламентскую

власть и демократическую традицию, которая могла бы прийти на смену обветшавшему самодержавию, обреченному на провал. Также это означает, что Россия оказалась неспособной ответить на вызов Первой мировой войны — растущая анархия стимулировала развитие наиболее радикальных политических партий. Кроме того, за политическими и военными неудачами российского самодержавия скрывалось в высшей степени расколотое и нестабильное общество, с трудом поддававшееся постепенным либеральным реформам. Общим для всех этих точек зрения, как и для трудов, в которых рассматриваются последние десятилетия царского правления, является признание того, что современное сплоченное гражданское общество в России построить не удалось (*Haimson* 1988; *Rosenberg* 1988; *Rieber* 1988). Это также следует и из рассмотрения провала «Великих реформ» (*Lincoln*, 1990), неустойчивости среднего класса (*Clowes et al.* 1991), дезинтеграции дворянства (*Manning* 1982) и фрагментации торгового и промышленного сообществ (*Rieber* 1982).

В то же время еще никто из исследователей не связал коллапс самодержавия с отсутствием наиболее заметной характеристики современных гражданских обществ европейского типа: национализма. Это удивительно, ведь существует и другая банальная фраза: «национальное государство — средство модернизации». В конце концов, ключевая функция национальной идентичности в современных европейских государствах была в создании чувства общности среди населения, которое было бы сильнее классовых интересов и придавало бы легитимность государству, репрезентирующему себя в качестве средства, служащего интересам нации. Утверждая, что русское общество было нестабильным и расколотым, мы тем самым указываем на то, что граждане российского государства не разделяли чувства принадлежности к русской

нации. Именно в этом смысле национализм мог бы преодолеть социальную разобщенность в России в начале XX столетия.

Это подразумевается, хотя и не проработано до конца, в недавних исследованиях. Хотя Леопольд Хаймсон (Leopold Haimson) в своем влиятельном исследовании российского общества не обратился напрямую к вопросу создания национального государства, он сослался на отсутствие нации (nationhood) как на ключевую причину коллапса России. Он утверждает, что «нация» была уже сформирована к началу столетия, но опыт 1905 и 1917 гг. показал, что «состояние, в котором находилось гражданское общество, не позволило ему... не только преодолеть различия между сельской и городской и торгово-промышленной Россией, и между высшими и низшими классами, но и даже вместить в себя те процессы экономических, социальных и психологических перемен, которые имели место в различных социальных группах».

Хаймсон указывает на то, что у солдат, выходцев из крестьян, отсутствовало национальное чувство (sense of nationhood), к которому Временное правительство «могло бы взывать в 1917 г.», и что крестьянство обращалось только к крестьянским депутатам в Учредительном Собрании, а не к «Учредительному Собранию как выразителю воли нации или даже населения, народа» (Haimson 1988: 2, 12, 16). Недавно Джеффри Хоскинг кратко суммировал процесс распада так: «Российская Империя в 1917 г. распалась по тем разломам, которые в ее ситуации были присущи империи с протяженными уязвимыми границами, растянувшись между Европой и Азией. На протяжении трех столетий ее структуры были структурами мультиэтнической государственности, а не развивающейся нации» (Hosking 1997: 478).

Эти «разломы» были именно теми разделениями, которые должны были быть преодолены в рамках националь-

ного единства, в основе которого и лежит национализм.

Имперский дискурс как препятствие для национализма

Чтобы ответить на вопрос, почему же в России не было национального движения, сначала надо ответить на вопрос о причинах национализма. Составив представление о причинах, вызывающих национализм, мы сможем через отсутствие той или иной из этих причин объяснить, почему же национализм так и не возник. Обратно, мы можем испытать теории национализма, приложив их к конкретному случаю. Если причина для возникновения национализма присутствует там, где он не возник, значит, она не может быть причиной. Что особенно поражает в случае России, так это то, что все причины, которые обычно приводятся, чтобы объяснить возникновение национализма к западу от России, также имеют место и в ней самой. Следовательно, тот факт, что в России никогда не было национализма, кидает тень сомнения на теории генезиса национализма, предлагавшиеся ранее.

Те, что могут быть названы «идеалистами», трактуют национализм как доктрину, которая была разработана великими мыслителями на протяжении позднего Просвещения и раннего Романтизма. Карлтон Хайес (Carlton Hayes, 1950), к примеру, признает, что современное индустриальное общество обеспечивает тот экономический и социальный контекст, в котором развивается национализм, но несмотря на это национализм является, в сущности, интеллектуальной доктриной, разрабатываемой образованной политической элитой. Эли Кедури (Elie Kedourie) рассматривает доктрину национализма как логическое следствие понятия Канта об автономности индивида (Kedourie 1993). Недавно Лия Гринфилд (Liab Greenfeld 1992) предложила интерпретировать национализм как следствие ressentiment элит и поиска социальной идентичности.

Тем не менее Россия обладала интеллектуальной элитой, которая была столь же пламенно патриотической и национально мыслящей, как и в Европе. Ганс Ругер (1960) продемонстрировал обостренную чувствительность образованных русских в национальных проблемах в XVIII веке. Николай Рязановский (*Nicholas Riasanovsky* 1965) прояснил связь между романтическим движением и национализмом в Европе и национальным чувством в России. Лия Гринфилд (1992), одна из недавних исследователей русского национального самосознания, несмотря на название своей книги, описала в ней то, что не является национализмом в полном смысле этого слова (согласно определению Геллнера), а лишь «соответствующим феноменом национальной идентичности (национальности) и сознания, а также общности, основанной на них, — нации» (1992: 3). Следовательно, она игнорирует ключевое политическое требование, составляющее сущность национализма.

Исторические социологи (*historical sociologists*) согласны с тем, что национализм — это порождение элит, однако они сосредотачиваются не на интеллектуальных, а на политических потребностях элиты. Они рассматривают поощрение национальной солидарности (*national loyalties*) среди людей, составляющих население территории страны, как средство создания политической лояльности по отношению к новому типу государства (*Tilly* 1975; *Hinsley* 1973: 33–34). Некоторые, как Чарльз Тили (*Charles Tilly*) и Джозеф Стрейер (*Joseph Strayer*), видят в развитии национализма неосознанную деятельность по приспособлению общества и государства друг к другу (*Tilly* 1975; *Strayer* 1971: 346–347). Другие, как Эрик Хобсбаум, полагают, что национальные традиции были изобретены политическими элитами, чтобы манипулировать общественными настроениями (*Hobsbawm and Ranger* 1983; *Hobsbawm* 1990).

Россия, однако, испытывала давление тех же обстоятельств, что и остальная Европа: борьба между суверенными территориальными государствами в международной политической системе, подъем новых социальных классов, осознаваемая потребность в выстраивании легитимности власти и поддержке лояльности населения. Русские цари, по крайней мере, со времени Николая I, прибегали к мотивам русского национального самосознания, чтобы оправдать собственную легитимность. Но, как я уже показал, конкретное и определенное политическое требование национализма поразительным образом отсутствовало.

Национализм можно также рассматривать в качестве порождения основных структурных элементов современного индустриального общества. «Структуралисты» не рассматривают современное национальное государство в качестве итога сознательной деятельности политической элиты, но видят в нем продукт деятельности базовых структурных сил, простыми симптомами которой являются и создание современного государства, и национализм. Карл Дойч (*Karl Deutsch* 1953), к примеру, видел в национализме феномен, который является продолжением объективных социальных процессов, в особенности развития того типа социальной коммуникации, который связан с современной индустриальной экономикой и свободным предпринимательством. Эрнст Геллнер (1983) утверждал, что национализм проистекает из непрерывного промышленного роста и изменений, происходящих в связи с ним, и укоренен в сложном и постоянно изменяющемся разделении труда. Бенедикт Андерсон (1983) подчеркивал роль печатного капитализма в создании «воображаемых сообществ».

Это объяснение национализма может показаться наиболее подходящим для объяснения того, почему в России национализм не развился: наверное, русский национализм не возник пото-

му, что Россия была «экономически отсталой». Однако к началу XX столетия Россия едва ли была менее «модерной», если судить по урбанизации, образованности и индустриализации, чем Англия в 1688 г., Италия в 1861 г. или Ирландия к концу XIX столетия. Еще более важно, что Россия была достаточно «модерной» для того, чтобы испытать революцию рабочего класса в 1917 г. Крах царизма в тот год надо приписывать не «провалу модернизации» («failure to modernise»), а неспособности ответить на вызовы модернизации — как раз эту функцию национализм и мог бы взять на себя.

Совсем другой подход предлагается той школой исследователей национализма, которая рассматривает национализм скорее как нечто «реальное», а не как что-то сконструированное. Эти ученые не отрицают ни того, что современность оказывает влияние на формы, которые принимает национальная идентичность, ни того, что правящие элиты могут ею манипулировать. Они утверждают, однако, что национализм не может быть произвольно изобретен, национализм успешен только тогда, когда он апеллирует к группе людей, имеющих общие мифы, легенды, символы, историю, родину и чувствующих принадлежность к некоей общности (Armstrong 1982; Smith 1986; Connor 1994). Другими словами, национализм влиятелен только тогда, когда есть аутентичная нация.

Как видно, этот подход серьезно противоречит российской ситуации. Реальное существование русского этноса — если и не нации — несомненно. Русские обладали общей культурой, мифами, символами, языком и чувством истории. Русские также населяли ясно очерченные исторические территории — центральный принцип национализма (Smith 1986: 163; 1991: 9). Тем не менее русский национализм не возник. «Реалисты», вероятно, правы в том, что национализм не может существовать без реальных наций, но пример России

доказывает, что «реальных наций» недостаточно. Очевидно, еще должны быть элиты, которые хотят апеллировать к национальным чувствам и управлять ими. В России, несомненно, была нация (или прото-нация), к которой политические элиты могли звать, но не было действительных или возможных лидеров, избравших этот путь.

Невозможность в рамках каждой из рассмотренных теорий национализма объяснить отсутствие национализма в России подводит нас к следующему ключевому утверждению: а именно, к неспособности русской интеллектуальной и политической элиты осмыслить и выдвинуть националистические требования. Это указывает на фундаментальное культурное и интеллектуальное ограничение, присущее образованным русским, размышлявшим о политике. Я утверждаю, что русский национализм отвергнулся традиционным политическим дискурсом, воспринимавшим мир в универсалистских, религиозных категориях. Партикуляризм и секуляризм национализма были недоступны для российской элиты.

Так как империя есть государство, управляющее множеством различных наций, Российская империя не могла следовать националистической программе (даже программе русского национализма), не подрывая собственных устоев. Государство, управляющее множеством народов, должно представлять себя в качестве носителя универсальных ценностей и законов, которые применимы к каждому человеческому существу. Другими словами, империя утверждает универсальность (universal humanity), которая стоит выше той или иной национальной или религиозной идентичности. В противоположность этому язык национального апеллирует не к универсальным человеческим ценностям, а к национальной принадлежности человека, которую он считает наиболее существенной частью человеческой природы. Даже когда империя идентифицирует себя с определенным

народом, характеристики этого народа не могут быть относительными и специфичными (*self-entered*), так как он должен изображаться в качестве носителя универсальной цивилизационной миссии.

В согласии с этими принципами русские цари заботливо развивали универсалистскую и религиозную легитимирующую идеологию, которая всецело соответствовала имперской природе их государства. Даже если они обращались к русской национальной тематике, они никогда не апеллировали к русскому национализму. Так, они никогда не позиционировали себя в качестве тех, кто руководствуется интересами русского народа. Лэйдиз Кристоф (*Ladis Kristof*), например, подчеркивает резкую дихотомию между (русским) народом и (российским) государством. Он говорит, что вхождение в Российскую империю и подчинение власти царя преследовало цель не русификации, но «россификации» — выработку непреклонной преданности и прямой привязанности по отношению к личности царя, волей Божьей самодержца и главы Церкви». Более того, «проводниками “россификации” были не столько собственно русские, сколько дух православной церкви». В самом деле, «православная идея, а не русский язык и цивилизация, была движущей силой царства. В первую очередь святость приписывалась России, а не самим русским». «На духовном уровне концепция российского государства апеллировала к божественной (*supernatural*) власти, к идеям всечеловечества (*panhuman*)» (*Kristof 1967: 244, 245, 246, 248–249*).

Николай Рязановский доказывает, что в эпоху Николая I идея «официальной народности» использовалась в основном как средство пропаганды мощи императора, а не в интересах народа. «Даже лаконичные, официальные выражения, в которых описывалась самодержавная власть, обычно включали в себя два пункта: абсолютный характер императорской власти и связь между

императором и Богом. Бог, в конечном счете, обеспечивает основания власти царя» (*Riasanovsky 1959: 124, 96–97*). Как полагает Ричард Вортман (*Richard Wortman*), российский самодержец видел в России носителя универсальной, а не партикулярной идеи. «Для Николая не было противоречия между частным и универсальным, он видел в российской монархии наследника универсальной имперской традиции, которую он защищал от Турции». Он использовал русское православие, чтобы сделать «из российского императора носителя имперского наследия христианского мира» (*Wortman 1995: 385*). Такая идеология логически исключала национализм.

Далее, так как русская просвещенная элита следовала за царской властью в отождествлении русских с идеей универсальной религии, она также никогда не была способна породить тот тип партикуляристской и секулярной националистической идеологии, который появился в Западной Европе. Действительно, было множество сходств между первым поколением славянофилов и пионерами романтического национализма в Западной Европе. Говоря словами Николая Рязановского, «национальный взгляд на Россию обычно основывался на романтических образцах, подчеркивал особые духовные качества народа, его провиденциальную миссию в истории, его особую сущность, проявляющуюся в языке и общественном укладе» (*1965: 3*). Эдвард Таден (*Edward Thaden*) также рассматривает славянофилов в общем контексте романтизма, националистического движения в Европе: «история развития романтического национализма в России почти на всем ее протяжении была преодолением космополитизма и рационализма Просвещения» (*1954: 503*). Однако никто из так называемых русских «националистов», от славянофилов до панславистов, от почвенников до черносотенцев, не предлагал создать русскую власть для русских (*of, by, and for Russian*). Они

продолжали верить в царя и в имперскую идею. Наиболее важно, что они продолжали идентифицировать «русскость» с ценностями православной церкви, а не с интересами народа, тем самым разделяя идеологию, неспособную послужить основой для современного национализма.

Действительно, для идеологов русской народности интересы и благо русской нации не были центральной проблемой. Русские были важны для них не сами по себе, но лишь в качестве носителей идеалов святости и имперской идеи. В обязанность русским вменялось заботиться — и даже жертвовать собой — ради других. Как писал Рязановский, «православие играло определяющую роль для славянофилов. Из православия славянофилы выводили русские традиции, в православии они видели связующий элемент российского государства и общества, основную идею русской культуры, смысл и миссию России». Более того, «славянофилы без колебаний верили в то, что их миссия, миссия России, имела универсальное значение и в перспективе состояла в том, чтобы спасти весь мир. Они отождествляли Россию и православие и постулировали, что историческое предназначение России состоит в том, чтобы построить новое общество, основанное на принципах веры. Значение их концепции было универсально, и славянофилы подчиняли национальные и все прочие интересы религиозным принципам» (*Riasanovsky* 1965: 173, 180–181).

На схожих позициях стояли и другие русские идеологии. К примеру, Михаил Чернявский (*Michael Cherniavsky*) цитирует утверждение Достоевского, что «ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено» (*Cherniavsky* 1958: 634). Рязановский также считает «концепцию Достоевского о русском мессианстве в сущности продолжением попытки славянофилов примирить универсальное и национальное посред-

ством обращения к особому духовному призванию русского народа, к русскому духу, к “русскому Христу”. Достоевский подчеркивал особость всечеловеческой природы русских, которая позволяет им понимать, помогать и в итоге возглавить все нации мира» (1965: 206–207).

В своем исследовании популярной литературы позднего имперского периода Джефффри Брукс (*Jeffrey Brooks*) обнаружил схожие имперские взгляды как среди образованной публики, так и среди полуграмотного российского населения.

«Русским простолюдинам навязывали понимание себя в качестве народа, призванного помогать небольшим и культурно отсталым национальностям, составляющим империю. Это обеспечивало чувство гордости и статус, психологически соответствующий другим изменениям, которые были частью огромной географической и экономической мобильности великороссов в конце XIX столетия. Это национальное чувство также призвано было поддерживать распадающееся самодержавие и мотивировать великороссов сражаться за империю во время хаоса революции и гражданской войны» (*Brooks* 1985: 245).

Так что национальная идентичность в глазах русской образованной элиты должна было способствовать не созданию национального государства, а сохранению империи.

Русский национализм в советский период

Трансформация Российской империи в Советский Союз не решила той социальной и политической дилеммы, которую породило отсутствие русского национализма. Действительно, советские лидеры не отказались от имперского дискурса, а просто переосмыслили старые универсалистские и религиозные категории Российской империи в терминах интернационального социализма. Параллели, которые могут

быть проведены между русским коммунизмом и русским национализмом (как неверно именуется многими российский империализм), доказывают, что руководство советского государства явилось продолжателем устаревшей политической традиции царского прошлого (*Barghoorn* 1956; *Ulam* 1981; *Besancon* 1986).

Далее, оправданием существования советского государства служило не благосостояние его граждан, но победа коммунизма. Советских граждан призывали жертвовать собой во имя идеалов более благородных, чем их собственный национальный интерес. Действительно, между «советским» и «русским» существовала такая же отчетливая напряженность, как и отмеченная Кристофом напряженность между «российским» и «русским». КПСС управлялась русскими, но не служила интересам русских. Александр Солженицын подчеркивал тот факт, что интересами русским во имя интересов империи жертвовали как при царе, так и при коммунистах (*Solzhenitsyn* 1995).

Дальше можно сказать, что Советский Союз распался в 1991 г. в силу той же самой причины, что и Российская империя в 1917 г., т.е. в советском обществе отсутствовало объединяющее чувство принадлежности к единой нации. Надо принять во внимание, что Советский Союз рухнул не потому, что «коммунизм потерпел поражение». Конец империи и конец экономической и политической системы — два различных феномена. Переход от тоталитаризма к более открытому и демократичному обществу мог бы произойти на всем советском пространстве в целом, и это во многом имело место до лета 1991 г.

Надо упомянуть о нескольких важных изменениях: в 1986–1987 гг. была снята цензура и освобождены политические заключенные, в 1989 г. «Архипелаг ГУЛАГ» был впервые опубликован в Советском Союзе, в 1989 г. Коммунистическая партия инициировала выбо-

ры с тайным голосованием и многочисленными кандидатами, были основаны первые независимые партии, в 1990 г. Коммунистическая партия отказалась от своей «ведущей роли» в управлении страной. К лету 1991 г., к моменту распада Советского Союза, его уже невозможно было воспринимать как тоталитарную систему. Моше Левин (*Moshe Lewin*) имел веские основания за год до этого утверждать, что Советский Союз стал современным «гражданским обществом» (1991: 159–160). Задолго до того как Советский Союз распался, его политическая система уже продвинулась на пути к открытой, плюралистической, парламентской демократии. Что рухнуло в 1991 г., так это превосходство советской идентичности над идентичностью национальной. Распад СССР на независимые республики был по существу проявлением национализма: империя распалась на нации-государства.

Но наиболее важно в этой ситуации — возникновение русского национализма, впервые за всю историю. В сепаратистских движениях национальной периферии Советской империи не было ничего нового. Советский Союз, возможно, мог бы пережить отделение Балтийских, Закавказских или Среднеазиатских республик. Что же не мог пережить Советский Союз — так это потерю русских республик. Это доказал Борис Ельцин, первый лидер России, который предпочел дискурс национализма имперским категориям. Начав свою избирательную кампанию в РСФСР весной 1990 г., Ельцин искусно «разыграл русскую карту».

Ельцин изображал Россию не как сердце великой империи, а как нацию, уменьшенную и приниженную враждебной ей империей. Например, он указывал на то, что Россия никогда не имела собственной коммунистической партии и не была представлена в ООН², он

² В отличие от РСФСР Белорусская ССР и Украинская ССР наряду с Советским Союзом были де-юре представлены в ООН в качестве

призывал к созданию Российской (в противоположность Советской) академии наук, новых Вооруженных сил и даже российского радио и телевидения. После своего избрания он был инициатором принятия декларации о суверенитете России и признания первенства российских законов перед советскими. И конечно же, Ельцин был ответственен за организацию встречи в Минске, на которой Белоруссия, Украина и Россия согласились распустить Советский Союз и заменить его Содружеством Независимых Государств. СНГ было создано избранными главами правительств суверенных «независимых государств». В своем требовании суверенитета России Ельцин, согласно общепринятому смыслу этого слова, был националистом. (Это было сформулировано уже неоднократно. Одним из первых это сделал Джон Данлоп (John Dunlop) в 1993 г., хотя он, сославшись на ельцинское «разыгрывание русской карты», все-таки и не назвал Ельцина националистом.)

В то время как Ельцин был первым российским политическим лидером, ставшим приверженцем русского национализма, Александр Солженицын был первым русским интеллектуалом, призывавшим к роспуску Советского Союза и к созданию русского национального государства для русских (*Russia of, by and for Russians*) (*Solzhenitsyn 1991; Rowley 1997*).

Заключение: национализм и политический дискурс

Несмотря на тот факт, что Ельцин требовал совпадения нации и государства для России, исследователи все еще неохотно связывают распад Советского Союза с «национализмом». Вместо этого общепринятой до сих пор считается та точка зрения, согласно которой стремление республик к независимости

было простым симптомом слабости центра. Мартин Малиа (Martin Malia), к примеру, доказывает, что национальности восстали против центра только после экономического спада, когда режим утратил волю к принуждению (*Malia 1994: 492–493*). Малиа утверждает, что, «несмотря на периодические национальные протесты в области культуры, многонациональная империя могла сохранять стабильность столь долго, сколько экономика в состоянии была поддерживать сильное централизованное государство» (*Malia 1994: 440*). Джоан Арнасон (Johann Arnason) также указывает на то, что «хотя главными бенефициариями от распада советской модели и стали национальные государства, это не должно заставить нас ошибочно принять их за главный исторический субъект трансформации». Реальной причиной распада, утверждает Арнасон, был упадок центра и ошибки Горбачева (*Arnason 1993: 212*). Брендан Кириан (Brendan Kiernan) признает, что в республиках существовали движения за независимость, которые действительно разрывали Союз на куски, но он списывает это на противоречия в электоральной политике Горбачева (*Kiernan 1993: 2*). Филипп Редер (Philip Roeder) утверждает, что положение в республиках было побочным продуктом политической борьбы в центре. «Реформаторы настойчиво требовали децентрализации и политических изменений, чтобы усилить свои позиции в республиках в их конфронтации с центром. Во многих республиках это означало создание президентских постов, обладатели которых могли использовать сильную исполнительную власть в конфронтации в рамках “железного треугольника”³» (*Roeder 1993: 240*). Лесли Холмс (Leslie Holmes) также утверж-

³ «The iron triangle» — американский политологический термин, обозначающий взаимодействие Конгресса, исполнительной власти и различных групп интересов в принятии решений.

ее полноценных членов. (Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчику.)

дает, что национальное освобождение (это относится и к нациям Восточной Европы, и к республикам бывшего Советского Союза) было в большей степени реакцией на политический и экономический упадок центра, чем подлинным стремлением к независимости (Holmes 1993: xi). По мнению Уолтера Лакера (Walter Laquer), республики усилились только благодаря слабости центра, национальный сепаратизм был бы невозможен при наличии гражданского общества (Laqueur 1994: 161).

Это понимание распространено не только среди тех ученых, которые делали упор на изучение коммунизма, а не национализма. К тем же выводам пришли и ученые, сосредоточившиеся на исследовании национализма. Александр Мотыль (Alexander Motyl) видит за национальным сепаратизмом волю политических элит, чье противостояние с центром стало побочным продуктом советской Конституции. Мотыль отрицает, что гражданское общество (на момент распада СССР. — А.Х.) существовало, и связывает крах коммунизма с его внутренними противоречиями. Мотыль трактует требования суверенитета как политическую стратегию республиканских лидеров, желавших усилить свое влияние, а не как выражение национальных устремлений их избирателей (Motyl 1990: 157). Он также поддерживает идею, согласно которой причиной краха системы была именно слабость центра, а не сила периферии (Ibid.: 188). Рональд Г. Суни согласен с Мотылем и усматривает за национальным сепаратизмом усилия республиканских элит, преследовавших собственные интересы. «В большинстве республик национализм был следствием отчаянных усилий местных властей укрепить позиции национальных элит» (Suny 1993: 156, 118). Суни характеризует эти элиты как «национальные мафии», сосредоточенные в коммунистических партиях и государственном аппарате, пронизывавшем общество, которые правили посредством коррупции и местничества.

Суни доказывает, что победа национального сепаратизма была результатом, а не причиной политического кризиса центра (Ibid.: 126). Бен Фокс (Ben Fowkes), пожалуй, единственный исследователь, утверждающий что «путч 19 августа 1991 г. был вызван не социальным и экономическим кризисом, сотрясавшим Советский Союз, а кризисом многонационального государства». Но даже он связывает распад СССР с проблемами центральной власти. Действительно, «значительнейшую роль в дезинтеграции Советского Союза сыграл сам Горбачев» (Fowkes 1997: 196).

Все перечисленные выше ученые видят проблему в отсутствии причин, которым обычно объясняется подъем национализма: здесь не приходится говорить о роли культурных, националистических элит, о наличии современного гражданского общества, о массовом росте «реальных» националистических движений. Вместо этого движения за независимость связаны с местной властью, которая усилила свое влияние за счет слабости центра. Единственное исключение представляет позиция Дональда Кайзера (Donald Kaiser), утверждающего что «советская федерация, рассматривая национальности в тесной связи с кровью и почвой и (что, возможно, еще более важно) сконструировав политико-географическую систему, в которой коренные народы могли культивировать свое «чувство исключительности», сама послужила катализатором национально-территориального развития. Далеко не являясь механизмом разрешения национального вопроса, советский федерализм стал тем инструментом, которым воспользовались этнические элиты в осуществлении своих национально-территориальных устремлений» (Kaiser 1994: 329).

Однако основная мысль этой статьи заключается в том, что общепринятые «причины» национализма в реальности представляют собой не что иное, как его предпосылки. Что действительно «по-

рождает» национализм, так это дискурс партикуляризма и секуляризма, дающий возможность легитимизировать действия тех, кто стремится к суверенному, территориально-очерченному государству в противоположность имперскому возрождению. Идея «нации» особенно соответствует потребности в этой легитимации, поскольку нации по определению являются секуляризованными, специфичными, особенными и «естественными».

Откуда же проистекают нации — не имеет значения. Истоки могут лежать в фундаментальном инстинкте человека создавать группы для защиты собственной территории. Чья-либо принадлежность к какой-либо культуре может быть стимулирована индустриальным обществом. Принадлежность к человеческому обществу, обладающему длительной историей, общим языком, культурой и отчизной, также может вызывать национальное чувство. Чтения газет или системы общего образования может быть достаточно для того, чтобы привить чувство общности — «воображенное» или «изобретенное». Но все это политически значимо только потому, что может быть актуализовано в целях модернизации. Другими словами, дискурс национального государства оказывает избирательное влияние на нацию. Если подходящих наций не существует «в действительности», государства находят необходимым изобретать их.

Борис Ельцин не был вынужден изобретать русскую нацию. Однако он был вынужден преодолеть глубоко укоренившуюся традицию имперского дискурса. Тем не менее мы не можем утверждать, что русский национализм в конечном итоге победил. Русский националистический дискурс так и не стал самоочевидным. Старые универсалистские и религиозные категории царской власти и славянофилов до сих пор не исчезли. Печально известные представители российского империализма Владимир Жириновский и Геннадий Зюганов наи-

более известны, но также существует обширная литература о русском национальном сознании, в которой подчеркивается универсалистская/религиозная миссия России по служению другим народам и защите их (*Кукушкин* 1993; *Троицкий* 1994, 1995; *Касьянова* 1994. См. также *Rowley* 1997).

Джеффри Хоскинг недавно разобрал на страницах этого журнала четыре выбора, перед лицом которых оказалась Российская Федерация: снова обратиться к традиционной имперской миссии; пойти по пути интеграции с другими восточными славянами; поддерживать (stand for) всех русскоговорящих; рассматривать в качестве русской нации всех граждан Российской Федерации (*Hosking* 1998: 456–457). Комбинация второго и четвертого пунктов, намеченных Хоскингом, наиболее сходна с европейским стилем нацистроительства. Именно эти цели наиболее ясно и последовательно были обозначены Александром Солженицыным, представителем идеологии русского национализма. В том случае если Россия не сможет сформировать союз с Украиной и Белоруссией, Солженицын предлагал, чтобы границы России были изменены таким образом, чтобы включить в них русскоязычное население (*Solzhenitsyn* 1991: 18–19; 1995: 94). Несмотря на признание Солженицыным культурной автономии для этнических меньшинств, его пламенные призывы к воссозданию русской нации (1995) — это разновидность той программы, которая лежала в основании нацистроительства в Восточной Европе в XIX столетии на базе гомогенной национальной культуры.

Сейчас Россия переживает один из важнейших этапов в своем развитии. Последует ли Российская Федерация идеологии российского империализма или идеологии русского национализма — будет иметь важные последствия для мира на севере Центральной Азии и для стабильности Российской Федерации. Однажды возникнув, партикулярный и секулярный националистический

дискурс доказал свою неизбежность для европейских наций к западу от России. Будет чрезвычайно интересно наблюдать, последует ли Россия европейской модели или продолжит идти своим особым путем.

Литература

Anderson, Benedict. 1983. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London: Verso.

Armstrong, John A. 1982. *Nations before Nationalism.* Chapel Hill, NC: North Carolina University Press.

Arnason, Johann P. 1993. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model.* London and New York: Routledge.

Bargboorn, Frederick C. 1956. *Soviet Russian Nationalism.* New York: Oxford University Press.

Besancon, Alain. 1986. 'Nationalism and Bolshevism in the USSR', in Robert Conquest, ed., *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future.* Stanford, CA: Hoover Institution Press.

Breuilly, John. 1975. *Nationalism and the State.* New York: St. Martin's Press.

Brooks, Jeffrey. 1985. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Brovkin, Vladimir N. 1994. *Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Cherniavsky, Michael. 1958. «Holy Russia»: a study in the history of an idea', *The American Historical Review* 63, 3: 617–637.

Clowes, Edith, et al. eds. 1991. *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Lute Imperial Russia.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Connor, Walker. 1978. 'A nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a...', *Ethnic and Racial Studies* 1: 377–400.

Connor, Walker. 1984. *The National Question in Marxist-Leninist Theory*

and Strategy. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Connor, Walker. 1994. *Ethno-nationalism: The Quest for Understanding.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Conolly, Violet. 1971. 'The "nationalities question" in the last phase of tsardom' Erwin Oberlander et al., eds., *Russia Enters the Twentieth Century.* New York: Schocken.

Deutsch, Karl W. 1953. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality.* New York: John Wiley and Sons.

Dunlop, John B. 1993. *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire.* New postscript, 1995. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Dzyuba, Ivan. 1968. *Internationalism or Russification: A Study in the Soviet Nationalities Problem.* London: Weidenfeld and Nicolson.

Edelman, Robert. 1980. *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907–1917.* New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Fowkes, Ben. 1991. *The Disintegration of the Soviet Union: A Study in the Rise and Triumph of Nationalism.* New York: St. Martin's Press.

Gellner, Ernest. 1983. *Nations und Nationalism.* Ithaca, N Y: Cornell University Press.

Greenfeld, Liab. 1992. *Nationalism: Five Roads to Modernity.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Haimson, Leopold H. 1988. 'The problem of social identities in early twentieth century Russia', *Slavic Review* 47, 1: 1–20.

Hayes, Carlton J.H. 1950. *The Historical Evolution of Modern Nationalism.* New York: Macmillan.

Hinsley, F.H. 1973. *Nationalism and the International System.* Dobbs Ferry, N Y: Oceana.

Hobsbawm, E.J. 1990. *Nations und Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality.* 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press.

Hobsbawm, Eric and Terrence Ranger,

- eds. 1983. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Holmes, Leslie. 1993. *The End of Communist Power: Anti-Corruption Campaigns and Legitimation Crisis*. New York: Cambridge University Press.
- Hosking, Geoffrey. 1997. *Russia: People and Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hosking, Geoffrey. 1998. 'Can Russia become a nation-state?' *Nations and Nationalism* 4, 4: 49–62.
- Kaiser, Robert J. 1994. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kedourie, Elie. 1993. *Nationalism*. 4th. expanded edn. Oxford: Blackwell.
- Kenez, Peter. 1971. *The Civil War in South Russia. 1918: The First Year of the Volunteer Army*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.
- Kiernan, Brendan. 1993. *The End of Soviet Politics: Elections, Legislatures and the Demise of the Communist Party*. Boulder, CO: Westview Press.
- Kohn, Hans. 1965. *Nationalism: Its Meaning and History*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kristof, Ladis K.D. 1967. 'The state-idea, the national idea and the image of the Fatherland', *Orbis* 1 I (Spring): 238–254.
- Laqueur, Walter. 1994. *The Dream that Failed: Rejections on the Soviet Union*. New York: Oxford University Press.
- Lewin, Moshe. 1968. *Lenin's Last Struggle*. New York: Pantheon.
- Lewin, Moshe. 1991. *The Gorbachev Phenomenon*. Expanded edn. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.
- Lincoln, W. Bruce. 1990. *The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia*. DeKalb, IL: University of Northern Illinois Press.
- Malia, Martin. 1994. *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. New York: The Free Press.
- Manning, Roberta Thompson. 1982. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Matlock, Jr., Jack F. 1995. *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union*. New York: Random House.
- Mawdsley, Evan. 1987. *The Russian Civil War*. Boston: Allen & Unwin.
- Minogue, K.R. 1967. *Nationalism*. New York: Basic Books.
- Motyl, Alexander J. 1990. *Sovietology, Rationality, Nationality: Coming to Grips with Nationalism in the USSR*. New York: Columbia University Press.
- Pipes, Richard. 1964. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Rev. edn. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Pipes, Richard. 1980. *Struve: Liberal on the Right. 1905–1944*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Procyk, Anna. 1995. *Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War*. Toronto: University of Toronto Press, 1995.
- Raeff, Marc. 1971. 'Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities', in Edward Allworth, ed., *Soviet Nationality Problems*. New York: Columbia University Press.
- Rawson, Don C. 1995. *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Riasanovsky, Nicholas. 1959. *Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press.
- Riasanovsky, Nicholas V. 1965. *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology*. Gloucester, MA: Peter Smith.
- Rieber, Alfred J. 1988. 'Landed property, state authority, and civil war', *Slavic Review* 47, 1: 29–38.
- Robinson, Neil. 1995. *Ideology and the Collapse of the Soviet System: A Critical History of Soviet Ideological Discourse*. Hants., UK: Edward Elgar.
- Roeder, Philip G. 1993. *Red Sunset:*

- The Failure of Soviet Politics. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rogger, Hans.* 1960. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rogger, Hans.* 1962. 'Nationalism and the state: a Russian dilemma', *Comparative Studies in Society and History* 4, 3: 253–264.
- Rosenberg, William G.* 1973. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rosenberg, William G.* 1988. 'Identities, power and social interactions in revolutionary Russia', *Slavic Review* 47, 1: 21–28.
- Rowley, David G.* 1997. 'Aleksandr Solzhenitsyn and Russian nationalism', *Journal of Contemporary History* 32, 3: 321–337.
- Seton-Watson, Hugh.* 1986. 'Russian nationalism in historical perspective,' in Robert Conquest, ed., *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future*. Stanford, CA: Hoover Institution Press.
- Smith, Anthony D.* 1971. *Theories of Nationalism*. New York: Harper and Row.
- Smith, Anthony D.* 1986. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell.
- Smith, Anthony D.* 1991. *National Identity*. Reno, NV: University of Nevada Press.
- Solzhenitsyn, Aleksandr.* 1991. *Rebuilding Russia: Rejections and Tentative Proposals*. New York: Farrar, Straus, and Giroux.
- Solzhenitsyn, Aleksandr.* 1995. *The 'Russian Question' at the End of the Twentieth Century*. New York: Farrar, Straus, and Giroux.
- Stockdale, Melissa Kirschke.* 1996. *Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Strayer, Joseph.* 1971. *Medieval Statecraft and the Perspectives of History*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Suny, Ronald Grigor.* 1993. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Thaden, Edward C.* 1954. 'The beginnings of romantic nationalism in Russia', *The American Slavic and East European Review* 13, 4: 500–521.
- Tilly, Charles.* 1975. 'Reflections on the history of European state-making', in Charles Tilly, ed., *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ulam, Adam.* 1981. 'Russian nationalism', in Seweryn Bialer, ed., *The Domestic Context of Soviet Foreign Policy*. Boulder, CO: Westview Press.
- Weeks, Theodore R.* 1996. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. DeKalb, IL: University of Northern Illinois Press.
- Wortman, Richard.* 1995. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Касьянова К.* 1994. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики.
- Кукушкин Ю.С., ред.* 1993. *Русский народ: историческая судьба в XX веке*. М.: АНКО.
- Троицкий Евгений.* 1994. О русской идее: очерки теории возрождения русской нации. М.: АКИРН.
- Троицкий Евгений, ред.* 1995. *Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения*. М.: АКИРН.
- Nations and Nationalism*, 6(1). 2000. P. 23–42.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

I. Миф о благодетельном ОПОЗДАНИИ

К ТЕМЕ НОМЕРА

Тема русских как молодого народа, с опозданием являющегося на арену мировой истории, но именно благодаря этому опозданию имеющему шанс совершить некий великий прорыв в будущее, на который уже неспособны народы, пришедшие раньше, — мудрые, но утерявшие свежесть и силу, — о, насколько эта тема избита в истории русской мысли!

Кажется, впервые она появляется в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, но подлинным мейнстримом становится в XIX — начале XX в.: Чаадаев (написавший не только нигилистическое первое «философическое письмо», но и мессианскую «Апологию сумасшедшего») и В. Одоевский, Гоголь и Герцен, Данилевский и Михайловский, Достоевский и Леонтьев... Да что там! Разве предсказание Ленина о неизбежности социалистической революции в России из-за неразвитости в ней капитализма («слабое звено в цепи империализма») не из той же оперы?

К сожалению, к счастью ли, но нельзя считать эту идеологему нашим ноу-хау, она неизбежный спутник всех наций, вынужденных «догонять» авангард Западной цивилизации — англосаксов и французов. Достаточно вспомнить, что удивительно схожие рассуждения — сквозной мотив германской саморефлексии, чтобы уже не вступать на зыбкую почву горячечных восточноевропейских (и тем более неевропейских) фантазий. «И последние станут первыми» — кого из аутсайдеров не греет это великое обетование,

эта гениальная в своей простоте психологическая компенсация за историческое непервородство?..

Данная идеологема (или даже *мифологема*) интересна для характеристики самосознания «опаздывающих наций», но имеет ли она значение для научного описания самого процесса их становления? Разумеется, нет. Грёзы Фихте и Достоевского мало что нам объяснят в политике Бисмарка и Столыпина. Все *положительные* предсказания русских мессианистов провалились, сбылись только их страшные сны. Так что же, миф о благодетельном опоздании приказал долго жить? Кто знает... Может быть, он будет просто реформатирован? Но не в исключительно футуристском, а в смешанном — футуристско-пассеистском — ключе.

Общеизвестно, что Россия опоздала с национальным государством, но значит ли это, что ей нужно с разбегу бросаться в неизведанный океан постнационального? Не довольно ли прыжков в неизвестность? Не лучше ли попробовать у себя что-то хорошо известное и успешно апробированное старшими по истории? Ибо ничего лучше, чем национальное государство, в мире пока не придумано, несмотря на все «постмодернистские» кунштюки. Не всякое движение вперёд есть прогресс. Шаг в невидимую пропасть, конечно же, прорыв — но в небытие... Тем более что вожди старой Европы, один за другим, сигнализируют *Urbi et Orbi* о провале мультикультуралистского эксперимента.

Меркель, Кэмерон, Саркози... Это уже даже не *тенденция*, а *позиция*. Новая (точнее, хорошо забытая старая) позиция Запада. Так что русские националисты с идеей русского национального государства — совсем не обречённые донкихоты Модерна, как это ещё вчера с торжествующим презрением возвещалось разномастными могильщиками наций и трубадурами химер существующего только в их головах «Постмодерна». Напротив, рус-

ские националисты сегодня в авангарде нового европейского мейнстрима. *И именно потому, что опоздали.*

Новый миф о благодетельном опоздании будет странным кентавром. С одной стороны, модернистским, ибо мы боремся за то, чего у русских ещё не было. С другой — консервативным, ибо мы отстаиваем священные камни Европы позапрошлого столетия. Революционеры для себя и «удерживающие» для всего мира — такой «цветущей сложности» русская мифология ещё не знала. Как пишет Михаил Ремизов, сейчас для нас национальная модернизация «оказывается уже не *догоняющей*, а *альтернативной* стратегией. Стратегией, в которой почвенники будут рады узнать оттиск “особого пути”. Фантасты — контуры “параллельной истории”. А стойки — просто шанс сохранить верность себе».

Думается, что только в таком обличье старый русский миф может обрести вторую молодость, и под его знаком в новой/старой социально-политической реальности вновь обретёт волю к жизни наш — на этот раз так вовремя опоздавший — народ.

II. По поводу статьи Д.Г. Роули

Публикуемая выше статья Д.Г. Роули очень интересна и в основных своих положениях верна. Но стремление автора безоговорочно следовать своей жёсткой концептуальной схеме и его отказ от использования первоисточников по истории русского национализма (т.е. текстов самих националистов), опора лишь на труды западных исследователей приводят его к весьма важным (хотя и частным в данном контексте) ошибкам.

Во-первых, Роули считает, что в Российской империи русского национализма не было не только как органи-

зованного политического движения, но и как политического дискурса, ибо в русской мысли национализм блокировался, забивался имперской идеей, якобы с подлинным национализмом несовместимым. Странно, что это пишет англосакс, будто бы забывший о двух великих национальных государствах, ставших одновременно и великими мировыми империями, — Англии и США. Или в политическом дискурсе этих стран национализм не соединялся с империализмом? Достаточно открыть «историческое евангелие английского империализма» — «Расширение Англии» Дж. Р. Сили, одной из главных идей которого является то, что Британская империя есть процесс «разлития» английской нации, чтобы убедиться в обратном. Дилемма «империя — нация», столь животрепещущая для современных русских (и, как явствует из статьи Роули, не только русских) националистов не была дилеммой и для русских националистов XIX–XX вв., им эти вещи казались вполне совместимыми, как и их западноевропейским коллегам.

Читаем у П.Б. Струве (кстати, поклонника и пропагандиста упомянутого выше Сили) в 1914 г.: «...ощущение России как национального государства есть правда национализма как чисто политического начала. Россия есть Империя с национальным ядром (русским), неоспоримо первенствующим. Россия не просто национальное государство вроде Франции или Германии, а именно национальная Империя». Со всем в другом ключе отстаивает нерасторжимость национального и имперского яростный оппонент Струве М.О. Меньшиков: «Если *царство* покоряло народности, скрепляло их и поглощало, то *империя* предполагает все эти функции в сугубом виде... Чтобы быть в наше время империей, вовсе не нужно... владеть многими народами и отказываться от национального эгоизма... Русская Империя есть живое *царствование русского племени*, постоянное

одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам».

Подавляющее большинство русских националистов двух прошлых столетий были сторонниками программы «национализирующейся империи». Нам сейчас понятно, что эта программа оказалась реалистичной, но двести и даже сто лет назад это не казалось столь очевидным. Начиная с декабристов, русской мысли присущ вполне классический националистический дискурс, окончательно оформившийся в 1860-х гг. у М.Н. Каткова и И.С. Аксакова, а в конце XIX — начале XX в. и само слово «национализм» вошло в общее употребление. И наличие в этом дискурсе имперского концепта нимало не меняет его характера.

Кроме того, Роули утверждает, что националистический дискурс может быть только секулярным, а посему религиозно-универсалистская риторика, свойственная русской мысли периода империи, также свидетельствует об отсутствии в ней нормального национализма. Ну, это просто какой-то коперникианский переворот в нациоведении! Надо ли полагать, что Редьярд Киплинг, объявлявший своим соотечественникам: «Воистину вы происходите из Его (Бога) Крови», не был английским националистом? Шарль Пеги и Леон Блуа, воспевавшие религиозную миссию Франции, стало быть, не причастны к французскому национализму никаким боком? А отец итальянской нации Джузеппе Мадзини с его политико-религиозным мессианизмом? На религиозном мессианизме замешана вся идеология польского («Польша — Христос человечества») и испанского («Испания — безумец во Христе») национального возрождения. Даже сегодня в речах президентов США мы слышим о «крестовых походах» и «Армагеддоне». И что, всё это вычеркнуть из истории национализма как «неправильное»?

Роули просто экстраполирует со-

временные нормативы в прошлое, и получается вопиющий анахронизм — лучшее доказательство того, что никакие самые интересные схемы не будут убедительными без кропотливой работы с конкретным историческим материалом.

III. ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЯХ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

В прошлом номере «ВН» (в связи с «делом Вдовина») я уже касался этой темы. Теперь хотелось бы на выстроенный концептуальный костяк нарастить немного фактического «мяса».

Конечно, можно начать с «греческой партии» в Русской Церкви, с которой соперничала «русская партия» (об этом, помнится, писал А.Г. Кузьмин). Действительно, греческое лобби там было очень сильным, и в X–XII вв. мы знаем только двух этнически русских Киевских митрополитов — Илариона и Климента Смолятича. Да и в Московской Руси это лобби продолжало существовать, по крайней мере, до Флорентийской унии. Но есть существенное отличие «греческой партии» от, например, «немецкой»: греки не были опорой русской власти, они проводили интересы другой власти — своей родной, византийской. Русские князья нередко были с греческими митрополитами в весьма напряжённых отношениях и, напротив, старались поддерживать «русскую партию»: Иларион был явным ставленником Ярослава Мудрого, Климент — Изяслава Мстиславича, который его назначил без санкции Константинополя. Можно также вспомнить сюжет о том, как Дмитрий Донской неудачно пытался сделать митрополитом своего человека Митяя (которого, видимо, греки отравили) и его конфликте с греком

Киприаном... То есть это совсем другая история, хотя и чрезвычайно интересная, заслуживающая специального исследования.

Начало данной темы (как и вообще истоки нашей «империи наоборот») надо искать всё-таки во второй половине XVII в.

Э. Геллнер в «Нациях и национализме» интересно рассуждает о стратегии «оскопления», «мамелюкства», проводимой авторитарной властью для того, чтобы ее непосредственная опора состояла из людей или групп, «которые оказались бы беспомощными без поддержки пользующегося их услугами государства». Одним из наиболее распространенных вариантов «оскопления» является использование в качестве управленцев этнических групп, чуждых «туземному» населению страны.

В Средние века такая практика для европейских монархов была обычным делом. Но с появлением национальных государств она сошла на нет (что не исключает ее реанимации в связи с кризисом nation-state). На Руси, напротив, с XI в. мы ее практически не наблюдаем. Попытка Василия II после возвращения из ордынского плена использовать в качестве «мамелюков» приехавших с ним татар закончилась для великого князя плачевно — потерей зрения и престола. Но всё меняется при Алексее Михайловиче.

Лучший исследователь русского старообрядчества С.А. Зеньковский пишет в своей работе «Раскол и судьба империи»: «В эти годы, 1653–1667, решается переход Руси от политики национальной культурной изоляции, от великорусского государства, к включению в сверхнациональное (над-великорусское) культурное развитие, к созданию сверхнациональной империи. Ради идеи империи правительство жертвует гордостью, традицией и культурным складом Москвы... Культурное руководство европеизирующейся Имперской России конца XVII

и начала XVIII века почти не имеет в своих рядах великороссов... С начала XVIII в. положение великороссов в церкви ухудшается. Церковная иерархия постепенно переходит в руки малороссов. Великороссы сами, видимо, неохотно идут в церковную администрацию, а государство их не пускает на руководящие роли в церкви, как идеологически ненадежный элемент. Позже, с 1710-х гг., великороссы оказались почти совсем оттеснены от руководства церковью киевскими монахами, захватившими епископские кафедры и Синод в свои руки. Уже в 1722 г. в Синоде 5 малороссов и 4 великоросса, в 1725 г. великороссов в Синоде еще меньше, их всего двое на пятерых киевлян. В 1751 г. Синод уже состоял из 9 епископов-малороссов и только одного великорусского протопопа». Любопытно, что именно малоросс Феофан Прокопович ввел в широкое употребление слово «россияне». Дело дошло до того, что Елизавета Петровна в 1754 г. была вынуждена издать специальный указ: «чтобы Синод представлял на должности архиереев и архимандритов не одних малороссиян, но и из природных великороссиян». Впрочем, когда великорусское духовенство было окончательно стреножено и приручено, Екатерина II успешно использовала его для разгрома слишком уж много возомнивших о себе малоросских иерархов, посмеявшихся сопротивляться секуляризации церковных земель.

Про немцев в Российской империи я уже подробно писал в «ВН» (№ 3), поэтому повторяться не буду.

Не нужно быть антисемитом, чтобы признавать особую роль евреев в становлении советской государственности. Ленин прямо говорил, что евреи спасли большевиков, ибо русская интеллигенция бойкотировала коммунистическую власть, а евреи охотно пошли к ней на службу, что давало отличные шансы для социального продвижения вверх. Они сделали

передовым отрядом социалистической модернизации. Израильский историк Жозеф Гартаковский пишет: «Бесспорно, что доля участия евреев в Руководстве СССР в период с 1917 по 1952 год была очень велика, значительно больше, чем была доля евреев в населении СССР. Более того, и в абсолютных цифрах количество евреев в составе Руководства СССР значительно превышало количество деятелей любой другой национальности, разумеется, кроме русских. Так, с 1917 по 1952 в состав Руководства СССР входили 68 евреев, тогда как за этот же период в состав Руководства СССР входили 49 украинцев, 34 армянина, 26 грузин, 23 латыша, 16 белорусов, 14 азербайджанцев, 13 поляков, 12 туркмен и т.д. При этом надо учесть, что большинство из деятелей — не евреев входили в состав руководства своих Союзных республик, тогда как у евреев на территории СССР никогда не было своего национального образования (не считать же таковым убудочную Еврейскую автономную область)». Симптоматично непропорционально высокий процент евреев наблюдается в советских карательных органах (до 1938 г.). По данным, размещённым на сайте общества «Мемориал», получается, что на 1 октября 1936 г. в верхушке НКВД русские составляли 30%, евреи — 39%.

С 1960-х гг. евреи в связи с антиизраильской политикой Москвы из самой просоветской этической группы превратились в самую антисоветскую. Но в 1990-х гг. они снова явились «проводниками модернизации», на сей раз капиталистической, поддержали реформы Ельцина и стали влиятельнейшей этнической группой в составе

новой правящей элиты. Журналист Л. Радзиховский в своей знаменитой статье «Еврейское счастье» (1996) писал: «...евреи сегодня в России после 20 лет непрерывной эмиграции молодых и самых энергичных из них оказались сильнее, чем 20 лет назад. Больше того, рискну предположить, что евреи имеют больший удельный вес в русской политике и бизнесе, чем в политике и бизнесе любой другой христианской страны. При этом чувствуют они себя в России куда менее комфортно, чем в других христианских странах».

В «нулевые» еврейское влияние несколько поубавилось, хотя и осталось весьма значительным.

Нынешние фавориты Кремля — чеченцы — не составляют значительного процента в центральной российской администрации. Но очевидно, что Чечня имеет в составе РФ особый правовой статус, по сути, выпадающий из общефедерального поля, при том, что чеченцы чувствуют себя на территории всей России как самый привилегированный этнос. Посадка Аракчеева, изъятие тома энциклопедии издательства «Терра», «дело Вдовина» — такое не позволяет ни одной этнической корпорации. За что чеченцам такие преференции? За то, что Кадыров *как бы* гарант спокойствия на Кавказе? За 110-процентную поддержку «ЕР» на выборах? А может, правы те эксперты, которые считают, что дело в личной лояльности Кадырову Верховной власти, которая (лояльность) может стать залогом того, что в случае возможных социальных потрясений Верховная власть получит поддержку субъекта федерации, обладающего боеспособными вооруженными формированиями?

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: В 2 т. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006. — 688 с.

Несмотря на то что в выходных данных издания стоит 2006 г., на самом деле книга появилась в продаже не более года назад. Фундаментальный труд С.А. Зеньковского о русском старообрядчестве (лучшее, что написано на данную тему) давно известен всем неравнодушным к русской истории читателям. Но новое его издание существенно отличается от предыдущих: в него включён и второй, незавершённый том исследования (впервые выходящий в России), рассказывающий об истории старообрядчества в XVIII–XIX вв., а также ряд статей по частным вопросам «расколоведения».

Для современного русского национализма с легкой руки В. и Т. Соловьёв уже аксиомой стало признание за старообрядчеством роли первого мас-

сового русского (прото) националистического движения. Аргументы для такой точки зрения щедро дают именно работы Зеньковского. Особенно в этом смысле нужно отметить небольшую, но чрезвычайно содержательную и глубокую статью «Раскол и судьбы Империи», где учёный, в частности, пишет:

«...решившись перейти на путь имперской политики, московские государственные люди отказываются от особенностей “Русской веры”, от государственной идеологии исключительной миссии Москвы, как хранительницы Православия и носителя идеала христианского царства, от великорусского национализма. <...> Ради идеи империи правительство жертвует гордостью, традицией и культурным складом Москвы...».

С этого все и началось: и «нерусская империя», и русский национализм...

С.С.

Малия Мартин. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / Перевод с англ. А. Павлова и Д. Узланера. Вступ. ст. и общ. ред. А. Павлова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. — 568 с.

К стыду и прискорбию нашему, лучшая (хотя и небесспорная) книга о Герцене написана в 1965 г. американским историком (правда, учеником русского гарвардского профессора М.М. Карповича) М. Малия. Интеллектуальное развитие основоположника «русского социализма» исследовано им с необыкновенной тщательностью. Спустя более чем сорок лет мы можем ознакомиться с русским переводом

этого сочинения. Читателям «ВН», без сомнения, будет интересна глава «Славянофилы и национализм», с основными выводами которой нельзя не согласиться.

1. Герцен — прямой наследник дворянского национализма начала XIX в.

2. Именно славянофилы усилили и оформили герценовский национализм.

3. «Русский социализм» Герцена есть «идеологическое заимствование у славянофилов», перевёрнутое «справа налево».

4. Герцен «после славянофилов <...> стал самым плодовитым и избретательным мессианским националистом из всех, кого породила Россия в первой половине XIX столетия».

К сожалению, М. Малиа не стал слишком подробно углубляться в специфику герценовского национализма. А это весьма интересная тема. Кроме «левизны» национализм этот отличается ещё тем, что из него практически полностью выпадает государственническая компонента и концепт/миф народной исторической памяти. Это ярко проявилось в поддержке Герценом польского мятежа 1863 г., вожди которого не скрывали, что их цель — «Польша от моря до моря». То есть вся проблематика многовековой русско-польской борьбы за западные

территории бывшей Киевской Руси, столь значимая и для декабристов, и для славянофилов, Герцену оказалась совершенно чуждой.

Герцен — промежуточная фигура в «русском освободительном движении», он — *ещё националист*, для которого существует целостность под названием русская нация, включающая в себя весь русский этнос. Его наследники — *уже народники*, для которых существуют только интересы низших слоев населения («народа»).

С.С.

До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. А.А. Шемякин. М.: Индрик, 2009. — 432 с.

Книга представляет собой своеобразную историю восточноевропейского национализма между двумя мировыми войнами, представленную в виде портретной галереи лидеров различных национальных государств и национальных движений. Список персоналий впечатляет: король Югославии Александр Карагеоргиевич, вождь Сербской народной радикальной партии Никола Пашич, хорватский «апостол» Степан Радич, царь

болгар Фердинанд Кобургский, борец за «Великую Грецию» Элефтериос Венизелос, румынский премьер Ионел Брэтиану, младотурок Энвер-паша, основатели «пястовской» и «ягеллонской» версий польского национализма Роман Дмовский и Юзеф Пилсудский, первый президент Чехословакии Томаш Масарик, венгерский консерватор адмирал Миклош Хорти и многие другие... Авторы очерков — историки из Института славяноведения РАН и других солидных научных учреждений. Интересное и поучительное чтение, как для специалистов по национализму, так и для «широкого читателя».

С.С.

АВТОРЫ НОМЕРА

Ивашкин Максим Леонидович

(р. 1983), историк, соискатель кафедры всеобщей истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Кильдюшов Олег Васильевич

(р.1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Сокрыт».

Крупкин Павел Ливерьевич

(р. 1959), политолог, кандидат физико-математических наук, руководитель Центра изучения Современности, автор книги «Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального обсуждения» (2010).

Неменский Олег Борисович

(р.1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI-XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX-XX вв.

Ремизов Михаил Витальевич

(р. 1978), политический публицист, политолог, кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии, автор книги «Опыт консервативной критики» (2002).

Святенков Павел Вячеславович

(р.1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич

(р.1954), политический публицист, кандидат филологических наук, ав-

тор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) и др.

Семанов Сергей Николаевич

(р.1934), историк, публицист, общественный деятель, кандидат исторических наук, автор книг «Макаров» (1972), «Сердце Родины» (1977), «Брусилов» (1980), «В мире “Тихого Дона”» (1987), «Кронштадтский мятеж» (2003), «Нестор Махно» (2005), «Иосиф Сталин для русских XXI века» (2009), «Русские для России» (2010) и др.

Сергеев Сергей Михайлович

(р.1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Серёгичев Сергей Юрьевич

(р. 1980), историк, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ, автор монографии «Судан: исламотрадиционализм и армия» (2006).

Соловей Валерий Дмитриевич

(р. 1960), историк, политический аналитик, доктор исторических наук, профессор, автор книг «Русская история: Новое прочтение» (2005), «Кровь и почва русской истории» (2008), «Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма» (2009; в соавторстве с Т.Д. Соловей).

Тор Владимир

(р. 1968), публицист, общественный деятель, исполнительный директор Фонда поддержки и развития гражданского общества «РОД».

Холмогоров Егор Станиславович

(р. 1975), историк, публицист, главный редактор интернет-сайтов «Русский обозреватель» и «Новые хроники», автор книг «Русский проект: Реставрация будущего» (2005), «Русский националист» (2006), «Защитит ли Россия Украину?» (2006).

Шлыков Павел Вячеславович

(р. 1984), историк, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ, председатель Совета молодых ученых ИСАА МГУ, член Международного комитета доосманских и османских исследований (*Comit International d' tudes Pr-Ottomanes et Ottomanes — CIPO*). Автор монографии «Вакфы в Турции: трансформация традиционного института» (2011), а также более 50 научных публикаций на русском и иностранных языках.

**× ΕΘΑΕΘΑ Α ΝΕΑΑΟΡ ΪΑΪ Ι Ϊ Ϊ ΑΒΑ:
Θαΐ à ίΐΐ άδà:
«Αΐ οδδαι ί ά çàδóάάæüά»**

- Что России делать с Кавказом?
- Этнические меньшинства в Европе и проблема политического сепаратизма
- Дискуссия о книге Т. Саррацина «Германия самоликвидируется»
- Евреи, Израиль и европейские правые
- Алжир и Франция: вместе и врозь
- Польский вопрос в Российской империи как катализатор русского национализма
- Русская этническая идентичность в условиях колонизации

SUMMARY

The fifth volume of «Issues of nationalism» begins with the discussion on the most important event in sphere of international relations of the last 2010 in Russia, protest actions of Russian youth on Manezhnaya Square in Moscow. What conclusions should be drawn from «Spartacus revolt» by ruling elite of Russian Federation and Russian nationalists? Is it an eve of new Russian revolution? Why football fans became a political vanguard of Russian society? Noted scientists, publicists, public figures try to answer these and other questions.

The general theme of the volume is so-called «late-coming nations, or nations that created their national states later than leading nations of the Moderne — in XXth-XXIth centuries. Political scientists Michael Remizov and Pavel Krupkin reflect on problems of modern Russian nation-building. Philosopher Oleg Kildjushov analyzes the ideologema of late-coming nation in German philosophical thought which made framework for creating the metaphor. Historian Oleg Nemensky describes process of formation of the

Ukrainian nationalist ideology. Historian Maxim Ivashkin investigates the Czech National Revival in Habsburg empire. Historian Pavel Shlykov writes about difficult transition of Turkey from empire to the national state. Historian Sergey Seryogichev turns to unsuccessful experience of Sudanese nation-building. Publicist Alexander Sevastyanov proves that a nation that has the information superiority wins competition of civilizations.

Publicist Ivan Rusakov describes Russian private property institution adventures in a new section «Economy». He considers these institutions fundamental for formation of Russian nation.

One can read the article of United States scientist David G. Rowley devoted to a problem of correlation of nationalist and empire discourses in Russian life in the section «Translations».

Historian Sergey Sergeev continues the author's section «Notes of the engaged historian».

The volume ends with reviews on new books.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 – 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 14.03.2011.

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37. Телефоны: 651-84-29
8-964-551-49-52 (К. Крылов) kkrylov@mail.ru
8-916-950-61-43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru
Отдел распространения: lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.